This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD LIBRARIES

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

STANFORD LIBRARIES

THE HOOVER LIBRARY

ON

WAR, REVOLUTION, AND PEACE

[redacted]

[redacted]

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

[redacted]

А. Н. Радищевъ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

A. N. Radishchev

А. Н. РАДИЩЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. В. Каллаша.

PRINTED IN RUSSIA

МОСКВА.—1907.
Изданіе В. М. Саблина.

Ry

THE NEW YORK LIBRARY

165584

МОСКВА.— 1907.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

THE NEWBERRY LIBRARY

Оглавленіе I-го тома.

Стр.

Предисловіе. 3
Введеніе. А. Н. Радищевъ (опытъ характеристики) . . 9
Сочиненія Радищева:

Отдѣлъ I.

Примѣчаніе къ переводу „Размышленій“ Мабли . . . 65
Письмо къ другу. 69
Дневникъ одной недѣли. 79
Житіе Ушакова. 89
Путешествіе изъ Петербурга въ Москву: 137
Посвященіе Кутузову 139
Выѣздъ 141
Софія (почтовый коммисаръ; русская пѣсня). 142
Тосна („хвастовство древней породы“). 145
Любани (тяжелое положеніе крестьянъ). 147
Чудово (жестокость и форматумъ чиновника) 151
Спасская полѣсть (награжденіе курьера за быстрый привозъ устрицъ; жестокія мѣры для „насыщенія казны“; сонъ: царь и Истина). 161
Подберезье (семинарское и высшее образованіе; метафизика, мистицизмъ и вольномысліе) 184
Новгородъ (тлѣнность человѣческихъ созданій; воспоминанія о Новгородѣ и гибели его свободы; злоупотребленія вексельнымъ правомъ). 192
Бронницы (Богъ и религія) 199
Зайцово (злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ; свадьба Дурындина) 202
Крестцы (родители и дѣти; идеальное воспитаніе). . . 221
Яжелбицы (наслѣдственныя болѣзни; проституція) . . 243
Валдаи (распутство валдайскихъ крестьянокъ; любовное приключеніе монаха) 245

Едрово (городскія и деревенскія женщины; идеальный типъ крестьянки) 249
Хотиловъ (проектъ освобожденія крестьянъ) 263
Вышній Волочокъ (Вышневолоцкій каналъ; злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ) 280
Выдропускъ („объ уничтоженіи придворн. чиновъ") . 284
Торжокъ (цензура) 290
Мѣдное (продажа крѣпостныхъ) 317
Тверь (русское стихотворство; ода „Вольность") 322
Городня (рекрутскій наборъ) 336
Завидово (почтовая ѣзда вельможи; блаженство вельможъ) 348
Клинъ (слѣпой пѣвецъ; истинная милостыня) 351
Пѣшки (ужасы крестьянской жизни и крѣпостничества). 356
Черная Грязь (насильственныя крестьянскія свадьбы). 359
Слово о Ломоносовѣ 360

Отдѣлъ II.

Стихотворенія:

Бова 383
Пѣснь историческая 406
Пѣсни древнія 433
Вольность, ода 446
Эпитафія 453
Отвѣтъ 454
Экспромтъ 454
Посланіе 455
Журавли 457
Осьмнадцатое столѣтіе 458
Сафическія строфы 461
Идиллія 461
Пѣсня 463
Ода къ другу моему 464
Молитва 465

Ангелъ тьмы 469

Примѣчанія къ первому тому 475

Предисловіе.

Послѣ выхода въ свѣтъ общедоступныхъ изданій „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ мы писали:

„Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ“... Такъ сказалъ Пушкинъ 80 лѣтъ тому назадъ, имѣя въ виду многочисленныя расходившіяся по рукамъ рукописныя копіи знаменитой книги.

Шли года, смѣнялись вѣянія, а надъ „врагомъ рабства“ все висѣлъ мертвящій, безсмысленный цензурный гнетъ.

Научныя изслѣдованія много разъ, давно уже перепечатывали всѣ наиболѣе сильныя мѣста „Путешествія“, большинство его идей, въ свое время запретныхъ, давно уже сдѣлалось фактомъ жизни, другія далеко отстали отъ ея ускореннаго темпа; немногія изъ нихъ, наименѣе рѣзко выраженныя, могли бы звучать призывомъ и для настоящаго времени,—но „черный медвѣдь цензуры“ по инерціи продолжалъ свои безпощадныя и безотчетныя преслѣдованія...

Въ 1872 году были уничтожены „Сочиненія А. Н. Радищева“ [1]) подъ редакціей г. Ефремова, въ 1903 г. изданіе „Путешествія“ г. Картавова. Только г. Суворину, „великому ловцу передъ Господомъ“ (и передъ „господами“), удалось въ 1888 г. напечатать запретную книгу въ коли-

---

[1]) Неполное собраніе съ цензурными выпусками.

графическое описаніе рѣд
книгъ".

Заграничныя изданія въ счет
сію они проникали случайно и
совершенно испорченный текстъ
сдѣлалось достояніемъ самыхъ ши
общества. Можно только пожал
поздно и такъ несвоевременно: въ
выхъ событій, при „страшномъ заре
междоусобія, не до оглядокъ въ п
ности за прошлое...

Но наша нравственная обя
вспомнить и напомнить, хотя бы д
минуту слишкомъ мало было данны

Среди великихъ именъ борцовъ-
освобожденіе имя Радищева должн
тлѣннымъ блескомъ.

Забвеніе или *полупамять* теперь,
снятія цензурнаго запрета, должны
нымъ и благоговѣйнымъ признаніем

Мы, конечно, дождемся перваго
наго собранія его сочиненій; наш
дни *настоящей* свободы создадутъ,
памятникъ—„мѣдную хвалу"

Въ „Путешествіи“ выразился не весь Радищевъ съ его гибкимъ литературнымъ талантомъ, мощнымъ умомъ и обостреннымъ нравственнымъ чувствомъ.

Кто хочетъ понять, оцѣнить—и полюбить его, долженъ обратиться и къ „Житію Ушакова“, и къ ряду другихъ произведеній, большой публикѣ совершенно неизвѣстныхъ.

Наше изданіе предназначается для широкихъ круговъ читателей. Въ ихъ интересахъ сдѣланы подстрочныя пояснительныя примѣчанія. Воспроизводить опечатки и *орѳографическія* особенности подлинниковъ мы не находимъ нужнымъ, потому что онѣ только затрудняютъ чтеніе. Кромѣ того, мы уже имѣемъ два точныхъ воспроизведенія „Путешествій“ („Общественной Пользы“ и Суворина). Исключеніе сдѣлано только для дневниковъ путешествія въ Сибирь и изъ Сибири, впервые появляющихся въ печати. Спеціальныя примѣчанія отнесены къ концу. Весь текстъ (кромѣ писемъ къ Воронцову и показаній на судѣ) тщательно свѣренъ съ подлинниками. Мы даемъ всѣ извѣстныя намъ оригинальныя сочиненія и письма Радищева.

Вл. Каллашъ.

Москва, 2 октября 1906 г.

[redacted]

Введеніе.

А. Н. Радищевъ.

(Опытъ характеристики).

„Рабства врагъ“.

(Род. 20 августа 1749, † 12 сентября 1802).

Вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ.
Пушкинъ (одинъ изъ варіантовъ къ „Памятнику“).

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ...
Пушкинъ, „Посланіе къ цензору“.

I.

Среди немногочисленныхъ вообще стихотвореній А. Н. Радищева, въ которыхъ недостатки формы и промахи поэтической техники почти всегда съ избыткомъ вознаграждаются оригинальностью идей и силою поэтическаго настроенія, есть одно особенно любопытное, посвященное „Осьмнадцатому столѣтію“ [1]).

Радищевъ былъ вѣрнымъ сыномъ и наиболѣе типическимъ представителемъ у насъ на Руси этого страннаго вѣка, „полнаго любви и юной самоувѣренности, искренней и гуманной, — вѣка, который много грѣшилъ, потому что

---

[1]) См. соч. А. Н. Радищева. Т. I. М., 1807, стр. 179—184.

онъ много любилъ", по счастливому выраженію Гизо, и который еще больше ошибался, не умѣя зачастую выбраться изъ неисходныхъ противорѣчій.

Въ его честь и воспѣлъ Радищевъ свой прочувствованный гимнъ, полный глубокаго смысла, восхищенія и— осужденія.

Море вѣчности... Какъ капли, льются часы,—собираются въ ручьи, которые растутъ и обращаются въ рѣки. Рѣки несутъ свои пѣнистыя волны къ морю вѣчности, безбрежному и безпредѣльному, въ которомъ безслѣдно исчезаютъ годы и вѣка.

Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣдъ.

„Знаменитое во-вѣки своею кровавой струею" течетъ въ него XVIII столѣтіе „съ звуками грома". Несшій надежды корабль, близкій уже къ пристани, вдругъ потерпѣлъ крушеніе и былъ поглощенъ водоворотомъ. Омутъ поглотилъ счастье, добродѣтель и свободу.

Зри, восплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.

Оно никогда не будетъ забыто, столѣтіе безумное и мудрое; вѣкъ его будутъ проклинать, вѣкъ ему будутъ удивляться; кровью была орошена его колыбель, громы сраженій были ему припѣвами въ дѣтствѣ—и во гробъ оно сходитъ, все омоченное въ крови.

О, незабвенно столѣтье! Радостнымъ смертнымъ даруешь
Истину, вольность и свѣтъ, ясно созвѣздье во-вѣкъ.

Оно зиждетъ—и разрушаетъ:

Мудрости смертныхъ столпы разрушивъ, ты ихъ паки создало;
Царства погибли тобой, какъ раздробленный корабль—
Царства ты зиждешь...

Оно было творцомъ мысли, а мысли—творенія Бога,

И не погибнутъ онѣ, хотя бы гибла земля,—

смѣло, счастливою рукою „возвѣяло завѣсу творенія“ и „глядѣло въ дальнемъ таилищѣ [1]) дѣлъ скрытую природу“. Узнаны теперь новые народы, земли, металлы; исчислены свѣтила, изучены кометы, разложенъ солнечный лучъ, открыты новыя солнца и луны. Дивныхъ успѣховъ достигла теперь наука въ это столѣтіе могучаго подъема разума:

Ты побудило упряму природу къ рожденью чадъ новыхъ;
Даже летучи пары ты заключило въ яремъ;
Молнью небесну сманило во узы желѣзны на землю
И на воздушныхъ крылахъ смертныхъ на небо взнесло:
Мужественно сокрушило желѣзны ты двери призра́ковъ,
Идоловъ свергло къ землѣ, что міръ на землѣ почиталъ;
Узы прервало, что духъ нашъ тягчили, да къ истинамъ новымъ
Молньей крылатой паритъ, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было, столѣтье! Духъ вѣковъ прежнихъ
Палъ передъ твоимъ алтаремъ ницъ и безмолвенъ, дивясь,
Но твоихъ силъ недостало къ изгнанію всѣхъ духовъ ада,
Брыжжущихъ пламенный ядъ чрезъ многотысячный вѣкъ—
Ихъ недостало на бѣшенство, ярость, желѣзной ногою
Что подавляютъ цвѣты счастья и мудрости въ насъ.

Жертвенники все еще обагряются кровью, человѣкъ все похожъ еще на лютаго тигра; бурно мечется еще по мирнымъ долинамъ и лугамъ пламенникъ браней, съ его мрачными спутниками—лютостью, буйствами, гладомъ и моромъ. Въ душу поэта невольно закрадывается страшный вопросъ:

Иль невозвратенъ на-вѣкъ миръ, дающій блаженство народамъ,
Или погрязнетъ еще-ахъ!—человѣчество глубже?

---

[1]) Неологизмъ—отъ „таить“.

Но изъ нѣдръ самого столѣтія исходитъ „гласъ утѣшенья“:

Срини отчаянье! смертный, надѣйся: Богъ живъ!...
Вѣчна едина премудрость. Побѣда ее увѣнчаетъ...
...Уже гонитъ свѣтъ дня нощи угрюмую тьму...

Боязнь за просвѣщеніе въ мрачную эпоху террора смѣняется такимъ образомъ у Радищева бодрою вѣрою въ близость „благого утра“. Какъ все это типично для XVIII в.!

Вѣкъ созиданія и разрушенія, торжества разума, ужасовъ террора и неистовствъ реакціи, высокаго расцвѣта науки и глубокихъ мистическихъ увлеченій, онъ дѣйствительно былъ „безумнымъ и мудрымъ“, достойнымъ проклятій и удивленія.

Madame de-Staël вдумчиво указала на его порогѣ причину, благодаря которой мы, далекіе потомки, должны быть скромнѣе и справедливѣе въ его оцѣнкѣ: „XVIII столѣтіе высказывало слишкомъ безусловно свои принципы; XIX, можетъ статься, будетъ черезчуръ подчиняться фактамъ. Первое вѣрило въ абсолютную природу отношеній; второе—будетъ вѣрить только въ обстоятельства. Первое хотѣло повелѣвать будущностью, второе—ограничивается изученіемъ человѣчества“.

Теперь, послѣ болѣе чѣмъ столѣтняго опыта, его легче судить, но многому у него можно и поучиться...

То, что на Западѣ было часто сложнымъ и парадоксальнымъ, еще болѣе осложнялось, запутывалось и дѣлалось противорѣчивымъ на нашей почвѣ, на которой своеобразно скрещивалось и переплеталось свое и чужое, старое и новое. Въ результатѣ получалась пестрая амальгама,

не разложенная еще и до сихъ, полная самыхъ разнообразныхъ красокъ.

Что такое нашъ XVIII в. и въ частности Екатерининская эпоха?

„Эта была пора высокихъ каблуковъ, расшитыхъ драгоцѣнными камнями и металлами камзоловъ, церемонныхъ менуэтовъ, пудреныхъ париковъ и аршинныхъ головныхъ уборовъ, жеманныхъ щеголихъ, философствующихъ петиметровъ, стотысячныхъ иллюминацій, колоссальныхъ фортунъ для случайныхъ людей, громогласной эпической „трубы", которой вторили гармоническіе звуки „нѣжныя лиры". Тогда много толковали о свободѣ—и закрѣпощали сотни тысячъ вольныхъ казаковъ и крестьянъ; тогда много спорили о правахъ человѣка—и продавали крѣпостныя семьи враздробь съ „приплодомъ"; тогда просвѣтительныя идеи широкимъ потокомъ пронеслись по русской землѣ, но мракъ тогдашней русской жизни не только не разсѣялся, но даже мѣстами сгустился" [1]).

Великій сатирикъ земли русской, Грибоѣдовъ, съ изумленіемъ останавливался передъ двойственностью людей этого вѣка, никакъ не могъ помирить у нихъ „извнѣ рыцарство въ нравахъ, въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства", понять „смѣсь пороковъ и любезности", объяснить себѣ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ драться какъ левъ съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкаться въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, а въ отставкѣ жить сплетнями.

---

[1]) См. наши „Очерки по исторіи школы и просвѣщенія". М., 1902, стр. 69.

„Никогда такъ не веселились на Руси, какъ въ эту эпоху. Блестящія побѣды, ослѣпительныя празднества, роскошь дворца, къ которому душой стремилось все дворянство, и какъ мотыльки около огня, обжигало себѣ крылья, разорялось отъ непосильныхъ тратъ, — захватывающій, жизнерадостный, „улыбательный“ тонъ жизни — и приступы безумной, страшной тоски. Подъ блестящей внѣшностью скрывались тяжелые, болѣзненные жизненные процессы, которые такъ или иначе давали себя знать. Пѣвца Фелицы, большого любителя „забавнаго русскаго слова“, „правды въ шуткахъ“ и „истины съ улыбкой“, отъ времени до времени охватываетъ болѣзненный ужасъ смерти, непонятной стихійной силы: при одной мысли о ней „цѣпенѣетъ кровь и духъ мятется“. Великолѣпный князь Тавриды, Потемкинъ, тоже своего рода „сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ“, постоянно переходитъ отъ удалого разгулья къ взрывамъ глубокой тоски, жестокаго сплина. На минуту даже отуманивается устойчивое „веселонравіе“ самой императрицы. Прислушайтесь, сколько затаенной душевной боли въ слѣдующихъ словахъ одного изъ типичныхъ сыновъ этого страннаго вѣка, Добрынина: „Бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь кажутся ему неограниченными временемъ; но въ самомъ дѣлѣ одна уже во мрачный ужасъ облеченная смерть достаточно его просвѣтитъ, что обитаемый нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго“. Маленькіе культурные успѣхи въ разныхъ областяхъ — одна капля сравнительно съ цѣлымъ моремъ зла, произвола, насилія и невѣжества, которыми была полна тогдашняя

общественная жизнь; свѣтъ истины и добра тогда еще еле-еле мерцалъ, да и позднѣе не такъ уже ярко разгорѣлся. Вотъ хоть бы знаменитый Шешковскій (послѣ всего краснорѣчія „просвѣтительныхъ" идей „Наказа"), который, по современному свидѣтельству, свои разговоры съ попадавшими въ его руки „знатными персонами" начиналъ съ того, что „хватитъ палкою подъ самый подбородокъ, такъ что зубы затрещатъ, а иногда и повыскакиваютъ" [1]).

Загляните въ душу наиболѣе чуткихъ и вдумчивыхъ людей XVIII в., и вамъ сдѣлается прямо страшно: отъ большинства изъ нихъ такъ и вѣетъ даже не отвращеніемъ къ жизни и человѣчеству, а какимъ-то потрясающимъ ужасомъ передъ ними, который приводитъ къ сумасшествію или самоубійству, — отъ котораго пробуютъ искать убѣжища въ глубинахъ мистицизма или дебряхъ метафизики.

Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ.

Въ 1793 г. рѣшилъ покончить съ собой богатый и образованный ярославскій помѣщикъ Опочининъ, которому пришлось невтерпежъ отъ тогдашней русской дѣйствительности. Вотъ наиболѣе характерные отрывки его завѣщанія, написаннаго въ послѣднія минуты: „Смерть есть не иное что, какъ прехожденіе изъ бытія въ совершенное уничтоженіе... Послѣ смерти нѣтъ ничего!... Я никакой причины не имѣлъ пресѣчь свое существованіе. Будущее, по моему положенію, представляло мнѣ своевольное и пріятное существованіе.

---

[1]) Тамъ же, стр. 69—70.

Но сіе будущее миновало бы скоропостижно. А напослѣдокъ самое *отвращеніе къ нашей русской жизни* есть то самое побужденіе, принудившее меня рѣшить самовольно мою судьбу"...

Сдѣлавши затѣмъ нѣсколько распоряженій относительно своихъ крестьянъ (однихъ отпустивши на волю, другимъ—подаривши весь хлѣбъ, находившійся въ амбарахъ), онъ переходитъ къ тому, что для него было дороже всего на свѣтѣ: „Книги!... Мои любезныя книги!... Не знаю, кому оставить ихъ. *Я увѣренъ, что въ здѣшней сторонѣ онѣ никому не надобны*... Прошу покорно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню... Онѣ были первое мое сокровище; онѣ только и питали меня въ моей жизни; онѣ были главнымъ пунктомъ моего удовольствія. Напослѣдокъ, еслибы не онѣ, моя жизнь была бы въ безпрерывномъ огорченіи, и я бы давно оставилъ съ презрѣніемъ сей свѣтъ"...

За послѣднее время много разъ пытались реабилитировать и идеализировать Екатерининскую эпоху, но всѣ подобныя попытки блекнутъ и блѣднѣютъ передъ этимъ отчаяннымъ воплемъ, вырвавшимся изъ глубины души бѣгущаго изъ жизни и отъ жизни одного изъ благороднѣйшихъ людей своей эпохи...

Но какъ никакъ, въ ней лежатъ корни лучшихъ стремленій XIX в., слабые, хилые, иногда совсѣмъ раздавленные—и все же не потерявшіе своей жизненной силы, всхожалости.

Во второй половинѣ XVIII в. въ нашей общественной жизни начинаетъ забирать все большую и большую силу новый элементъ—общественная иниціатива и самодѣятель-

ность [1]), общественное мнѣніе. Въ лицѣ своихъ депутатовъ общество было призвано верховною властью къ составленію проекта новаго уложенія; „Наказъ“ пропагандировалъ передовыя идеи европейской политической мысли, вліялъ на политическое воспитаніе общества; „прабабушка“ сатирическихъ журналовъ 60-хъ гг. XVIII в., „Всякая всячина“, руководимая, какъ всѣмъ было извѣстно, самой императрицей, узаконивала общественную сатиру, критику темныхъ сторонъ русской жизни. Интенсивное общеніе съ Западомъ, переживавшимъ тогда одинъ изъ величайшихъ подъемовъ мысли и творчества, вносило въ нашу среду небывалое количество новыхъ идей и настроеній.

Въ крѣпостнической обстановкѣ многое, конечно, звучало дико. Отъ перечитыванія „Духа законовъ“ и „Энциклопедіи“ часто переходили непосредственно къ собственноручной расправѣ надъ дворовыми и крестьянами; сочувствіе къ изображеннымъ съ такою трогательностью и силою Рейналемъ страдальцамъ обѣихъ Индій не исключало самыхъ грубыхъ злоупотребленій помѣщичьимъ правомъ. Проповѣдуя свободу слова, сама императрица очень опредѣленно намекнула Новикову еще въ 1769 г., что за свободоязычіе можно поплатиться и Сибирью. Общество было еще слишкомъ невѣжественно, чтобы наиболѣе чуткіе изъ литераторовъ не почувствовали всей безпочвенности и даже тщетности своей дѣятельности: сатира скользила по поверхности, не смѣла забираться слишкомъ вглубь и, ко-

---

[1]) См. „Введеніе въ русскую исторію“ П. Н. Милюкова, вып. III, лекціи 4—7.

нечно, почти ничѣмъ не отражалась на общественномъ воспитаніи. „Живописецъ“ Новикова заставляетъ съ горькою ироніей одного отставленнаго отъ службы взяточника такъ издѣваться надъ безсиліемъ современной сатирической журналистики: „Что ты изъ пустого въ порожнее переливаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную собачку моей жены, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ, и это называется — брехать на вѣтеръ. По-нашему, коли брехнуть, такъ уже и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хоть и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится. Такъ то и ты: пишешь все пустое. Кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казнь за преступленіе?“

Екатерина сама вызвала преувеличенныя ожиданія, которымъ не сумѣла и не захотѣла удовлетворить, увлекшись платоническимъ идейнымъ флиртомъ съ французскими философами и сдавшись передъ пассивною, но устойчивою и сильною оппозиціей русскаго дворянства, возведшаго ее на престолъ. Движеніе, вызванное главнымъ образомъ ею, пошло мимо нея и даже противъ нея...

Новиковскій кружокъ, „познавши истинное состояніе своего отечества“, понялъ, что его „соотчичамъ“ прежде всего и больше всего „недостаетъ просвѣщенія“, и взялся за широкую просвѣтительную дѣятельность, желая поднять русское общество до себя, подготовить почву для вліянія литературы и науки.

„Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVIII в. русская интеллигенція занималась критикой темныхъ сторонъ русской жизни.

Отчаявшись въ возможности этимъ путемъ подѣйствовать на правительство и реформировать нравы, образованные кружки перешли въ 80-хъ годахъ къ попыткамъ прямой общественной дѣятельности, къ непосредственной пропагандѣ своихъ общественныхъ идеаловъ и къ проведенію ихъ въ жизнь" [1]).

Это были первые, иногда робкіе и невѣрные шаги нашего идеализма—„на зарѣ русской общественности". За усвоеніемъ внѣшней культуры, камзоловъ, шпагъ и „перуковъ" слѣдуетъ увлеченіе „нѣжными и благородными" романическими чувствами, смѣняемое въ свою очередь все болѣе и болѣе увеличивающимся вліяніемъ европейской просвѣтительной литературы. На первый планъ выступаютъ жгучіе вопросы религіи, морали, философіи и политики, которые многихъ приводятъ къ внутреннему раздвоенію и даже душевному кризису и въ то же время мало-по-малу дѣлаются крупнѣйшимъ факторомъ общественнаго прогресса.

Традиціонныя формы жизни и вѣры начали быстро изнашиваться и терять свой прежній кредитъ. Среди общей тревоги и напряженія начали складываться новыя міровоззрѣнія.

Далекое обыкновенно на Западѣ отъ злобы дня и вообще отъ жизни созерцательно-мистическое масонство дѣлается у насъ движеніемъ активнымъ и преимущественно практическимъ. Новиковъ на дѣлѣ показалъ, что можетъ дать умѣлая общественная организація. Чѣмъ могла быть на дѣлѣ и къ чему могла привести убѣжден-

---

[1]) *П. Н. Милюковъ*, тамъ же стр. 53.

ная пропаганда новыхъ общественныхъ идеаловъ, пылкая и страстная, показала знаменитая книга Радищева...

Въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ отразилась вся личность автора, со всѣми ея сильными и слабыми сторонами. И писатель, и его книга—наиболѣе яркія и характерныя явленія нашего просвѣщенія XVIII в. Напомнить о нихъ читателямъ тѣмъ болѣе умѣстно теперь, въ разгаръ начатаго имъ своею книгою и трагическою судьбою освободительнаго движенія.

II.

Свѣдѣнія о раннихъ годахъ жизни А. Н. Радищева очень скудны.

Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода (въ отдаленныхъ степеняхъ татарскаго происхожденія), захудалаго и небогатаго.

Отецъ его для своего времени былъ образованный человѣкъ и отличался рѣдкою гуманностью въ отношеніяхъ къ крестьянамъ, за что и пользовался ихъ безграничною любовью. Во время Пугачевскаго бунта крестьяне не только не выдали его мятежникамъ, но и спасли его дѣтей.

Дома въ деревнѣ Александръ Николаевичъ обучался, какъ и всѣ дворянскія дѣти того времени, русской грамотѣ по псалтырю и часослову. Приставленный было къ нему учитель-французъ оказался бѣглымъ солдатомъ и скоро былъ удаленъ. На счастье мальчика удалось помѣстить въ Москвѣ къ вліятельному и просвѣщенному род-

ственнику Аргамакову, съ дѣтьми котораго онъ и воспитывался вмѣстѣ подъ руководствомъ француза-гувернера, на этотъ разъ человѣка образованнаго и вполнѣ порядочнаго, бывшаго совѣтника руанскаго парламента. По всей вѣроятности, еще отъ него Радищевъ могъ усвоить нѣкоторыя идеи французскаго просвѣщенія.

Благодаря связямъ Аргамакова Радищевъ и его соученики имѣли возможность пользоваться и уроками нѣкоторыхъ университетскихъ преподавателей.

Онъ же выхлопоталъ разрѣшеніе помѣстить мальчика въ пажескій корпусъ, гдѣ Радищевъ и пробылъ съ 1762 по 1765 гг.

Планъ ученія въ корпусѣ былъ выработанъ Миллеромъ и отличался очень своеобразными чертами [1]).

Для „воздержанія пажей отъ обыкновенныхъ ихъ рѣзвостей" въ нихъ нужно было „съ самаго начала вкоренять истинную любовь къ добродѣтели и омерзѣніе къ порокамъ" „нравоучительными разсужденіями", „чего ради для морали особливо опредѣляются нѣсколько часовъ". „Правила жизни подавать имъ можно въ примѣрахъ изъ Соломона или Сираха. За столомъ не безполезно читать каждый день изъ какой-нибудь нравоучительной книги, дабы черезъ то подать поводъ къ полезнымъ разговорамъ".

Какъ всѣ наши старинныя учебныя заведенія, пажескій корпусъ того времени отличался удивительною многопредметностью и сумбурною энциклопедичностью программъ. Тутъ и математика, геодезія, фортификація, артиллерія, механика и мораль, *естественное* и народное право (увле-

---

[1]) *Сухомлиновъ*: „Изслѣдованія и статьи", т. I, стр. 543—544.

ченіе идеями перваго впослѣдствіи Екатерина поставила въ большую вину Радищеву), и генеологія, геральдика, церемоніалы, *сочиненіе короткихъ и по вкусу придворному учрежденныхъ комплиментовъ.*

Желая обучать всему, на самомъ дѣлѣ учили очень немногому, и пажи, повидимому, выносили изъ курса очень мало свѣдѣній. Зато они получали свѣтскій лоскъ и очень близко изучили придворный бытъ, прислуживая, по тогдашнему обычаю, за царскимъ столомъ. Можетъ быть, уже здѣсь тонкій и наблюдательный Радищевъ подмѣтилъ много такого, что потомъ дало ему яркія краски для характеристики придворныхъ отношеній.

До сихъ поръ жизнь Радищева шла по проторенным и даже шаблоннымъ путямъ. Поворотнымъ моментомъ въ ней нужно считать его отправленіе, вмѣстѣ съ 11 товарищами, въ Лейпцигскій университетъ.

Екатеринѣ очень понравились свѣтскость и образованность молодого графа Орлова, обучавшагося за границей въ Лейпцигскомъ университетѣ. Она задумала отправить туда нѣсколькихъ молодыхъ людей и подготовить изъ нихъ образованныхъ юристовъ.

Наша молодежь (самому старшему былъ 21 годъ, младшему—12 лѣтъ) попала въ новыя условія, которыя всячески будили мысль и нравственное чувство.

Наблюденіе надъ ними поручили грубому, нелѣпому и крайне безчестному „гофмейстеру" Бокуму, лучше котораго, повидимому, не нашли въ пажескомъ корпусѣ. Онъ обкрадывалъ своихъ питомцевъ, морилъ ихъ голодомъ, обращался съ ними крайне презрительно и жестоко, а младшихъ даже подвергалъ позорнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Столкновенія и пререканія съ нимъ были первою жизненною школою для Радищева и его товарищей.

„Они впервые научились сознавать чувство личнаго достоинства и отстаивать его отъ чрезмѣрно грубыхъ посягательствъ, впервые прониклись сознательной враждой къ произволу, съ горькими плодами котораго имъ пришлось свести такое близкое знакомство“ [1]). Ихъ жалобы не доходили по назначенію или не вызывали должнаго вниманія; Бокуму изъ Петербурга читали нотаціи, и догадались прогнать его очень поздно, когда онъ успѣлъ обмѣняться пощечинами съ однимъ изъ воспитанниковъ, сдѣлался ихъ общимъ посмѣшищемъ и до крайности запуталъ ввѣренныя ему денежныя дѣла русской молодой колоніи.

Надзора за молодежью, собственно, не было никакого, и большая часть ея увлеклась слишкомъ сильно соблазнами большого города, что гибельно отразилось на здоровьи Радищева и въ особенности Ѳ. Ушакова.

Но была и положительная сторона въ ихъ заграничной жизни.

Передъ ними открылся свѣтлый и обаятельный міръ новыхъ идей, и для большинства, въ особенности для Радищева, навсегда уже „сладость возвышенныхъ мыслей“ сдѣлалась основною потребностью души, прибѣжищемъ въ дни скорбей и гоненій, лучшимъ украшеніемъ жизни.

Геллертъ увлекаетъ ихъ высокимъ и искреннимъ моральнымъ духомъ своихъ лекцій по словесности; Платнеръ вводитъ въ кругъ идей назрѣвавшаго нѣмецкаго философскаго идеализма.

---

[1]) *В. А. Мякотинъ:* „Изъ исторіи русскаго общества.“ Спб., 1902, стр. 193—194.

Они „учатся мыслить по Гельвецію“, съ восторгомъ штудируютъ Мабли, Рейналя, Руссо, Гольбаха, но эти увлеченія не были слѣпыми и безотчетными: ихъ умѣряетъ изученіе Вольтера и Монтескье, въ особенности же Лейбница и другихъ нѣмецкихъ философовъ. Внимательное изученіе цѣлаго ряда очень разнообразныхъ философскихъ системъ наводитъ на самостоятельныя мысли; ничто не принимается на вѣру, растетъ и крѣпнетъ свое міровоззрѣніе—залогъ лучшаго будущаго для потомковъ и рокового настоящаго для этой передовой молодежи...

Профессора не могли нахвалиться своими способными и внимательными слушателями; за нѣсколько лѣтъ ихъ умственныя дарованія блистательно развернулись. Но тутъ подготовлялся и тяжелый конфликтъ съ дѣйствительностью: идеалистическія настроенія, вынесенныя изъ „прекраснаго далека“, плохо вязались съ тою общественною средою, изъ которой наши студенты ушли неопытными и наивными юнцами и въ которую они вернулись сознательными и возмужавшими умственно и нравственно людьми.

Шесть лѣтъ лейпцигской университетской школы (1766—1772) наложили свою неизгладимую печать на Радищева: вліяніе нѣмецкой философіи охраняетъ его отъ односторонности французскаго матеріализма, крайностей вольтерьянства, сенсуализма и руссоизма; интересы философскіе мирно уживаются у него съ очень опредѣленными стремленіями соціально-политическими, сложившимися на необыкновенно нервной, впечатлительной и отзывчивой почвѣ.

Въ то время, какъ другіе повторяли у насъ поверхностно усвоенныя съ чужого голоса дешевыя фразы хо-

дячаго свободомыслія (вспомнимъ оберъ-прокурора Синода наставлявшаго въ безбожіи юнаго Фонвизина), Радищевъ соединяетъ въ себѣ удивительную глубину, зрѣлость и искренность мысли, широту умственнаго горизонта и чистоту нравственнаго сознанія. Онъ принесетъ ихъ съ собою и на службу.

Уже вернувшись на родину, онъ сближается съ гр. А. Р. Воронцовымъ при слѣдующихъ условіяхъ.

Радищевъ поступилъ къ нему на службу въ коммерцъ-коллегію въ 1777 г. [1]) Вотъ что ихъ сблизило [2]).

„Въ коммерцъ-коллегіи разсматривалось дѣло о пеньковыхъ браковщикахъ, несправедливо обвинявшихся въ упущеніи по должности. Президентъ (гр. Воронцовъ), вице-президентъ (Беклемишевъ) и всѣ члены признали обвиненіе справедливымъ. Только младшій членъ коллегіи, Радищевъ, не присоединился къ общему приговору. Онъ подалъ особое мнѣніе, совершенно несогласное съ вполнѣ опредѣленнымъ рѣшеніемъ президента. Беклемишевъ долго уговаривалъ Радищева отказаться отъ своего мнѣнія, не перечить президенту, указывая на то, какъ дерзко со стороны молодого человѣка, не имѣющаго никакихъ связей, возставать противъ мнѣнія могущественнаго начальника.

---

[1]) Сначала, по пріѣздѣ, онъ былъ протоколистомъ въ Сенатѣ, потомъ служилъ въ штабѣ Брюса и въ 1775 году вышелъ въ отставку. Послѣ 10-лѣтней службы въ коммерцъ-коллегіи, въ 1787 г. онъ перешелъ въ петербургскую таможню, гдѣ очень быстро дослужился до должности управляющаго. Его служебная дѣятельность была прервана въ 1790 г. судомъ и ссылкой.

[2]) *В. Е. Якушкинъ*, „Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ, *Русская Старина*, 1882, сентябрь, стр. 514—515.

...ень разсердился, полагая, что и общимъ мнѣніемъ вызвано каким... ...имъ видомъ, но все-таки прочелъ ніе, а потомъ захотѣлъ лично выс... ассесора. Послѣ разговора съ Радищ... мѣнилъ свой взглядъ, и браковщик...

Если и теперь „маленькому ч... мудрено „прати противъ начальствени... при общемъ безправіи, всевластія общества, это было еще мудренѣе. (ваетъ исключительную для своего в... стойкость Радищева. На счастье, он... нимъ изъ лучшихъ людей своего вре... не только сблизилъ, но и подруж... ронцова облегчила потомъ ссылку Р... него единственной поддержкой въ са... его жизни.

Къ этому приблизительно времени литературной дѣятельности Радищева

III.

Какъ это ни странно можетъ п... взгляда, литературная ...

непосредственнымъ руководствомъ императрицы и съ первыхъ же шаговъ получила вполнѣ опредѣленный и послѣдовательный характеръ, приведшій къ катастрофѣ 1790 г.

Екатерина учредила въ началѣ 70-хъ годовъ на свои личныя средства общество для перевода замѣчательнѣйшихъ произведеній европейской литературы на русскій языкъ.

Въ 1773 году къ участію въ его занятіяхъ былъ привлеченъ и Радищевъ, которому достался на долю переводъ извѣстной книги Мабли: „Observations sur l'histoire de la Grèce ou des causes de la prospérite et des malheurs de Grèce" („Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ", соч. г. аббата де-Мабли. Спб., 1773). Въ одобренномъ государыней переводѣ Радищевъ переводитъ [1]) „despotisme"—„самодержавство" и дѣлаетъ такое любопытное примѣчаніе по поводу этого перевода: „самодержавство есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ опричь права собственныя сохранности [2]). Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуетъ неотмѣнно, но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу, о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности.

---

[1]) См. *Сухомлиновъ*, тамъ же, стр. 565—6; *Мякотинъ*, стр. 198—9.
[2]) Самосохраненія.

Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и болѣе надъ нимъ право, какое даетъ ему законъ надъ преступниками [1]). Государь есть первый гражданинъ народнаго общества".

Въ этой тирадѣ—зародышъ ученія Радищева о монархической власти и ея правовомъ положеніи, навѣяннаго книгами энциклопедистовъ и подробнѣе развитаго въ „Путешествіи". Какъ извѣстно, оно болѣе всего задѣло Екатерину, хотя къ нему легко можно было бы подобрать любопытныя параллели изъ „Наказа"...

Но 1773 годъ не 1790: оба эти момента рѣзко раздѣляютъ первые раскаты великой французской революціи и нараставшая волна реакціи...

Дѣло такимъ образомъ сводится не къ существу мнѣній, а къ колебаніямъ личнаго настроенія государыни и даже полному повороту фронта.

Любопытно, что Радищевъ никогда не былъ принципіальнымъ противникомъ монархической власти и возставалъ не противъ нея, а противъ злоупотребленій ею. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ говоритъ о возможности широкой и благотворной просвѣтительной дѣятельности для верховной власти, съ глубочайшимъ уваженіемъ упоминаетъ о Титахъ и Маркахъ Авреліяхъ, съ очевидною симпатіей относится къ нѣкоторымъ начинаніямъ Екатерины, даже, повидимому, нѣсколько идеализируетъ ее. Онъ отдѣляетъ ее отъ окружающихъ, приписываетъ промахи ослѣпленію и вѣритъ въ возможность прозрѣнія. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что въ знаменитомъ снѣ

[1]) Срв. оправданіе казни Карла I въ „Путешествіи" и восхищеніе Кромвелемъ.

объ ослѣпленномъ и потомъ прозрѣвшемъ, благодаря истинѣ, государѣ и несчастной странѣ имѣются въ виду Россія и Екатерина.

Сила идеалистическихъ увлеченій и благороднаго оптимизма, вѣра въ разумъ и всепобѣждающее вліяніе продуманнаго и прочувствованнаго слова, неумѣніе и нежеланіе приспособляться, страстная сосредоточенность натуры, самоуглубленность и, такъ сказать, центростремительность ума [1]) (не исключавшая, однако, самой широкой наблюдательности), все это приводитъ къ тому, что Радищевъ пишетъ одно боевое произведеніе за другимъ, пока не срывается совершенно неожиданно на „Путешествіи". Ведя одинокую и уединенную жизнь въ семейномъ кругу, дѣля время между нѣжно любимой семьей, службой и литературными занятіями, онъ не замѣтилъ сигнала къ отбою въ правительственныхъ сферахъ. Конечно, замѣтивъ его, онъ ему бы не подчинился, но, несомнѣнно, и не напечаталъ бы своего „Путешествія".

Въ 1789 г. онъ издалъ, анонимно, „Житіе Ѳ. В. Ушакова".

Ушаковъ—товарищъ Радищева по Лейпцигу, личность крупная и талантливая, преждевременно подорвавшая свои силы нерегулярностью жизни и чрезмѣрнымъ умственнымъ напряженіемъ.

Характерна самая идея напечатать воспоминанія о своемъ неизвѣстномъ для публики умершемъ пріятелѣ и себѣ са-

---

[1]) Срв. отзывъ близко знавшаго его Гельбига („Библ. Зап.", 1858, 729 и „Рус. Старина" 1887, окт., 25—28): „былъ онъ всегда погруженъ въ себя и имѣлъ видъ человѣка, который не обращаетъ вниманія на все, происходящее внѣ его, и занятъ только однимъ предметомъ, который и дѣлаетъ его задумчивымъ".

момъ, проникнутыя элегическимъ настроеніемъ и философскимъ раздумьемъ, которыя всегда идутъ объ руку въ сочиненіяхъ Радищева. Они прерываются лирическими восклицаніями, разсужденіями и изліяніями чувства, и несомнѣнно возникли на почвѣ *сантиментальнаго индивидуализма,* лучшіе образцы котораго изучалъ на Западѣ Радищевъ. Онъ былъ первымъ и наиболѣе типическимъ представителемъ этого направленія у насъ, сложившись и опредѣлившись задолго до Карамзина, подъ вліяніемъ Руссо, Стерна и Верне.

Въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ и во всемъ, вышедшемъ изъ-подъ пера Радищева, бьетъ сильная публицистическая струя.

Мѣстами она получаетъ яркую сатирическую окраску.

Радищевъ сѣтуетъ на то, что у насъ „въ дѣлахъ житейскихъ" „все зависитъ отъ разсчета и уловки", а не отъ „разсудка и добродѣтели". „Благоразуміе, а иногда одинъ расторопный поступокъ далѣе возводятъ стяжающаго почестей, нежели всѣ добродѣтели и дарованія совокупно. *Положимъ, что государь истинное достоинство только награждаетъ и пристрастенъ не бываетъ николи;* но еслибы возможно было ему хотя и одному быть безпристрастному въ своемъ государствѣ, всѣ другіе начальствующіе въ его образѣ таковы не будутъ, ибо, если онъ возможетъ чуждъ быть родству, пріязни, дружбѣ, любви, хотя потому, что равнаго себѣ не имѣетъ, то кого найдешь ему подобнаго? Сверхъ же того, онъ малаго токмо числа отечеству или ему служащихъ самъ по себѣ знаетъ истинныя заслуги, о всѣхъ другихъ судитъ по слуху, награждаетъ того, кого назначаютъ вельможи, казнитъ не-

рѣдко того, кто имъ не нравится. Изъ нѣсколькихъ милліоновъ ему подвластныхъ едва единое сто служатъ ему; всѣ другіе *(источая кровавыя слезы, признаться въ томъ должно)*, всѣ другіе служатъ вельможамъ".

На службѣ нерѣдко приходится видѣть вокругъ себя *„собенные разумы и души и самую мерзость"*: „возненавидѣнъ будешь ими, поженутъ тебя, да оставишь ристаніе имъ свободно, а если начальникъ твой будетъ таковыхъ же качествъ, какъ и раболѣпствующіе ему — берегись, гибель твоя неизбѣжна". Вездѣ взяточничество и ласкательство. „Большая часть просителей думаютъ, и нерѣдко справедливо, что для достиженія своей цѣли нужна пріязнь всѣхъ тѣхъ, кто хотя мизинцемъ до дѣла ихъ касается, и для того употребляютъ ласки, лесть, ласкательство, дары, угожденія и все, что вздумать можно, не только къ самому тому, отъ кого исполненіе просьбы ихъ зависитъ, но и ко всѣмъ его приближеннымъ, какъ-то къ секретарю его, къ секретарю его секретаря, если у него оный есть, къ писцамъ, сторожамъ, лакеямъ, любовницамъ, и если собака тутъ случится, и ту погладить не пропустятъ".

Даже одно „напоминовеніе справедливости" слабымъ и безсильнымъ производитъ „со стороны сильнаго негодованіе и прещеніе". „Сіе въ самодержавныхъ правленіяхъ почти повсемѣстно. Примѣръ самовластія государя, не имѣющаго закона на послѣдованіе, ниже, въ расположеніяхъ своихъ, другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начать такъ мыслить, что, пользуяся удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. И сіе столь спра-

ведливо, что нерѣдко правиломъ пріемлется, что противорѣчіе власти начальника есть оскорбленіе верховной власти. *Мысль несчастная, тысячи любящихъ отечество гражданъ заключающая въ темницу и предающая ихъ смерти, тѣснящая духъ и разумъ и на мѣсто величія водворяющая робость, рабство и замѣшательство подъ личиною устройства и покоя!* Да сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію" [1]).

Большая часть гражданскихъ нашихъ чиновниковъ начали свою службу въ войскахъ и оттуда вынесли своеобразныя понятія о дисциплинѣ: „привыкнувъ давать подчиненнымъ своимъ приказы, на которые возраженія не терпитъ воинское повиновеніе, вступаютъ въ гражданскую службу съ пріобрѣтенной въ военной мыслями — имъ кажется вездѣ строй, *кричитъ на судъ на караулъ и опредѣленіе нерѣдко подписываетъ палкою*".

Преувеличеніе власти и грубое пренебреженіе къ насущнымъ интересамъ управляемыхъ всегда чрезвычайно опасны. „Худо всегда отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе... высшая власть сокрушалася иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости".

Правители иногда воображаютъ, что народы существуютъ для нихъ, а не они для народовъ. „Человѣкъ много можетъ сносить непріятностей, удрученій и оскорбленій. Доказательствомъ сему служатъ всѣ единоначальства. Гладъ, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его тро-

---

[1]) Ср. дальше: „Чтобы быть употреблену съ похвалою въ дѣлахъ министерскихъ, надобенъ умъ, а честности мало. Коварство, пронырство, искусство выситься и низиться по обстоятельствамъ могутъ сдѣлать отличнаго министра, но добраго гражданина николи".

гаютъ—не доводи его токмо до крайности. Но сего-то притѣснители частные и общіе, по счастію человѣчества, не разумѣютъ и, простирая повсемѣстную тяготу, предѣлъ оныя, на коемъ отчаяніе бодрственную возноситъ главу, зрятъ иногда въ отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительною для человѣка мглою. Не вѣдаютъ мучители, и даждь Господи, да въ невѣдѣніи своемъ пребудутъ ослѣпленны навсегда, — не вѣдаютъ, что составляющее несносную печаль сему (одному),—другому не причиняетъ ниже единаго скорбнаго мгновенія, да и, въ оборотъ, то, что въ одномъ сердцѣ нималѣйшаго не произведетъ содроганія, во стѣ другихъ родитъ отчаяніе и изступленіе. Пребуди, благое невѣдѣніе, всецѣло, пребуди нерушимо до скончанія вѣка! Въ тебѣ почила сохранность страждущаго общества. Да не дерзнетъ никто совлещи покровъ сей съ очей власти, да исчезнетъ помышляй о семъ и умретъ въ сѣмени до рожденія своего". Въ обществахъ, гдѣ „удрученіе начинаетъ превышать предѣлы терпѣнія", „возникаетъ отчаяніе", за которымъ слѣдуютъ рѣшительныя дѣйствія.

Къ несчастію, имѣющіе власть въ рукахъ мало заботятся о томъ, что говорятъ о нихъ живыхъ, и не думаютъ совсѣмъ о томъ, что о нихъ скажутъ послѣ смерти: они ищутъ только „ободренія своего самолюбія и стяжанія своей пользы".

„Не тревожился Юлій Кесарь о томъ, что прослыветъ государственнымъ татемъ, когда похищалъ общественную казну; не тревожился Ла (Джонъ Ло), что прослыветъ общественнымъ злодѣемъ, вводя во Францію мнимое богатство, которое, существовавъ одно мгновеніе, повергло

часть государства въ нищету; не тревожился Лудвигъ XIV въ величаніи своемъ, оставитъ ли потомство ему титло великаго, которое въ живыхъ ему прилагало ласкательство; не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи и разбойниками въ отношеніи тѣхъ, которыхъ непріятелями именуютъ, вчиняя войну и предавая смерти тысячи воиновъ".

Съ большимъ увлеченіемъ упоминаетъ Радищевъ объ англичанахъ, „сихъ гордыхъ островитянахъ, кои нѣкогда, прельщенные наихитрѣйшимъ изъ правителей, царю своему жизнь отъяти покусилися судебнымъ порядкомъ; кои для утвержденія благосостоянія общественнаго изгнали наслѣднаго своего царя, избравъ на управленіе посторонняго; кои при наивеличайшей развратности нравовъ, возмѣряя вся на вѣсахъ корысти, и нынѣ нерѣдко за *величайшую честь себѣ вмѣняютъ противоборствовати державной власти, и оную побѣждать законно*".

Мы нарочно такъ подробно выдѣлили и систематизировали эти намеки и разсужденія: „Житіе Ушакова" очень мало знаютъ, а между тѣмъ въ немъ уже замѣчаются всѣ почти основныя идеи „Путешествія"; оно прошло совершенно безнаказаннымъ для автора, хотя и вызвало толки, надѣлало шуму (Кутузовъ писалъ: „начали кричать: какая дерзость, позволительно ли говорить такъ! и пр. и пр. Но какъ свыше молчали, то и внизу все умолкло" — см. „Рус. Старина", 1896, XI, 329—331). Только черезъ годъ ему первому пришлось вынести первые удары разбушевавшейся правительственной реакціи за „Путешествіе". Кромѣ того, передъ самымъ „Путешествіемъ" въ 1790 году

онъ издаетъ „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего“ по поводу открытія памятника Петру I въ Петербургѣ, заключающее въ себѣ такіе же взгляды на сущность и значеніе верховной власти, какъ и въ „Путешествіи“ (написано оно было въ 1782 г.). Вотъ нѣсколько болѣе характерныхъ выдержекъ изъ него.

„О Петръ! Когда громкія дѣла твои возбуждаютъ удивленіе и почтеніе къ тебѣ, изъ тысячи удивлявшихся великости твоего духа и разума былъ ли хотя единъ, кто отъ чистоты сердца тебя возносилъ? Половина была ласкателей, кои во внутренности своей тебя ненавидѣли и дѣла твои порицали; другіе, объемлемые ужасомъ безпредѣльно самодержавныя власти, раболѣпно предъ блескомъ твоея славы опускали зѣницы своихъ очей. Тогда былъ ты живъ, царь всесиленъ. Но днесь, когда ты ни казнить, ни миловать не можешь, когда ты бездыханенъ, когда ты меньше силенъ, нежели послѣдній изъ твоихъ воиновъ, 60 лѣтъ по смерти, хвалы твои суть истинны, благодарность не лестна. Но колико кратъ болѣе признаніе наше было живѣе и тебя достойнѣе, когда бы оно не слѣдовало примѣру твоея преемницы, достойному хотя примѣру, но примѣру того, кто смерть и жизнь милліоновъ себѣ подобныхъ въ рукѣ своей имѣетъ. Признаніе наше было бы свободнѣе и чинъ открытія изваяннаго твоего образа превратился бы въ чинъ благодарственнаго молебствія, каковое въ радости своей народъ возсылаетъ предвѣчному Отцу“.

„Частный человѣкъ гораздо скорѣе можетъ получить названіе великаго, отличаясь какой-либо добродѣтелью или качествомъ, но правителю народовъ мало для пріобрѣтенія

сего лестнаго названія имѣть добродѣтели или качества частныхъ людей. Предметы, надъ коими разумъ и духъ его обращаются, суть многочисленны. Посредственный царь исполненіемъ одной изъ должностей своего сана былъ бы, можетъ быть, великій мужъ въ частномъ положеніи, но онъ будетъ худой государь, если для одной пренебрежетъ многія добродѣтели".

„Да не уничижуся въ мысли твоей, любезный другъ провознося хвалами столь властнаго самодержца, который истребилъ призракъ дикой вольности своего отечества. Онъ мертвъ, а мертвому льстити неможно! Скажу, что могъ бы Петръ славнѣе быти, возносяся самъ и вознося отечество свое, утверждая вольность частную, но если имѣемъ примѣры, что цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, что́ происходило не отъ великодушія, но отъ сытости своего сана, то нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь упустилъ добровольно что-либо изъ своея власти, сѣдяй на престолѣ".

Какъ мы видимъ, все это доказываетъ удивительную послѣдовательность мысли, настойчивую пропаганду своего общественнаго міровоззрѣнія, которое въ достаточной мѣрѣ было высказано и до „Путешествія", пока совершенно безнаказанно.

Кромѣ чисто публицистической, въ „Житіи Ушакова" интересны и другія стороны дѣла—философская, автобіографическая и чисто литературная.

Философскій элементъ занимаетъ здѣсь вообще крупное мѣсто—второе послѣ публицистическаго.

„Примѣчанія достойно: человѣкъ, достигнувъ возмужалыхъ лѣтъ, когда начинаетъ испытывать силы разума,

устремляемый бодростію душевныхъ силъ, обращаетъ проницательность свою всегда на вещи, внѣ зримой округи лежащія, возносится на крыльяхъ воображенія за предѣлы естественности и нерѣдко теряется въ неосязаемомъ, презирая чувственность, столь мощно его вождающую. Всѣ почти юноши, мыслить начинающіе, любятъ метафизику". И наши юноши читаютъ въ Лейпцигѣ книгу Гельвеція „О разумѣ", *читаютъ во вниманіемъ и въ оной мыслить научаются*; изученіе Мабли они предпочитаютъ слушанію нѣкоторыхъ профессорскихъ лекцій.

Радищевъ относительно Ушакова указываетъ такое „различіе обыкновенныхъ умовъ отъ изящныхъ": „вращаяся всечасно между разными предметами разумѣнія человѣческаго, невозможно было, чтобы въ ученіи разумъ Ѳ. В. пребылъ всегда, такъ сказать, страдательнымъ, упражняяся только въ изслѣдованіи мнѣній чуждыхъ... Одни пріемлютъ все, что до нихъ доходитъ, и трудятся надъ чуждымъ изданіемъ, *другіе, укрѣпивъ природныя силы своя ученіемъ, устраняются отъ проложенныхъ путей и вдаются въ неизвѣстные и непреложенные*. Дѣятельность есть знаменующая ихъ отличность, *и въ нихъ то сродное человѣку безпокойствіе становится явно*: безпокойствіе, произведшее все что есть изящное, и все уродливое, касающееся обоюдно до предѣловъ даже невозможнаго и непонятнаго, возродившее вольность и рабство, веселіе и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихіи, родившее мечтаніе и истину, адъ, рай, сатану, Бога". Такимъ „изящнымъ умомъ", который вѣчно былъ одержимъ „сроднымъ человѣку безпокойствомъ", и былъ прежде всего самъ Радищевъ...

И онъ, какъ Ушаковъ, „алкалъ науки“.

Молодые люди пріѣхали за границу съ крайне грубыми понятіями о Богѣ. „Еслибы возможно было опредѣлить, какое каждый изъ насъ имѣлъ тогда понятіе о Богѣ и о должномъ Ему почитаніи, то бы описаніе сіе показалося взятымъ изъ какого-либо путешествія, въ коемъ описывается исповѣданіе вѣры неизвѣстныхъ народовъ. Иной почиталъ Бога не иначе, какъ палача, орудіемъ кары вооруженнаго, и боялся думать о Немъ, столь застращенъ былъ силою Его прещенія. Другому казался Онъ окруженнымъ толпою младенцевъ, азбучный учитель, котораго дразнить ни во что вмѣняется, ибо уловкою какою-нибудь можно избѣгнуть его розги и скоро съ нимъ опять поладить. Иной думалъ, что не токмо дразнить его можно, но дѣлать все ему на-смѣхъ и вопреки его велѣніямъ“.

У Ушакова и Радищева (о другихъ мы не знаемъ) эти грубыя религіозныя представленія были вытѣснены впослѣдствіи деизмомъ.

Проникнутые сначала дворянскими предразсудками относительно дуэлей, они скоро поняли „всю гнусность поединковъ въ благоустроенномъ обществѣ“. Позднѣе Радищевъ иронизировалъ: „когда свинья тебя толкаетъ рыломъ, то тяни вонъ шпагу и колись,—такъ честь повелѣваетъ“.

Онъ отстаиваетъ *право самоубійства*. Нравственное чувство не должно запрещать дать ядъ измученному неизлѣчимою болѣзнью человѣку. „Не есть убійца, избавляяй страждущаго отъ конечнаго бѣдствія или скорби... Скажетъ нѣкто, врачъ можетъ ошибиться. Согласенъ, но болящій не ошибался въ мученіи своемъ и правъ былъ, желая скончанія онаго, а мы не правы, давъ оному продолжиться“.

И онъ въ концѣ обращается къ своему другу Кутузову, которому посвящены „Житіе Ушакова“ и „Путешествіе“: „Если еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ необходимая, и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, о, любезнѣйшій мой,— ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнію гнушающемуся и ее возненавидѣвшему“.

Человѣкъ своего времени, выше всего онъ ставитъ человѣческій разумъ: „и какъ не возгордиться человѣку во бренности своей, подчиняя власти своей звукъ, свѣтъ, громъ, молнію, лучи солнечные, двигая тяжести необъятныя, досязая дальнѣйшихъ предѣловъ вселенныя, постигая и предузнавая будущее?“

Таково въ общихъ чертахъ идейное содержаніе „Житія Ушакова“, таковъ подведенный самимъ Радищевымъ приблизительный итогъ завоеваній ихъ мысли въ Лепцигѣ.

Какъ онъ самъ указываетъ, съ идеалистическихъ высотъ, при возвращеніи въ Россію, имъ сразу пришлось погрузиться въ грязь родной дѣйствительности—и сильно разочароваться.

„Воспомяну о возвращеніи нашемъ въ Россію, — говоритъ онъ Кутузову, — воспомни нетерпѣніе наше видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто безстрастный ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги, но если кто, понимая, что́ есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго и что не могли бы мы тогда *жертвовать и жизнію для пользы отечества*, тотъ, скажу, не знаетъ

сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что *послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило.* О вы, управляющіе умами и волею народовъ властители, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, *коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквасъ, воздымающій сердце юноши! Единожды смиривъ его, нерѣдко навѣки содѣлаете калѣкою*".

Но юношескій „заквасъ" слишкомъ сильно „воздымалъ" сердце Радищева, и самыя суровыя условія жизни не смогли сдѣлать его „калѣкою".

Важное для характеристики настроенія Радищева въ молодые годы и его міровоззрѣнія „Житіе Ушакова" любопытно и въ чисто литературномъ отношеніи. Въ немъ замѣчается та же характерная для Радищева двойственность языка, которая съ особенною силою сказывается въ „Путешествіи". Отвлеченный языкъ у него обыкновенно точенъ, ясенъ и простъ; въ повѣствовательныхъ мѣстахъ часто слышится простота живой разговорной рѣчи; лирическія изліянія и патетическія восклицанія, за рѣдкими исключеніями, отличаются изысканностью и даже нѣсколько тяжеловѣсною искусственностью—вліяніе „декламатора" Рейналя.

Серьезный разсказъ прерывается иногда шутками, игривыми замѣчаніями или лирическими отступленіями.

Вотъ два болѣе характерныхъ примѣра.

Къ Ушакову, когда еще онъ спалъ, пришла просительница. Радищевъ разсказываетъ объ этомъ визитѣ такъ:

„Беззаботливая юность не безпокоилась еще колючимъ терніемъ опытности, и мечты сна его столь же были ис-

полнены веселія, какъ и бдѣніе. Ему снилося, что лежалъ въ объятіяхъ прекрасныя жены, упоенный сладострастіемъ, столь державно надъ юными чувствами властвующимъ и среди прелестныя сея мечты отлетѣлъ сонъ отъ очей его. Но что же представилось просіявшему его взору? Стократъ любезнѣе видѣнной имъ во снѣ зрѣлъ онъ отроковицу почти, сѣдящую подлѣ одра его, тщательно отгоняющую крылатыхъ насѣкомыхъ съ лица его и распростертымъ опахаломъ умѣряющую зной солнца, проникшаго уже лучомъ своимъ въ его спальню... О, еслибы и мое пробужденіе могло быть иногда таково же, еслибы я паки имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ! Мой другъ, жалѣй, если хочешь, о моей слабости, но се истина".

Передавая очень подробно и ярко исторію недоразумѣній и столкновеній лейпцигскихъ студентовъ съ Бокумомъ, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Тѣ, кои изъ насъ были постарше, и въ числѣ оныхъ первый былъ Ѳ. В. (Ушаковъ), дѣлали ему (Бокуму) весьма кроткія представленія, гораздо кротче, нежели когда-либо парижскій парламентъ дѣлывалъ французскому королю. Но какъ таковыя представленія были частныя, како то бываютъ и парламентскія, а не отъ всѣхъ, то Бокумъ отвергалъ ихъ толико же самовластно, какъ и король французскій, говоря своему народу: „въ томъ состоитъ наше удовольствіе!"

Повидимому, къ тому же приблизительно времени, какъ и „Житіе Ушакова", относится „Описаніе моего владѣнія" [1]).

---

[1]) Сынъ Радищева пріурочиваетъ это произведеніе къ жизни въ деревнѣ въ 1797—1801 гг., но въ его разсказѣ много фактическихъ ошибокъ, и полагаться на него вообще мудрено.

Для нашей цѣли достаточно отмѣтить одну его сторону—рѣзкую постановку крѣпостного вопроса.

Послѣ яркой и прочувствованной картины идиллической поэзіи земледѣльческаго труда въ деревнѣ, слѣдуетъ патетическое восклицаніе, бросающее особый отсвѣтъ на все предыдущее: „блаженны, блаженны, еслибы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ, но—о горестное напоминовеніе!—ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую и самъ, самъ чуждъ есть, увы".

Дальше Радищевъ разсматриваетъ „состояніе земледѣльца въ подробности", „величайшія его отношенія и обязанности противъ господина".

„1. Сей можетъ его продать оптомъ или подробно (враздробь). Не шуткою сіе сказано, ибо сія подробность (раздробленіе) можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца и, можетъ быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ розницу продавать запрещено, а оптомъ (можно). Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца работою, продаютъ его остальныя силы. 2. Господинъ можетъ его заставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу, но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни двороваго не опредѣлено. 3. Господинъ можетъ его наказывать по своему разсмотрѣнію, онъ—судія его и исполнитель своихъ приговоровъ. 4. Господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ. 5. Распоряжаетъ бракомъ и спаряетъ, какъ хочетъ. Слѣдовательно, земледѣлецъ есть рабъ въ

семъ отношеніи совершенно. Итакъ, не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо. Въ отношеніи государства, селянинъ обязанъ жить на одномъ мѣстѣ, но и то, доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода, какіе бы ни были; платить подати; судиму быть за общественныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ. Итакъ, селянинъ, если имѣетъ употребленіе чего-либо, то дѣлается только изъ благосердія господина. Но, кажется, поелику поселянинъ платитъ подать, то онъ, для удовлетворенія тому, долженъ имѣть собственность и проч.".

Радищевъ не дѣлаетъ окончательнаго вывода изъ всего этого, но онъ напрашивается самъ собою — изъ группировки фактовъ, за которою чувствуются горечь и негодованіе.

Разрозненныя и разбросанныя въ раннихъ произведеніяхъ Радищева, всѣ эти идеи съ особенною силою и рѣзкостью вылились въ „Путешествіи".

IV.

Въ своихъ показаніяхъ во время слѣдствія самъ Радищевъ указываетъ на то, что форму его инкриминированнаго сочиненія подсказало ему „Сантиментальное путешествіе" Стерна (въ другомъ мѣстѣ онъ ссылается также на другого сантиментальнаго путешественника Верне и на „Вертера"), а многія идеи и тонъ были навѣяны Рейналемъ и другими французскими писателями.

Этимъ признаніемъ широко пользовались и даже злоупотребляли. Въ немногочисленной вообще литературѣ о Радищевѣ вы то и дѣло наталкиваетесь, при общемъ уваженіи къ честности и искренности его мысли, на обвиненія Радищева въ излишней подражательности, непослѣдовательности, умышленномъ сгущеніи красокъ, тенденціозности, искусственномъ примѣненіи чуждыхъ идей къ русской обстановкѣ.

Во всемъ этомъ нетрудно замѣтить большое недоразумѣніе.

Форма, модная тогда на Западѣ, усвоена была Радищевымъ потому, что давала широкій просторъ мысли, чувству и воображенію писателя, сообщала внѣшнюю занимательность и разнообразіе разсказу, который иначе могъ совсѣмъ не затронуть тогдашняго малокультурнаго читателя. Она придавала конкретность идеямъ, дѣлала ихъ выпуклѣе. Эти случайно подслушанные разговоры, потерянныя и прочтенныя рукописи, дорожныя наблюденія и впечатлѣнія, схваченныя на-лету сценки мало-по-малу, незамѣтно и сами собой, сливались въ общую картину и нечувствительно подводили къ основному выводу. При всей кажущейся разбросанности и небрежности изложенія за ними чувствуется вполнѣ опредѣленный планъ.

По всей книгѣ раскиданы, въ мнимомъ безпорядкѣ, положительные взгляды автора, складывающіеся въ цѣльное и продуманное міровоззрѣніе. На основаніи ихъ искусно ведется широкая, неумолимая и необыкновенно послѣдовательная публицистическая критика современной русской дѣйствительности, которая тоже приводитъ къ цѣльной картинѣ, вполнѣ отрицательной.

Радищевъ слишкомъ сильно понималъ и чувствовалъ всю неправду русской жизни; разумъ подсказывалъ ему всю опасность ослѣпленія власти и отягощенія общества,— „тяжести порабощенія"; онъ боялся рокового взрыва, ужасовъ террора, второй Пугачовщины, болѣе ужасной, чѣмъ первая,—и совѣсть заставила его выступить съ проповѣдью, горькою, но необходимою правдою.

Какъ вѣрный сынъ XVIII вѣка, Радищевъ глубоко вѣритъ въ силу просвѣщеннаго человѣческаго разума, который можетъ перестроить всю жизнь общества.

Тоску и уныніе вызываетъ въ немъ современная русская дѣйствительность, но всѣ бѣдствія человѣка онъ приписываетъ человѣку и тому, что онъ „взираетъ не прямо на окружающіе его предметы". Итакъ, слѣдовало только открыть всѣмъ глаза, показать, къ чему люди идутъ и куда должны идти, и все измѣнится. Въ вѣковой работѣ созиданія лучшей будущности и общаго блага, такимъ образомъ, могли сыграть большую роль единоличныя усилія, индивидуальный разумъ.

Разумъ можетъ устранить всѣ неправильныя понятія, мѣшающія свободному развитію природныхъ чувствъ и счастію человѣка,—очистить и нравственно поднять жизнь.

По словамъ Радищева, онъ „человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ": „отыми завѣсу отъ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буду... Воспрянулъ я отъ унынія моего... и—веселіе неизреченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь" (предисловіе къ „Путешествію", посвященіе Кутузову).

„Стихійныя стремленія народной массы и просвѣщенное сознаніе единичныхъ личностей, возвышающіе ихъ надъ узкими личными и классовыми интересами, — таковы были въ представленіи Радищева тѣ устои, на которыхъ онъ разсчитывалъ построить мостъ черезъ пропасть, лежавшую между дѣйствительностью его эпохи и его идеаломъ. Исторія въ общемъ оправдала эти разсчеты, но въ одномъ она горько обманула Радищева: тотъ первый шагъ въ обновленіи русскаго быта, котораго онъ ждалъ отъ своей эпохи, на который горячо звалъ своихъ современниковъ, былъ сдѣланъ лишь 70 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ его книги и болѣе полувѣка послѣ его смерти“ [1]).

Его книга должна была быть, такъ сказать, энциклопедіей русской жизни, въ которой онъ собралъ все ея зло и указалъ соотвѣтствующія противоядія.

Въ своихъ религіозныхъ взглядахъ Радищевъ былъ послѣдовательнымъ деистомъ. Увлеченіе идеями Руссо и сантиментализмомъ вообще не мѣшало ему отстаивать права разума и не соглашаться подчинить его въ области познанія чувству [2]). Мистицизмъ ему не по душѣ, и онъ отзывается о немъ довольно пренебрежительно. Ростъ мистицизма въ современномъ обществѣ, по его мнѣнію, первый признакъ упадка. Въ исторіи человѣчества онъ видитъ постоянные перебои „вольномыслія“ и „суевѣрія“. „Дошедъ до краевъ возможности, вольномысліе возвратится вспять.

---

[1]) *В. А. Мякотинъ*, тамъ же, стр. 217.

[2]) Впрочемъ, безсмертіе души для него не столько убѣжденіе разума, сколько постулатъ истерзаннаго жизнью, въ особенности разлукою съ дорогими людьми сердца.

Сія перемѣна въ образѣ мысли предстоитъ нашему времени. Не дошли еще до послѣдняго края безпрепятственнаго вольномыслія, но многіе уже начинаютъ обращаться къ суевѣрію". Въ свою очередь и наши „мартинисты" подчеркивали свои принципіальныя разногласія съ Радищевымъ („Русск. Старина", 1896, XI, 325 — 326, 329 — 331, 341, 343, 347; также 1874, II, 261, 262, 271; III, 466, 467; I, 70—72: „разность принципій" у Радищева съ мартинистами).

Не принимаетъ онъ цѣликомъ, какъ было указано выше, и программы матеріализма. Онъ постоянно полемизируетъ съ Гельвеціемъ, принимаетъ очень немногія изъ его положеній цѣликомъ; далеко не со всѣмъ согласенъ онъ и въ ученіи сенсуалистовъ.

Въ области религіознаго и философскаго мышленія и сознанія, по его мнѣнію, должна быть абсолютная свобода. Должно даже „дозволять всякому заблужденію быть явнымъ: явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится. Гоненія дѣлали мучениковъ... Что запрещено, того и хочется".

Богъ слишкомъ высокое существо, чтобы оскорбиться такъ называемымъ „богохульствомъ". „Если думаешь, что хуленіемъ Всевышній оскорбится, урядникъ ли благочинія можетъ быть за Него истецъ?"

Въ основѣ ученія Радищева о личной морали лежитъ идея умѣреннаго удовлетворенія потребностей, точнаго установленія равновѣсія между разсудкомъ и страстями. Въ своей основѣ нравственная природа человѣка добра, и съ нею нужно согласовать все. Она сводится къ движенію страстей, „корень" которыхъ „благъ" и которыя слабѣютъ съ ослабленіемъ чувствъ и жизни въ человѣкѣ. Ихъ

нужно направлять къ добрымъ цѣлямъ, сдерживать, но не подавлять. „Совершенно безстрастный человѣкъ есть глупецъ и истуканъ нелѣпый“, „чрезвычайность въ страсти есть гибель; безстрастіе есть нравственная смерть“. Только „умѣренность страсти“ дѣлаетъ человѣка господиномъ своей жизни.

Основою семейныхъ отношеній можетъ быть только нравственная связь, любовь, а не принужденіе. Родители не имѣютъ какихъ-либо особыхъ правъ на дѣтей, которыя въ свою очередь ничѣмъ имъ не обязаны. Кровная связь не можетъ быть основою и регуляторомъ отношеній членовъ семьи. Воспитывать должны сами родители безъ всякихъ „наемныхъ рачительницъ и наставниковъ“. Принужденію нѣтъ мѣста при воспитаніи дѣтей, все въ немъ должно быть свободно, чуждо „даже вида раболѣпствованія“, основано на непосредственныхъ нравственныхъ началахъ. Нужно закалять тѣло, развивать умъ безъ отягощенія памяти, воспитывать нравственное чувство, сознаніе собственнаго достоинства и умѣренность въ страстяхъ.

Добродѣтели въ человѣкѣ могутъ быть частныя и общія. Первыя опредѣляются альтруизмомъ, и корень ихъ всегда благъ; вторыя вытекаютъ изъ „любочестія или тщеславія“, что, однако, не мѣшаетъ имъ быть очень высокими и благотворными, въ особенности, если онѣ основываются на человѣколюбіи. Упражненія въ частныхъ добродѣтеляхъ подготовляютъ къ добродѣтелямъ общественнымъ, которыя должны быть выше законовъ, обычаевъ и нравовъ. По отношенію къ нимъ не можетъ быть никакихъ компромиссовъ. Для соблюденія ихъ слѣдуетъ даже жертвовать

жизнью. При безвыходномъ конфликтѣ закона и добродѣтели всегда остается въ рессурсѣ—смерть, самоубійство.

Законъ, какъ онъ ни худъ, есть „связь общества". Имъ нельзя поступаться ради обычая и даже въ удовлетвореніе требованія высшей власти—пока она этого закона не отмѣнить.

Но велѣнія совѣсти выше закона, и ими нельзя поступаться. Самоубійство есть послѣднее и крайнее средство въ неравной борьбѣ отдѣльной личности съ цѣлымъ общественнымъ и государственнымъ порядкомъ. Но раньше нужно сознать безплодность этой борьбы и опасность для нравственной свободы своей личности. Возникновеніе общества изъ договора даетъ право такой борьбы, если власть не исполняетъ своего назначенія. „Гдѣ нѣтъ пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ". Нарушеніе договора есть его расторженіе. Всѣ граждане равны въ государствѣ, государь есть только первый гражданинъ. Если власть не только не полезна, но даже вредна, должно выступать присущее каждому природное право самозащиты. И въ выполненіи своего нравственнаго долга, и въ защитѣ своего человѣческаго достоинства не должно быть никакой „робости благоразумія" и „слабости въ дѣяніяхъ".

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, положительные взгляды Радищева. Понятно, что между ними и русскою дѣйствительностью съ самаго же начала долженъ былъ обнаружиться самый рѣзкій конфликтъ.

Въ своемъ посвященіи „Путешествія" Кутузову Радищевъ писалъ: „Я взглянулъ окрестъ меня—*душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала.* Обратилъ взоры мои во внутренность мою—и узналъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ

человѣка и часто отъ того только что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. „Ужели,—вѣщалъ я самъ себѣ,— природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачеха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи?“ Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отыми завѣсу съ очей *природнаго чувствованія*—и блаженъ буду“. Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня *чувствительность и состраданіе*; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію и — веселіе неизреченное!—я почувствовалъ, что *возможно всякому соучастникомъ быть въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ*“.

Для Радищева это „соучастіе“ выразилось въ томъ, что онъ поднялъ свой голосъ противъ „чудища обла, озорна, огромна, стозѣвна и лаяй“, которое раздирало его бѣдную родину — противъ закоренѣлой общественной неправды, расцвѣтщей на гниломъ болотѣ крѣпостныхъ отношеній.

Верховная власть, которая одна „въ самодержавномъ правленіи въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастной“, часто парализуется въ самыхъ лучшихъ своихъ начинаніяхъ раболѣпіемъ, своекорыстіемъ и ложью окружающихъ. Истина только съ трудомъ могла пробиться къ ея двору.

Радищеву снилось, что онъ—безграничный владыка какой-то страны. Его окружаютъ общее раболѣпіе и лесть. Ему говорятъ о народѣ, который благоденствуетъ, о побѣдахъ, завоеваніяхъ, пышномъ расцвѣтѣ наукъ и искусствъ. Но приблизившаяся Истина сняла бѣльма, и разочарованный

владыка увидѣлъ кругомъ обманъ, грабительство, произволъ и насилія. Раньше „во благодѣяніяхъ его имѣли большую долю“ тѣ, которые „пріятнымъ видомъ словамъ его шли во срѣтенье“, теперь онъ жадно прислушивается къ словамъ Истины: „ты познаешь вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которые вдали отъ тебя, не тебя любятъ, но любятъ отечество, которые готовы всегда на твое пораженіе, если оно отмститъ порабощеніе человѣка. *Но не возмутятъ они гражданскаго покоя безвременно и безъ пользы.* Ихъ призови себѣ въ друзей. Изжени сію *гордую чернь*, тебѣ предстоящую и прикрывшую срамъ отца души своей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодѣи, затмевающіе очи твои и входъ мнѣ въ твои чертоги воспрещающіе“.

Плохо придется безъ Истины правителямъ. „Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающіе, бѣльма твои (говоритъ Истина правителю) паки возродятъ, и кора, свѣтомъ не проницаемая, покрыетъ твои очи. Тогда ослѣпленіе твое будетъ сугубо; едва на шагъ одинъ взоры твои досязать будутъ. Все въ веселомъ являться тебѣ будетъ видѣ. Уши твои не возмутятся стенаньемъ, но усладится слухъ сладкопѣніемъ ежечасно. Жертвенныя куренія обойдутъ на лесть отверзтую душу. Осязанію твоему подлежать будетъ всегда гладкость. Никогда не раздеретъ благотворная шероховатость въ тебѣ нервовъ осязательности“. Народныя стенанія не дойдутъ тогда до его ушей.

„*Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твои* (говоритъ Истина правителю), *вѣдай, что той есть твой другъ искренній, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета: онъ твердымъ гласомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя.*

Призови его, угости его, яко странника, ибо всякъ, порицающій царя въ самовластіи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ... Таковыя твердыя сердца бываютъ рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ".

Но Радищевъ какъ разъ и признанъ былъ „общимъ возмутителемъ", и ему грозила казнъ. Иронія судьбы!..

Власть можетъ держаться только на искреннемъ уваженіи подданныхъ и общемъ сознаніи ея пользы. Ни обманъ, ни насилія и преслѣдованія не смогутъ поддержать ее, если она заколеблется въ своихъ основахъ. „Буде власть шествуетъ стезею, ей назначенной, то не возмутится отъ пустого звука клеветы, яко же Господь симъ не тревожится хуленіемъ. Но горе ей, если въ жадности своей ломитъ правду... Если кто свирѣпствуетъ противъ печатныя строки, тотъ заставляетъ мыслить, что печатанное истинно, и мстящій таковъ, какъ о немъ напечатано".

„До внутренности потрясенный вольнодумецъ простретъ дерзкую, но мощную и незыбкую руку къ истукану власти, сорветъ ея личину и покровъ и обнажитъ ея составъ. Всякъ узритъ бренныя его ноги, всякъ возвратитъ къ себѣ данную имъ ему подпору, сила возвратится къ источнику, истуканъ падетъ. Но если власть не на туманѣ мнѣній возсѣдаетъ, если престолъ ея на искренности и истинной любви общаго блага возникъ, то не утвердится ли паче, когда основаніе его будетъ явно, не возлюбится ли любящій искренно? Взаимность есть чувствованіе природы, и стремленіе сіе почило въ естествѣ". Для такой власти не только не страшна, но даже желательна свобода мысли и мнѣнія: въ ней она найдетъ для себя благоразумную опору.

Подавленіе свободы и цензурныя преслѣдованія приводятъ къ рабству духа, скрытому раздраженію, тѣмъ болѣе опасному, что оно скрыто. Истина слишкомъ высока и чиста, чтобы ея можно было бояться. „Истина есть высшее для насъ божество, и еслибы Всесильный восхотѣлъ измѣнить ея образъ, являяся не въ ней, лицо наше будетъ отъ Него отвращенно".

„Въ областяхъ истины, въ царствованіи мысли и духа не можетъ никакая земная власть давать рѣшеній, и не должна; не можетъ того правительство, менѣе еще цензоръ, въ клобукѣ ли онъ или съ темлякомъ. Въ царствѣ истины онъ не судія, но отвѣтчикъ, какъ и сочинитель. Исправленіе можетъ только совершаться просвѣщеніемъ".

„Цензура сдѣлана нянькою разсудка, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть нянька, то слѣдуетъ, что есть ребята, ходятъ на помочахъ, отчего нерѣдко бываютъ кривыя ноги, гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтные, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долго ходить будетъ на помочахъ и совершенный на возрастѣ будетъ каляка [1]). Недоросль всегда будетъ Митрофанушка, безъ дядьки не ступитъ, безъ опекуна не можетъ править своимъ наслѣдіемъ. Таковы бываютъ слѣдствія обыкновенной цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе".

Цензура и придворная ложь закрываютъ истину отъ трона, дѣлаютъ почти невозможнымъ знаніе ея.

---

[1]) Старая форма—калѣка.

Царедворцы обыкновенно блюдутъ свои личные интересы, гнутся сами и сгибаютъ другихъ. За ними тянутся ряды родственниковъ и кліентовъ, раболѣпныхъ и низменныхъ, не останавливающихся ни передъ чѣмъ въ погонѣ за карьерой и наживой.

Высшая и средняя администрація представлена у Радищева нѣсколькими рельефными типами. Одного начальника не рѣшаются разбудить для спасенія нѣсколькихъ человѣческихъ жизней, и онъ находитъ это вполнѣ естественнымъ; другой награждаетъ чинами и орденами за скорое доставленіе ему устрицъ изъ столицы. Вездѣ униженіе чужого человѣческаго достоинства, подкупность, лихоимство, произволъ и насилія, возведенныя въ систему. Случайно попавшіе въ тогдашніе вертепы правосудія, честные люди бѣгутъ оттуда, не имѣя возможности бороться. Дворянство вырождается, теряетъ свое государственное значеніе, и Радищевъ предлагаетъ „умалить его права". Духовенство само коснѣетъ въ невѣжествѣ и задерживаетъ просвѣщеніе народныхъ массъ. Купечество держится тѣмъ же грубымъ невѣжествомъ и обманомъ.

Особенно часто и подробно останавливается Радищевъ на положеніи крестьянъ и крѣпостномъ правѣ. Этотъ вопросъ, видимо, у него наболѣлъ. Совершенно правильно онъ считаетъ его основнымъ и центральнымъ. Изъ отдѣльныхъ фактовъ складывается потрясающая картина безправія и мучительствъ, иногда безцѣльныхъ и безсмысленныхъ.

Тутъ и систематическое „омерзеніе" крестьянскихъ дѣвушекъ, и переводъ всѣхъ крестьянъ на барщину съ уничтоженіемъ отдѣльныхъ хозяйствъ и скуднымъ содержаніемъ отъ барина, и продажа своихъ крѣпостныхъ казеннымъ кре-

стьянамъ въ рекруты, и издѣвательство надъ крѣпостнымъ, получившимъ образованіе, и продажа своей же крѣпостной любовницы съ прижитымъ отъ барина ребенкомъ, и насильственные браки... Ужасны самые случаи, еще ужаснѣе самая ихъ возможность и безнаказанность...

Впереди гроза крестьянскаго бунта, возможныя послѣдствія котораго ужасаютъ нашего филантропа. „Свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ тѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ждать должно, но отъ самой тяжести порабощенія".

„О, еслибы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся въ отчаяніи своемъ, разбили желѣзомъ, вольности ихъ препятствующимъ, главы наши, главы безчеловѣчныхъ своихъ господъ и кровію нашею обагрили главы свои! Что бы тѣмъ потеряло государство? Скоро бы изъ среды ихъ исторгнулися великіе мужи для заступленія избитаго племени, но были бы они другихъ о себѣ мыслей и правъ угнетенія лишены. Не мечта сіе, но взоръ проницаетъ густую завѣсу времени, отъ очей нашихъ будущее скрывающую, я зрю сквозь цѣлое столѣтіе".

Бѣдна и скудна крестьянская жизнь, страшны курныя избы и мужицкій хлѣбъ, но всего ужаснѣе безправіе: крестьянинъ „мертвъ передъ закономъ!"

„Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что̀ крестьянину мы оставляемъ? То, чего отнять не можемъ,—воздухъ".

„Съ одной стороны почти всесиліе, съ другой—немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ

ничего сказать не смѣетъ. Се жребій заклепаннаго во узахъ, се жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребій вола въ ярмѣ!"

Такой общественный порядокъ развращаетъ господъ и калѣчитъ рабовъ. Можно только удивляться, какъ при такихъ ужасныхъ жизненныхъ условіяхъ послѣдніе сумѣли сохранить честность, доброту, часто поэтическій складъ души.

Сознаніе, что и онъ живетъ крѣпостнымъ трудомъ, гложетъ Радищева. Безъ мучительнаго стыда онъ не можетъ вспомнить о томъ, что въ минуту гнѣва ударилъ крѣпостного слугу. Ему было бы легче, еслибы тотъ въ свою очередь отвѣтилъ пощечиной. Отправляясь въ Сибирь, онъ проситъ родныхъ отпустить принадлежавшихъ ему дворовыхъ.

Да, это былъ человѣкъ съ больною и чуткою совѣстью, страдавшею за себя и другихъ. Бремя сознанія всего ужаса „чудища" мудрено было хранить про себя, въ секретѣ, и Радищевъ излилъ наболѣвшую душу въ своей книгѣ, сыгравшей такую роковую роль въ его жизни...

V.

Арестъ, допросы и судъ были громовымъ ударомъ для Радищева. Узнавъ, что его будетъ допрашивать Шешковскій, онъ упалъ въ обморокъ.

Больной, одинокій, страдая за своихъ дѣтей, чувствуя, несомнѣнно, къ чему клонится дѣло, онъ казался „уторопленнымъ" и нѣсколько разъ совсѣмъ падалъ духомъ.

Нѣкоторымъ изъ писавшихъ о Радищевѣ, „сердца хладнымъ скопцамъ“, хотѣлось бы съ его стороны какого-то особеннаго героизма до конца. Но вспомнимъ о Шешковскомъ, о замѣченной и принятой во вниманіе всѣми „примѣтной чувствительности“ Екатерины, которая съ одной стороны играла въ безпристрастіе, а съ другой стороны отягощала положеніе Радищева и заставляла усиливать его вину. Недаромъ рѣшеніе суда и его смягченіе Екатериной заставили „содрогаться“ гр. Воронцова, плакать— купцовъ на биржѣ и даже полицейскаго офицера, сообщившаго семьѣ Радищева о постигшей его участи...

Съ горечью онъ писалъ во время одного изъ допросовъ: „Если кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается: первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ, для простого народа невнятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина,—и можетъ ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ?“

„Общники“, конечно, были, единомышленники, но Радищевъ не могъ знать о большинствѣ изъ нихъ, и одиночество еще болѣе увеличивало горечь его положенія...

Воронцову онъ писалъ: „что можетъ разсудокъ надъ чувствованіемъ? Я по себѣ теперь вижу, что разумъ идетъ чувствованіямъ въ слѣдъ, или не что иное есть, какъ они; по системѣ Гельвеціевой, вертится онъ около одной мысли, *и все мое умствованіе, вся философія исчезаетъ, когда воспоминаю о моихъ дѣтяхъ*“ („Архивъ Воронцова“, т. XII, стр. 286).

Судъ надъ Радищевымъ былъ пародіей надъ правосудіемъ. Судьи старались угодить, очевидно, негодующей и

очень требовательной на этотъ разъ государынѣ. Не найдя въ законахъ подходящей статьи, къ подсудимому примѣнили почти всѣ статьи о государственной измѣнѣ и смертной казни. Тутъ и то, если „кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслити на государское здоровье злое дѣло", и то, если „кто, хотя московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти, начнетъ рать сбирати", и не вызываемая крайнею необходимостью сдача непріятелю ввѣренныхъ крѣпостей...

Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но Екатерина помиловала его—и замѣнила смерть десятилѣтней ссылкой въ Сибирь, въ Илимскъ...

Въ Тобольскѣ онъ кому-то отвѣтилъ на вопросъ о себѣ стихами:

Ты хочешь знать, кто я? что я? куда я ѣду?
Я тотъ же, что и былъ, и буду весь мой вѣкъ:
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ!
Дорогу проложитъ, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ
Въ острогъ Илимскій ѣду!

Радищевъ, дѣйствительно, весь вѣкъ оставался все тѣмъ же. Даже во время допроса, „голосомъ, запинающимся отъ страха", отрекаясь отъ своей книги, онъ все же не могъ отказаться отъ своихъ взглядовъ на крѣпостное право. Отправляясь въ далекую Сибирь, онъ по пути занимается научными наблюденіями и изслѣдованіями, съ глубокимъ сочувствіемъ и сожалѣніемъ приглядывается къ народной жизни на сѣверѣ. Въ ссылкѣ онъ пишетъ философскій трактатъ о безсмертіи души и стихотворенія, въ

которыхъ то-и-дѣло проглядываютъ прежнія идеи, и живо бьется публицистическій нервъ. Онъ лѣчитъ крестьянъ и инородцевъ, неустанно работаетъ и слѣдитъ за движеніемъ европейской мысли и родной литературы. Мелькаютъ слѣды изученія „Вертера“ и „Слова о полку Игоревѣ“, вырабатываются новыя формы стиха, вызвавшія сочувственное отношеніе Пушкина, — поэтическое содержаніе расширяется и осложняется народными, историческими, философскими и публицистическими элементами.

Возвращенный изъ ссылки, онъ является дѣятельнымъ членомъ коммиссіи сочиненія законовъ, горячо заступается за человѣческія права крѣпостныхъ и выступаетъ съ широкимъ проектомъ освободительныхъ реформъ, нѣкоторые пункты которыхъ являются pia desideria и до сихъ поръ... Въ немъ и равенство всѣхъ передъ закономъ, и полная отмѣна тѣлесныхъ наказаній, уничтоженіе табели о рангахъ, публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ, — и вѣротерпимость, не говоря уже объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ... Какъ извѣстно, эта „молодость сѣдинъ“ не довела Радищева до добра. Упреки гр. Завадовскаго и напоминаніе о Сибири, а также, по всей вѣроятности, и разочарованіе, вызванное колебаніями во внутренней политикѣ начала царствованія Александра I, привели къ катастрофѣ. 11-го сентября 1802 года Радищевъ отравился, потомъ пытался зарѣзаться бритвой и въ началѣ перваго часа слѣдующаго дня скончался въ страшныхъ мученіяхъ.

Въ его лицѣ сошелъ въ могилу лучшій человѣкъ нашего XVIII вѣка, болѣзненно чуткій, честный и искренній, самоотверженный и стойкій борецъ за свои идеалы,

„добрый страдалецъ за землю русскую“, писатель и гражданинъ, отличавшійся „удивительною добросовѣстностью мысли“ [1]). Онъ предъявилъ къ русской жизни такія высокія тртбованія, которымъ она не сумѣла удовлетворить даже и теперь, спустя болѣе чѣмъ 100 лѣтъ.

Еще въ ссылкѣ онъ писалъ, что счелъ бы для себя истиннымъ благодѣяніемъ, еслибы ему позволили для изученія Сибири отлучиться изъ Илимска, и съ горечью прибавлялъ: „если дышу язвою, и взоръ мой возмущеніе разсѣеваетъ,—скитаяся по пустынямъ и дебрямъ, переходя лѣса, скалы и пропасти, кто можетъ чувствовать дѣйствіе толико злодѣйственна существа? Пускай гласъ мой не премѣнился, пускай выя не стерта и высится гордо,—гласъ ударять будетъ въ камень, отзвонокъ его изыдетъ изъ пещеры и раздастся въ дубравѣ необитаемой. Свидѣтели моихъ мыслей будутъ небо и земля; а Тотъ, Кто зритъ въ сердца и завѣсу внутренности нашея проницаетъ, Тотъ знаетъ, что́ я, что́ быть бы могъ и что́ буду“. По словамъ г. Мякотина (тамъ же, стр. 239), „вспоминая прошлое, онъ... находилъ возможнымъ заявить, что его взгляды остались тѣми же самыми, какими они были до осужденія, и выяснить смыслъ допущеннаго имъ отреченія... Онъ охотно измѣнилъ бы свои взгляды, еслибы его убѣждали „доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были. А на таковые я въ возраженіе, какъ авторъ, другого сказать не умѣлъ, какъ что сказалъ; *помню, что Галилей отрекся отъ доказательствъ своихъ о неподвижности солнца и, слѣдуя глаголу инквизиціи, воскликнулъ вопреки*

1) *Милюковъ*, l. c., стр. 83.

здраваго разсудка: солнце коловращается". Яснѣе представлялось теперь Радищеву и общее значеніе тѣхъ идей, выразителемъ которыхъ онъ явился въ исторіи русскаго общества, и свою собственную судьбу онъ ставилъ въ тѣсную связь съ этимъ значеніемъ. Въ мірѣ идей,—говоритъ онъ въ своемъ философскомъ трактатѣ,—новыя мысли распространяются съ быстротою электричества. „Едва одинъ возмогъ, осмѣлился, дерзнулъ изъятися изъ толпы, какъ вся окрестность согрѣвается его огнемъ и яко желѣзныя пылинки летятъ прилѣпитися къ мощному магниту. *Но нужны обстоятельства, нужно ихъ поборствіе, а безъ того Іоганъ Гусъ издыхаетъ въ пламени, Галилей влечется въ темницу, другъ вашъ въ Илимскъ заточается*". Но время уготовленія отъемлетъ всѣ препоны". За личными и случайными элементами своей судьбы Радищевъ открывалъ такимъ образомъ ея общій смыслъ, и терзавшая его душу скорбь смягчалась сознаніемъ величія той истины, провозвѣстникомъ и служителемъ которой явился онъ среди современнаго ему общества".

Да, онъ „одинъ возмогъ, осмѣлился, дерзнулъ изъятися изъ толпы", и тяжко за это поплатился. Его мысль, его чувство согрѣли чахлую и холодную „окрестность" тогдашней русской жизни. „Мощный магнитъ", онъ потянулъ къ себѣ многія „желѣзныя пылинки" изъ послѣдующихъ молодыхъ поколѣній и до сихъ поръ притягиваетъ къ себѣ вниманіе и глубокую симпатію всякаго вдумчиваго изслѣдователя историческихъ судебъ нашей общественной мысли...

Примѣчаніе

къ

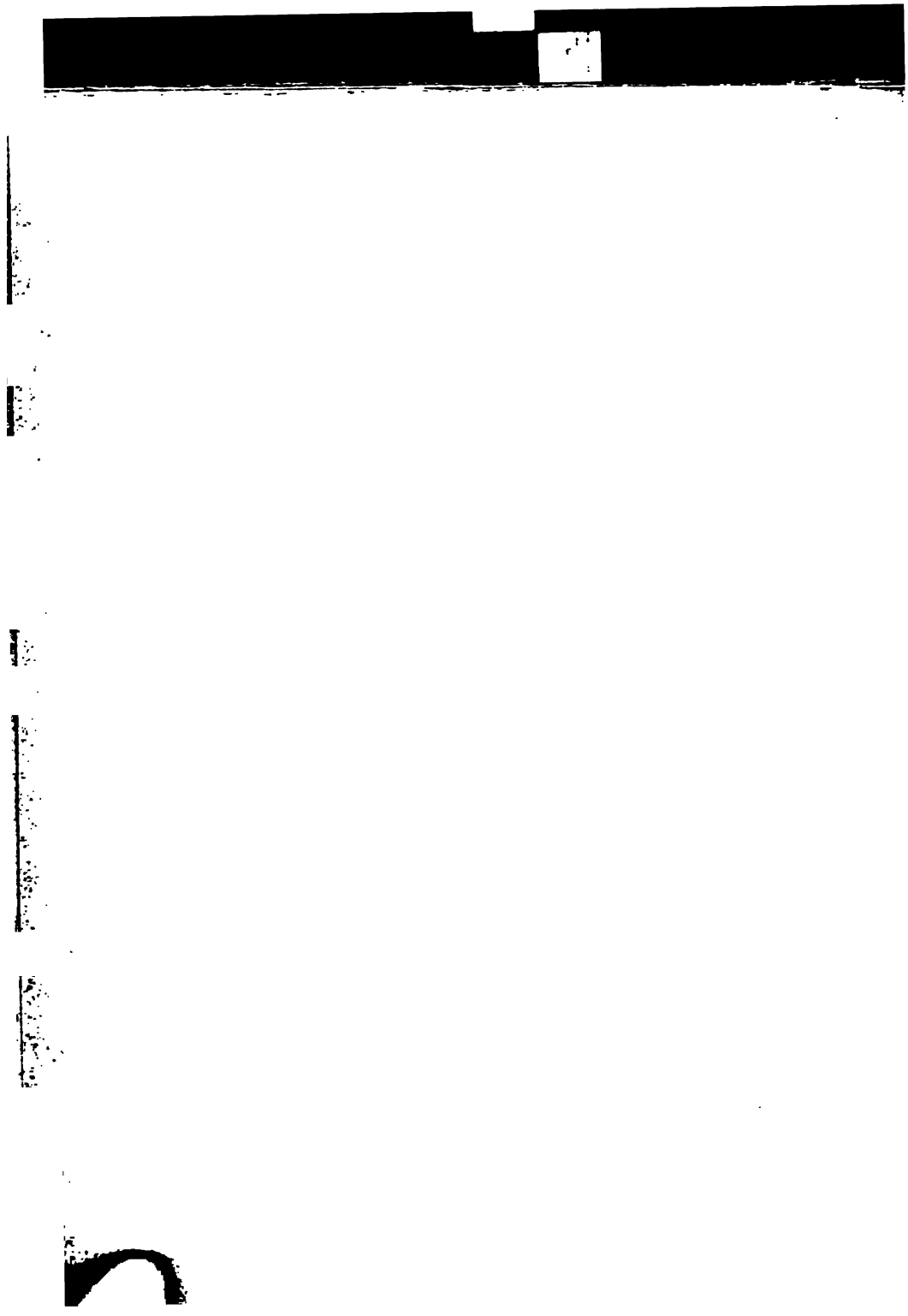
Переводу „Размышленій о Греческой исторіи“ Мабли.

(1773).

Самодержавство есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ опричь права собственныя сохранности [1]). Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣнно, но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ *безмолвный* договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея *обязанности*. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. *Государь есть первый гражданинъ народнаго общества.*

---

[1]) Законъ самосохраненія.



Письмо къ другу.

(1782).

Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ, по долгу званія своего [1]).

Санктпетербургъ, 8 августа 1782-го года.

Вчера происходило здѣсь съ великолѣпіемъ посвященіе монумента, *Петру Первому* въ честь воздвигнутаго, то-есть открытіе *его* статуи, работы *г. Фальконета.* Любезный другъ, побесѣдуемъ о семъ въ отсутствіи. Пребывая въ отдаленномъ *отечества* нашего краю, отлученный отъ твоихъ ближнихъ, среди людей, неизвѣстныхъ тебѣ ни со стороны качествъ разума и сердца, не нашедъ еще, можетъ быть, въ краткое время твоего пребыванія не токмо друга, но ниже пріятеля, съ коимъ бы ты могъ сѣтовать во дни печали и скорби и радоваться въ часы веселія и утѣхъ, ибо печаль и скорбь исчисляются днями и годами, веселіе часами, утѣхи же мгновеніемъ, ты охотно, думаю, употребишь часъ хотя единый отдохновенія твоего на бесѣдованіе съ дѣлившимъ нѣкогда съ тобою горесть и радовавшимся о твоей радости, съ кѣмъ ты юношескіе провелъ дни свои.

Вокругъ мѣста, гдѣ сооружался сокровенно чрезъ 15-ть лѣтъ образъ изваянный *императора Петра,* воздвигнута

---

[1]) Съ дозволенія Управы Благочинія. Въ Санктпетербургѣ, 1790 г.

была рисованная на полотнѣ заслона; а хоромина, бывшая надъ нимъ, непримѣтно сломана, и мѣсто вокругъ все очищено.

Въ день, назначенный для торжества, во второмъ уже часу пополудни, толпы народа стекалися къ тому мѣсту, гдѣ зрѣть желали лицо обновителя своего и просвѣтителя. Полки гвардіи Преображенскій и Семеновскій, бывшіе нѣкогда сотоварищи опасностей Петровыхъ и Его побѣдъ, также и другіе полки гвардіи, тутъ бывшіе, подъ предводительствомъ начальниковъ своихъ, окружили мѣста позорища, артиллерія, кирасирскій Новотроицкій полкъ и Кіевскій пѣхотный заняли мѣста на близъ лежащихъ улицахъ. Все было готово; тысящи зрителей на сдѣланныхъ для того возвышеніяхъ и толпа народа, разсѣяннаго по всѣмъ близъ лежащимъ мѣстамъ и кровлямъ, ожидали съ нетерпѣніемъ зрѣти образъ того, котораго предки ихъ въ живыхъ ненавидѣли, а по смерти оплакивали. Истинно бо есть и непреложно: достоинство заслуги и добродѣтель привлекаютъ ненависть нерѣдко и самихъ тѣхъ, кои [1]) причины не имѣютъ ихъ ненавидѣть; когда же вина и предлогъ ненависти исчезаетъ, то и она не отрицаетъ имъ должнаго, и слава Великаго Мужа утверждается по смерти. Сооружившая монументъ славы *Петра*, *императрица Екатерина*, сѣвъ на суда у лѣтняго своего дома, прибыла къ пристани; вышедъ на берегъ, шествовала на уготованное при Сенатѣ Ей мѣсто, между строя воевъ своихъ. Едва вступить она успѣла на оное, какъ бывшая вокругъ статуи заслона, помалу и непримѣтно какъ, опустилася. И се

---

[1]) Въ подлинникѣ „кой."

явился паки взорамъ нашимъ сѣдящъ на конѣ борзомъ, въ древней Отцовъ своихъ одеждѣ, Мужъ, основаніе града сего положившій и первый, который на невскихъ и финскихъ водахъ воздвигъ Россійскій Флагъ, доселѣ не существовавшій. Явился онъ взорамъ любезныхъ чадъ своихъ сто лѣтъ спустя, когда впервые трепещущая Его рука, младенцу ему сущу, пріяла скипетръ обширныя Россіи, предѣлы коея онъ расширилъ столь славно.

Благословенно да будетъ явленіе твое, речетъ преемница Престола Его и дѣлъ и преклоняетъ главу. Всѣ слѣдуютъ Ея примѣру. И се слезы радости орошаютъ ланиты. *О, Петръ!*—Когда громкія дѣла твои возбуждали удивленіе и почтеніе къ тебѣ, изъ тысящи удивлявшихся [2]) великости твоего духа и разума, былъ ли хотя единъ, кто отъ чистоты сердца тебя возносилъ? Половина была ласкателей, кои во внутренности своей тебя ненавидѣли и дѣла твои порицали; другіе, объемлемые ужасомъ безпредѣльно самодержавныя власти, раболѣпно предъ блескомъ твоея славы опускали зѣницы своихъ очей. Тогда былъ ты живъ, Царь, всесиленъ. Но днесь, когда ты ни казнить, ни миловать не можешь, когда ты бездыханенъ, когда ты меньше силенъ, нежели послѣдній изъ твоихъ воиновъ, шестьдесятъ лѣтъ по смерти, хвалы твои суть истинны, благодарность нелестна. Но колико кратъ болѣе признаніе наше было живѣе и тебя достойнѣе, когда бы оно не слѣдовало примѣру твоея преемницы, достойному хотя примѣру, но примѣру того, кто смерть и жизнь милліоновъ себѣ подобныхъ въ рукѣ своей имѣетъ. Признаніе наше

---

[2]) Въ подл. „удивлившихся".

было бы свободнѣе, и чинъ открытія изваяннаго твоего образа превратился бы въ чинъ благодарственнаго молебствія, каковое въ радости своей народъ возсылаетъ къ предвѣчному Отцу.

Изъ тысящей бывшихъ тутъ зрителей, извѣстныхъ было три человѣка, кои *Петра I* видѣли. Но непримѣтно было, ощутили ли они при явленіи Его образа то благоговѣніе, которое ощущаемъ, увидѣвъ Мужа славна, намъ извѣстнаго. — Дѣйствіе продолжалося. Пушечная пальба со стоящихъ на рѣкѣ судовъ, съ крѣпости и адмиралтейства и троекратной бѣглой огонь — возвѣщали отсутственнымъ явленіе образа, приведшаго силы пространныя Россіи въ дѣйствіе.—Стоявшіе въ строю полки ударили походъ, отдавая честь и съ преклонными знаменами шли мимо подавшаго имъ первый примѣръ слѣпого повиновенія воинской подчиненности, показывая учредителю своему плоды его трудовъ, при продолжающейся военныхъ судовъ пальбѣ, которые сардамскому плотнику въ честь украсилися многочисленными флагами. Сей день ознаменованъ прощеніемъ разныхъ преступниковъ и медалію, сдѣланною въ честь обновителя Россіи.

Статуя представляетъ мощнаго всадника, на конѣ борзомъ, стремящемся на гору крутую, коея вершины онъ уже достигъ, раздавивъ змѣю, въ пути лежащую и жаломъ своимъ быстрое ристаніе коня и всадника остановить покусившуюся. Узда простая, звѣриная кожа вмѣсто сѣдла, подпругою придерживаемая, суть вся конская збруя. Всадникъ безъ стремянъ, въ полукафтаньѣ, кушакомъ препоясанъ, облеченной багряницею, имѣющъ главу, лаврами вѣнчанную, и десницу простертую. Изъ сего довольно мо-

жешь усмотрѣть мысли изваятеля. Еслибъ ты здѣсь былъ, любезный другъ, еслибы ты самъ видѣлъ сей образъ, ты, зная и правила искусства, ты, упражняяся самъ въ искусствѣ, сему собратномъ, ты лучше бы могъ судить о немъ. Но позволь отгадать мнѣ мысли творца образа *Петрова*. Крутизна горы суть препятствія, кои *Петръ* имѣлъ, производя въ дѣйство свои намѣренія; змѣя, въ пути лежащая, коварство и злоба, искавшіе кончины его за введеніе новыхъ нравовъ; древняя одежда, звѣриная кожа и весь простой уборъ коня и всадника суть простые и грубые нравы и непросвѣщеніе, кои *Петръ* нашелъ въ народѣ, который онъ преобразовать вознамѣрился; глава, лаврами вѣнчанная—побѣдитель бо былъ прежде, нежели законодатель; видъ мужественный и мощный и [1]) крѣпость преобразователя; простертая рука, покровительствующая, какъ Ее называетъ Дидеро [2]) и взоръ веселый суть внутреннее увѣреніе достигшія цѣли, и рука простертая являетъ, что крѣпкіе мужъ преодолѣвъ всѣ стремленію его противившіеся пороки, покровъ свой даетъ всѣмъ, чадами его называющимся. Вотъ, любезный другъ, слабое изображеніе того, что, взирая на образъ *Петровъ*, я чувствую. Прости, буде я ошибаюся въ моихъ сужденіяхъ о искусствѣ, коего правила мнѣ малоизвѣстны. Надпись сдѣлана на камнѣ самая простая:

Петру Первому Екатерина Вторая, Лѣта 1782-го.

Петръ по общему признанію нареченъ Великимъ, а Сенатомъ—отцомъ Отечества. Но за что онъ можетъ *ве-*

---

[1]) Повидимому, опечатка (вмѣсто—тыре).

[2]) Дидро, энциклопедистъ.

ликимъ назваться? Александръ раззоритель полусвѣта названъ великимъ; Константинъ, омывыйся въ крови сыновней, названъ великимъ; Карлъ первый, возобновитель Римской Имперіи, названъ великимъ; Левъ, папа римскій, покровитель наукъ и художествъ, названъ великимъ; Козма Медицисъ [1]), герцогъ тосканскій, названъ великимъ; Генрихъ, добрый Генрихъ IV, король французскій, названъ великимъ; Людвикъ XIV, тщеславый и кичливый Людвигъ, король французскій, названъ великимъ; Фридрихъ II, король прусскій, еще при жизни своей названъ великимъ. Всѣ сіи Владѣтели, о множествѣ другихъ не упоминая, коихъ ласкательство великими называетъ, получили сіе названіе для того, что изступили изъ числа людей обыкновенныхъ услугами къ Отечеству, хотя великіе имѣли пороки. Частный человѣкъ гораздо скорѣе можетъ получить названіе великаго, отличаяся какой-либо добродѣтелію или качествомъ, но правителю народовъ мало, для пріобрѣтенія сего лестнаго названія, имѣть добродѣтели или качества частныхъ людей. Предметы, надъ коими разумъ и духъ его обращается, суть многочисленны. Посредственный Царь исполненіемъ одной изъ должностей своего сана былъ бы, можетъ быть, великій мужъ въ частномъ положеніи; но онъ будетъ худой государь, если для одной пренебрежетъ многія добродѣтели. И такъ, вопреки женевскому гражданину [2]), познаемъ въ Петрѣ мужа необыкновеннаго, названіе великаго заслужившаго правильно.

И хотя бы Петръ не отличился различными учрежденіями, къ Народной пользѣ относящимися, хотя бы онъ

---

[1]) Козимо Медичи, покровитель гуманистовъ.

[2]) Руссо.

не былъ побѣдитель Карла XII, то могъ бы и для того великимъ назваться, что далъ первый стремленіе столь обширной громадѣ, которая яко первенственное вещество была безъ дѣйствія.—Да не уничижуся въ мысли твоей, любезный другъ, превознося хвалами столь властнаго Самодержавца, который истребилъ послѣдніе признаки дикой вольности своего отечества. Онъ мертвъ, а мертвому льстити неможно! И я скажу, что могъ бы Петръ славнѣя быть, возносяся самъ и возносяся отечество свое, утверждая вольность частную; но если имѣемъ примѣры, что Цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, что происходило не отъ великодушія, но отъ сытостй своего Сана, то нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь упустилъ добровольно что ли(бо) изъ своея власти, сѣдяй на престолѣ [1]).

---

[1]) Еслибы сіе было писано въ 1790 году, то примѣръ Лудвига XVI далъ бы сочинителю другія мысли.

Примѣчаніе *Авт.*

Дневникъ одной недѣли.

Дневникъ одной недѣли.

Суббота.

Уѣхали они, уѣхали друзья души моей въ одиннадцать часовъ поутру... Я вслѣдъ за отдаляющеюся каретою устремлялъ падающіе противъ воли моей къ землѣ взоры. Быстро вертящіяся колеса тащили меня своимъ вихремъ вслѣдъ за собою,—для чего, для чего я съ ними не поѣхалъ?...

По обыкновенію моему пошелъ я къ отправленію моей должности. Въ суетѣ и заботѣ, не помышляя о себѣ самомъ, я пребылъ въ забвеніи, и отсутствіе друзей моихъ мнѣ было нечувствительно. Второй уже часъ; я возвращаюсь домой; сердце бьется отъ радости: облобызаю возлюбленныхъ. Двери отворяются,—никто навстрѣчу ко мнѣ не выходитъ. О, возлюбленные мои! вы меня оставили.—Вездѣ пусто — усладительная тишина! вожделѣнное уединеніе! у васъ я нѣкогда искалъ убѣжища; въ печали и уныніи вы были сопутники, когда разумъ преслѣдовать тщился истинѣ; вы мнѣ теперь несносны!

Не могъ я быть одинъ, побѣжалъ стремглавъ изъ дома и, скитаясь долго по городу безъ всякаго намѣренія, наконецъ, возвратился домой въ поту и усталости. — Я поспѣшно легъ въ постелю и—о, блаженная безчувственность!

едва сонъ сомкнулъ мои очи,—друзья мои представились моимъ взорамъ, и, хотя спящъ, я счастливъ былъ во всю ночь: ибо бесѣдовалъ съ вами.

Воскресеніе.

Утро прошло въ обыкновенной суетѣ.

Я ѣду со двора, ѣду въ домъ, гдѣ обыкновенно бываю съ друзьями моими. Но—и тутъ я одинъ. Грусть моя, преслѣдуя меня безотлучно, отнимала у меня даже нужное привѣтствіе благопристойности, дѣлала меня почти глухимъ и нѣмымъ. Съ тягостію, несказанною себѣ самому и тѣмъ, съ коими бесѣдовалъ, препроводилъ я время обѣда; спѣшу домой. — Домой? Ты паки одинъ будешь—пускай одинъ, но сердце мое не пусто, я живу не одною жизнью, живу въ душѣ друзей моихъ, живу стократно.

Мысль сія меня ободрила, и я возвращался домой съ веселымъ духомъ.

Но я одинъ—блаженство мое, воспоминаніе друзей моихъ, было мгновенно, блаженство мое было мечта. Друзей моихъ нѣтъ со мною, гдѣ они? Почто отъѣхали? Конечно, жаръ дружбы ихъ и любви столь малъ былъ, что могли меня оставить!—Несчастный! что ты произрекъ? Страшись! Се глаголъ грома, се смерть благоденствія твоего, се смерть твоей надежды! — Я убоялся самъ себя—и пошелъ искать мгновеннаго хотя спокойствія внѣ моего существа.

Понедѣльникъ.

День ото дня безпокойствіе мое усугубляется. На одномъ часѣ сто родится предпріятій въ головѣ, сто желаній въ сердцѣ, и всѣ исчезаютъ мгновенно. Ужели человѣкъ

толико рабъ своея чувствительности, что и разумъ его едва сверкаетъ, когда она сильно востревожится? О гордое насѣкомое! дотронись до себя, и познай, что ты и разсуждать можешь для того только, что чувствуешь, что разумъ твой начало свое имѣетъ въ твоихъ пальцахъ и въ твоей наготѣ. Гордись своимъ разсудкомъ, но прежде воспряни, чтобы остріе тебя не язвило, и сладость тебѣ не была пріятна.

Но гдѣ искать мнѣ утоленія хотя мгновеннаго моей скорби? Гдѣ? Разсудокъ вѣщаетъ: въ тебѣ самомъ. Нѣтъ, нѣтъ, тутъ-то я и нахожу пагубу, тутъ скорбь, тутъ адъ; пойдемъ.—Стопы мои становятся тише, шествіе плавнѣе—войдемъ въ садъ, общее гульбище—бѣги, бѣги, несчастный, всѣ скорбь твою на челѣ твоемъ узрятъ.—Пускай;—но какая въ томъ польза? Они соболѣзновать съ тобою не будутъ. Тѣ, коихъ сердца сочувствуютъ твоему, отъ тебя отсутственны?—Пойдемъ мимо.

Собраніе караетъ — позорище, — караютъ Беверлея [1])—войдемъ. Проліемъ слезы надъ несчастнымъ. Можетъ быть, моя скорбь умалится.—Зачѣмъ я здѣсь?... Но представленіе привлекло мое вниманіе и прервало нить моихъ мыслей.

Беверлей въ темницѣ—о! колико тяжко быть обмануту тѣми, въ которыхъ полагаемъ всю надежду! — онъ пьетъ ядъ—что тебѣ до того? Но онъ самъ причина своему бѣдствію—кто же поручится мнѣ, что и я самъ себѣ злодѣй не буду? [2]) Исчислилъ ли кто, сколько въ мірѣ западней? Измѣ-

---

[1]) Англійская „мѣщанская трагедія", переведенная (съ франц.) Дмитревскимъ въ 1772 г.

[2]) Сіе сбылось чрезъ нѣсколько лѣтъ. *Примѣчаніе автора.* Намекъ на ссылку въ Сибирь. Это указаніе, а также упоминанія о службѣ заставляютъ отнести эту статью къ 80-мъ годамъ.

рилъ ли кто пропасти хитрости и пронырства?... Онъ умираетъ... но онъ могъ бы быть счастливъ—о, бѣги, бѣги!— По счастію моему, запутавшіяся лошади среди улицы принудили меня оставить тропину, по которой я шелъ, разбили мои мысли.—Возвратился домой, жаркій день, утомивъ меня до чрезвычайности, произвелъ во мнѣ крѣпкій сонъ.

Вторникъ.

Спалъ я очень долго—здоровье мое почти разстроилось. Насилу могъ встать съ постели—легъ опять—заснулъ, спалъ почти до половины дня—пробудился, едва голову могъ приподнять—должность требуетъ моего выѣзда—невозможно, но отъ онаго зависитъ успѣхъ или неудача въ дѣлопроизводствѣ, зависитъ благосостояніе или вредъ твоихъ согражданъ—напрасно. Я въ такой почти былъ безчувственности, что еслибы мнѣ пришли возвѣстить, что комната, въ которой я лежалъ, скоро возгорится, то я бы не шевельнулся.—Пора обѣдать—нечаянный пріѣхалъ гость. Присутствіе его меня выводило почти изъ терпѣнія. Онъ просидѣлъ у меня вплоть до вечера... и, подивитесь, скука разогнала нѣсколько мою грусть—сбылася со мною сей день пословица русская: „выбивать клинъ клиномъ".

Среда.

Волненіе въ крови моей уменьшилось — я цѣлое утро просидѣлъ дома. Былъ веселъ, читалъ — какая нечаянная перемѣна! что тому причиною? О, возлюбленные мои! я читалъ живое изображеніе того, что ежечасно, ежемгновенно происходитъ, когда вы со мною. — О, мечта, о, очарованіе! почто ты непродолжительно?—Зовутъ обѣдать—мнѣ обѣ-

дать? Съ кѣмъ? одному!—нѣтъ—оставь меня чувствовать всю тяжесть разлуки — оставь меня. Я хочу поститься. Я имъ принесу въ жертву... Почто ты лжешь самъ себѣ? Нѣтъ никакого въ томъ достоинства. Желудокъ твой ослабѣлъ съ твоими силами и пищи не требуетъ—пойдемъ—едва въ цѣлый день могъ я совершить столько пути, сколько въ другое время совершаю въ одинъ часъ—возвратимся—и я лежу въ постелѣ—бьетъ полночь. О, успокоитель сокрушеній человѣческихъ! Гдѣ ты? почто я казнюся? Почто лишенъ тебя?—Едва заснулъ на разсвѣтѣ.

Четвертокъ.

Благая мысль—исполнилъ ее—зашелъ въ лавочку, купилъ два апельсина и крендель—пойдемъ: куда, несчастный? Въ Волкову деревню [1]).

На мѣстѣ семъ, гдѣ царствуетъ вѣчное молчаніе, гдѣ разумъ затѣй больше не имѣетъ, ни душа желаній, поучимся заранѣе взирать на скончаніе дней нашихъ равнодушно — я сѣлъ на надгробномъ камнѣ, вынулъ свой запасный обѣдъ и ѣлъ съ совершеннымъ души спокойствіемъ—пріучимъ заранѣе зрѣніе наше къ тлѣнности и разрушенію, воззримъ на смерть—нечаянный хладъ объемлетъ мои члены, взоры тупѣютъ.—Се конецъ страданію—готовъ... мнѣ умирать?—Да не ты ли хотѣлъ пріучать себя заблаговременно къ кончинѣ? Не ты ли сіе мгновеніе хотѣлъ ознакомиться?... мнѣ умирать? Мнѣ, когда тысячи побужденій существуютъ, чтобы желать жизни!.. Друзья мои! вы, можетъ быть, уже возвратилися, вы меня ждете; вы сѣтуете

---

[1]) Кладбище.

о моемъ отсутствіи — и мнѣ желать смерти? Нѣтъ, обманчивое чувствіе, ты лжешь, я жить хочу, я счастливъ.—Спѣшу домой—бѣгу—бѣгу,—но нѣтъ никого, никто меня не ждетъ. Лучше бы я тамъ остался, тамъ бы препроводилъ ночь...

Пятница.

Велѣлъ себя возить—обѣдалъ безо вкуса.

Ничто не помогаетъ,—уныніе, безпокойствіе, скорбь, о какъ близко отчаяніе! но на что толико грустить? еще два дни — и они, они будутъ со мною,—два дни—о ты, что можешь разлуку съ друзьями души моей исчислить временемъ, о ты, злодѣй, варвзръ, змій лютый!

Прочь, толикое хладнокровіе—во мнѣ сердце чувствуетъ, а ты разсуждаешь.

Едва я уснулъ... О возлюбленные мои! я васъ вижу—вы всѣ со мною, сомнѣваться мнѣ въ томъ не должно, прижмите меня къ своему сердцу, почувствуйте, какъ мое бьется,—но что! вы меня отталкиваете! вы удаляетесь, отворачивая взоры ваши! о пагуба, о гибель! се смерть жизни, се смерть души.—Куда идете, куда спѣшите? или не узнаете меня, друга вашего? друга... Постойте... мучители удалились—пробудился. Вонъ бѣги, удаляйся — се разверзста пропасть — они, они меня въ нее ввергаютъ — оставили—оставь ихъ, будь мужественъ.—Кого? друзей моихъ? Оставить? Несчастный! они въ твоей душѣ.

Суббота.

Утро прекрасное — кажется, природа обновилась — всѣ твари веселѣе — да, веселье возрождается въ душѣ моей. Возлюбленные мои возвратятся завтра—завтра! годъ цѣлый!

Изготовимъ для нихъ обѣдъ—тутъ они сядутъ. Я сяду съ ними, о веселіе! о надежда!—но ихъ еще здѣсь нѣтъ. Завтра будутъ они, завтра сердце мое не одно будетъ биться,—а если не возвратятся—вся кровь останавливается,—какое сомнѣніе! Прочь, прочь, я счастливъ быть хочу, я хочу быть блаженъ, о нетерпѣніе! о колико солнце путь свой лѣниво совершаетъ — ускоримъ его шествіе, осмѣемъ его завистливость, уснемъ—я легъ въ постелю до заката, заснулъ, и пробудился.

Воскресеніе.

До восхожденія солнца—о вожделѣнный день, о день блаженный! скончалося заранѣе мое терзаніе. Насталъ пріятный часъ. Друзья мои! сегодня, сегодня я васъ облобызаю.

Пообѣдалъ я немного—ускоримъ свиданіе наше—ускоримъ — о если имъ толико же скучно, какъ мнѣ? О если-бы они могли имѣть отзвонъ моего терзанія въ душахъ своихъ, колико пріятно будетъ для нихъ зрѣть меня нѣсколько часовъ прежде—поѣдемъ имъ навстрѣчу—чѣмъ скорѣе поѣду, тѣмъ скорѣе ихъ увижу, въ сей льстящей надеждѣ не видалъ я, какъ доѣхалъ до почтоваго стана.

Девятый часъ—они еще не ѣдутъ, можетъ быть, какое препятствіе—подождемъ. Никто не ѣдетъ.—Чьимъ вѣрить словамъ возможно, когда возлюбленные мои мнѣ даннаго слова не сдержали? Кому вѣрить на свѣтѣ? Все миновалось, ниспалъ обаятельный покровъ утѣхъ и веселій—оставленъ. Кѣмъ? Друзьями моими, друзьями души моей! Жестокіе, ужели толико лѣтъ сряду привѣтствіе ваше, ласка, дружба, любовь были обманъ? — Что изрекъ? несчастный! А если

какая непреоборимая причина положила на сей день препятствіе свиданію вашему? Какое хуленіе! страшись, чтобы не исполнилось! о горесть! о разлука! почто, почто я съ ними разстался? Если они меня забыли, забыли друга своего—о смерть! приди, вожделѣнная,—какъ можно человѣку быть одному, быть пустыннику въ природѣ!

Но они не ѣдутъ—оставимъ ихъ—пускай пріѣзжаютъ, когда хотятъ! приму сіе равнодушно, за холодность ихъ заплачу холодностію, за отсутствіе отсутствіемъ — возвратимся въ городъ;—несчастный, ты будешь одинъ;—пускай одинъ;—но кто за мною ѣдетъ вослѣдъ?—Они—нѣтъ, ихъ окаменѣлыя сердца чувствительность потеряли; забыли они свое обѣщаніе сегодня возвратиться; забыли, что имъ поѣду во срѣтеніе; забыли меня.—Пускай забываютъ; я ихъ забуду...

Понедѣльникъ.

Ихъ нѣтъ, и я одинъ! кого нѣтъ? Друзей... друзей моихъ? Нѣтъ друзей на свѣтѣ болѣе, коли они друзьями моими быть не захотѣли; чего ихъ ждать? — Уѣдемъ въ другой городъ — пускай они меня ждутъ; но сегодня поздно — исполнимъ завтра.

Вторникъ.

Простите, вѣроломные, простите, безчувственные—простите... Куда ѣдешь, несчастный? Гдѣ можетъ быть блаженство, если въ своемъ домѣ его не обрѣтаешь?—Но я оставленъ—но я одинъ, одинъ—одинъ!...

Карета остановилась—выходятъ—о радость! О блаженство! друзья мои возлюбленные!... Они!... Они!...

Житіе Ѳ. В. Ушакова.

(1789).

Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова.

Алексѣю Михайловичу Кутузову [1]).

Не безъ удовольствія, думаю, любезнѣйшій мой другъ, воспоминаешь иногда о дняхъ юности своея; о времени, когда всѣ страсти, пробуждаяся въ первый разъ, производили въ новой душѣ не стройное хотя волненіе, но дни блаженнѣйшіе всея жизни содѣловали. Беззаботный духъ и разумъ неопытностію не претили въ веселіи распростираться чувствамъ, чуждымъ скорбнаго еще нервовъ содроганія. Да и самая печаль, грусть и отчаяніе скользили, такъ сказать, на юномъ сердцѣ, не проницая начальную его твердость, когда нерѣдко наиплачевнѣйшій день скончавался веселія изступленіемъ. Отвлеки мысленно невинную часто порочность изъ дѣяній юности, найдешь, что послѣ первыхъ восторговъ веселія подобныхъ въ жизни своей не чувствовалъ. Первое веселіе назвать можно вершиною блаженства, и по тому только что оно первое; послѣдующее уже есть повтореніе, и нечаянности пріятность его не живитъ. Не съ удовольствіемъ ли, мой другъ, повторяю я, воспомянешь о времени возрожденія нашей дружбы, о блаженномъ семъ союзѣ душъ, составляющемъ

[1]) Извѣстный масонъ, товарищъ Радищева и другъ Карамзина.

нынѣ мое утѣшеніе во дни скорби и надѣяніе мое для дней успокоенія. Не возрадуешься ли, если узришь паки подавшаго нѣкогда намъ примѣръ мужества, узришь учителя моего по крайней мѣрѣ въ твердости.

Воспомяни, о мой другъ, *Ѳедора Васильевича,* сгараема внутреннимъ огнемъ, кончину свою слышавшаго изъ устъ нельстиваго своего врача, и къ тебѣ, мой другъ, къ тебѣ прибѣгающаго на скончаніе своего мученія... Воспомяни сію картину, и скажи, что дѣлалось тогда въ душѣ твоей. Піющій Сократъ отраву предъ друзьями своими наилучшее преподалъ имъ ученіе, какого во всемъ житіи своемъ не возмогъ.

Таковыя размышленія побудили меня описать житіе сотоварища нашего нашего *Ѳедора Васильевича Ушакова.* Я ищу въ томъ собственнаго моего удовольствія; а тебѣ, любезнѣйшему моему другу, хочу отверзти послѣднія излучины моего сердца. Ибо нерѣдко въ изображеніяхъ умершаго найдешь черты въ живыхъ еще сущаго.

Первые годы жизни *Ѳедора Васильевича* мало мнѣ извѣстны; и хотя бы охотно и съ удовольствіемъ ихъ я начерталъ, находя въ первѣйшихъ дѣтскихъ и отроческихъ дѣяніяхъ начальное образованіе души его, находя въ пятилѣтнемъ *Ушаковѣ* сѣмена твердости, душу его возвышавшей въ возмужалыхъ лѣтахъ: но лучше признаюсь въ невѣдѣніи моемъ, нежели поставлю что-либо гадательное вмѣсто истины, и единственнаго да не отыму побужденія ко чтенію сего повѣствованія-во истинѣ.

Но не гадательнымъ предположеніемъ назвать можно, если скажу, что воспитаніемъ своимъ въ сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ положилъ онъ основательное образова-

ніе прекрасныя своея души. Ибо въ душѣ своей болѣе предуспѣть могъ, нежели въ разумѣ, скончавъ жизнь свою тогда, когда юношескою крѣпостію мозга представленія, воображенія и мысли, проницая другъ друга, первыя полагаютъ украшенія верховнаго нашего члена—главы; когда разумъ, хотя собравъ посредствомъ чувствъ много понятій, не имѣлъ еще довольнаго времени устроить ихъ въ порядокъ, дабы и послѣднее возбуждало первое, преходя все между стоящее.

Успѣхи *Ѳедора Васильевича* въ наукахъ побудили тогда Тайнаго Совѣтника *Теплова* [1]) взять его къ себѣ въ должность Секретаря, съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника. По изданіи Рижскаго торговаго устава, при составленіи котораго онъ много трудился, получилъ онъ чинъ Коллежскаго Ассесора. Люди, ослѣпляющіеся внѣшностію и чтущіе въ человѣкѣ чинъ, а не человѣка, завидуя ему и предуказуя его возвышеніе, обучалися уже его почитать заранѣе: но сколь не равныхъ съ ними онъ самъ о себѣ былъ мыслей, доказалъ то самымъ дѣломъ.

Императрица Екатерина, между многими учрежденіями на пользу Государства, восхотѣла, чтобы между людьми, въ дѣлахъ судебныхъ или судопроизводныхъ обращающимися, было нѣкоторое число судей, имѣющихъ понятіе, какимъ образомъ отличившіеся законоположеніемъ своимъ народы оное сообразовали съ дѣяніями гражданъ на судѣ. На сей конецъ опредѣлила послать въ Лейпцигской Университетъ двѣнадцать юношей для обученія Юриспруден-

---

[1]) Григ. Ник. (1720—1770), въ 1767 г. членъ коммиссіи о коммерціи и присутствующій въ межевой экспедиціи, потомъ сенаторъ.

ціи и другимъ къ оной относящимся Наукамъ. Будучи извѣщенъ о семъ благомъ намѣреніи *Императрицы, Ѳедоръ Васильевичъ* прибѣгнулъ просьбою къ начальнику своему, да участвуетъ въ пріобрѣтеніи знаній, сотовариществуя юношамъ, избраннымъ для отправленія въ Лейпцигскій Университетъ.

Узнавъ о его предпріятіи, многіе изъ его друзей увѣщевали его, да останется при своемъ мѣстѣ, и да не предпочтетъ невѣрную стезю къ почестямъ, ученость, покровительству своего начальника, и да не подроетъ тѣмъ основанія своего возвышенія. Въ дѣлахъ житейскихъ, говорили они ему, все зависитъ отъ разсчета и уловки. Кто въ нихъ слѣдуетъ единому разсудку и добродѣтели, тотъ не брежетъ о себѣ. Благоразуміе, а иногда одинъ расторопный поступокъ далѣе возводятъ стяжающаго почестей, нежели всѣ добродѣтели и дарованіи совокупно. Положимъ, что Государь истинное достоинство только награждаетъ и пристрастенъ не бываетъ николи; но еслибы возможно было ему хотя одному быть безпристрастному въ своемъ государствѣ, всѣ другіе начальствующіе въ его образѣ таковы не будутъ; ибо если онъ возможетъ чуждъ быть родству, пріязни, дружбѣ, любви, хотя потому, что равнаго себѣ не имѣетъ, то кого найдешь ему подобнаго? Сверхъ же того онъ малаго токмо числа Отечеству или ему служащихъ самъ по себѣ знаетъ истинныя заслуги, о всѣхъ другихъ судитъ по слуху, награждаетъ того, кого назначаютъ Вельможи, казнитъ нерѣдко того, кто имъ не нравится. Изъ нѣсколькихъ милліоновъ ему подвластныхъ едва единое сто служатъ ему; всѣ другіе (источая кровавыя слезы, признаться въ томъ должно), всѣ другіе служатъ вельмо-

жамъ. Доказательства для сего не нужны. Скажу только одно: посмотри на поступающихъ въ чины; кто чинъ, или мѣсто, или награжденіе какого бы рода ни было получитъ, обязаннымъ себя, да и справедливо, почитаетъ благодарить за то вельможей. Одного благодаритъ за то, что его рекомендовалъ государю, другого за то, что не былъ ему противенъ, третьяго, чтобы впередъ не говорилъ о немъ худо. Государь нерѣдко бываетъ въ семъ случаѣ нечто иное, какъ корабль, направляемый тѣмъ вѣтромъ, который другихъ превозмогаетъ. И такъ, оставь пустую мысль и тщетное намѣреніе быть извѣстнымъ Государю, въ низкомъ состояніи слѣдуй начатому пути, и предуспѣешь.

Положимъ, что ты пребываніемъ своимъ въ училищѣ пріобрѣтешь знанія превосходнѣйшія, что достоинъ будешь управлять не токмо важнымъ отдѣленіемъ, но достоинъ будешь вѣнца; неужели думаешь, что тебя Государь поставитъ на первую по себѣ степень? Тщетная мечта юнаго воображенія! По возвращеніи твоемъ имя твое будетъ забыто. Вмѣсто того, что ты извѣстенъ нынѣ чрезъ твоего начальника, о тебѣ тогда и не воспомянутъ, ибо не удостоитъ тебя Государь, можетъ быть, воззрѣнія, отвлеченный отъ того или правленія заботою, или надменностію сана своего, или завистію вельможей, которые, осаждая непрестанно престолъ Царскій, претятъ проникнуть до него достоинству. А если истекаетъ на него награжденіе, то удѣляютъ его всегда въ видѣ милости, а не должнымъ за заслуги воздаяніемъ.—Ты помѣстишься въ число такихъ людей, кои не токмо не равны будутъ тебѣ въ познаніяхъ, но и душевными качествами иногда ниже скотовъ почесться могутъ; гнушаться ихъ будешь, но ежедневно съ

ними обращаться долженъ. Окрестъ себя узришь нерѣдко согбенные разумы и души, и самую мерзость. Возненавидѣнъ будешь ими; поженутъ тебя, да оставишь ристаніе имъ свободно. А если тогда начальникъ твой будетъ таковыхъ же качествъ, какъ и раболѣпствующіе ему, берегись: гибель твоя неизбѣжна.

Таковыми ужасными представленіями друзья *Өедора Васильевича* старался отвратить его отъ его предпріятія. Начальникъ его, хотя другими доводами, то же имѣлъ намѣреніе: но всѣ старанія ихъ были тщетны. Полагаяся твердо на правосудіе своего Государя и алкая науки, *Өедоръ Васильевичъ* пребылъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи и ученія ради сложилъ съ себя мужественный возрастъ, что степень почестей, ему уже давано въ обществѣ, сталъ неопытный юноша или паче дитя, преклоняяся въ управленіе наставнику, управлявъ уже собою нѣсколько лѣтъ въ разныхъ жизни обращеніяхъ.

Описывая житіе столь близкаго сердцу моему человѣка, какъ то былъ *Өедоръ Васильевичъ*, я не скрою однако же и того, чего разумъ его не могъ еще въ немъ исправить, и къ чему обращеніе въ большомъ Свѣтѣ пріучило юныя его чувства. Сіе то предвременное познаніе большого общества, гдѣ съ дядькою казаться уже стыдно, навлекло ему болѣзнь въ лѣтахъ крѣпости и смерть безвременную.

Вышедъ изъ Кадетскаго Корпуса, *Өедоръ Васильевичъ* сталъ управлять самъ собою. Семнадцатилѣтній юноша, наперстникъ вельможи, коего тогдашній доступъ до Государя всѣмъ былъ извѣстенъ, не могъ онъ обойтися безъ искушенія, и сіи были различнаго рода. Большая часть просителей думаютъ, и нерѣдко справедливо, что для достиже-

нія своей цѣли нужна [1]) пріязнь всѣхъ тѣхъ, кто хотя мизинцемъ до дѣла ихъ касается; и для того употребляютъ ласки, лесть, ласкательство, дары, угожденія и все, что вздумать можно, не только къ самому тому, отъ кого исполненіе просьбы ихъ зависитъ, но ко всѣмъ его приближеннымъ, какъ то къ Секретарю его, къ Секретарю его Секретаря, если у него оной есть, къ писцамъ, сторожамъ, лакеямъ, любовницамъ, и если собака тутъ случится, и ту погладить не пропустятъ [2]). Таковыя же ласкательства, угожденіи и Богъ вѣсть что употреблено было отъ просителей на снисканіе благоволенія *Ѳедора Васильевича*. Богачъ сулилъ злато, но не успѣвалъ, и долженствовалъ возвращаться съ негодованіемъ. Но если благорасположенная душа его отметала мздоимство, не могла она отметать всегда вида пріязни. Трудившись во весь день, охотно ѣзжалъ онъ по вечерамъ въ собраніи малыя и большія, на балы, маскарады, ужины, гдѣ нерѣдко просиживалъ за карточною игрою до полуночи, а иногда гораздо позже. Возвращаяся домой, нерѣдко вмѣсто возобновленія силъ благотворнымъ сномъ, принужденъ бывалъ приниматься паки за работу, и свѣтило дневное, восходя на освѣщеніе блаженства и несчастія, заставало его согбеннаго надъ трудомъ, не вкушавшаго еще сладости успокоенія.

Въ числѣ множественыхъ просителей бывали иногда женщины, женщины молодыя, которыя въ жару доводовъ о справедливой или неправильной ихъ просьбѣ, забывали иногда, чѣмъ были должны цѣломудрію, а иныя, помня

---

1) Въ подл. «нужда»

2) Срв. «Горе отъ ума» («собакѣ дворника, чтобъ ласкова была»...)

лѣта того, къ кому шли на прошеніе, умышленно употребляли чары красоты своея на пріобрѣтеніе благосклонности *Өедора Васильевича.* Такого рода приключеніе онъ самъ разсказывалъ. Се повѣсть его:

Пробывъ гораздо за полночь въ веселой бесѣдѣ съ людьми, обыкновенно друзьями называющимися, пріѣхавъ домой, работалъ онъ до пятаго часа утра, и утомившись веселіемъ и работою, заснулъ крѣпко. Беззаботливая юность не безпокоилась еще колючимъ терніемъ опытности, и мечты сна его столь же были исполнены веселія, какъ и бдѣніе. Ему снилося, что лежалъ въ объятіяхъ прекрасныя жены, упоенный сладострастіемъ, столь державно надъ юными чувствами властвующимъ, и среди прелестныя сея мечты отлетѣлъ сонъ отъ очей его. Но что же представилось просіявшему его взору? Сто кратъ любезнѣе видѣнной имъ во снѣ, зрѣлъ онъ отроковицу почти, сѣдящую подлѣ одра его, тщательно отгоняющую крылатыхъ насѣкомыхъ съ лица его и распростертымъ опахаломъ умѣряющую зной солнца, проникшаго уже лучомъ своимъ въ его спальню. Лѣто было, и часъ уже десятый. Не вдругъ повѣрилъ онъ, что проснулся. Зря его пробудившагося и устремляя взоры пламеннаго желанія, съ улыбкою страсти и гласомъ *Сирены*: „извините меня, Государь мой“, сказала просительница, „что я прервала вашъ сонъ и лишила васъ, можетъ быть, пріятныя мечты возлюбленной“. И проницала вѣщающая жаркимъ своимъ взоромъ всю его внутренность. Еслибы я писалъ любовную повѣсть, колико обильная предлежала бы начертанію жатва. Чувственность была въ *Өедорѣ Васильевичѣ* при началѣ своего возниченія, просительница жила въ разводѣ со старымъ мужемъ

имѣла нужду въ представительствѣ *Ѳедора Васильевича* провидѣла его горячее тѣлодвиженіе, пришла на уловленіе его—и успѣла.

О еслибы и мое пробужденіе могло быть иногда таково же, еслибы я паки имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ! Мой другъ, жалѣй, если хочешь, о моей слабости: но се истина.

Сими и симъ подобными случаями подсѣкъ *Ѳедоръ Васильевичъ* корень своего здравія и, не отъѣзжая еще въ Лейпцигъ, почувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзнь, неизбѣжное слѣдствіе неумѣренности и злоупотребленія тѣлесныхъ услажденій.

Какъ со времени начатія нашего путешествія повѣствованіе о *Ѳедорѣ Васильевичѣ* сопряжено съ повѣствованіемъ объ общемъ нашемъ пребываніи въ Лейпцигѣ, то не удивляйся, мой другъ, если оно коснется вообще положенія, въ которомъ мы находились, и если найдешь здѣсь нѣкоторыя черты расположенія твоихъ мыслей въ тогдашнее время. Ибо забыть того нельзя, колико единомысліе между нами царствовало.

Впродолженіе нашего пути *Ѳедоръ Васильевичъ* навлекъ на себя ненависть Путеводителя нашего, и самое то качество, которое ему пріобрѣло нашу приверженность, самое то было причиною, что *Бокумъ* [1]) его возненавидѣлъ. Твердость мыслей и вольное оныхъ изреченіе были въ немъ противны, и съ перваго раза, когда они въ немъ явны стали, началъ путеводитель нашъ помышлять, какъ бы погубить его. Но дивиться не должно, что противорѣчіе въ

---

[1]) „Гофмейстеръ", сопровождавшій русскихъ студентовъ, посланныхъ въ Лейпцигъ.

подчиненномъ, справедливое хотя противорѣчіе или, лучше сказать, единое напоминовеніе справедливости произвело здѣсь со стороны сильнаго негодованіе и прещеніе. Сіе въ самодержавныхъ правленіяхъ почти повсемѣстно. Примѣръ самовластія Государя, не имѣющаго закона на послѣдованіе, ниже въ расположеніяхъ своихъ другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начальника мыслить, что, пользуяся удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. И сіе столь справедливо, что нерѣдко правиломъ пріемлется, что противорѣчіе власти начальника (а) есть оскорбленіе верховной власти. Мысль несчастная, тысячи любящихъ. Отечество гражданъ заключающаяся въ темницу и предающая ихъ смерти; тѣснящая духъ и разумъ, и на мѣстѣ величія водворяющая робость, рабство и замѣшательство, подъ личиною устройства и покоя! Да сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію и *Гельвеціево* [1]) о семъ мнѣніе ежечасно подтверждается.

(а) Съ вѣроятностію корень сего правила о непрекословномъ повиновеніи найти можемъ въ воинскихъ законоположеніяхъ и въ смѣшеніи гражданскихъ чиновниковъ съ военными. Большая часть у насъ начальниковъ въ гражданскомъ званіи начали обращеніе свое въ службѣ Отечеству съ военнаго состоянія и, привыкнувъ давать подчиненнымъ своимъ приказы, на которые возраженія не терпитъ воинское повиновеніе, вступаютъ въ гражданскую службу съ пріобрѣтенными въ военной мыслями. Имъ кажется вездѣ строй; кричитъ въ судѣ „на караулъ", и опредѣленіе нерѣдко подписываетъ палкою.

Прим. авт.

[1]) Французскій философъ, матеріалистъ.

Привлекши на себя ненависть путеводителя нашего, *Өедоръ Васильевичъ* не возмутился сею мыслію, ибо что вѣщалъ ему, то была истина. *Бокумъ* рачилъ болѣе о своей прибыли, нежели о ввѣренныхъ ему. *Өедоръ Васильевичъ* имѣлъ болѣе опытности, нежели другіе его сотоварищи: довольныя причины для приведенія корыстолюбца на злобу.

Первый случай къ несогласію нашему съ нашимъ путеводителемъ, и первая причина его злобствованія противъ *Өедора Васильевича* было само въ себѣ малозначащее происшествіе, но великое имѣло дѣйствіе на расположеніе наше къ начальнику нашему. Мы всѣ воспитаны были по рускому обряду и въ привычкѣ хотя не сладко ѣсть, но до насыщенія. Обыкли мы обѣдать и ужинать. Послѣ великолѣпнаго обѣда въ день нашего выѣзда ужинъ нашъ былъ гораздо тощъ и состоялъ въ хлѣбѣ съ масломъ и старомъ мясѣ, ломтями рѣзанномъ. Таковое кушанье, для Нѣмецкихъ желудковъ весьма обыкновенное, востревожило Русскіе, привыкшіе болѣе ко штямъ и пирогамъ. И если захочешь безъ предубѣжденія внять винѣ нашего неудовольствія, къ несчастію нашему потомъ обратившагося, то найдешь корень онаго въ первомъ нашемъ ужинѣ. Покажется иному смѣшно, иному низко, иному нелѣпо, что благовоспитанные юноши могли начальника своего возненавидѣть за таковую малость: но самаго умѣреннѣйшаго человѣка заставь поговѣть недѣлю, то нетерпѣніе въ немъ скоро будетъ примѣтно. Если сладость наскучить можетъ, кольми паче голодъ. Худая по большой части пища и великая неопрятность въ пріуготовленіи онаго произвели въ насъ справедливое негодованіе. *Өедоръ Васильевичъ* взялся изъявить оное предъ нашимъ начальникомъ. Умѣренное

его представленіе принято почти съ презрѣніемъ, а особливо женою *Бокума*, которую можно было почитать истиннымъ нашимъ гофмейстеромъ [1]). Сіе произвело словопреніе, и кончилось тѣмъ, что *Ѳедоръ Васильевичъ* возненавиженъ сталъ обоими супругами.

Но не зналъ нашъ Путеводитель, что худо всегда отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе, и что высшая власть сокрушалася иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости.

Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали, наконецъ, презирать его власть. Еслибы желаніе ученія не остановляло насъ въ поступкахъ нашихъ и не умѣряло нашего негодованія, то *Бокумъ* на дорогѣ бы испыталъ, колико безразсудно, даже дѣтей, доводить до крайности. Во всѣхъ сихъ зыбленіяхъ боязни и отваги младшіе предводительствуемы были старшими. Изъ сихъ первый былъ *Ѳедоръ Васильевичъ*. Но если его кто почтетъ или сварливымъ, или злобнымъ, или пронырливымъ, или коварнымъ, или вспыльчивымъ, тотъ, конечно, ошибется. Единое негодованіе на неправду бунтовало въ его душѣ и зыбь свою сообщало нашимъ, немощнымъ еще тогда самимъ собою воздыматься на опроверженіе неправды. Таковыми происшествіями уготовлялися мы къ одной изъ знаменитѣйшихъ, по моему мнѣнію, эпохъ нашея жизни. Я говорю о содержаніи нашемъ въ Лейпцигѣ подъ стражею.

Ничто, сказываютъ, толико не сопрягаетъ людей, какъ несчастіе. Сія истина подкрѣпляется и нашимъ примѣромъ. Худые съ нами поступки нашего гофмейстера то-

[1]) Воспитатель, надзиратель.

лико насъ сдѣлали единомысленными, что, исключая нѣкоторыхъ изъ насъ, могли бы мы по истинѣ одинъ за другого жертвовать всѣмъ на свѣтѣ. Да сіе иначе быть не можетъ, ибо дружба въ юномъ сердцѣ есть, какъ и всѣ онаго чувствованія, стремительна. Краткое пребываніе наше въ Митавѣ, воззрѣніе неизвѣстныхъ намъ доселѣ нравовъ, обрядовъ, языка загладило въ душѣ *Ѳедора Васильевича* угрызеніе печали. Ежедневныя оскорбленія начинали было производить въ немъ раскаяніе о предпріятомъ путешествіи, но новые предметы отвлекли душу его отъ горестныхъ мыслей и содѣлали ее на нѣкоторое время къ оскорбленіямъ безчувственною. Но если новые предметы удобны были загладить въ душѣ *Ѳедора Васильевича* изрытіе печали; то не имѣлъ онъ однако же довольно опытности, такъ сказать, въ ученіи, дабы изъ путешествія своего извлечь всю возможную пользу. Примѣчанія достойно: человѣкъ, достигнувъ возмужалыхъ лѣтъ, когда начинаетъ испытывать силы разума, устремляемый бодростію душевныхъ силъ, обращаетъ проницательность свою всегда на вещи, внѣ зримой округи лежащія, возносится на крыліяхъ воображенія за предѣлы естественности и нерѣдко теряется въ неосязаемомъ, презирая чувственность, столь мощно его вождающую. Всѣ почти юноши, мыслить начинающіе, любятъ метафизику; съ другой же стороны, всѣ чувствовать начинающіе придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличнымъ. И такъ *Ѳедоръ Васильевичъ* мысли свои обращалъ болѣе къ умственнымъ предметамъ и не зналъ еще, какую полезность извлечь можно изъ путешествія.

Между людьми, получившими воспитаніе разнаго рода, понятія о священныхъ вещахъ долженствовали быть и были

разныя. Еслибы возможно было опредѣлить, какое каждый изъ насъ имѣлъ тогда понятіе о Богѣ и о должномъ Ему почитаніи, то бы описаніе сіе показалося взятымъ изъ какого-либо путешествія, въ коемъ описывается исповѣданіе вѣры неизвѣстныхъ народовъ. Иной почиталъ Бога не иначе, какъ палача, орудіемъ кары вооруженнаго, и боялся думать о Немъ, столь застращенъ былъ силою Его прещенія. Другому казался Онъ окруженнымъ толпою младенцевъ, азбучный учитель, котораго дразнить ни во что вмѣняется, ибо уловкою какою-нибудь можно избѣгнуть чего розги и скоро съ Нимъ опять поладить. Иной думалъ, что не токмо дразнить Его можно, но дѣлать все Ему на смѣхъ и вопреки Его велѣніямъ. Всѣ мы однако же воспитаны были въ греческомъ исповѣданіи, и для сохраненія насъ въ православіи отправленъ съ нами былъ монахъ, которому въ должность предписано было наставлять насъ въ Христіанскомъ законѣ, отправлять для насъ службу церковную и быть нашимъ духовникомъ.

Отецъ *Павелъ* былъ въ своемъ родѣ человѣкъ полуученый, зналъ по-латынѣ, по-гречески и нѣсколько по-еврейски. Въ семинаріи прошелъ всѣ нижніе и вышніе философскіе и богословскіе классы и былъ учителемъ риторики. Но если ему извѣстны были правила краснорѣчія, древними авторами преподданнаго, если зналъ онъ, что есть метафора, антитезисъ и прочія риторическія фигуры, то никто столь мало не былъ краснорѣчивъ, какъ нашъ отецъ *Павелъ*. Добродушіе было первое въ немъ качество, другими же онъ не отличился [1]) и болѣе способствовалъ къ возродившемуся въ насъ въ то время непочтенію къ священнымъ вещамъ, не-

[1]) Отличался.

жели удобенъ былъ дать наставленіе въ священномъ законѣ. Судить можно изъ слѣдующаго.

Исправленіе наше (ибо при первомъ нашемъ свиданіи онъ почелъ насъ богоотступниками, хотя ручаться можно, что ни одинъ изъ насъ въ то время ниже повѣсти не читывалъ о аѳеистахъ), исправленіе наше началъ онъ тѣмъ, что заставилъ насъ при утреннихъ и вечернихъ на молитвѣ собраніяхъ пѣть. Если воспомнишь, мой другъ, сколь нестройный, несогласный и шумный у насъ былъ всегда концертъ, то и теперь еще улыбнешься. Иной тянулъ очень низко, иной высоко, иной тонко, иной звонко, иной чрезчуръ кудряво, и, наконецъ, устроенное на пріученіе ко благоговѣнію превратилося постепенно въ шутку и посмѣялище.

Отецъ *Павелъ*, если припомнишь, гораздо былъ смѣшливъ и если случалося ему во время богослуженія видѣть что-либо смѣшное, то, забывъ важность своего дѣйствія, начиналъ смѣяться, какъ то случилося ему, въ Лейпцигѣ, увидѣвъ одного изъ насъ, а именно *К. Т.* [1]) поющаго на крылосѣ, искрививъ лицо для высокаго напѣва. Для сей то причины онъ отправлялъ богослуженіе, большею частію зажмурившись.

Въ Ригѣ на молитвѣ случилось весьма смѣшное происшествіе. Отецъ *Павелъ*, опасаясь увидѣть что-либо предъ глазами, могущее подвигнуть его на смѣхъ, зажмурился, начиная пѣніе. Симъ *М. У.* [2]), человѣкъ шутливый и проказливый, захотѣлъ воспользоваться, дабы разсмѣшить нашего отца *Павла*.

---

[1]) Кн. Трубецкого (Вас.), товарища Радищева по Лейпцигскому Университету.

[2]) Мих. Ушаковъ.

Икона, предъ коей совершался нашъ молитвенный напѣвъ, стояла вверху довольно просторнаго стола, на которомъ раскладены лежали наши шапки, шляпы, муфты, перчатки. Предъ столомъ стоялъ отецъ *Павелъ*, зажмурившись. *М. У.*, взявъ легонько одну изъ перчатокъ, на столѣ лежавшихъ, и согнувъ персты ея образомъ смѣшного кукиша, положилъ оную возвышенно прямо предъ поющаго нашего духовника. При дѣланіи поясныхъ поклоновъ, растворилъ зажмурившійся глаза свои, и первое представилася ему сложенная перчатка. Не могъ онъ воздержаться, захохоталъ громко, и мы всѣ за нимъ.

Отецъ *Павелъ*, не привыкнувъ еще къ нашимъ проказамъ, обрѣталъ въ нихъ болѣе, нежели простыя и юношескія шутки. Оборотясь, наименовалъ онъ насъ богоотступниками, непотребными и другими въ приложеніи юношества смѣшными названіями; сдѣлавшаго же вину смѣха называлъ, неграмматикально, можетъ быть, мошенникомъ, да и того хуже. При первыхъ уже словахъ *М. У.*, будучи весьма вспыльчивъ, восколебался, и столь же смѣшнымъ дѣяніемъ, какъ сей неприличными словами, представили намъ позорище, какого ни на какомъ театрѣ за рубль купить не можно. *М. У.*, схвативъ висящую на стѣнѣ шпагу и привѣсивъ ее къ бедрѣ своей, бодро приступилъ къ чернецу; показывая ему эфесъ съ темлякомъ, говорилъ ему, немного заикаясь отъ природы: *забылъ развѣ, батюшка, что я кирасирскій офицеръ*. Въ такомъ вкусѣ было продолженіе сего дѣйствія, которое для насъ кончилось смѣхомъ, для *М. У.* мнимою побѣдою, а для отца *Павла* отытіемъ съ негодованіемъ въ свою комнату.

Сіе и подобныя сему происшествія умалили въ насъ почтеніе къ духовной надъ нами власти, такъ какъ шутки

надъ нашимъ гофмейстеромъ нѣкотораго проѣзжавшаго россійскаго гвардіи офицера, о чемъ я скажу послѣ, возбудили къ нему въ насъ совершенное пренебреженіе.

Еще о краснорѣчіи отца *Павла:* слѣдуя, не вѣдаю, данному предписанію или по собственному своему побужденію, онъ каждое воскресеніе по совершеніи литургіи становился предъ царскими дверьми за налоемъ, и преподавалъ намъ толкованіе о чтенномъ того дня Евангеліи. Вслѣдствіе сего обряда въ нѣкакой праздникъ, во Благовѣщеніе, если хорошо помню, онъ объяснить намъ старался, что въ священномъ писаніи разумѣется подъ ангеломъ Божіимъ. „Ангелъ есть слуга Господень, котораго Онъ посылалъ для посылокъ; онъ то же, что у государя курьеръ, какъ то г. *Гуляевъ*". Тогда былъ въ Лейпцигѣ пріѣхавшій изъ Петербурга съ нѣкоторыми приказаніями курьеръ кабинета и былъ съ нами присутственъ на литургіи. При изреченіи сего забыли мы должное къ церкви благоговѣніе, забыли ангела, видѣли дѣйствительнаго курьера, и всѣ захохотали громко. Отецъ *Павелъ* засмѣялся за нами вслѣдъ, зажмурилъ глаза, потомъ заплакалъ и сказалъ „Аминь".

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, забылъ *Ѳедоръ Васильевичъ* всѣ обиды и притѣсненія своего начальника и вдался ученію съ наивеличайшимъ рвеніемъ, но какъ не окоренѣлъ еще въ трудолюбіи сего рода, то на время отъ онаго отвлеченъ былъ случившимся съ нами непріятнымъ происшествіемъ, которое для всѣхъ насъ было дѣятельною наукою нравственности во многихъ отношеніяхъ.

Если иные въ повѣствованіи семъ найдутъ что-либо пристрастное, не буду тронутъ тѣмъ, вѣдая, что они ошибают-

ся; но ты, мой другъ, будучи содѣйствователь всего, обрящешь въ немъ истину.

Имѣя власть въ рукѣ своей и деньги, забылъ гофмейстеръ нашъ умѣренность и, подобно правителямъ народовъ, возмнилъ, что онъ не для насъ съ нами; что власть, ему данная надъ нами, и опредѣленныя деньги не на нашу были пользу, но на его. Власть свою хотѣлъ онъ употребить на приведеніе насъ къ молчанію о его поступкахъ. Человѣкъ много можетъ сносить непріятностей, удрученій и оскорбленій. Доказательствомъ сему служатъ всѣ единоначальства. Гладъ, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогаютъ. Не доводи его токмо до крайности. Но сего то притѣснители частные и общіе, по счастію человѣчества, разумѣютъ и, простирая повсемѣстную тяготу, предѣлъ оныя, на коемъ отчаяніе бодрственную возноситъ главу, зрятъ всегда въ отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительною для человѣка мглою. Не вѣдаютъ мучители, и даждь Господи, да въ невѣдѣніи своемъ пребудутъ ослѣпленны навсегда, не вѣдаютъ, что составляющее несносную печаль сему, другому не причиняетъ ниже единаго скорбнаго мгновенія, да и, въ оборотъ, то, что въ одномъ сердцѣ ни малѣйшаго не произведетъ содроганія, во стѣ другихъ родитъ отчаяніе и изступленіе. Пребуди, благое невѣдѣніе, всецѣло, пребуди нерушимо до скончанія вѣка, въ тебѣ почила сохранность страждущаго общества! Да не дерзнетъ никто совлещи покровъ сей съ очей власти, да исчезнетъ помышляяй о семъ, и умретъ въ сѣмени до рожденія своего!

Первое, чѣмъ *Бокумъ* по пріѣздѣ въ Лейпцигъ началъ правленіе свое, было сокращеніе издержекъ относительно

насъ, елико то возможно было. Но не воображай, чтобы домостроительство было тому причиною; что онъ отчислялъ отъ нашего содержанія, то удвоялъ во своемъ и принужденъ былъ лишать насъ даже нужнѣйшихъ вещей на содержаніе наше. О семъ тѣ, кои изъ насъ были постарѣе, и въ числѣ оныхъ первый былъ *Ѳедоръ Васильевичъ*, дѣлали ему весьма кроткія представленія, гораздо кротче, нежели когда-либо парижскій парламентъ дѣлывалъ французскому королю. Но какъ таковыя представленія были частныя, какъ то бываютъ и парламентскія, а не отъ всѣхъ, то *Бокумъ* отвергалъ ихъ толико же самовластно, какъ и король французской, говоря своему народу: „въ томъ состоитъ наше удовольствіе".

Наскучивъ представленіями, *Бокумъ* захотѣлъ ихъ пресѣчь вдругъ, показавъ пространство своей власти. Придравшись къ маловажному проступку *К. Т.*[1]), онъ посадилъ его подъ стражу, отлучивъ его отъ обхожденія съ нами, и приставилъ у дверей комнаты, въ которую онъ былъ посаженъ, часового съ полнымъ оружіемъ, выпросивъ нарочно для того трехъ человѣкъ солдатъ. Не довольствуяся таковымъ наглымъ поступкомъ, онъ грозилъ посажденному подъ стражу, и намъ за нимъ, если на уймемся, то [2]) по данной ему власти онъ будетъ насъ наказывать фуктелемъ [3]), какъ то называютъ, или ударами обнаженнаго тесака по спинѣ. Сіе произвело въ насъ противное дѣйствіе тому, которое онъ ожидалъ. Вѣдали мы, что власти таковой ему

---

[1]) Кн. В. Трубецкого.
[2]) Что.
[3]) Фухтелемъ.

дано не было, и всякому извѣстно было, что мягкосердіе начинало въ Россіи писать законы, оставя всѣ извѣты лютости прежнихъ, хотя поистинѣ душесильныхъ временъ. Негодованіе въ насъ возросло до изступленія; но мы не забыли еще умѣренности, и хотя скопомъ и заговоромъ, но для ребятъ довольно правильно и благопристойно пришли всѣ просить его объ отпущеніи вины *К. Т.* и объ освобожденіи его изъ-подъ стражи. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться кроткимъ расположеніемъ душъ нашихъ и привлечь къ себѣ нашу признательность отпущеніемъ вины сотоварища нашего въ уваженіе нашея просьбы, онъ ее нагло отвергнулъ и выслалъ насъ съ презрѣніемъ. Сіе уязвило сердца наши глубоко, и мы не столько помышлять начали о нашемъ ученіи, какъ о способахъ освободиться отъ толико несноснаго ига.

Подобно какъ въ обществахъ, гдѣ удрученіе начинаетъ превышать предѣлы терпѣнія, и возникаетъ отчаяніе, такъ и въ нашемъ обществѣ начиналися сходбища, частыя совѣтованія, предпріятія и все, что при заговорахъ бываетъ, взаимныя о вспомоществованіи обѣщанія, неумѣренность въ изреченіяхъ; тутъ отважность была похваляема, а робость молчала, но скоро единомысліе протекло всѣмъ души, и отчаяніе ждало на воспаленіе случая.

Бокумъ онаго не удалялъ. Причина нашего неудовольствія была недостатокъ иногда въ нужныхъ для нашего содержанія вещахъ, то-есть въ пищѣ, одеждѣ и прочемъ. Вторая зима по пріѣздѣ нашемъ въ Лейпцигъ была жесточѣе обыкновенныхъ, и съ худыми предосторожностями холодъ чувствительнѣе для насъ былъ, нежели въ самой Россіи при тридцати градусахъ стужи.

Домостроительство *Бокума* простиралось и на дрова, и мы болѣе въ семъ случаѣ терпѣли недостатка, нежели въ чемъ другомъ. Хотя запрещено было, какъ то намъ сказывали, присылать къ намъ деньги изъ домовъ нашихъ, но мы, неизвѣстны будучи о семъ запрещеніи и охотны, особливо на случай нужды, преступить сіе повелѣніе, имѣли при отъѣздѣ нашемъ изъ Россіи по нѣскольку собственныхъ денегъ. Кто ихъ имѣлъ, не только удовлетворялъ необходимымъ своимъ нуждамъ, но снабжалъ и товарищей своихъ. Словомъ, во все продолженіе нашего пребыванія, кто имѣлъ свои деньги, тотъ употреблялъ ихъ не токмо на необходимыя нужды, какъ то на дрова, одежду, пищу, но даже и на ученіе, на покупку книгъ; не утаю и того, что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любострастіи невоздержанію, но не онѣ къ возрожденію онаго въ насъ были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень, какъ то оно есть и вездѣ, въ чемъ всякій человѣкъ безъ предубѣжденія признается.

Одинъ изъ нашего общества, *Н.*, [1]) не получалъ изъ дому своего ни копѣйки и для того претерпѣвалъ болѣе другихъ нужду. Въ помянутую зиму не въ силахъ болѣе терпѣть холода ради болѣзненнаго расположенія тѣла, рѣшился сдѣлать гофмейстеру представленіе. *Бокума* онъ нашелъ играющаго на биліардѣ съ нѣкоимъ изъ его единоземцевъ и главнымъ подстрекателемъ (b) его надменности.

[1]) Ив. Насакинъ.

(b) Сказывали, что сей молодецъ, за деньги доставъ себѣ званіе министра при какомъ то дворѣ, должность свою отправлялъ съ по-

Н. объявилъ ему о своемъ недостаткѣ, прося дать приказаніе истопить его горницу. За день сего *Бокумъ* посадилъ подъ стражу *К. Т.*, который былъ комнатный товарищъ *Н.* На отказъ, сдѣланный *Бокумомъ*, *Н.* сдѣлалъ возраженіе, а *Бокумъ*, не хотя онаго слушать, а особливо при напоминателѣ о его власти, оставивъ свою игру, началъ пришедшаго толкать неучтиво; а какъ сей тому противился и, къ нему обернувшись, говорилъ, что требованіе его о семъ справедливо, то *Бокумъ*, и паче того раздраженный, ударилъ *Н.* по щекѣ. Сей мнимый отчасти знакъ безчестія столь сильно обезоружилъ *Н.*, что онъ, не сказавъ болѣе начальнику нашему ни слова, поклонился и вышелъ вонъ.

Отрада несчастному есть убѣжище на лонѣ дружбы, бесѣдованіе о скорби своей. И возвѣстилъ намъ обиженный о происшедшемъ съ нимъ. Презрѣніе къ начальнику нашему было первое душъ нашихъ движеніе; но скоро къ тому присовокупилось и негодованіе. Всякъ боялся такой же участи; иной мечталъ уже слѣдствіе своего отчаянія въ такомъ случаѣ, другой, изумленный предварительно таковою мыслію, находился въ нерѣшимости, что должно будетъ ему сдѣлать, если на него падетъ жребій, равный съ *Н.* Но всѣ единогласно положили, что *Бокумъ*, сдѣлавъ поступокъ, противный не только добрымъ нравамъ, но и благопристойности, долженствовалъ сдѣлать *Н.* удовлетво-

---

хвалою. Сіе оправдаетъ мнѣніе тѣхъ, кои думаютъ, чтобъ быть употреблену съ похвалою въ дѣлахъ министерскихъ, надобенъ умъ, а честности мало. Коварство, пронырство, искусство выситься и вивиться по обстоятельствамъ могутъ сдѣлать отличнаго министра, но добраго гражданина николи.

Прим. авт.

реніе за обиду. „Въ общежитіи“, говорилъ намъ *Ѳедоръ Васильевичъ*, „если таковой случай произойдетъ, то оной не иначе заглаженъ быть можетъ, какъ кровію“. Сіе говорилъ онъ изъ опытовъ и подкрѣплялъ примѣрами; но ни онъ, ни мы не понимали еще всей гнусности поединковъ въ благоучрежденномъ обществѣ, и, вождаемые примѣрами судили, что настоялъ бы и теперь къ оному случай, еслибы дѣло должно было имѣть съ постороннимъ человѣкомъ, а не съ начальникомъ нашимъ.

Мы въ то время начали только слушать преподаванія права естественнаго и, не объявъ еще всю онаго связь, остановились при первыхъ движеніяхъ, производимыхъ въ человѣкѣ оскорбленіемъ. Не имѣя въ шествіи своемъ нималѣйшія преграды, человѣкъ въ естественномъ положеніи при совершеніи оскорбленія, влекомый чувствованіемъ сохранности своей, пробуждается на отраженіе оскорбленія. Отъ сего рождается мщеніе, или древній законъ, *око за око,* законъ, ощущаемый человѣкомъ всечасно, но загражденный и умѣряемый закономъ гражданскимъ. Несовершенное еще расположеніе мыслей представило уму нашему въ естественномъ насъ положеніи, въ отношеніи нашего начальника, и мы заключили, что *Н.* долженствовалъ возвратить *Бокуму* полученную имъ пощечину.

Заключительный и общій нашъ приговоръ былъ таковъ, что *Н.* долженъ идти къ *Бокуму* и въ присутствіи нашемъ требовать отъ него въ обидѣ своей удовлетворенія. Если же онъ не восхочетъ того исполнить, то надлежитъ ему пощечину *Бокуму* возвратить. Долго *Н.* размышлялъ, колебался, и не могъ рѣшиться на сей поступокъ; но мы приговоръ нашъ подкрѣпили тѣмъ, что если онъ сего не

исполнитъ, то лишенъ будетъ нашея пріязни и обхожденія съ нами. Ничто столь сильнаго и столь скораго не могло произвести дѣйствія въ душѣ оскорбленной *Н.*, какъ наша угроза. Еслибы приговоръ нашъ былъ въ противную сторону, то онъ, да и всякій изъ насъ, и кто бы то ни было, въ равномъ токмо съ нами положеніи, терпѣливо бы принялъ еще десять пощечинъ, нежели бы захотѣлъ притти въ презрѣніе у своихъ сотоварищей.

Собравшися и условившись, какимъ образомъ долженствовалъ *Н.* требовать отъ *Бокума* удовольствія въ обидѣ, ему сдѣланной, мы пошли къ нему, исключая *К. Т.*, который сидѣлъ подъ стражею.

Въ комнатѣ, гдѣ бывала обыкновенная наша трапеза, дожидались мы его, пославъ его извѣстить, что мы желаемъ его видѣть. Едва онъ вошелъ въ комнату, какъ началося дѣйствіе, которое при первомъ шагѣ нашего житія могло бы превратнымъ жребіемъ ввергнуть насъ въ совершенную гибель. Столь юность безъ совѣтовъ дружества сама себѣ губительна! но Провидѣніе бдѣло надъ нами, ибо превратности въ сердцѣ нашемъ не зрѣло; и для того щитъ его носится всегда надъ неопытностію и блюдетъ ее въ самой пропасти.

Вслѣдствіе сдѣланнаго между нами положенія *Н.*, подступивъ въ *Бокуму*, просилъ отъ него удовлетворенія въ въ обидѣ. Пріятнѣе, можетъ быть, будетъ читателю, пріятнѣе тебѣ, мой любезный другъ, если я употреблю здѣсь самыя почти тѣ слова, которыя въ то время были изречены; они были кратки, какъ и дѣйствіе было мгновенно.

Н. Вы меня обидѣли, и теперь пришелъ я требовать отъ васъ удовольствія.

Б. За какую обиду и какое удовольствіе?

Н. Вы мнѣ дали пощечину.

Б. Не правда, извольте идти вонъ.

Н. А если не такъ, то вотъ она, и другая.

Сіе говоря, ударилъ *Н. Бокума* и повторилъ ударъ. Опасаясь дальнѣйшаго слѣдствія, *Бокумъ* вышелъ изъ горницы. Писарь *Бокумовъ*, бывшій тогда съ нимъ, вообразивъ себѣ, что *Н.* хочетъ Господина его заколоть, ибо имѣлъ при себѣ шпагу, оторвалъ у него ее съ бедры, за что онъ былъ наказанъ только тѣмъ, что *М. У.* снялъ съ него парикъ. Но причина, для коей *Н.* имѣлъ при себѣ шпагу, была иная; онъ былъ въ гостяхъ и, пришедъ, не имѣлъ времени раздѣться, и на сраженіе пришелъ со шляпою и шпагою; но *Бокумъ* въ обвиненіи своемъ не пропустилъ сего обстоятельства и сказалъ, что мы, а паче *Н.*, покушались на его жизнь, и сей вынулъ уже шпагу изъ ноженъ до половины, но онъ насъ, какъ ребятъ, разогналъ и раскидалъ. И такъ въ самой клеветѣ не забывалъ онъ хвастовства и никогда не признался, что *Н.* ему возвратилъ пощечину съ лихвою.

Но еслибы вздумали располагать великость вины по оружію, которое кто имѣлъ, то никого не надлежало обвинить болѣе другихъ, какъ меня. Ибо у меня были въ то время карманные пистолеты, заряженные съ дробью, которые я, купивъ за день предъ симъ происшествіемъ, зарядилъ и хотѣлъ идти испытать оныхъ дѣйствіе въ опредѣленномъ къ тому мѣстѣ, но, по счастію, меня тогда не обыскали. Изъ сего глупыя юности происшествія могло бы произойти, признаюся охотно, что-либо слезное и несмѣшное, еслибы *Бокумъ* имѣлъ кого-либо при себѣ, опричъ стараго своего

писаря, и еслибы, вождаемъ мыслію, что мы умышляли убить его, сталъ бы на насъ наступать. Въ жару изступленія чего не могло бы случиться, но, къ счастію, *М. У.* двери заперъ, и на крикъ стараго писаря никто войти не могъ.

По совершеніи нашего приступа, мы, почитая его правильнымъ поступкомъ, заявили о немъ университетскому ректору. Возвратяся отъ него, души наши покойны не были. Мы чувствовали нашъ поступокъ, но чувствовали и тягость нашего положенія, и на вѣсахъ правосудія мы осуждены бы быть не могли. Но всякій судія есть человѣкъ, нерѣдко вождается внѣшностію.

Я нынѣ еще трепещу, воспоминая о намѣреніи нашемъ при семъ происшествіи. Мы разсуждали, что нашъ поступокъ, конечно, не одобрятъ, что *Бокумъ* расцвѣтитъ его тусклыми красками клеветы, что если посадилъ подъ стражу за маловажный поступокъ, можетъ сдѣлать надъ нами еще болѣе, и мы возвращены будемъ въ Россію для наказанія, а болѣе того на посмѣяніе; и для того многіе изъ насъ намѣреніе положили оставить тайно Лейпцигъ, пробраться въ Голландію или Англію, а оттуда, сыскавъ случай, ѣхать въ Остъ-Индію или Америку. Таковы могли быть слѣдствія безразсудной строгости начальника и неопытной юности. Но *Бокумъ* предварилъ умышляемому нами побѣгу, и не прошло получаса, какъ онъ, испросивъ отъ тамошняго военнаго начальника солдатъ вооруженныхъ, посадилъ насъ подъ стражу, каждаго въ своей комнатѣ.

Въ семъ тягчительномъ для насъ положеніи мы прибѣгнули къ россійскому въ Дрезденѣ министру [1]), описавъ

[1]) Кн. Бѣлосельскій.

ему случившееся во всей подробности, но письмо наше до него не дошло, какъ то мы послѣ того узнали, ибо *Бокумъ* тамошнему правительству сказалъ ложно, что ему велѣно было всѣ наши письма останавливать, и не прежде отправлять въ Россію, какъ онъ увѣдомленъ будетъ о ихъ содержаніи. Такимъ образомъ ни министръ нашего двора въ Дрезденѣ, ни въ Петербургѣ не могли быть извѣстны о истинномъ нашемъ положеніи, сколько мы о томъ ни писали. Когда же нашелся человѣкъ, насъ довольно любящій, изъ сожалѣнія единственно и на своемъ иждивеніи отправившійся въ Россію для извѣщенія, кого должно, о происшедшемъ съ нами, то о всемъ было отъ министра нашего по представленіямъ *Бокума* предварено и жалобѣ нашей не внято.

Но я могу тебѣ наскучить, мой любезный другъ, расказывая о томъ, что тебѣ столь же извѣстно, какъ мнѣ; и для того заключу повѣствованіе о семъ непріятномъ тогда для насъ происшествіи, но, по истинѣ сказать, преподавшемъ намъ много нравоученія дѣятельно. Намѣреніе мое было показать только то, сколь много ошибаются начальники въ употребленіи своей власти, и коликій вредъ причиняютъ безвременною и безразсудною строгостію. Еслибы мы исполнили наше намѣреніе и ушли бы изъ Лейпцига, вообрази, колико горести навлекли бы мы нашимъ родителямъ, друзьямъ да и всѣмъ сердцамъ, юность возлюбляющимъ. Еслибы государство изгнаніемъ добровольнымъ десяти гражданъ ничего, казалося, не потеряло, но [1]) отечество потеряло бы, конечно, искренно любящихъ его

[1]) То?..

сыновъ. Буде кто захочетъ на сіе доказательства, то не дамъ никакого; но тебѣ только, мой другъ, воспомяну о возвращеніи нашемъ въ Россію. Воспомни нетерпѣніе наше видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто безстрастный ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги; но если кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго, и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнію для пользы отечества, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы, управляющіе умами и волею народовъ властители, колико вы бываете часто кратко-видцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквасъ, воздымающій сердце юности! Единожды смиривъ его, нерѣдко на вѣки содѣлаете калѣкою.

Подъ стражею содержимы были мы, какъ государственные преступники или отчаянные убійцы. Не токмо отобраны были у насъ шпаги, но рапиры, ножи, ножницы, перочинные ножички, и когда приносили намъ кушанье, то оно было нарѣзано кусками, ибо не было при ономъ ни ножей, ни вилокъ. Окончины были заколочены, оставлено токмо одно малое отверзстіе на возобновленіе воздуха, часовой сидѣлъ у насъ въ передспальной комнатѣ и могъ видѣть насъ лежащихъ на постелѣ, ибо дверь въ спальную нашу была вынута.

Не взирая на всѣ предосторожности, чтобы воспретить намъ между собою сообщеніе и чтобы мы не могли извѣстить министра нашего о нашемъ положеніи, ибо сіе и была причина строгаго нашего содержанія подъ стражею, мы написали письмо и подписали его всѣ своеручно. Никого къ намъ не допускали, сидѣли мы подвое вмѣстѣ, и потому странно покажется, что всѣ могли подписать письмо. Способъ мы къ тому употребили особый, и да знаютъ удручители, что нерѣдко строгость ихъ бываетъ осмѣяна въ самомъ томъ, въ чемъ они усугубляютъ оную.

Домъ, въ которомъ мы жительствовали, былъ въ два жилья и имѣлъ четыре отдѣленія вверху, и четыре внизу; въ каждомъ отдѣленіи было по двѣ комнаты, и мы жили подвое вмѣстѣ. Шестеро изъ насъ жили вверху и четверо внизу, прочія комнаты занимали учители наши. Письмо написано было *Ѳедоромъ Васильевичемъ*. Привязавъ его на длинную нитку, выпускали его за окно; способный [1]) вѣтръ приносилъ его къ отверзтію другого окна, въ которое оно было пріемлемо, и по подписаніи тѣмъ же способомъ доставляли его въ другую комнату; такимъ образомъ мы умѣли на пользу нашу употребить самыя силы естества. На почту относимы письма наши были однимъ изъ нашихъ учителей, который изъ единаго человѣколюбія жертвовалъ всѣмъ своимъ тогдашнимъ счастіемъ и отправился въ Россію для нашего защищенія, взявъ отъ насъ на дорогу одни карманные часы, въ чемъ состояло все тогдашнее наше богатство: но въ предпріятіи своемъ не успѣлъ, какъ то я

---

[1]) Попутный, благопріятный.

сказалъ уже прежде. Великодушный мужъ! никто изъ насъ не могъ тебѣ за то воздать достойно, но ты живешь и пребудешь всегда въ нашихъ сердцахъ.

Не довольствуяся тѣмъ, что посадилъ насъ подъ стражу, *Бокумъ* испросилъ отъ совѣта университетскаго, чтобы надъ нами произвели судъ. Къ допросамъ возили насъ скрытнымъ образомъ, и судопроизводство было похоже на то, какое бывало въ инквизиціяхъ, или въ Тайной Канцеляріи, исключая тѣлесныя наказанія. Рѣшеніе сего суда было, что ты и я, *Я*... и *Р*... [1]) были освобождены, а прочіе, между которыми былъ *Ѳедоръ Васильевичъ*, остались еще подъ стражею, но скоро были освобождены по повелѣнію нашего министра. Конецъ сему полусмѣшному и полуплачевному дѣлу былъ тотъ, что министръ, пріѣхавъ въ Лейпцигъ, насъ съ *Бокумомъ* помирилъ, и съ того времени жили мы съ нимъ, почти какъ ему неподвластные; онъ рачилъ о своемъ карманѣ, а мы жили на волѣ и не видали его мѣсяца по два.

Случилося во время нашего пребыванія въ Лейпцигѣ проѣзжать чрезъ оный генералъ-поручику и бывшему потомъ сенаторомъ *Н. Е. М.* съ супругою своею. Сотовариществовалъ ему въ путешествіи шуринъ его гвардіи офицеръ [2]), человѣкъ молодой, любящій шутку безвредную, и охотно смѣялся на счетъ глупцовъ. Совершенно таковаго нашелъ онъ въ нашемъ гофмейстерѣ. Онъ, пользуясь пристрастіемъ его къ хвастовству, вывелъ его, по пословицѣ,

---

[1]) Сергѣй Яновъ и Андрей Рубановскій.

[2]) Поручикъ Фонвизинъ? См. „Сборникъ Рус. Ист. Общ.“, X, СПб., 1872 г., стр. 119.

на свѣжую воду. До того времени не вѣдали мы, что гофмейстеръ нашъ за похвалу себѣ вмѣнялъ прослыть богатыремъ, и если ему не было случая на подвиги, съ *Бовою* равные, то были удальства другого рода, достойныя помѣщенія въ *Донъ Кишотовыхъ* [1]) странствованіяхъ.

Помянутый гвардіи офицеръ, подстрекая самолюбіе *Бокума,* довелъ его до того, что онъ для доказательства своихъ тѣлесныхъ силъ выпивалъ по его приказаніямъ однимъ разомъ по нѣскольку бутылокъ воды или пива, давалъ себя толкать многимъ лакеямъ вдругъ, упираяся противъ ихъ усилія совлещи его съ мѣста, а симъ приказано было не жалѣть своихъ толчковъ, дивяся о своемъ противъ его малосиліи: но сего не довольно было. Онъ его заставилъ ворочать всякія тяжести, подымать стулья, столы, платя ему за то, не умѣряя и не скрывая своего смѣха: „*Ну, Бокумъ!*"

Примѣчанія достойно, до коликой степени слабость сія въ человѣкѣ возрасти можетъ, и нерѣдко она въ общежитіи бываетъ разными нечаянными случаями поддерживаема и возвышаема. *Бокумъ* доведенъ былъ до того, что согласился вытерпливать удары довольно сильнаго электрическаго орудія. Сперва удары электрической силы были умѣренны, и, дабы его убѣдить самого въ превосходствѣ его силъ, удары производимы были надъ многими вдругъ. Всѣ по предварительному условію, будто отъ жестокости удара, падали на землю, онъ одинъ оставался непоколебимъ, торжествуя въявь надъ падающими. Увѣривъ такимъ образомъ его самого въ превосходствѣ его силъ,

---

1) „Донъ-Кихотъ" Сервантеса.

удары электрическаго орудія становилися сильнѣе, онъ выдерживалъ ихъ, не показывая, сколь они для него были болѣзненны; сила ударовъ столь, наконецъ, была велика, что едва его съ ногъ не сшибала.

Таковые подвиги производилися ежедневно во все время пребыванія сказанныхъ путешественниковъ въ Лейпцигѣ. Мы были непрестанные оныхъ зрители, и презрѣніе наше къ *Бокуму* съ того времени стало совершенное.

Отправленіе россійскихъ морскихъ силъ въ Архипелагъ, въ послѣднюю войну между Россіею и Турецією, доставило намъ въ Лейпцигѣ случай видѣть многихъ нашихъ соотчичей, проѣзжавшихъ изъ Россіи въ Италію и оттуда въ Россію. Нѣкто [1]) (имя его утаю, дабы не произвести въ лицѣ его краски стыда или блѣдности раскаянія), нѣкто въ проѣздъ свой чрезъ Лейпцигъ оказывалъ отличное уваженіе *Ѳедору Васильевичу* и снискать хотѣлъ его дружбу. Послѣдствіе показало, сколь мало она была искрення и продолжалася не болѣе, какъ пребываніе въ въ Лейпцигѣ сего мечтаннаго покровителя учености. Ни одного дня не проходило, скажу охотно, ни одного почти часа во дни, чтобъ *Ѳедоръ Васильевичъ* не былъ съ *Ѳ...*, вмѣстѣ упражняяся съ нимъ въ разсужденіяхъ, большею частію метафизическихъ. Онъ дѣлалъ ему увѣренія, что извлечетъ его изъ руки отягощенія, обѣщевая ему мощное свое покровительство. Внявъ лестному гласу дружбы, *Ѳедоръ Васильевичъ* отверзъ ему свое сердце. Лучъ надежды,

---

[1]) Гр. Ѳ. Орловъ? Гр. А. Г. и В. Г. Орловы были проѣздомъ тогда въ Лейпцигѣ—см. „Рус. Архивъ“ 1870, стр. 939—941, 944—946.

казалося, обновился въ немъ; но скоро сбылася съ нимъ французская пословица: „*отсутствующіе всегда виноваты*". Едва сказанный покровитель уѣхалъ изъ Лейпцига, какъ забылъ *Ѳедора Васильевича* и дѣланныя ему обѣщанія, да и столь совершенно, что на всѣ письма его не отвѣтствовалъ ему ни слова. Или ему низко было вступать въ переписку съ неравнымъ ему состояніемъ, или благодарить надлежитъ за то наукамъ, что среди обиталища ихъ различіе состояній нечувствительно и взоровъ природнаго равенства не тягчитъ, и для того въ Лейпцигѣ *Ѳ....* обходился съ *Ѳедоромъ Васильевичемъ,* какъ съ равнымъ себѣ. И по истинѣ равенъ онъ былъ тебѣ, мразная душа, силами разума, но далеко превышалъ тебя добротою сердца.

Сіе происшествіе оставило на душѣ *Ѳедора Васильевича* нѣкую мрачность, которая пребыла съ нимъ до кончины его; посѣяло въ душѣ его справедливую недовѣрчивость къ обѣщаніямъ, наипаче знатныхъ, и понудило его вдаться еще болѣе ученію, отъ коего единственныя ожидалъ онъ себѣ отрады; въ чемъ онъ и не ошибался. Ибо желаніе науки хотя не навсегда, но паки развѣяло темноту грусти, и истина свѣтомъ своимъ награждала ему за его скорбь.

Признаться надлежитъ, что *Ѳ...* присутствіемъ своимъ въ Лейпцигѣ и обхожденіемъ съ нами возбудилъ какъ въ *Ѳедорѣ Васильевичѣ,* такъ и во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу *Гельвеціеву* о *Разумѣ. Ѳ...* толикое пристрастіе имѣлъ къ сему сочиненію, что почиталъ его выше всѣхъ другихъ, да другихъ, можетъ быть, и не зналъ. По его совѣту, *Ѳедоръ Васильевичъ* и мы за нимъ читали сію книгу, читали со вниманіемъ, и въ оной

мыслить научалися. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невѣжды, но *Гельвецій*, конечно, равнодушно не принялъ, узнавъ, что цѣлое общество юношей въ его сочиненіи мыслить (с) училося. Въ семъ отношеніи сочиненіе его не малую можетъ всегда приносить пользу.

Предоставленный самъ себѣ и полагая единственное упованіе на правосудіе государя своего, восчувствовалъ *Ѳедоръ Васильевичъ* къ предстателямъ мерзѣніе. Онъ устремилъ всѣ силы свои и помышленія на снисканіе науки, и въ томъ было единственное его почти упражненіе. Сіе упорное прилежаніе къ ученію ускорило, можетъ быть, его кончину. За годъ предъ смертію приключилась ему болѣзнь, которая была, можно сказать, преддверіемъ другой, введшей его во гробъ. Употребляя дѣйствительныя и мощныя лекарства, онъ не покидалъ, вопреки совѣту своего врача, упражняться денно-ночно въ чтеніи и въ сіе время началъ писать о книгѣ *Гельвеціевой* письма, коихъ найдены послѣ него только касающіяся до начала первой книги сочиненія о *Разумѣ*. Упорнымъ своимъ къ ученію прилежаніемъ онъ остановилъ въ крови своей смертоносной болѣзни жало, которое слѣдующей весною, возсвирѣпствовавъ снова, отверзло ему врата смерти.

Сіе пишу я для собственнаго моего удовольствія, пишу для друга моего, и для того мало нужды мнѣ, если кто наскучитъ чтеніемъ сего, не нашедъ въ повѣствованіи моемъ

(с) *Г. Гриммъ* [1]) въ бытность свою въ Лейпцигѣ, извѣщенъ будучи, съ какимъ прилежаніемъ мы читали *Гельвеціеву* книгу о Разумѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ сказывалъ о семъ Гельвецію. *Прим. авт.*

[1]) Корреспондентъ Екатерины II, публицистъ, критикъ и дипломатъ (1723—1807).

ни одного происшествія, достойнаго памятника, и ради мерзости своея или изящности ради равно блистающаго. Ибо равно имениты для насъ *Неронъ* и *Маркъ Аврелій, Калигула* и *Титъ, Аристидъ* и *Шемяка, Картушъ, Александръ, Катилина* и *Стенька Разинъ;* всѣ славны, всѣ живутъ на памяти потомства и не возмущаются тѣмъ, что о нихъ мыслятъ. Не тревожился ли и всякъ любящій человѣчество, еслибы добрая или худая слава по смерти во что-либо вмѣнялась; но, по несчастію всѣхъ, имѣяй власть въ рукахъ, мало рачитъ о томъ, что о немъ скажутъ, живу ему сущу, и не помышляетъ нимало о томъ, что скажутъ о немъ по смерти. Онъ ищетъ токмо ободренія своего самолюбія и стяжанія своей пользы. Не тревожился *Юлій Кесарь* о томъ, что прослыветъ государственнымъ татемъ, когда похищалъ общественную казну; не тревожился *Ла* [1]), что прослыветъ общественнымъ злодѣемъ, вводя во Францію мнимое богатство, которое, существовавъ одно мгновеніе, повергло часть государства въ нищету; не тревожился *Лудвигъ XIV* въ величаніи своемъ, оставитъ ли потомство ему титло великаго, которое въ живыхъ ему прилагало ласкательство; не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи и разбойниками въ отношеніи тѣхъ, которыхъ непріятелями именуютъ, вчиная войну и предавая смерти тысячи воиновъ.

Сказавъ сіе, можетъ быть, некстати, я возвращусь къ умершему нашему другу и постараюся отыскать въ его дѣя-

---

[1]) Джонъ Ло, спекулянтъ, разорившій Францію своими банковыми операціями (1671—1729).

ніяхъ то, что привлекательно быть можетъ не для ищущихъ блестящихъ подвиговъ въ повѣствованіяхъ и съ равнымъ вкусомъ читающихъ *Квинта Курція* [1]) и *Серванта* [2]), но для тѣхъ, коихъ души отверзты на любленіе юности.

Намъ предписано было учиться всѣмъ частямъ философіи и правамъ, присовокупя къ онымъ ученіе нужныхъ языковъ, но *Өедоръ Васильевичъ* думалъ, что не излишнее для него будетъ имѣть понятіе и о другихъ частяхъ учености, и для того имѣлъ онъ въ разныхъ частяхъ учителей, платя имъ за преподаваніе ихъ собственныя свои деньги. При сихъ способахъ для пріобрѣтенія разныхъ знаній, онъ надежнѣйшимъ всегда почиталъ прилежное чтеніе книгъ.

Сіе располагалъ онъ всегда соотвѣтственно тому, что преподаваемо намъ было въ коллегіяхъ (d). И такъ, когда, по общему школьному обыкновенію, начали насъ учить прежде всего логикѣ, то *Өедоръ Васильевичъ* читалъ *Арново* искусство мыслить и основанія философіи *С' Гравезанда* и, соображая ихъ мнѣнія со мнѣніями своего учителя, старался отыскать истину въ средѣ различія оныхъ.

Между разными упражненіями, къ пріобрѣтенію знаній относящимися, *Өедоръ Васильевичъ* отмѣнно прилежалъ къ латинскому языку. Сверхъ обыкновенныхъ лекцій имѣлъ онъ особыя. Солнце, восходя на освѣщеніе трудовъ земнородныхъ, нерѣдко заставало его бесѣдующаго съ римлянами. Наиболѣе всего привлекала его въ латинскомъ языкѣ сила

[1]) Римскій историкъ, пользовавшійся главнымъ образомъ легендами.

[2]) Сервантесъ.

(d) Въ нѣмецкихъ университетахъ коллегіею называютъ собраніе слушателей при преподаваніи какой-либо науки. *Прим. авт.*

выраженій. Исполненные духа вольности, сіи властители царей упругость своея души изъявили въ своемъ реченіи. Не льстецъ *Августовъ* и не лизорукъ *Меценатовъ* прельщали его [1]), но *Цицеронъ*, гремящій противъ *Катилины*, и колкій *Сатирикъ*, не щадящій *Нерона* [2]). Еслибы смерть тебя не восхитила изъ среды друзей твоихъ, ты, конечно, о бодрственная душа, прилѣпился бы къ языку сихъ гордыхъ островянъ [3]), кои нѣкогда, прельщенные наихитрѣйшимъ изъ властителей, царю своему жизнь отъяти покусилися судебнымъ порядкомъ; кои для утвержденія благосостоянія общественнаго изгнали наслѣднаго своего царя, избравъ на управленіе посторонняго; кои при наивеличайшей развратности нравовъ, возмѣряя вся на вѣсахъ корысти, и нынѣ нерѣдко за величайшую честь себѣ вмѣняютъ противоборствовати державной власти и оную побѣждать законно.

Между разными науками, коихъ основанія алчная *Ѳедора Васильевича* душа пожрать, такъ сказать, хотѣла вдругъ, отмѣнно прилѣпился онъ къ маѳиматикѣ. Сходствуя съ расположеніемъ его разума, точность сей науки услаждала его разсудокъ. Съ какою жадностію онъ проходилъ всѣ части сей, въ началахъ своихъ столь отвратительныя, такъ сказать, науки, но столь общеполезной въ ея употребленіи! Свойственно душѣ *Ѳедора Васильевича* было мыслить, что огромнѣйшія въ мірѣ тѣлеса, наиотдаленнѣйшія отъ нашего обиталища, коихъ единое наше зрѣніе, сіе

---

1) Горацій.

2) Петроній?

3) Англичане. Дальше имѣются въ виду Карлъ I и Кромвель.

наивластительнѣйшее и великолѣпнѣйшее изъ чувствъ нашихъ, можетъ постигать при вспоможеніяхъ, человѣкомъ изобрѣтенныхъ, что сіи малѣйшія точки во зрѣніи, необъятныя въ дѣйствительности громады, повинуются въ теченіи своемъ исчисленію. И какъ не возгордиться человѣку во бренности своей, подчиняя власти своей звукъ, свѣтъ, громъ, молнію, лучи солнечные, двигая тяжести необъятныя, досязая дальнѣйшихъ предѣловъ Вселенныя, постигая и предузнавая будущее? Таковыя размышленія побудили нѣкогда сказать *Архимеда:* еслибы возможно было имѣть внѣ земли опору неподвижную, то бы онъ землю превратилъ въ ея теченіи. „Дай мнѣ вещество и движеніе, и міръ созижду", вѣщалъ *Декартъ.* Таковыя размышленія составили всѣ системы о мірѣ, всѣ правдоподобія о немъ, и всѣ нелѣпости.

За счастіе почесть можно, если удостоишься въ теченіе житія своего бесѣдовати съ мужемъ, въ мірѣ прославившимся; удовольствіемъ почитаемъ, если видимъ и отличившагося злодѣя, но отличнымъ счастіемъ почесть должно, если сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелію славимаго. Таковымъ счастіемъ пользовалися мы хотя не долгое время въ Лейпцигѣ, наслаждаяся преподаваніями въ словесныхъ наукахъ извѣстнаго *Геллерта* [1]). Ты не позабылъ, мой другъ, что *Ѳедоръ Васильевичъ* изъ всѣхъ насъ былъ любезнѣйшій *Геллертовъ* ученикъ, и что удостоился въ сочиненіяхъ своихъ поправляемъ быть симъ славнымъ мужемъ. Малое знаніе тогда нѣмецкаго языка лишило насъ пользоваться его наставленіями самымъ дѣйствіемъ; ибо хотя

---

[1]) Профессоръ моральной философіи и поэтъ (ум. въ 1769 г.).

мы слушателями были его преподаваній, но недостатокъ въ знаніи нѣмецкаго языка препятствовалъ намъ равняться съ *Ѳедоромъ Васильевичемъ.*

Вращаяся всечасно между разными предметами разумѣнія человѣческаго, не возможно было, чтобы въ ученіи разумъ *Ѳедора Васильевича* пребылъ всегда, такъ сказать, страдательнымъ, упражняяся только въ изслѣдованіи мнѣній чуждыхъ. Но въ семъ-то и состоитъ различіе обыкновенныхъ умовъ отъ изящныхъ. Одни пріемлютъ все, что до нихъ доходитъ, и трудятся надъ чуждымъ изданіемъ, другіе, укрѣпивъ природныя силы своя ученіемъ, устраняются отъ проложенныхъ стезей и вдаются въ неизвѣстныя и непроложенныя. Дѣятельность есть знаменующая ихъ отличность, и въ нихъ-то сродное человѣку безпокойствіе становится явно. Безпокойствіе, произведшее все, что есть изящное и все уродливое, касающееся обоюдно до предѣловъ даже невозможнаго и непонятнаго, возродившее вольность и рабство, веселіе и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихіи, родившее мечтаніе и истину, адъ, рай, сатану, Бога.

Ѳедоръ Васильевичъ, упражняяся въ размышленіяхъ о вещахъ, видѣлъ возраждающіяся въ разумѣ его мысли, отличныя новостію своею отъ обрѣтаемыхъ имъ на пути учености, и для того не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Скоро поданъ былъ ему случай испытать свои силы въ изображеніи связію своихъ мыслей. Ежегодно бывалъ намъ экзаменъ, или испытаніе о пріобрѣтеніяхъ нашихъ въ ученіи. Сколь много всѣ таковыя испытанія имѣютъ смѣшного и цѣли, для коей они уставлены, недосязающаго, всякъ

вѣдающій о нихъ до пряма признается. Нерѣдко тотъ, кто болѣе всѣхъ знаетъ, почитается невѣждою и лѣнивымъ, хотя трудится наиприлежнѣйше и съ успѣхомъ. Но тѣмъ экзамены полезны, что возбуждаютъ тщеславіе и устремляютъ учащагося отличаться предъ сотоварищами своими; но, дабы и въ семъ случаѣ не возбуждать тщеславія безуспѣшно, то нужно, чтобы таковыя испытаанія не были рѣдки, дабы возникшая страсть въ обыкновенныхъ душахъ не угасала. Для назначенныхъ же перстомъ всевѣчнымъ къ безсмертію въ постороннихъ подстреканіяхъ любочестія нужды нѣтъ. Они сами въ себѣ довольно имѣютъ ко стяжанію славы побужденія, и хотя оныя не безкорыстны, но умовенны всегда въ благомъ источникѣ.

По прошествіи трехъ лѣтъ обязаны мы были къ наступившему для насъ времени на испытаніе показать наши успѣхи въ ученіи, представя письменно связь мыслей о какой-либо матеріи. *Ѳедоръ Васильевичъ* избралъ для сего наиважнѣйшіе предметы, до человѣка касающіеся въ гражданскомъ его отношеніи.

Человѣкъ, живущій въ обществѣ подъ сѣнію законовъ для своего спокойствія, зритъ мгновенно силу общую, до днесь ему покровительствовавшую, возникающую на его погубленіе. Друзья его до сего дня, сограждане его возлюбленные, становятся его враги, преслѣдуютъ ему, и рука сильнаго подавляетъ слабаго, томитъ его въ оковахъ и темницѣ, отдаетъ его на поруганіе и на смерть. Что можетъ оправдать таковое свирѣпство? Сіе-то намѣренъ показать *Ѳедоръ Васильевичъ* въ сочиненіи своемъ, разыскавъ слѣдующія задачи:

1. На чемъ основано право наказанія?

2. Кому оное принадлежитъ?

3. Смертная казнь нужна и полезна ли въ государствѣ?

Цѣль, для коей онъ писалъ сіе, не позволяла ему распространиться: но все, что можно сказать въ оправданіе несчастнаго права казни, и все, что можетъ ее представить, вѣроятно, справедливою, того *Өедоръ Васильевичъ* не проронилъ. Связь его мыслей есть слѣдующая.

Показавъ, что человѣкъ, ощущая себя слабымъ на удовлетвореніе своихъ недостатковъ въ единственномъ положеніи, слѣдуя чувствительному своему сложенію, для сохранности своей вступаетъ въ общество. Дабы общество направляемо было всегда ко благому концу, условіемъ изъявительнымъ или предполагаемымъ поставляется власть, могущая сіе производить и отвращать зло, которое бы могло причинено быть обществу. Лицо, власть сію имѣющее, именуютъ государемъ въ единственномъ и соборномъ лицѣ. Слѣдственно, тотъ, кто долгъ имѣетъ пещися о благѣ общества, имѣетъ право не дозволять и препятствовать вредить ему; слѣдственно, что тотъ, кто поставляетъ власть для своего блага, согласуется повиноваться и ея прещенію, когда дѣянія его отъ благой цѣли устраняются. Показавъ, что при опредѣленіи наказаній иной цѣли имѣть не можно, какъ исправленіе преступника или дѣйствіе примѣра для воздержанія отъ будущаго преступленія, *Өедоръ Васильевичъ* доказываетъ ясными доводами, что смертная казнь въ обществѣ не токмо не нужна, но и безполезна. Сіе нынѣ почти общепріемлемое правило утверждаетъ онъ примѣромъ Россіи. Я не намѣренъ преслѣдовать *Өедору Васильевичу* въ разсужденіяхъ его. Изображая ихъ здѣсь, могу или отъять силу его доводовъ, или только оные рас-

пространить безъ нужды. Тому и другому предварить можно, читая его сочиненіе, которое ясностію мыслей, краткостію слога и твердостію доводовъ заставитъ всякаго потужить о безвременной кончинѣ сочинителя на двадцати третьемъ году его возраста.

Опричъ малаго сочиненія о любви и писемъ о *Гельвеціевой* книгѣ о *Разумѣ*, ничего болѣе не найдено въ бумагахъ *Ѳедора Васильевича*. Выписки изъ многихъ книгъ, хотя безъ связи, доказываютъ, что онъ располагалъ свое чтеніе со вниманіемъ. Кто можетъ опредѣлить, что съ нимъ потеряло общество? опредѣлить могу я, что потерялъ друга: но если судьба позавидовала тогда моему блаженству, наградила она меня съ избыткомъ, давъ мнѣ, мой другъ, тебя.

Послѣднее время житія своего, среди терзанія болѣзни и грусти, отъ нея раждающейся, *Ѳедоръ Васильевичъ* не забылъ ученія, и развѣ истощеніе силъ отвлекало его отъ упражненія въ наукѣ. Наконецъ, наступило время, когда почувствовалъ онъ совершенное силъ своихъ изнеможеніе. За недѣлю еще предъ кончиною своею ходилъ онъ съ нами на гулянье и наслаждался еще бесѣдою любящихъ его, но силы его, ослабѣвъ, принудили лечь въ постелю. Надежда, сіе утѣшительное чувствіе въ человѣкѣ, не покидала его; но за три дни до кончины своея почувствовалъ онъ во внутренности своей болѣзнь несказанную, конечное разрушеніе тѣла его предвѣщающую. Не хотѣлъ онъ пребыть въ невѣдѣніи, призвавъ своего врача, на искусство коего онъ справедливо во всемъ полагался, просилъ его прилежно, да объявитъ ему истину, есть ли еще возможность дать ему облегченіе, и да не льститъ ему на-

прасною надеждою исцѣленія, буде само естество положило уже тому преграду. „Не мни“, вѣщалъ зрящій кончину своего шествія, томнымъ хотя гласомъ, но мужественно: „не мни, что, возвѣщая мнѣ смерть, востревожишь меня безвременно или духъ мой приведешь въ трепетъ. Умереть намъ должно; днемъ ранѣе или днемъ позже, какая соразмѣрность съ вѣчностію!“

Долго человѣколюбивый врачъ колебался въ мысляхъ своихъ, откроетъ ли ему грозную тайну, вѣдая, что утѣшеніе страждущаго есть надежда, и что она не покидаетъ человѣка до послѣдняго издыханія. Но, видя упорное желаніе въ больномъ вѣдать истину о своей болѣзни и понимая его нетрепетность, возвѣстилъ ему, что силы его не болѣе однѣхъ сутокъ противиться возмогутъ свирѣпости болѣзни, что завтра онъ жизни не будетъ уже причастенъ.

Случается, и много имѣемъ примѣровъ въ повѣствованіяхъ, что человѣкъ, коему возвѣщаютъ, что умереть ему должно, съ презрѣніемъ и нетрепетно взираетъ на шествующую къ нему смерть во срѣтеніе. Много видали и видимъ людей, отъемлющихъ самихъ у себя жизнь мужественно. И по истинѣ нужна неробость и крѣпость душевныхъ силъ, дабы взирати твердымъ окомъ на разрушеніе свое. Но страсть, дѣйствовавшая въ умирающемъ безъ болѣзни, предъ кончиною его живетъ въ немъ до послѣднія минуты и крѣпитъ духъ. Нерѣдко таковый зритъ и за предѣлъ гроба, и чаетъ возродитися. Когда же въ человѣкѣ истощеніемъ силъ тѣлесныхъ истощаются и душевныя, сколь трудно укрѣпить духъ противу страха кончины, а тѣмъ паче тому, кто, нисходя во гробъ, за онымъ ничего не видитъ.

Сравни умирающаго на лобномъ мѣстѣ или отъемлющаго у себя жизнь насильственно съ умирающимъ нетрепетно по долговременной болѣзни на одрѣ своемъ, и скажи: кто мужественнѣе былъ, испуская духъ бодрственно?

Услыша приговоръ свой изъ устъ врача, *Өедоръ Васильевичъ* не встревожился нимало, но, взявъ руку его, „нелицемѣрный твой отвѣтъ", сказалъ онъ онъ ему, „почитаю истиннымъ знакомъ твоея дружбы. Прости въ послѣдній разъ и оставь меня".

Удостовѣренный въ близкой кончинѣ своей, *Өедоръ Васильевичъ* велѣлъ насъ всѣхъ позвать къ себѣ, да послѣднюю совершитъ съ нами бесѣду. „Друзья мои", вѣщалъ онъ намъ, стоящимъ около его постели, „часъ приспѣлъ, да разстанемся; простите, но простите навѣки". Рыдающихъ облобызалъ и, не хотѣвъ болѣе о семъ грустити, выслалъ всѣхъ вонъ.

Осьмнадцать лѣтъ уже совершилося [1]), какъ мы лишилися *Өедора Васильевича*, но, мой другъ, сколь скоро вспомню о немъ, то послѣднее его съ нами свиданіе столь живо существуетъ въ моемъ воображеніи, что то же и днесь чувствую, что чувствовалъ тогда. Сердце мое толико уязвлено было тогда скорбію, что впослѣдствіи ни изступленіе радости и утѣхъ, ни величайшая печаль потеряніемъ возлюбленной супруги [2]) не истребило чувствованіе прежнія печали.

Спустя нѣсколько времени онъ призвалъ меня къ себѣ и вручилъ мнѣ всѣ свои бумаги. „Употреби ихъ", гово-

---

[1]) Ушаковъ умеръ въ 1770 г.

[2]) Первая жена Радищева, урожд. Рубановская.

рилъ онъ мнѣ, „какъ тебѣ захочется. Прости теперь въ послѣдній разъ; помни, что я тебя любилъ, помни, что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что должно быть тверду въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно“. Слезы и рыданіе были ему въ отвѣтъ, но слова его громко раздалися въ моей душѣ и незагладимою чертою ознаменовалися на памяти. Поживутъ онѣ всецѣлы, доколѣ дыханіе въ груди моей не исчезнетъ, и не охладѣетъ въ жилахъ кровь. Даждь небо, да мысль присутственна мнѣ будетъ въ преддверіи гроба, и да возмогу важное сынамъ моимъ оставить наслѣдіе—послѣднее завѣщаніе умирающаго вождя моея юности, и живого да оставлю имъ въ вожди друга любезнѣйшаго, друга моего сердца, тебя.

Что послѣ сего послѣдовало, тебѣ, мой другъ, болѣе извѣстно, нежели кому другому. Ты послѣдніе часы былъ при немъ безотлученъ, ты былъ свидѣтелемъ послѣдняго вздыманія его груди. Скажи, мой другъ, почто и я тутъ не былъ? Или слабость моего здоровья, или нетвердость духа, или какая другая причина отлучила меня отъ умирающаго и воспретила мнѣ видѣть послѣднія черты его жизни и прехожденіе ея во смерть. Но ко всѣмъ симъ причинамъ совокупно было и недозволеніе на то умирающаго. Или столь малъ былъ жаръ дружбы въ сердцѣ моемъ, что я не преступилъ его велѣнія? О мой другъ! въ минуты благоденствія, когда разумъ ничѣмъ не упрекаетъ сердцу, мысль сія тягчитъ меня, и я малъ становлюся передъ собою.

Предвѣщаніе врача начало совершаться. Доселѣ нечувствительнымъ покатомъ составъ жизни спускался ко смерти, но вдругъ она повлекла его всесильною рукою. За нѣ-

сколько часовъ предъ кончиною *Өедоръ Васильевичъ* почувствовалъ во внутренности своей болѣзнь несносную, возвѣщающую ему отшествіе жизни. Доселѣ уста его не испускали жалобнаго стона, но, скорбь одолѣвъ сопротивленіемъ, страждущій вскричалъ содрагающимся гласомъ. Знаки антонова огня, внутренность его объявшаго, начинали казаться на поверхности тѣла; въ окрестностяхъ желудка видны были черныя пятна. Терзаемый паче всякаго истязанія, суевѣріемъ или мучительствомъ на казнь невинности изобрѣтаемаго, прибѣгнулъ *Өедоръ Васильевичъ* къ тебѣ, мой другъ, да скончаешь его болѣзнь,—болѣзнь, а не жизнь скончати называю, ибо врата кончины ему уже были отверзты. Тебя, мой другъ, просилъ онъ, да будешь его при издыханіи благодѣтель, и дашь ему яду, да скоро пресѣчется его терзаніе. Ты сего не исполнилъ, и я былъ въ приговорѣ, да не исполнится требованіе умирающаго. Но почти толикая въ насъ была робость? Или боялися мы почесться убійцами? Напрасно; не есть убійца, избавляяй страждущаго отъ конечнаго бѣдствія или скорби. Другъ нашъ долженствовалъ умереть, и часъ врачомъ былъ ему назначенъ по нежживымъ признакамъ, то не все ли равно было для насъ, что болящій скончаетъ жизнь свою мгновенно, или продлится она въ немъ на часъ еще единъ; но то не равно, что продолжится въ терзаніи несносномъ. Мы потерять его были уже осуждены. Скажетъ нѣкто, что врачъ могъ ошибиться. Согласенъ; но болящій не ошибался въ мученіи своемъ, и правъ былъ, желая скончанія онаго, а мы не правы, давъ оному продолжиться.

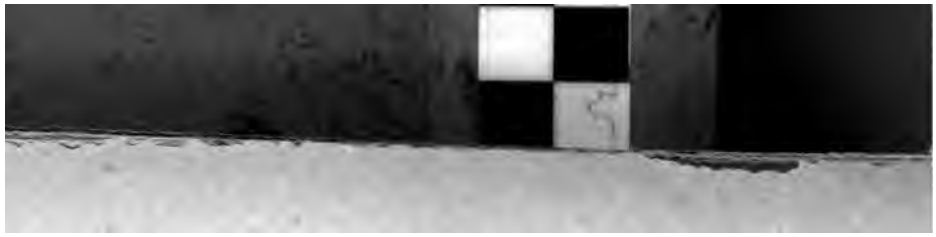
Мой другъ, ты укоснилъ дать помощь *Өедору Васильевичу*, но не избавился впередъ, можетъ быть, отъ требо-

ванія такого же рода. Если еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ необходимая, и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, о любезнѣйшій мой, ты жизнь несносную скончаешь, и дашь отраду жизнію гнушаемуся и ее возненавидѣвшему.

Наконецъ, естественнымъ склоненіемъ къ разрушенію пресѣклась жизнь *Ѳедора Васильевича.* Онъ былъ, и его не стало. Изъ милліоновъ единый исторгнутый, не примѣтенъ въ обращеніи міровъ. Хотя не можно о немъ сказать во всемъ пространствѣ, какъ нѣкогда *Тацитъ* говорилъ о *Агриколѣ* и *Даламберъ* о *Монтескью*: „конецъ жизни его для насъ былъ скорбенъ, для отечества печаленъ, чуждымъ и даже неизвѣстнымъ не безъ прискорбія"; но то скажу справедливо, что всякъ, кто зналъ *Ѳедора Васильевича,* жалѣлъ о безвременной его кончинѣ, тотъ, кто провидитъ въ темноту будущаго и уразумѣетъ, что бы онъ могъ быть въ обществѣ, тотъ чрезъ многіе вѣки потужитъ о немъ; друзья его о немъ восплакали; а ты, если можешь днесь внимать гласу стенящаго, приникни, о возлюбленный, къ душѣ моей, ты въ ней увидишь себя живого [1]).

---

[1]) Во второй части своей книги Радищевъ помѣстилъ переводъ сочиненій Ушакова, которыхъ мы не перепечатываемъ.



Путешествіе

изъ

Петербурга въ Москву.

(1790).

„Чудище обло, озорно, огромно,
стозѣвно и лаяй“.

Телемахида. Томъ II. кн. XVIII. ст. 514.

А. М. К. [1])

Любезнѣйшему другу.

Что бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, о сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно--и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрестъ меня--душа моя страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою--и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отыми завѣсу съ очей природнаго чувствованія--и блаженъ буду". Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергли меня чувствительность

---

[1]) Кутузовъ, масонъ, товарищъ Радищева по Лейпцигу.

и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и - - - - веселіе неизреченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть во благодѣйствіи себѣ подобныхъ. - - Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого-либо, кто намѣреніе мое одобритъ; кто ради благой цѣли не опорочитъ неудачное изображеніе мысли; кто сострадетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей; кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ,— не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?..... Почто, почто мнѣ искать далеко кого-либо? Мой другъ! ты близъ моего сердца живешь - - и имя твое да озаритъ сіе начало!

ВЫѢЗДЪ.

Отужинавъ съ моими друзьями, я легъ въ кибитку. Ямщикъ по обыкновенію своему поскакалъ во всю лошадиную мочь, и въ нѣсколько минутъ я былъ уже за городомъ. Разставаться трудно, хотя на малое время, съ тѣмъ, кто намъ нуженъ сталъ на всякую минуту бытія нашего. Разставаться трудно, но блаженъ тотъ, кто разстаться можетъ, не улыбаяся; любовь или дружба стрегутъ его утѣшенія. Ты плачешь, произнося „прости", но воспомни о возвращеніи твоемъ, и да исчезнутъ слезы твои при семъ воображеніи, яко роса предъ лицомъ солнца. Блаженъ возрыдавшій, надѣяйся на утѣшителя; блаженъ живущій иногда въ будущемъ; блаженъ живущій въ мечтаніи. Существо его усугубляется, веселія множатся, и спокойствіе упреждаетъ нахмуренность грусти, распложая образы радости въ зерцалахъ воображенія.--Я лежу въ кибиткѣ. Звонъ почтоваго колокольчика, наскучивъ моимъ ушамъ, призвалъ, наконецъ, благодѣтельнаго Морфея. Горесть разлуки моея, преслѣдуя за мною въ смертоподобное мое состояніе, представила меня воображенію моему уединенна. Я зрѣлъ себя въ пространной долинѣ, потерявшей отъ солнечнаго зноя всю пріятность и пестроту зелености; не было тутъ источника на прохлажденіе, не было древесныя

сѣни на умѣреніе зноя. Единъ, оставленъ, среди природы пустынникъ! Вострепеталъ. -- Несчастный, возопилъ я, гдѣ ты? гдѣ дѣвалося все, что тебя прельщало? гдѣ то, что жизнь твою дѣлало тебѣ пріятною? Неужели веселости, тобою вкушенныя, были сонъ и мечта? -- По счастію моему случившаяся на дорогѣ рытвина, въ которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. -- Кибиткая моя остановилась. Приподнялъ я голову. Вижу, на пустомъ мѣстѣ стоитъ домъ въ три жилья. „Что такое", спрашивалъ я у повощика моего. -- „Почтовой дворъ". -- „Да гдѣ мы?" -- „Въ Софіи". И между тѣмъ выпрягалъ лошадей.

СОФІЯ.

Повсюду молчаніе. Погруженный въ размышленіяхъ, не примѣтилъ я, что кибитка моя давно уже безъ лошадей стояла. Привезшій меня извощикъ извлекъ меня изъ задумчивости. -- „Баринъ, батюшка, на водку". -- Сборъ сей хотя не законный, но охотно всякій его платитъ, дабы не ѣхать по указу. -- Двадцать копеекъ послужили мнѣ въ пользу. Кто ѣзжалъ на почтѣ, тотъ знаетъ, что подорожная есть оберегательное письмо, безъ котораго всякому кошельку, генеральскій, можетъ быть, исключая, будетъ накладно. Вынувъ ее изъ кармана, я шелъ съ нею, какъ ходятъ иногда для защиты своей со крестомъ.

Почтоваго коммисара нашелъ я храпящаго; легонько взялъ его за плечо. -- „Кого чортъ давитъ? Что за манеръ выѣзжать изъ города ночью! Лошадей нѣтъ; очень еще рано; взойди, пожалуй, въ трактиръ, выпей чаю, или усни". Сказавъ сіе, г. коммисаръ отворотился къ стѣнѣ и паки

захрапѣлъ. Что дѣлать? Потрясъ я коммисара опять за плечо. -- „Что за пропасть! я уже сказалъ, что нѣтъ лошадей“; и, обернувъ голову одѣяломъ, г. коммисаръ отъ меня отворотился. „Если лошади всѣ въ разгонѣ“, размышлялъ я, „то несправедливо, что я мѣшаю коммисару спать. А если лошади въ конюшнѣ“..... Я вознамѣрился узнать, правду ли г. коммисаръ говорилъ. Вышелъ на дворъ, сыскалъ конюшню, и нашелъ въ оной лошадей до двадцати; хотя, правду сказать, кости у нихъ были видны, но меня бы дотащили до слѣдующаго стана. Изъ конюшни я опять возвратился къ коммисару; потрясъ его гораздо покрѣпче. Казалося мнѣ, что я къ тому имѣлъ право, нашедъ, что коммисаръ солгалъ. Онъ въ торопяхъ вскочилъ и, не продравъ еще глазъ, спрашивалъ, кто пріѣхалъ, не... но, опомнившись, увидя меня, сказалъ мнѣ: „видно, молодецъ, ты обыкъ такъ обходиться съ прежними ямщиками. Ихъ бивали палками; но нынѣ не прежняя пора“. Со гнѣвомъ г. коммисаръ легъ спать въ постелю. Мнѣ его такъ же хотѣлось поподчивать, какъ прежнихъ ямщиковъ, когда они въ обманѣ приличались [1]); но щедрость моя, давая на водку городскому повощику, побудила Софійскихъ ямщиковъ запречь мнѣ поскорѣе лошадей, и въ самое то время, когда я намѣрялся сдѣлать преступленіе на спинѣ коммисарской, зазвенѣлъ на дворѣ колокольчикъ. Я пребылъ добрый гражданинъ. Итакъ, двадцать мѣдныхъ копеекъ избавили миролюбиваго человѣка отъ слѣдствія; дѣтей моихъ отъ примѣра невоздержанія во гнѣвѣ, и я узналъ, что разсудокъ есть рабъ нетерпѣливости.

---

[1]) Уличались.

Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затянулъ пѣсню, по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто, скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ суть тону мягкаго.--На семъ музыкальномъ расположеніи народнаго уха умѣй учреждать бразды правленія. Въ нихъ найдешь образованіе души нашего народа. Посмотри на русскаго человѣка,—найдешь его задумчива. Если захочетъ разгнать скуку, или, какъ то онъ самъ называетъ, если захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ. Если что-либо случится не по немъ, то скоро начинаетъ споръ или битву.--Бурлакъ, идущій въ кабакъ, повѣся голову, и возвращающійся, обагренный кровію отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить доселѣ гадательное въ исторіи россійской.

Извощикъ мой поетъ.--Третій былъ часъ по полуночи. Какъ прежде колокольчикъ, такъ теперь его пѣсня произвела опять во мнѣ сонъ.--О природа, объявъ человѣка въ пелены скорби при рожденіи его, влача его по строгимъ хребтамъ боязни, скуки и печали чрезъ весь его вѣкъ, дала ты ему въ отраду сонъ!--Уснулъ, и все скончалось.--Несносно пробужденіе несчастному. О сколь смерть для него пріятна! А есть ли она конецъ скорби?--Отче всеблагій! неужели отвратишь взоры Свои отъ скончевающаго бѣдственное житіе свое мужественно? Тебѣ, источнику всѣхъ благъ, приносится сія жертва. Ты единъ даешь крѣпость, когда естество трепещетъ, содрогается. Се гласъ Отчій, взывающій къ Себѣ Свое чадо. Ты жизнь мнѣ далъ, Тебѣ ее и возвращаю, на земли она стала уже безполезна.

ТОСНА.

Поѣхавши изъ Петербурга, я воображалъ себѣ, что дорога была наилучшая. Таковою ее почитали всѣ тѣ, которые ѣздили по ней въ слѣдъ государя. Такова она была дѣйствительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дорогѣ, сдѣлавъ ее гладкою въ сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лѣта и сдѣлала ее непроходимою... Обезпокоенъ дурною дорогою, я, вставъ изъ кибитки, вошелъ въ почтовую избу, въ намѣреніи отдохнуть. Въ избѣ нашелъ я проѣзжающаго, который, сидя за обыкновеннымъ длиннымъ крестьянскимъ столомъ въ переднемъ углу, разбиралъ бумаги и просилъ почтоваго комисара, чтобы ему поскорѣе велѣлъ дать лошадей. На вопросъ мой, кто онъ былъ, узналъ я, что то былъ стараго покрою стряпчій, ѣдущій въ Петербургъ съ великимъ множествомъ изодранныхъ бумагъ, которыя онъ тогда разбиралъ. Я не медля вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и вотъ моя съ нимъ бесѣда: „Милостливый государь! Я-нижайшій вашъ слуга, бывъ регистраторомъ при разрядномъ архивѣ, имѣлъ случай употребить мѣсто мое себѣ въ пользу. Посильными моими трудами я собралъ родословную, на ясныхъ доводахъ утвержденную, многихъ родовъ Россійскихъ. Я докажу княжеское или благородное ихъ происхожденіе за нѣсколько сотъ лѣтъ. Я возстановлю нерѣдкаго въ княжеское достоинство, показавъ отъ Владимира Мономаха или отъ самаго Рюрика его происхожденіе. Милостивый государь!“ продолжалъ онъ, указывая на свои бумаги, „все великороссійское дворянство долженствовало бы купить мой трудъ, заплатя за него столько, сколько ни за какой то-

варъ не платятъ. Но, съ дозволенія вашего высокородія, благородія или высокоблагородія, не вѣдаю, какъ честь ваша, они не знаютъ, что имъ нужно. Извѣстно вамъ, сколько блаженныя памяти благовѣрный царь Ѳедоръ Алексѣевичъ россійское дворянство обидѣлъ, уничтоживъ мѣстничество. Сіе строгое законоположеніе поставило многіе честные княжескія и царскіе роды наравнѣ съ новгородскимъ дворянствомъ. Но благовѣрный же государь императоръ Петръ Великій совсѣмъ привелъ ихъ въ затменіе своею табелью о рангахъ. Открылъ онъ путь, чрезъ службу военную и гражданскую, всѣмъ къ пріобрѣтенію дворянскаго титла и древнее дворянство, такъ сказать, затопталъ въ грязь. Нынѣ всемилостивѣйше царствующая Наша Мать утвердила прежніе указы высочайшимъ о дворянствѣ положеніемъ, которое было всѣхъ степенныхъ [1]) нашихъ востревожило, ибо древніе роды поставлены въ дворянской книгѣ ниже всѣхъ. Но слухъ носится, что въ дополненіе вскорѣ изданъ будетъ указъ, и тѣмъ родамъ, которые дворянское свое происхожденіе докажутъ за 200 или 300 лѣтъ, приложится титло маркиза или другое знатное, и они предъ другими родами будутъ имѣть нѣкоторую отличность. По сей причинѣ, милостивѣйшій государь, трудъ мой долженъ весьма быть пріятенъ всему древнему благородному обществу. Но всякъ имѣетъ своихъ злодѣевъ. Въ Москвѣ завернулся я въ компанію молодыхъ господчиковъ и предложилъ имъ мой трудъ, дабы благосклонностію ихъ возвратить хотя истраченную бумагу и чернила; но вмѣсто благопріятства попалъ въ посмѣяніе, и, съ горя оставивъ столичный сей

[1]) Родовитыхъ.

градъ, вдался пути до Питера, гдѣ, извѣстно, гораздо больше просвѣщенія". Сказавъ сіе, поклонился мнѣ объ руку и, вытянувшись прямо, стоялъ передо мною съ величайшимъ благоговѣніемъ. Я понялъ его мысль, вынулъ изъ кошелька..... и, давъ ему, совѣтовалъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ продалъ бы бумагу свою на вѣсъ разнощикамъ, для обертки; ибо мнимое маркизство скружить можетъ многимъ голову, и онъ причиною будетъ возрожденію истребленнаго въ Россіи зла, хвастовства древнія породы.

ЛЮБАНИ.

Зимою ли я ѣхалъ или лѣтомъ, для васъ, думаю, равно. Можетъ быть, и зимою, и лѣтомъ. Нерѣдко то бываетъ съ путешественниками: поѣдутъ на саняхъ, а возвращаются на телѣгахъ. -- Лѣтомъ. -- Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылѣзъ изъ кибитки и пошелъ пѣшкомъ. Лежа въ кибиткѣ, мысли мои обращены были въ неизмѣримость міра. Отдѣляяся душевно отъ земли, казалося мнѣ, что удары кибиточные были для меня легче. -- Но упражненія духовныя не всегда насъ отъ тѣлесности отвлекаютъ; и для сохраненія боковъ моихъ пошелъ я пѣшкомъ. -- Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я на часы. -- Перваго сорокъ минутъ. -- Я выѣхалъ въ субботу. -- Сегодня праздникъ. -- Пашущій крестьянинъ принадлежитъ, конечно, помѣщику, который оброку съ него не беретъ. -- Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ. -- Нива, конечно, не господская. -- Соху поворачиваетъ съ удивительною легкостію. -- „Богъ въ помощь", сказалъ я

подошедъ къ пахарю, который, не останавливаясь, доканчивалъ зачатую борозду. -- „Богъ въ помощь", повторилъ я. -- „Спасибо, баринъ", говорилъ мнѣ пахарь, отряхая сошникъ и перенося соху на новую борозду. -- „Ты, конечно, раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ? „Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь", сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенные три перста. „А Богъ милостивъ, съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья". -- „Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и въ самый жаръ?" -- „Въ недѣлѣ-то, баринъ, шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину; да подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господскій дворъ, коли погода хороша; а бабы и дѣвки, для прогулки, ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы да по ягоды. Дай Богъ (*крестяся*), чтобъ подъ вечеръ сего дня дожжикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужички, такъ они того же у Господа молятъ". -- „У меня, мой другъ, мужиковъ нѣтъ, и для того никто меня не клянетъ. Велика ли у тебя семья?" -- „Три сына и три дочки. Первенькому-то десятый годокъ". -- „Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ?" -- „Не одни праздники-и ночь наша. Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умретъ. Видишь ли, одна лошадь отдыхаетъ; а какъ эта устанетъ, возьмусь за другую; дѣло-то и споро". -- „Такъ ли ты работаешь на господина своего?" -- „Нѣтъ, баринъ, грѣшно бы было такъ же работать. У него на пашнѣ сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ для семи ртовъ: самъ ты счетъ знаешь. Да хотя растянись на барской работѣ, то спасибо не скажутъ. Баринъ подушныхъ не заплатитъ,

ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступитъ. То ли житье нашему брату, какъ гдѣ баринъ оброкъ беретъ съ крестьянина, да еще безъ прикащика. Правда, что иногда и добрые господа берутъ болѣе трехъ рублей съ души; но все лучше барщины. Нынѣ еще повѣрье заводится отдавать деревни, какъ то называется, на аренду. А мы называемъ это отдавать головой. Голый наемникъ деретъ съ мужиковъ кожу, даже лучшей поры намъ не оставляетъ. Зимою не пускаетъ въ извозъ, ни въ работу въ городъ; все работай на него, для того, что онъ подушныя платитъ за насъ. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьянъ своихъ чужому въ работу. На дурного прикащика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?" -- „Другъ мой, ты ошибаешься, -- мучить людей законы запрещаютъ" -- „Мучить? Правда; но небось, баринъ, не захочешь въ мою кожу". -- Между тѣмъ пахарь запрягъ другую лошадь въ соху и, начавъ новую борозду, со мною простился.

Разговоръ сего земледѣльца возбудилъ во мнѣ множество мыслей. Первое представилось мнѣ неравенство крестьянскаго состоянія. Сравнилъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими. Тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ. Одни судятся своими равными; а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ. -- Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству, его охраняющему, когда нарушаетъ союзъ общественный, когда становится злодѣй! Сія мысль всю кровь во мнѣ воспалила. -- „Страшись, помѣщикъ жестокосердый, на челѣ каждаго изъ твоихъ крестьянъ вижу твое осужденіе". -- Углубленный въ сихъ размышленіяхъ,

я нечаянно обратилъ взоръ мой на моего слугу, который, сидя на кибиткѣ передо мной, качался изъ стороны въ сторону. Вдругъ почувствовалъ я быстрый мразъ, протекающій кровь мою, и прогоняя жаръ къ вершинамъ, нудилъ его распростираться по лицу. Мнѣ такъ стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакалъ. „Ты во гнѣвѣ твоемъ", говорилъ я самъ себѣ, „устремляешься на гордаго господина, изнуряющаго крестьянина своего на нивѣ своей; а самъ не то же ли или еще хуже того дѣлаешь? Какое преступленіе сдѣлалъ бѣдный твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителемъ нашихъ бѣдствій, величайшимъ даромъ природы несчастному, сномъ! -- Онъ получаетъ плату, сытъ, одѣтъ, никогда я его не сѣку ни плетьми, ни батожьемъ. (О умѣренный человѣкъ!) -- и ты думаешь, что кусокъ хлѣба и лоскутъ сукна тебѣ даютъ право поступать съ подобнымъ тебѣ существомъ, какъ съ кубаремъ, и тѣмъ ты только хвастаешь, что не часто подсѣкаешь его въ его вертѣніи! Вѣдаешь ли, что въ первенственномъ уложеніи, въ сердцѣ каждаго написано? Если я кого ударю, тотъ и меня ударить можетъ. -- Вспомни тотъ день, какъ Петрушка пьянъ былъ и не поспѣлъ тебя одѣть. Вспомни о его пощечинѣ О, еслибы онъ тогда хотя пьяный опомнился и тебѣ отвѣчалъ бы соразмѣрно твоему вопросу! -- А кто тебѣ далъ власть надъ нимъ? -- Законъ. -- Законъ? И ты смѣешь поносить сіе священное имя? Несчастный"... Слезы потекли изъ глазъ моихъ; и въ таковомъ положеніи почтовыя клячи дотащили меня до слѣдующаго стана.

ЧУДОВО.

Не успѣлъ я войти въ почтовую избу, какъ услышалъ на улицѣ звукъ почтоваго колокольчика, и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ избу пріятель мой Ч. [1].... Я его оставилъ въ Петербургѣ, и онъ намѣренія не имѣлъ оттуда выѣхать такъ скоро. Особливое происшествіе побудило человѣка нраву крутого, какъ то былъ мой пріятель, удалиться изъ Петербурга, и вотъ что онъ мнѣ разсказалъ.

„Ты былъ уже готовъ къ отъѣзду, какъ я отправился въ Петергофъ. Тутъ я препроводилъ праздники столь весело, сколько въ шуму и чаду веселиться можно. Но, желая поѣздку мою обратить въ пользу, вознамѣрился съѣздить въ Кронштадтъ и на Систербекъ, гдѣ, сказывали мнѣ, въ послѣднее время сдѣланы великія перемѣны. Въ Кронштадтѣ прожилъ я два дни съ великимъ удовольствіемъ, насыщаяся зрѣніемъ множества иностранныхъ кораблей, каменной одежды крѣпости Кронштадтской и строеній, стремительно возвышающихся. Любопытствовалъ посмотрѣть новаго Кронштадту плана и съ удовольствіемъ предусматривалъ красоту намѣреваемаго строенія; словомъ, второй день пребыванія моего кончился весело и пріятно. Ночь была тихая, свѣтлая, и воздухъ благорастворенный вливалъ въ чувства особую нѣжность, которую лучше ощущать, нежели описать, удобно. Я вознамѣрился въ пользу употребить благость природы и насладиться еще одинъ хотя разъ въ жизни великолѣпнымъ зрѣлищемъ восхожденія солнца, котораго на гладкомъ водяномъ горизонтѣ

[1]) Челищевъ?

мнѣ еще видѣть не удавалось. Я нанялъ морскую 12-ти весельную шлюбку, и отправился на С.... [1]).

Версты съ четыре плыли мы благополучно. Шумъ веселъ единозвучностію своею возбудилъ во мнѣ дремоту, и томное зрѣніе едва ли воспрядало отъ мгновеннаго блеска падающихъ капель воды съ вершины веселъ. Стихотворческое воображеніе преселяло уже меня въ прелестные луга Паѳоса и Амаѳонта Внезапу острый свистъ возникающаго въ дали вѣтра разгналъ мой сонъ, и отягченнымъ взорамъ моимъ представлялися сгущенныя облака, коихъ черная тяжесть, казалось, стремила ихъ намъ на главу и паденіемъ устрашала. Зерцаловидная поверхность водъ начинала рябѣть, и тишина уступала мѣсто начинающемуся плесканію валовъ. Я радъ былъ и сему зрѣлищу; соглядалъ величественныя черты природы, и не въ чванство скажу, что другихъ устрашать начинало, то меня веселило. Восклицалъ изрѣдка, какъ Вернетъ, ахъ какъ хорошо! Но вѣтръ, усиливаяся постепенно, понуждалъ думать о достиженіи берега. Небо отъ густоты непрозрачныхъ облаковъ совсѣмъ померкло. Сильное стремленіе валовъ отнимало у кормила направленіе, и порывистый вѣтръ, то вознося насъ на мокрые хребты, то низвергая въ утесистыя рытвины водяныхъ зыбей, отнималъ у гребущихъ силу шественнаго движенія. Слѣдуя по неволѣ направленію вѣтра, мы носилися на удачу. Тогда и берега начали бояться; тогда и то, что бы насъ при благополучномъ плаваніи утѣшать могло, начинало приводить въ отчаяніе. Природа завистливою намъ на сей часъ каза-

---

[1]) Сестрорѣцка.

лася, и мы на нее негодовали теперь за то, что не распростирала ужаснаго своего величества, сверкая въ молніи и слухъ тревожа громовымъ трескомъ. Но надежда, преслѣдуя человѣка до крайности, насъ укрѣпляла, и мы елико намъ возможно было ободряли другъ друга.

Носимые валами, внезапу судно наше остановилось недвижимо. Всѣ наши силы, совокупно употребленныя, не были въ состояніи совратить его съ того мѣста, на которомъ оно стояло. Упражняясь въ сведеніи нашего судна съ мели, какъ то мы думали, мы не примѣтили, что вѣтръ между тѣмъ почти совсѣмъ утихъ. Небо помалу очистилося отъ затмевавшихъ синеву его облаковъ. Но восходящая заря вмѣсто того, чтобъ принести намъ отраду, явила намъ бѣдственное наше положеніе. Мы узрѣли ясно, что шлюпка наша не на мели находилась, но погрязла между двухъ большихъ камней, и что не было ни какихъ силъ для ея избавленія оттуда невредимо. Вообрази, мой другъ, наше положеніе; все, что я ни скажу, все слабо будетъ въ отношеніи моего чувствія. Да и еслибъ я могъ достаточныя дать черты каждому души моея движенію, то слабы еще были бы онѣ для произведенія въ тебѣ подобнаго тѣмъ чувствованіямъ, какія въ душѣ моей возникали и тѣснилися тогда. Судно наше стояло на срединѣ гряды каменной, замыкающей заливъ, до С..... простирающійся. Мы находилися отъ берега на полторы версты. Вода начинала проходить въ судно наше со всѣхъ сторонъ и угрожала намъ совершеннымъ потопленіемъ. Въ послѣдній часъ, когда свѣтъ отъ насъ преходить начинаетъ, и отверзается вѣчность, ниспадаютъ тогда всѣ степени, мнѣніемъ между человѣковъ воздвигнутыя. Человѣкъ тогда становится про-

сто человѣкъ: такъ, видя приближающуюся кончину, забыли всѣ мы, кто былъ какого состоянія, и помышляли о спасеніи нашемъ, отливая воду, какъ кому сподручно было. Но какая была въ томъ польза? Колико воды союзными нашими силами было исчерпаемо, толико во мгновеніе паки накоплялося. Къ крайнему сердецъ нашихъ сокрушенію ни вдали, ни вблизи не видно было мимоидущаго судна. Да и то, которое бы подало намъ отраду, явясь взорамъ нашимъ, усугубило бы отчаяніе наше, удаляяся отъ насъ и избѣгая равныя съ нами части. Наконецъ, судна нашего правитель, болѣе, нежели всѣ другіе, къ опасностямъ морскихъ происшествій обыкшій, взиравшій поневолѣ, можетъ быть, на смерть хладнокровно въ разныхъ морскихъ сраженіяхъ въ прошедшую Турецкую войну въ Архипелагѣ, рѣшился или насъ спасти, спасаяся самъ, или погибнуть въ семъ благомъ намѣреніи: ибо, стоя на одномъ мѣстѣ, погибнуть бы намъ должно было. Онъ, вышедъ изъ судна и перебираяся съ камня на камень, направилъ шествіе свое къ берегу, сопровождаемъ чистосердечнѣйшими нашими молитвами. Сначала продолжалъ онъ шествіе свое весьма бодро, прыгая съ камня на камень; переходя воду, гдѣ она была мелка, перецлывая ее, гдѣ она глубже становилась. Мы съ глазъ его не спускали. Наконецъ, увидѣли, что силы его начали ослабѣвать, ибо онъ переходилъ камни медлительнѣе, останавливаяся почасту и садяся на камень для отдохновенія. Казалося намъ, что онъ находился иногда въ размышленіи и нерѣшимости о продолженіи пути своего. Сіе побудило одного изъ его товарищей ему преслѣдовать, дабы подать ему помощь, если онъ увидитъ его изнемогающа въ достиженіи берега; или до-

стигнуть онаго, если первому въ томъ будетъ неудача. Взоры наши стремилися во слѣдъ то за тѣмъ, то за другимъ, и молитва наша о ихъ сохраненіи была нелицемѣрна. Наконецъ, послѣдній изъ сихъ подражателей Моисея въ прохожденіи, безъ чуда, морскія пучины своими стопами, остановился на камнѣ недвижимъ, а перваго совсѣмъ мы потеряли изъ виду.

Сокровенныя доселѣ внутреннія каждаго движенія, заклепанныя, такъ сказать, ужасомъ, начали являться при исчезаніи надежды. Вода между тѣмъ въ суднѣ умножалася, и трудъ нашъ, возрастая въ отливаніи оной, утомлялъ силы наши примѣтно. Человѣкъ яраго и нетерпѣливаго сложенія рвалъ на себѣ волосы, кусалъ персты, проклиналъ часъ своего выѣзда. Человѣкъ робкія души и чувствовавшій долго, можетъ быть, тягость удручительныя неволи, рыдалъ, орошая слезами своими скамью, на которой ницъ распростертъ лежалъ. Иной, воспоминая домъ свой, дѣтей и жену, сидѣлъ, яко окаменѣлый, помышляя не о своей, но о ихъ гибели, ибо онѣ питалися его трудами. Каково было моей души положеніе, мой другъ, самъ отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь! Скажу только тебѣ то, что я прилежно молился Богу. Наконецъ, начали мы всѣ предаваться отчаянію, ибо судно наше болѣе половины водою натекло, и мы стояли всѣ въ водѣ по колѣно. Нерѣдко помышляли мы выйти изъ судна и шествовать по каменной грядѣ къ берегу, но пребываніе одного изъ нашихъ сопутниковъ на камнѣ уже нѣсколько часовъ и скрытіе другого изъ виду представляло намъ опасность перехода, болѣе, можетъ быть, нежели она была въ самомъ дѣлѣ. Среди таковыхъ горестныхъ размышленій уви-

дѣли мы близъ противоположнаго берега въ разстояніи отъ насъ какомъ то было, точно опредѣлить не могу, два пятна черныя на водѣ, которыя, казалося, двигалися. Зримое нами нѣчто черное и движущееся, казалося, помалу увеличивалось; наконецъ, приближаяся, представило ясно взорамъ нашимъ два малыя судна, прямо идущія къ тому мѣсту, гдѣ мы находилися среди отчаянія, во сто кратъ надежду превосходящаго. Какъ въ темной храминѣ, свѣту совсѣмъ неприступной, вдругъ отверзается дверь, и лучъ денный, влетѣвъ стремительно въ среду мрака, разгоняетъ оный, распростираяся по всей храминѣ до дальнѣйшихъ ея предѣловъ; такъ, увидѣвъ суда, лучъ надежды ко спасенію протекъ наши души. Отчаяніе превратилося въ восторгъ, горесть въ восклицаніе, и опасно было, чтобы радостныя тѣлодвиженія и плесканія не навлекли намъ гибели скорѣе, нежели мы будемъ исторгнуты изъ опасности. Но надежда житія, возвращаяся въ сердца, возбудила цаки мысли о различіи состоянія, въ опасности уснувшія. Сіе послужило на сей разъ къ общей пользѣ. Я укротилъ излишнее радованіе, во вредъ обратиться могущее. По нѣсколькомъ времени увидѣли мы двѣ большія рыбачьи лодки, къ намъ приближающіяся, и при настиженіи ихъ до насъ увидѣли въ одной изъ нихъ нашего спасителя, который, прошедъ каменною грядою до берега, сыскалъ сіи лодки для нашего извлеченія изъ явной гибели. Мы, не мѣшкавъ ни мало, вышли изъ нашего судна и поплыли въ пріѣхавшихъ судахъ къ берегу, не забывъ снять съ камня сотоварища нашего, который на ономъ около семи часовъ находился. Не прошло болѣе получаса, какъ судно наше, стоявшее между камней, облегченное

отъ тяжести, всплыло и развалилося совсѣмъ. Плывучи къ берегу среди радости и восторга спасенія, Павелъ, такъ звали спасшаго насъ сопутника, разсказалъ намъ слѣдующее.

„Я, оставя васъ въ предстоящей опасности, спѣшилъ по камнямъ къ берегу. Желаніе васъ спасти дало мнѣ силы чрезъестественныя, но саженъ за сто до берега силы мои стали ослабѣвать, и я началъ отчаиваться въ вашемъ спасеніи и моей жизни. Но, полежавъ съ полчаса на камени, вспрянувъ съ новою бодростію и не отдыхая болѣе, доползъ, такъ сказать, до берега. Тутъ я растянулся на травѣ и, отдохнувъ минутъ десять, всталъ и побѣжалъ вдоль берега къ С...., что имѣлъ мочи. И, хотя съ немалымъ истощеніемъ силъ, но воспоминая о васъ, добѣжалъ до мѣста. Казалось, что небо хотѣло испытать вашу твердость и мое терпѣніе, ибо я не нашелъ ни вдоль берега, ни въ самомъ С.... никакого судна для вашего спасенія. Находясь почти въ отчаяніи, я думалъ, что нигдѣ не можно мнѣ лучше искать помощи, какъ у тамошняго начальника. Я побѣжалъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ. Уже былъ седьмой часъ. Въ передней комнатѣ нашелъ я тамошней команды сержанта. Разсказавъ ему коротко, зачѣмъ я пришелъ, и ваше положеніе, просилъ его, чтобы онъ разбудилъ Г....., который тогда еще почивалъ. Г. сержантъ мнѣ сказалъ: „другъ мой, я не смѣю“. -- „Какъ, ты не смѣешь? Когда двадцать человѣкъ тонутъ, ты не смѣешь разбудить того, кто ихъ спасти можетъ? Но ты, бездѣльникъ, лжешь, я самъ пойду“.... Г. сержантъ, взявъ меня за плечо не очень учтиво, вытолкнулъ за дверь. Съ досады чуть я не лопнулъ. Но, помня болѣе о вашей опасности, нежели о своей обидѣ и о жестокосердіи началь-

ника съ его подчиненнымъ, я побѣжалъ къ караульной, которая была версты съ двѣ разстояніемъ отъ проклятаго дома, изъ котораго меня вытолкнули. Я зналъ, что живущіе въ ней солдаты содержали лодки, въ которыхъ, ѣздя по заливу, собирали булыжникъ на продажу для мостовыхъ, и я не ошибся въ моей надеждѣ. Нашелъ сіи двѣ небольшія лодки, и радость теперь моя несказанна: вы всѣ спасены. Еслибы вы утонули, то и я бы бросился за вами въ воду". Говоря сіе, Павелъ обливался слезами.— „Между тѣмъ достигли мы берега. Вышедъ изъ судна, я палъ на колѣни, возвелъ руки на небо.--Отче всесильный, возопилъ я: Тебѣ угодно, да живемъ, Ты насъ водилъ на испытаніе, да будетъ воля Твоя.--Се слабое мое [1]), другъ, изображеніе того, что я чувствовалъ. Ужасъ послѣдняго часа прободалъ мою душу, я видѣлъ то мгновеніе, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвѣстность. Теперь чувствую: часъ бьетъ; я мертвъ; движеніе, жизнь, чувствіе, мысль—все исчезнетъ мгновенно. Вообрази себя, мой другъ, на краю гроба,—не почувствуешь ли корчащій мразъ, ліющійся въ твоихъ жилахъ и завременно жизнь пресѣкающій? О мой другъ!--Но я удалился отъ моего повѣствованія.

Совершивъ мою молитву, ярость вступила въ мое сердце. „Возможно ли", говорилъ я самъ себѣ, что въ нашъ вѣкъ, въ Европѣ, подлѣ столицы, въ глазахъ Великаго Государя совершалося такое безчеловѣчіе! Я воспомянулъ о заключенныхъ агличанахъ въ темницѣ Бенгальскаго Субаба. (*).

---

[1]) Мой?

(*) Агличане приняли въ свое покровительство ушедшаго къ нимъ въ Калкуту чиновника Бенгальскаго, подвергшаго себя казни своимъ

Воздохнулъ я во глубинѣ души.--Между тѣмъ дошли мы до С.... Я думалъ, что начальникъ, проснувшись, накажетъ своего сержанта и претерпѣвшимъ на водѣ дастъ хотя успокоеніе. Съ сею надеждою пошелъ я прямо къ нему въ домъ. Но поступкомъ его подчиненнаго столь былъ раздраженъ, что я не могъ умѣрить моихъ словъ. Увидѣвъ его, сказалъ; „государь мой! Извѣстили ли васъ, что за нѣсколько часовъ предъ симъ двадцать человѣкъ находились въ опасности потерять животъ свой на водѣ и требовали вашея помощи". Онъ мнѣ отвѣчалъ, съ наивеличайшею холодностію, куря табакъ: „мнѣ о томъ сказали недавно, а тогда я спалъ".--Тутъ я задрожалъ въ ярости

мздоимствомъ. Справедливо раздраженный Субабъ, собравъ войско, приступилъ къ городу и оный взялъ. Аглинскихъ военноплѣнныхъ велѣлъ ввергнуть въ тѣсную темницу, въ коей они въ полсутки издохли. Осталося отъ нихъ только двадцать три человѣка. Несчастные сіи сулили стражѣ великія деньги, да возвѣститъ владѣльцу о ихъ положеніи. Вопль ихъ и стенаніе возвѣщало о томъ народу, о нихъ соболѣзнующему; но никто не хотѣлъ возвѣстить о томъ властителю. „Почиваетъ онъ", отвѣтствовано умирающимъ агличанамъ; и ни единъ человѣкъ въ Бенгалѣ не мнилъ, что для спасенія жизни ста пятидесяти несчастныхъ должно отъяти сонъ мучителя на мгновеніе.

Но что жъ такое мучитель? Или паче, что жъ такое народъ, сбыкшій къ игу мучительства? Благоговѣніе ль или боязнь тягчитъ его согбенна? Если боязнь, то мучитель ужаснѣе боговъ, къ коимъ человѣкъ возсылаетъ или молитву, или жалобу во время нощи или въ часы денные. Если благоговѣніе, то возможно человѣка возбудить на почитаніе содѣлателей его бѣдствій—чудо, возможное единому суевѣрію. Чему болѣе удивляться, звѣрству ли спящаго Набаба или подлости не смѣющаго его разбудить? Реналь, [1]) Исторія о Индіяхъ. Томъ II.

[1]) Рейналь, энциклопедистъ.

человѣчества: -- „Ты бы велѣлъ себя будить молоткомъ по головѣ, буде крѣпко спишь, когда люди тонутъ и требуютъ отъ тебя, помощи". Отгадай, мой другъ, какой его былъ отвѣтъ! Я думалъ, что мнѣ сдѣлается ударъ отъ того, что я слышалъ. Онъ мнѣ сказалъ: „не моя то должность". Я вышелъ изъ терпѣнія. -- „Должность ли твоя людей убивать, скаредный человѣкъ! И ты носишь знаки отличности, ты начальствуешь надъ другими!..." Окончать не могъ моея рѣчи, плюнулъ почти ему въ рожу и вышелъ вонъ. Я волосы дралъ съ досады. Сто дѣлалъ расположеній, какъ отмстить сему звѣрскому начальнику не за себя, но за человѣчество. Но, опомнясь, убѣдился воспоминовеніемъ многихъ примѣровъ, что мое мщеніе будетъ безплодно, что я же могу прослыть или бѣшенымъ, или злымъ человѣкомъ; смирился.

Между тѣмъ люди мои сходили къ священнику, который насъ принялъ съ великою радостію, согрѣлъ насъ, накормилъ, далъ отдохновеніе. Мы пробыли у него цѣлыя сутки, пользуясь его гостепріимствомъ и угощеніемъ. На другой день, нашедъ большую шлюпку, доѣхали мы до Ораніенбаума благополучно. Въ Петербургѣ я о семъ разсказывалъ тому и другому. Всѣ сочувствовали мою опасность, всѣ хулили жестокосердіе начальника, никто не захотѣлъ ему о семъ напомнить. Еслибы мы потонули, то бы онъ былъ нашимъ убійцею. -- „Но въ должности ему не предписано васъ спасать", сказалъ нѣкто. -- Теперь я прощусь съ городомъ навѣки. Не въѣду николи въ сіе жилище тигровъ. Единое ихъ веселіе--грызть другъ друга; отрада ихъ—томить слабаго до издыханія и раболѣпствовать власти. И ты хотѣлъ, чтобъ я поселился въ городѣ!

Нѣтъ, мой другъ", говорилъ мой повѣствователь, вскочивъ со стула, „заѣду туда, куда люди не ходятъ, гдѣ не знаютъ, что есть человѣкъ, гдѣ имя его неизвѣстно. Прости"; -- сѣлъ въ кибитку и поскакалъ.

СПАСКАЯ ПОЛѢСТЬ.

Я вслѣдъ за моимъ пріятелемъ скакалъ такъ скоро, что настигъ его еще на почтовомъ стану. Старался его уговорить, чтобъ возвратился въ Петербургъ, старался ему доказать, что малыя и частныя неустройства въ обществѣ связи его не разрушатъ, какъ дробинка, падая въ пространство моря, не можетъ возмутить поверхности воды. Но онъ мнѣ сказалъ наотрѣзъ: „когда бы я, малая дробинка, пошелъ на дно, то бы, конечно, на Финскомъ заливѣ бури не сдѣлалось, а я бы пошелъ жить съ тюленями". И съ видомъ негодованія простясь со мною, легъ въ свою кибитку и поѣхалъ поспѣшно.

Лошади были уже впряжены; я уже ногу занесъ, чтобы влѣзть въ кибитку, какъ вдругъ дождь пошелъ. -- „Бѣда невелика", размышлялъ я: закроюсь цѣновкою [1]) и буду сухъ". Но едва мысль сія въ мозгѣ моемъ пролетѣла, то какъ будто меня окунули въ пролубь [2]). Небо, не спросясь со мною, разверзло облако, и дождь лилъ ведромъ. -- Съ погодою не сладишь; по пословицѣ: „тише ѣдешь, далѣ будешь" -- вылѣзъ я изъ кибитки и убѣжалъ въ первую избу. Хозяинъ уже ложился спать, и въ избѣ было темно.

---

[1]) Цыновкою.

[2]) Прорубь.

Но я и въ потемкахъ выпросилъ позволеніе обсушиться. Снялъ съ себя мокрое платье и, что было посуше, положивъ подъ голову, на лавкѣ скоро заснулъ. Но постеля моя была не пуховая, долго нѣжиться не позволила. Проснувшись, услышалъ я шопотъ. Два голоса различить я могъ, которые между собою разговаривали. -- „Ну, мужъ, разскажитка", говорилъ женской голосъ. -- „Слушай, жена. --

Жилъ былъ; -- и подлинно на сказку похоже". „Да какъ же сказкѣ вѣрить?" сказала жена въ полголоса, зѣвая ото сна: „повѣрю ли я, что были Полканъ, Бова или Соловей разбойникъ?". -- „Да кто тебя толкаетъ въ шею? Вѣрь, коли хочешь. Но то правда, что въ старину силы тѣлесныя были въ уваженіи, и что силачи оныя употребляли во зло. Вотъ тебѣ Полканъ. А о Соловьѣ разбойникѣ читай, мать моя, истолкователей русскихъ древностей. Они тебѣ скажутъ, что онъ Соловьемъ названъ краснорѣчія своего ради. -- Не перебивай же моей рѣчи. И такъ, жилъ былъ гдѣ-то государевъ намѣстникъ. Въ молодости своей таскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы [1]) и былъ до нихъ великій охотникъ. Пока деньжонокъ своихъ мало было, то онъ отъ охоты своей воздерживался, ѣдалъ по десятку, и то когда бывалъ въ Петербургѣ. Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его начало прибавляться. А какъ попалъ въ намѣстники, и когда много стало у него денегъ своихъ, много и казенныхъ въ распоряженіи, тогда сталъ онъ къ устерсамъ, какъ брюхатая баба. Спитъ и видитъ, чтобы устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою. Всѣ подчиненные ста-

---

[1]) Устрицы.

новятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы ѣсть будетъ. -- Въ правленіе посылаетъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немедленно курьеръ, котораго онъ имѣетъ въ Петербургъ отправить съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много. Гонецъ, снабженный подорожною, прогонами, совсѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчерахъ явился предъ его высокопревосходительство. -- „Поспѣшай, мой другъ", вѣщаетъ ему унизанный орденами: „поспѣшай, возьми сей пакетъ, отдай его въ Большой Морской". -- „Кому прикажете?. -- „Прочти адресъ" -- „Его... его"... -- „Не такъ читаешь" -- „государю моему гос"... -- „Врешь"... „Господину Корзинкину, почтенному лавочнику, въ С. Петербургѣ въ Большой Морской". -- „Знаю, Ваше Высокопревосходительство!" -- „Ступай же, мой другъ, и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и нимало не медли; я тебѣ скажу спасибо не одно".

И ну-ну-ну, ну-ну-ну; по всѣмъ по тремъ, вплоть до Питера, къ Корзинкину прямо на дворъ. -- „Добро пожаловать. Куды какой Его Высокопревосходительство затѣйникъ, изъ-за тысячи верстъ шлетъ за какою дрянью. Только баринъ добрый. Радъ ему служить. Вотъ устерсы, теперь лишь съ биржи. Скажи, не меньше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самимъ пришли дороги. Да мы съ его милостію сочтемся". -- Бочку взвалили въ кибитку; поворотя оглобли, курьеръ уже опять скачетъ; успѣлъ лишь зайти въ кабакъ и выпить два крючка сивухи.

Тинь, тинь... Едва у городскихъ воротъ услышали звонъ почтоваго колокольчика, караульный офицеръ бѣжитъ уже къ намѣстнику (то ли дѣло, какъ гдѣ все въ порядкѣ) и

рапортуетъ ему, что вдали видна кибитка, и слышенъ звонъ колокольчика. Не успѣлъ выговорить, какъ шасть курьеръ въ двери. - - „Привезъ, Ваше Высокопревосходительство". - - „Очень кстати (оборотясь къ предстоящимъ), право, человѣкъ достойный, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ по два раза въ годъ ѣздитъ въ Петербургъ; а въ Москву сколько разъ, упомнить не могу. Секретарь, пиши представленіе. За многочисленные его въ посылкахъ труды и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ". - - - - - -

Въ расходной книгѣ у казначея записано: „по предложенію Его Высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному въ С. П. съ наинужнѣйшими донесеніями, прогонныхъ денегъ въ оба пути на три лошади изъ экстраординарной суммы"..... Книга казначейская пошла на ревизію, но устерсами не пахнетъ.

По представленію Господина Генерала и проч. ПРИКАЗАЛИ, „быть сержанту П. Н. прапорщикомъ". - - - - - - „Вотъ, жена", говорилъ мужской голосъ, „какъ добиваются въ чины, а что мнѣ прибыли, что я служу безпорочно, не подамся впередъ ни на палецъ. По указамъ велѣно за добропорядочную службу награждать. Но царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ. Такъ-то нашъ г. казначей: уже другой разъ по его представленію меня отсылаютъ въ уголовную палату. Когда бы я съ нимъ былъ заодно, то бы было не житье, а масленица" - - „И... полно, Клементьичъ, пустяки-то молоть. Знаешь ли, за что онъ тебя не любитъ: за то, что ты промѣнъ берешь со всѣхъ, а съ нимъ не дѣлишься. - - „Потише, Кузьминична, потише: неравно, кто подслушаетъ". - - Оба голоса умолкли, и я опять заснулъ.

Поутру узналъ я, что въ одной избѣ со мною ночевалъ присяжный [1]) съ женою, которые до свѣта отправились въ Новгородъ.

Между тѣмъ какъ въ моей повозкѣ запрягали лошадей, пріѣхала еще кибитка, тройкою запряженная. Изъ нея вышелъ человѣкъ, закутанный въ большую япончу, и шляпа съ распущенными полями, глубоко надѣтая, препятствовала мнѣ видѣть его лицо. Онъ требовалъ лошадей безъ подорожной; и какъ многіе повозчики, окруживъ его, съ нимъ торговались, то онъ, не дожидаясь конца ихъ торга, сказалъ одному изъ нихъ съ нетерпѣніемъ: „запрягай поскорѣй, я дамъ по четыре копейки на версту". Ямщикъ побѣжалъ за лошадьми. Другіе, видя, что договариваться уже было не о чемъ, всѣ отъ него отошли.

Я находился отъ него не далѣе, какъ въ пяти саженяхъ. Онъ, подошедъ ко мнѣ и не снимая шляпы, сказалъ: „Милостивый государь, снабдите чѣмъ ни есть человѣка несчастнаго." Меня сіе удивило чрезмѣрно, и я не могъ вытерпѣть, чтобъ ему не сказать, что я удивляюсь просьбѣ его о вспоможеніи, когда онъ не хотѣлъ торговаться о прогонахъ и давалъ противъ другихъ вдвое. „Я вижу", сказалъ онъ мнѣ, „что въ жизнь вашу поперечнаго [2]) вамъ ничего не встрѣчалося". Столь твердый отвѣтъ мнѣ очень понравился, и я, не медля ни мало, вынувъ изъ кошелька . . . . . „Не осудите", сказалъ, „болѣе теперь вамъ служить не могу, но если доѣдемъ до мѣста, то, можетъ быть, сдѣлаю что-нибудь больше". Намѣреніе мое при семъ

---

[1]) Вѣроятно, служащій въ казенной палатѣ (должность, соотвѣтствующая артельщикамъ въ частныхъ банковыхъ предпріятіяхъ).

[2]) Противорѣчія, препятствія.

было то, чтобы сдѣлать его чистосердечнымъ. Я и не ошибся. „Я вижу“, сказалъ онъ мнѣ, „что вы имѣете еще чувствительность, что обращеніе свѣта и снисканіе собственной пользы не затворили входъ ея въ ваше сердце. Позвольте мнѣ сѣсть на вашей повозкѣ, а служителю вашему прикажите сѣсть на моей“. Между тѣмъ лошади наши были впряжены, я исполнилъ его желаніе - - и мы ѣдемъ.

„Ахъ, государь мой, не могу себѣ представить, что я несчастливъ. Не болѣе недѣли тому назадъ я былъ веселъ, въ удовольствіи, недостатка не чувствовалъ, былъ любимъ, или такъ казалося, ибо домъ мой всякій день былъ полонъ людьми, заслужившими уже знаки почестей; столъ мой былъ всегда, какъ великолѣпное нѣкое торжество. Но если тщеславіе толикое имѣло удовлетвореніе, равно и душа наслаждалася истиннымъ блаженствомъ. По многихъ, сперва безплодныхъ стараніяхъ, предпріятіяхъ и неудачахъ, наконецъ, получилъ я въ жену ту, которую желалъ. Взаимная наша горячность, услаждая и чувства и душу, все представляла намъ въ ясномъ видѣ. Не зрѣли мы облачнаго дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна, и приближался часъ ея разрѣшенія. Все сіе блаженство, опредѣлила судьба, да рушится однимъ мгновеніемъ.

У меня былъ обѣдъ, и множество такъ называемыхъ друзей, собравшись, насыщали праздный свой голодъ на мой счетъ. Одинъ изъ бывшихъ тутъ, который внутренно меня не любилъ, началъ говорить съ сидѣвшимъ подлѣ него, хотя въ полголоса, но довольно громко, чтобы говоренное женѣ моей и многимъ другимъ слышно было. „Неужели вы не знаете, что дѣло нашего хозяина въ уголовной палатѣ уже рѣшено?“ - -

„Вамъ покажется мудрено“, говорилъ сопутникъ мой, обращая ко мнѣ свое слово, „чтобы человѣкъ неслужащій и въ положеніи, мною описанномъ, могъ подвергнуть себя суду уголовному. И я такъ думалъ долго, да и тогда, когда мое дѣло, прошедъ нижніе суды, достигло до высшаго. Вотъ въ чемъ оно состояло: я былъ въ купечествѣ записанъ; пуская капиталъ мой въ обращеніе, сталъ участникомъ въ частномъ откупу. Неосновательность моя причиною была, что я довѣрилъ лживому человѣку, который, лично попавшись въ преступленіи, былъ отъ откупу отрѣшенъ, и по свидѣтельству будто его книгъ сдѣлался, повидимому, на немъ большой начетъ. Онъ скрылся, я остался въ лицахъ [1]), и начетъ положено взыскать съ меня. Я, сдѣлавъ выправки, сколько могъ, нашелъ, что начету на мнѣ или совсѣмъ бы не было, или бы былъ очень малый, и для того просилъ, чтобы сдѣлали разсчетъ со мною, ибо я по немъ былъ порукою. Но, вмѣсто того, чтобы сдѣлать должное по моему прошенію удовлетвореніе, велѣно недоимку взыскать съ меня. Первое неправосудіе. Но къ сему присовокупили и другое. Въ то время, какъ я сдѣлался въ откупу порукою, имѣнія за мною никакого не было, но, по обыкновенію, послано было запрещеніе на имѣніе мое въ гражданскую палату. Странная вещь запрещать продавать то, чего не существуетъ въ имѣніи! Послѣ того купилъ я домъ и другія сдѣлалъ пріобрѣтенія. Въ то же самое время случай допустилъ меня перейти изъ купеческаго званія въ званіе дворянское, получа чинъ. Наблюдая свою пользу, я нашелъ случай продать домъ на выгодныхъ

---

[1]) На-лицо, наличнымъ отвѣтчикомъ.

кондиціяхъ, совершивъ купчую въ самой той же палатѣ гдѣ существовало запрещеніе. Сіе поставлено мнѣ въ преступленіе, ибо были люди, которыхъ удовольствіе помрачалось блаженствомъ моего житія. Стряпчій казенныхъ дѣлъ сдѣлалъ на меня доносъ, что я, избѣгая платежа казенной недоимки, домъ продалъ, обманулъ гражданскую палату, назвавшись тѣмъ званіемъ, въ коемъ я былъ, а не тѣмъ, въ которомъ находился при покупкѣ дома. Тщетно я говорилъ, запрещеніе не можетъ существовать на то, чего нѣтъ въ имѣніи, тщетно я говорилъ, что по крайней мѣрѣ надлежало бы сперва продать оставшееся имѣніе и выручить недоимку сей продажею, а потомъ предпринимать другія средства; что я званія своего не утаивалъ, ибо въ дворянскомъ уже купилъ домъ. Все сіе было отринуто, продажа дому уничтожена, меня осудили за ложный мой поступокъ лишить чиновъ,-- „и требуютъ теперь", говорилъ повѣствователь, „хозяина здѣшняго въ судъ, дабы посадить подъ стражу до окончанія дѣла".

Сіе послѣднее повѣствуя, разсказывающій возвысилъ свой голосъ. Жена моя едва сіе услышала, обнявъ меня, вскричала: „нѣтъ, мой другъ, и я съ тобою".--Болѣе выговорить не могла. Члены ея всѣ ослабѣли, и она упала безчувственна въ мои объятія. Я, поднявъ ее со стула, вынесъ въ спальную комнату, и не вѣдаю, какъ обѣдъ окончался.

Пришедъ чрезъ нѣсколько времени въ себя, она почувствовала муки, близкое рожденіе плода горячности нашей возвѣщающія. Но сколь ни жестоки онѣ были, воображеніе, что я буду подъ стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: „и я пойду съ тобою". Сіе

несчастное приключеніе ускорило рожденіе младенца цѣлымъ мѣсяцемъ, и всѣ способы бабки и доктора, для пособія призванныхъ, были тщетны и не могли воспретить, чтобы жена моя не родила чрезъ сутки. Движенія ея души не токмо съ рожденіемъ младенца не успокоились, но, усилившись гораздо, сдѣлали ей горячку.--Почто распространяться мнѣ въ повѣствованіи? Жена моя на третій день послѣ родовъ своихъ умерла. Видя ея страданіе, можете повѣрить, что я ее не оставлялъ ни на минуту. Дѣло мое и осужденіе въ горести позабылъ совершенно. За день до кончины моей любезной недозрѣлый плодъ нашея горячности такъ же умеръ. Болѣзнь матери его занимала меня совсѣмъ, и потеря сія была для меня тогда не велика. Вообрази, вообрази", говорилъ повѣствователь мой, взявъ обѣими руками себя за волосы, „вообрази мое положеніе, когда я видѣлъ, что возлюбленная моя со мною разставалася навсегда.--Навсегда!" вскричалъ онъ дикимъ голосомъ. „Но зачѣмъ я бѣгу? Пускай меня посадятъ въ темницу; я уже нечувствителенъ; пускай меня мучатъ, пускай лишаютъ жизни.--О варвары, тигры, змѣи лютые, грызите сіе сердце, пускайте въ него томный вашъ ядъ!--Извините мое изступленіе, я думаю, что я лишусь скоро ума. Сколь скоро воображу ту минуту, когда любезная моя со мною разставалася, то я все позабываю, и свѣтъ въ глазахъ меркнетъ. Но окончу мою повѣсть. Въ толико жестокомъ отчаяніи, лежащу мнѣ надъ бездыханнымъ тѣломъ моей возлюбленной, одинъ изъ искреннихъ моихъ друзей, прибѣжавъ ко мнѣ: „Тебя пришли взять подъ стражу, команда на дворѣ. Бѣги отсель, кибитка у заднихъ воротъ готова, ступай въ Москву, или куда хочешь

и живи тамъ, доколѣ можно будетъ облегчить твою судьбу".-- Я не внималъ его рѣчамъ, но онъ, усилясь надо мною и взявъ меня съ помощію своихъ людей, вынесъ и положилъ въ кибитку; но, вспомня, что надобны мнѣ деньги, далъ мнѣ кошелекъ, въ которомъ было только пятьдесятъ рублей. Самъ пошелъ въ мой кабинетъ, чтобы найти тамъ денегъ и мнѣ вынести; но, нашедъ уже офицера въ моей спальнѣ, успѣлъ только прислать ко мнѣ сказать, чтобы я ѣхалъ. Не помню, какъ меня везли первую станцію. Слуга пріятеля моего, разсказавъ все происшедшее, простился со мною, а я теперь ѣду, по пословицѣ,-- куда глаза глядятъ".

Повѣсть сопутника моего тронула меня несказанно. „Возможно ли", говорилъ я самъ себѣ, „чтобы въ толь мягкосердое правленіе, каково нынѣ у насъ, толикія производилися жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судіи, что для насыщенія казны (можно дѣйствительно такъ назвать всякое неправильное отнятіе имѣнія для удовлетворенія казеннаго требованія) отнимали у людей имѣніе, честь, жизнь?" Я размышлялъ, какимъ бы образомъ могло сіе происшествіе достигнуть до слуха верховныя власти. Ибо справедливо думалъ, что въ самодержавномъ правленіи она одна въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастна.--Но не могу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу [1]) въ высшее правительство. Уподроблю [2]) все происшествіе и представлю неправосудіе судившихъ и невинность страждущаго.--Но

---

[1]) Жалобницу? См. дальше.

[2]) Разскажу подробно.

жалобницы отъ меня не примутъ. Спросятъ, какое я на то имѣю право; потребуютъ отъ меня вѣрющаго письма.--Какое имѣю право? Страждущее человѣчество. Человѣкъ, лишенный имѣнія, чести, лишенный половины своея жизни, въ самовольномъ изгнаніи, дабы избѣгнуть поносительнаго заточенія. И на сіе надобно вѣрющее письмо? Отъ кого? Ужели сего мало, что страждетъ мой согражданинъ?--Да и въ томъ нѣтъ нужды. Онъ человѣкъ: вотъ мое право, вотъ вѣрющее письмо.—О Богочеловѣкъ! Почто писалъ Ты законъ Твой для варваровъ? Они, крестяся во имя Твое, кровавыя приносятъ жертвы злобѣ. Почто Ты для нихъ мягкосердъ былъ? Вмѣсто обѣщанія будущія казни усугубилъ бы казнь настоящую и, совѣсть возжигая по мѣрѣ злодѣянія, не далъ бы имъ покоя денноночно, доколь страданіемъ своимъ не загладятъ все злое, еже сотворили. Таковыя размышленія толико утомили мое тѣло, что я уснулъ весьма крѣпко и не просыпался долго.

Возмущенные соки мыслію стремилися, мнѣ спящу, къ головѣ и, тревожа нѣжный составъ мозга, возбудили въ немъ воображеніе. Несчастныя картины представлялись мнѣ во снѣ, но исчезали, какъ легкіе въ воздухѣ пары. Наконецъ, какъ то бываетъ, нѣкоторое мозговое волокно, тронутое сильно восходящими изъ внутреннихъ сосудовъ тѣла парами, задрожало долѣе другихъ на нѣсколько времени, и вотъ что я грезилъ.

Мнѣ представилось, что я Царь, Шахъ, Ханъ, Король, Бей, Набабъ, Султанъ, или какое-то сихъ названій нѣчто, сѣдящее во власти на Престолѣ.

Мѣсто моего возсѣденія было изъ чистаго злата и, хитро искладенными драгими разнаго цвѣта каменьями, блистало

лучезарно. Ничто сравниться не могло съ блескомъ моихъ одеждъ. Глава моя украшалася вѣнцомъ лавровымъ. Вокругъ меня лежали знаки, власть мою изъявляющіе. Здѣсь мечъ лежалъ на столпѣ, изъ сребра изваянномъ, на коемъ изображалися морскія и сухопутныя сраженія, взятіе городовъ и прочее сего рода; вездѣ видно было вверху имя мое, носимое геніемъ славы, надъ всѣми сими подвигами парящимъ. Тутъ виденъ былъ скипетръ мой, возлежащій на снопахъ, обильными класами отягченныхъ, изваянныхъ изъ чистаго злата и природѣ совершенно подражающихъ. На твердомъ коромыслѣ возвѣшенные зрѣлися вѣсы. Въ единой изъ чашъ лежала книга съ надписью Законъ Милосердія; въ другой книга же съ надписью Законъ Совѣсти. Держава, изъ единаго камня изсѣченная, поддерживаема была грудою младенцевъ, изъ бѣлаго мрамора изсѣченныхъ. Вѣнецъ мой возвышенъ былъ паче всего и возлежалъ на раменахъ сильнаго исполина, возкраіе же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змія, изъ свѣтлыя стали искованная, облежала вокругъ всего сѣдалища при его подножіи и, конецъ хвоста въ зѣвѣ держаща, изображала вѣчность.

Но не единыя бездыханныя изображенія возвѣщали власть мою и величество. Съ робкимъ подобострастіемъ и взоры мои ловящи стояли вокругъ престола моего чины государственные. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ престола моего толпилося безчисленное множество народа, коего разныя одежды, черты лица, осанка, видъ и станъ различіе ихъ племени возвѣщали. Трепетное ихъ молчаніе увѣряло меня, что они всѣ воли моей подвластны. По сторонамъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ стояли женщины въ великомъ множествѣ въ прелестнѣйшихъ и великолѣп-

нѣйшихъ одеждахъ. Взоры ихъ изъявляли удовольствіе на меня смотрѣть, и желанія ихъ стремились на предупрежденія моихъ, если бы они возродились.

Глубочайшее въ собраніи семъ присутствовало молчаніе; казалося, что всѣ въ ожиданіи были важнаго какого происшествія, отъ коего спокойствіе и блаженство всего общества зависѣли. Обращенный самъ въ себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку въ душѣ моей, отъ насыщающаго скоро единообразія происходящую, я долгъ отдалъ естеству и, ротъ разинувъ до ушей, зѣвнулъ во всю мочь. Всѣ вняли чувствованію души моей. Внезапу смятеніе распростерло мрачный покровъ свой по чертамъ веселія, улыбка улетала со устъ нѣжности, и блескъ радованія съ ланитъ удовольствія. Искаженные взгляды и озираніе являли нечаянное нашествіе ужаса и предстоящія бѣды. Слышны были вздохи, колющія предтечи скорби, и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствіемъ страха стенаніе. Уже скорыми въ сердца всѣхъ стопами шествовало отчаяніе и смертныя содраганія, самыя кончины мучительнѣе. -- Тронутый до внутренности сердца толико печальнымъ зрѣлищемъ, ланитныя мышцы нечувствительно стянулися ко ушамъ моимъ и, растягивая губы, произвели въ чертахъ лица моего кривленіе, улыбкѣ подобное, за коимъ я чхнулъ весьма звонко. Подобно какъ въ мрачную атмосферу, густымъ туманомъ отягченную, проникаетъ полуденный солнца лучъ. Летитъ отъ жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, раздѣленная въ составѣ своемъ, частію улегчася, стремительно возносится въ неизмѣримое пространство эѳира и, частію удержавъ въ себѣ одну только тяжесть земныхъ частицъ, падаетъ низу стремительно.

Мракъ, присутствовавшій повсюду въ небытіи свѣтозарнаго шара, исчезаетъ весь вдругъ и, сложивъ поспѣшно непроницательный свой покровъ, улетаетъ на крылѣхъ мгновенности, не оставляя по себѣ ниже знака своего присутствованія. Тако при улыбкѣ моей развѣялся видъ печали, на лицахъ всего собранія поселившійся; радость проникла сердца всѣхъ быстротечно, и не осталося косого вида неудовольствія нигдѣ. Всѣ начали восклицать: „да здравствуетъ нашъ великій государь, да здравствуетъ навѣки!“ Подобно тихому полуденному вѣтру, помавающему листвія деревъ и любострастное производящему въ дубравѣ шумленіе, тако во всемъ собраніи радостное шептаніе раздавалось. Иной въ полголоса говорилъ: „онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, расширилъ предѣлы отечества, покорилъ тысячи разныхъ народовъ своей державѣ“. Другой восклицалъ: „онъ обогатилъ государство, расширилъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю, онъ любитъ науки и художества, поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе“. Женщины съ нѣжностію вѣщали, „онъ не далъ погибнуть тысячамъ полезныхъ согражданъ, избавя ихъ до сосца еще гибельныя кончины“. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: „онъ умножилъ государственные доходы, народъ облегчилъ отъ податей, доставилъ ему надежное пропитаніе“. Юношество, съ восторгомъ руки на небо простирая, рекло: „онъ милосердъ, правдивъ, законъ его для всѣхъ равенъ, онъ почитаетъ себя первымъ его служителемъ. Онъ законодатель мудрый, судія правдивый, исполнитель ревностный, онъ паче всѣхъ царей великъ, онъ вольность даруетъ всѣмъ“.

Рѣчи таковыя, ударяя въ тимпанъ моего уха, громко раздавалися въ душѣ моей. Похвалы сіи истинными въ ра-

зумѣ моемъ изображалися, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми ихъ пріемля, душа моя возвышалася надъ обыкновеннымъ зрѣнія кругомъ; въ существѣ своемъ расширялась и, вся объемля, касалася степеней Божественной премудрости. Но ничто не сравнилося съ удовольствіемъ самоодобренія при раздаваніи моихъ приказаній. Первому военачальнику повелѣвалъ я идти съ многочисленнымъ войскомъ на завоеваніе земли, цѣлымъ небеснымъ поясомъ отъ меня отдѣленной. „Государь", отвѣтствовалъ онъ мнѣ, „слава единая имени твоего побѣдитъ народы, оную землю населяющіе. Страхъ предшествовать будетъ оружію твоему, и возвращуся приносяй дань царей сильныхъ". -- Учредителю плаванія я рекъ: „да корабли мои разсѣятся по всѣмъ морямъ, да узрятъ ихъ невѣдомые народы; флагъ мой да извѣстенъ будетъ на сѣверѣ, востокѣ, югѣ и западѣ". „Исполню, государь!" -- И полетѣлъ на исполненіе, яко вѣтръ, опредѣленный надувать вѣтрила корабельныя. -- „Возвѣсти до дальнѣйшихъ предѣловъ моея области", рекъ я хранителю законовъ: „се день рожденія моего, да ознаменится онъ въ лѣтописяхъ навѣки отпущеніемъ повсемѣстнымъ. Да отверзутся темницы, да изыдутъ преступники, и да возвратятся въ домы свои, яко заблудшіе отъ истиннаго пути". -- „Милосердіе твое, государь! есть образъ всещедраго существа. Бѣгу возвѣстити радость скорбящимъ отцамъ по чадѣхъ ихъ, супругамъ по супругахъ ихъ". -- „Да воздвигнутся", рекъ я первому зодчію, „великолѣпнѣйшія зданія для убѣжища муссъ [1]), да украсятся подражаніями природы разновидными; и да будутъ

[1]) Музъ.

онѣ ненарушимы, яко небесныя жительницы, для нихъ же они уготовляются". -- „О премудрый", отвѣчалъ онъ мнѣ, „егда велѣніямъ твоего гласа стихіи повиновалися, и, совокупя силы свои, учреждали въ пустыняхъ и на дебряхъ обширные грады, превосходящіе великолѣпіемъ славнѣйшіе въ древности, колико маловаженъ будетъ сей трудъ для ревностныхъ исполнителей твоихъ велѣній. Ты рекъ, и грубые строенія припасы уже гласу твоему внемлютъ". -- „Да отверзется нынѣ", рекъ я, „рука щедроты, да изліются остатки избытка на немощствующихъ, сокровища ненужныя да возвратятся къ ихъ источнику". -- „О всещедрый Владыко, всевышнимъ намъ дарованный, отецъ своихъ чадъ, обогатитель нищаго да будетъ твоя воля". -- При всякомъ моемъ изреченіи всѣ предстоящіе восклицали радостно, и плесканіе рукъ не токмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль. Единая изъ всего собранія жена, облегшаяся твердо о столпъ, испускала вздохи скорби и являла видъ презрѣнія и негодованія. Черты лица ея были суровы, и платье простое. Глава ея покрыта была шляпою, когда всѣ другіе обнаженными стояли главами. „Кто сія?" вопрошалъ я близъ стоящаго меня. „Сія есть странница, намъ неизвѣстная, именуетъ себя Прямовзорой и глазнымъ врачомъ. Но есть волхвъ опаснѣйшій, носяй ядъ и отраву, радуется скорби и сокрушенію; всегда нахмуренна, всѣхъ презираетъ и поноситъ; даже не щадитъ въ руганіи своемъ священныя твоея главы". -- „Почто жъ злодѣйка сія терпима въ моей области? Но о ней завтра. Сей день есть день милости и веселія. Пріидите, сотрудники мои въ ношеніи тяжкаго бремени правленія, пріимите достойное за труды и подвиги ваши воздаяніе". Тогда, возставъ отъ

мѣста моего, возлагалъ я различные знаки почестей на предстоящихъ; отсутствующіе забыты не были, но тѣ, кои пріятнымъ видомъ словамъ моимъ шли во срѣтеніе, имѣли большую во благодѣяніяхъ моихъ долю.

По семъ продолжалъ я мое слово: „Пойдемъ, столпы моея державы, опоры моея власти, пойдемъ усладиться по трудѣ. Достойно бо да вкуситъ трудившійся плода трудовъ своихъ. Достойно Царю вкусити веселія, онъ же изливаетъ многочисленныя всѣмъ. Покажи намъ путь къ уготованному тобою празднеству", рекъ я къ учредителю веселій. „Мы тебѣ послѣдуемъ".--„Постой", вѣщала мнѣ странница отъ своего мѣста, „постой, и подойди ко мнѣ. Я врачъ, присланный къ тебѣ и тебѣ подобнымъ, да очищу зрѣніе твое.-- Какія бѣльма", сказала она съ восклицаніемъ.-- Нѣкая невидимая сила нудила меня идти предъ нее, хотя всѣ меня окружавшіе мнѣ въ томъ препятствовали, дѣлая даже мнѣ насиліе.

„На обоихъ глазахъ бѣльма", сказала странница, „а ты столь рѣшительно судилъ о всемъ". Потомъ коснулася обоихъ моихъ глазъ и сняла съ нихъ толстую плену, подобну роговому раствору. „Ты видишь", сказала она мнѣ, „что ты былъ слѣпъ и слѣпъ всесовершенно.--Я есмь Истина. Всевышній, подвигнутый на жалость стенаніемъ тебѣ подвластнаго народа, ниспослалъ меня съ небесныхъ круговъ, да отжену темноту, проницанію взора твоего препятствующую. Я сіе исполнила. Всѣ вещи представятся днесь въ естественномъ ихъ видѣ взорамъ твоимъ. Ты проникнешь во внутренность сердецъ. Не утаится болѣе отъ тебя змія, крыющаяся въ излучинахъ душевныхъ. Ты познаешь вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которые вдали отъ

тебя не тебя любятъ, но любятъ отечество; которые готовы всегда на твое пораженіе, если оно отмститъ порабощеніе человѣка. Но не возмутятъ они гражданскаго покоя безвременно и безъ пользы. Ихъ призови себѣ въ друзей. Изжени сію гордую чернь, тебѣ предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодѣи, затмевающіе очи твои и входъ мнѣ въ твои чертоги воспрещающіе. Единъ разъ являюся я Царямъ во все время ихъ царствованія, да познаютъ меня въ истинномъ моемъ видѣ; но я никогда не оставляю жилища смертныхъ. Пребываніе мое не есть въ чертогахъ царскихъ. Стража, обсѣвшая ихъ вокругъ и бдящая денноночно, стоглазно, воспрещаетъ мнѣ входъ въ оные. Если когда проникну сію сплоченную толпу, то, поднявъ бичъ гоненія, всѣ тебя окружающіе тщатся меня изгнать изъ обиталища твоего; бди убо, да паки не удалюся отъ тебя. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающія, бѣльма твои паки возродятъ, и кора, свѣтомъ не проницаемая, покрыетъ твои очи. Тогда ослѣпленіе твое будетъ сугубо; едва на шагъ одинъ взоры твои досязать будутъ. Все въ веселомъ являться тебѣ будетъ видѣ. Уши твои не возмутятся стенаніемъ, но усладится слухъ сладкопѣніемъ ежечасно. Жертвенныя куренія обыдутъ на лесть отверзтую душу. Осязанію твоему подлежать будетъ всегда гладкость. Никогда не раздеретъ благотворная шероховатость въ тебѣ нервовъ осязательности. Вострепещи теперь за таковое состояніе. Туча вознесется надъ главой твоей, и стрѣлы карающаго грома готовы будутъ на твое пораженіе. Но я, вѣщаю тебѣ, поживу въ предѣлахъ твоего обладанія. Егда восхощешь меня видѣти,

егда осажденная кознями ласкательства душа твоя взалкаетъ моего взора, воззови меня изъ твоея отдаленности: гдѣ слышенъ будетъ твердый мой гласъ, тамъ меня и обрящешь. Не убойся гласа моего николи. Если изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твоя, вѣдай, что той есть твой другъ искренній; чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, онъ твердымъ гласомъ возвѣститъ меня тебѣ. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его, яко странника. Ибо всякъ, порицающій Царя въ самовластіи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его, вѣщаю, почти его, да, возвратившися, возможетъ онъ паче и паче глаголати нельстиво. Но таковыя твердыя сердца бываютъ рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ. А дабы бдительность твоя не усыплялася нѣгою власти, се кольцо дарую тебѣ, да возвѣститъ оно тебѣ твою неправду, когда на нее дерзать будешь. Ибо вѣдай, что ты первѣйшій въ обществѣ можешь быть убійца, первѣйшій разбойникъ, первѣйшій предатель, первѣйшій нарушитель общія тишины, врагъ лютѣйшій, устремляющій злость свою на внутренность слабаго. Ты виною будешь, если мать восплачетъ о сынѣ своемъ, убіенномъ на ратномъ полѣ, и жена о мужѣ своемъ; ибо опасность плѣна едва оправдать можетъ убійство, войною называемое. Ты виною будешь, если запустѣетъ нива, если птенцы земледѣлателя лишатся жизни у тощаго безъ здравыя пищи сосца матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящихъ тебѣ, воззри на исполненіе твоихъ велѣній, и если душа твоя не содрогнется отъ ужаса при взорѣ таковомъ, то отыду

отъ тебя, и чертогъ твой загладится навсегда въ памяти моей".

Изрекшія странницы лицо казалося веселымъ и вещественнымъ сіяющее блескомъ. Воззрѣніе на нее вливало въ душу мою радость. Уже не чувствовалъ я въ ней зыбей тщеславія и надутлости высокомѣрія. Я ощущалъ въ ней тишину; волненіе любочестія и обуреваніе властолюбія ея не касалися. Одежды мои, столь блестящія, казалися замараны кровію и омочены слезами. На перстахъ моихъ видѣлися мнѣ остатки мозга человѣческаго; ноги мои стояли въ тинѣ. Вокругъ меня стоящіе являлися того скареднѣе. Вся внутренность ихъ казалась черною и сгараемою тусклымъ огнемъ ненасытности. Они метали на меня и другъ на друга искаженные взоры, въ коихъ господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальникъ мой, посланный на завоеваніе, утопалъ въ роскоши и веселіи. Въ войскахъ подчиненности не было; воины мои почиталися хуже скота. Не радѣли ни о ихъ здравіи, ни прокормленіи; жизнь ихъ ни во что вмѣнялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное имъ украшеніе. Большая половина новыхъ воиновъ умирали отъ небреженія начальниковъ или ненужныя и безвременныя строгости. Казна, опредѣленная на содержаніе всеополченія, была въ рукахъ учредителя веселостей. Знаки военнаго достоинства не храбрости были удѣломъ, но подлаго раболѣпія. Я зрѣлъ предъ собою единаго знаменитаго по словесамъ военачальника, коего я отличными почтилъ знаками моего благоволенія; я зрѣлъ нынѣ ясно, что все его отличное достоинство состояло въ томъ только, что онъ пособіемъ былъ въ на-

сыщеніи сладострастія своего начальника; и на оказаніе мужества не было ему даже случая, ибо онъ издали не видалъ непріятеля. Отъ такихъ-то воиновъ я ждалъ себѣ новыхъ вѣнцовъ! Отвратилъ я взоръ мой отъ тысящи бѣдствъ, представившихся очамъ моимъ.

Корабли мои, назначенные, да прейдутъ дальнѣйшія моря, видѣлъ я плавающими при устьѣ пристанища. Начальникъ, полетѣвшій для исполненія моихъ велѣній на крылѣхъ вѣтра, простерши на мягкой постелѣ свои члены, упоялся нѣгою и любовію въ объятіяхъ наемной возбудительницы его сладострастія. На изготованномъ велѣніемъ его чертежѣ совершеннаго въ мечтаніи плаванія, уже видны были во всѣхъ частяхъ міра новые острова, климату ихъ свойственными плодами изобилующіе. Обширныя земли и многочисленные народы израждалися изъ кисти новыхъ сихъ путешествователей. Уже при блескѣ нощныхъ свѣтильниковъ начерталося величественное описаніе сего путешествія и сдѣланныхъ пріобрѣтеній, слогомъ цвѣтущимъ и великолѣпнымъ. Уже златыя дски уготовлялися на одежду столь важнаго сочиненія. О Кукъ! почто ты жизнь свою провелъ въ трудахъ и лишеніяхъ? Почто скончалъ ее плачевнымъ образомъ? Еслибы возсѣлъ на сіи корабли, то, въ веселіяхъ начавъ путешествіе и въ веселіяхъ его скончая, столь же бы много сдѣлалъ открытій, сидя на одномъ мѣстѣ (и въ моемъ государствѣ), толико же бы прославился, ибо ты почтенъ былъ твоимъ государемъ.

Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленіи моемъ душа моя наиболѣе гордилася, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ едва видны были въ обширности гражданскихъ

дѣяній. Велѣніе мое или было совсѣмъ нарушено, обращаяся не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія превратнымъ онаго толкованіемъ и медлительнымъ исполненіемъ. Милосердіе мое сдѣлалося торговлею, и тому, кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушія. Вмѣсто того, чтобы въ народѣ моемъ чрезъ отпущеніе вины прослыть милосердымъ, я прослылъ обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ. „Удержи свое милосердіе", вѣщали тысящи гласовъ, „не возвѣщай намъ его великолѣпнымъ словомъ, если не хощешь его исполнити. Не соплощай съ обидою насмѣшку, съ тяжестію ея ощущеніе. Мы спали и были покойны, ты возмутилъ нашъ сонъ, мы бдѣть не желали; ибо не надъ чѣмъ".--Въ созиданіи городовъ видѣлъ я одно расточеніе государственныя казны, нерѣдко омытой кровію и слезами моихъ подданныхъ. Въ воздвиженіи великолѣпныхъ зданій къ расточенію нерѣдко присовокуплялося и непонятіе о истинномъ искусствѣ. Я зрѣлъ расположеніе ихъ внутренное и внѣшнее безъ малѣйшаго вкуса. Виды оныхъ принадлежали вѣку Готфовъ и Вандаловъ. Въ жилищѣ, для муссъ уготованномъ, не зрѣлъ я ліющихся благотворно струевъ Касталіи и Иппокрены; едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченной обычаемъ округи. Зодчіе, согбенные надъ чертежемъ зданія, не о красотѣ онаго помышляли, но какъ пріобрѣтутъ ею себѣ стяжаніе. Возгнушался я моего пышнаго тщеславія и отвратилъ очи мои.--Но паче всего уязвило душу мою изліяніе моихъ щедротъ. Я мнилъ въ ослѣпленіи моемъ, что ненужная казна общественная на государственныя надобности не можетъ лучше употребиться, какъ на вспоможе-

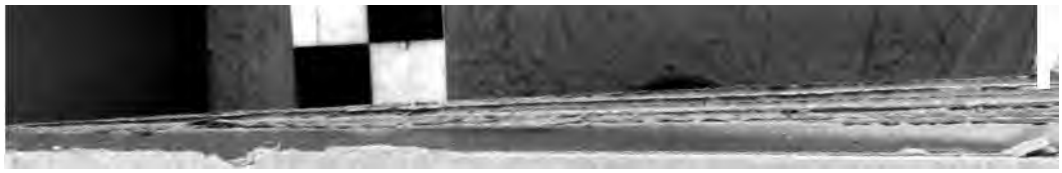
ніе нищаго, на одѣяніе нагого, на прокормленіе алчущаго или на поддержаніе погибающаго противнымъ случаемъ, или на мзду не радящему о стяжаніи достоинству и заслугѣ. Но сколь прискорбно было видѣть, что щедроты мои изливалися на богатаго, на льстеца, на вѣроломнаго друга, на убійцу, иногда тайнаго, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго мое пристрастіе, на снисходящаго моимъ слабостямъ, на жену, кичащуюся своимъ безстыдствомъ. Едва, едва досязали слабые источники моея щедроты застѣнчиваго достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились изъ очей моихъ и сокрыли отъ меня толь бѣдственныя представленія безразсудной моей щедроты.--Теперь ясно я видѣлъ, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставалися въ удѣлъ недостойнымъ. Достоинство неопытное, пораженное первымъ блескомъ сихъ мнимыхъ блаженствъ, вступало въ единый путь съ ласкательствомъ и подлостію духа на снисканіе почестей, вожделѣнной смертныхъ мечты; но, влача косвенно стопы свои, всегда на первыхъ степеняхъ изнемогало и довольствоваться было осуждаемо собственнымъ своимъ одобреніемъ, во увѣреніи, что почести мірскія суть пеплъ и дымъ. Видя во всемъ толикую превратность, отъ слабости моей и коварства министровъ моихъ проистекшую; видя, что нѣжность моя обращалася на жену, ищущую въ любви моей удовлетворенія своего только тщеславія и внѣшность только свою на услажденіе мое устрояющую, когда сердце ея ощущало ко мнѣ отвращеніе, возревѣлъ я яростію гнѣва. „Недостойные преступники, злодѣи! вѣщайте, почто во зло употребили довѣренность Господа вашего? предстаньте нынѣ предъ судію вашего. Вос-

трепещите въ окаменѣлости злодѣянія вашего. Чѣмъ можете оправдать дѣла ваши? Что скажете во извиненіе ваше? Се онъ, его же призову изъ хижины уничиженія. Пріиди", вѣщалъ я старцу, коего созерцалъ въ краѣ обширныя моея области, кроющагося подъ заросшею мхомъ хижиною, „пріиди облегчить мое бремя; пріиди и возврати покой томящемуся сердцу и встревоженному уму".--Изрекши сіе, обратилъ я взоръ мой на мой санъ, позналъ обширность моея обязанности, позналъ, откуду проистекаетъ мое право и власть. Вострепеталъ во внутренности моей, убоялся служенія моего. Кровь моя пришла въ жестокое волненіе, и я пробудился.--Еще не опомнившись, схватилъ я себя за палецъ, но терноваго кольца на немъ не было. О еслибы оно пребывало хотя на мизинцѣ Царей!

Властитель міра, если, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается.

ПОДБЕРЕЗЬЕ.

Насилу очнуться я могъ отъ богатырскаго сна, въ которомъ я столько сгрезилъ.--Голова моя была свинцовой тяжелѣе, хуже, нежели бываетъ съ похмелья у пьяницъ, которые по недѣлѣ пьютъ запоемъ. Не въ состояніи я былъ продолжать пути и трястися на деревянныхъ дрогахъ (пружинъ у кибитки моей не было). Я вынулъ домашній лѣчебникъ; искалъ, нѣтъ ли въ немъ рецепта отъ головной дурноты, происходящей отъ бреду во снѣ и на-



яву. Лѣкарство со мною хотя всегда ѣздило въ запасѣ, но по пословицѣ: „на всякаго мудреца довольно простоты“, противъ бреду я себя не предостерегъ, и отъ того голова моя, пріѣхавъ на почтовой станъ, была хуже болвана.

Вспомнилъ я, что нѣкогда блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Прасковья, нареченная Пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогаетъ онъ отъ головной боли. „Какъ чашекъ пять выпью“, говаривала она, „такъ и свѣтъ вижу, а безъ того умерла бы въ три дни“.

Я взялся за нянюшкино лѣкарство, но, не привыкнувъ пить вдругъ по пяти чашекъ, поподчивалъ излишне для меня свареннымъ молодого человѣка, который сидѣлъ на одной со мной лавкѣ, но въ другомъ углу у окна. -- „Благодарю усердно“, сказалъ онъ, взявъ чашку съ кофеемъ. -- Привѣтливый видъ, взглядъ неробкій, вѣжливая осанка, казалось, не кстати были къ длинному полукафтанью и къ примазаннымъ квасомъ волосамъ. Извини меня, читатель, въ моемъ заключеніи: я родился и выросъ въ столицѣ, и если кто некудрявъ и ненапудренъ, того я ни во что не чту. Если и ты деревенщина и волосъ не пудришь, то не осуди, буде я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Слово за слово я съ новымъ моимъ знакомцемъ поладилъ. Узналъ, что онъ былъ изъ Новогородской семинаріи и шелъ пѣшкомъ въ Петербургъ повидаться съ дядею, который былъ секретаремъ въ губернскомъ штатѣ. Но главное его намѣреніе было, чтобъ сыскать случай для пріобрѣтенія науки. -- „Сколь великій недостатокъ еще у насъ въ пособіяхъ просвѣщенія“, говорилъ онъ мнѣ. „Одно свѣ-

дѣніе латинскаго языка не можетъ удовлетворить разума алчущаго науки. Виргилія, Горація, Тита Ливія, даже Тацита почти знаю наизусть, но когда сравню знаніи семинаристовъ съ тѣмъ, что я имѣлъ случай по счастію моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащимъ къ прошедшимъ столѣтіямъ. Классическіе авторы намъ всѣ извѣстны, но мы лучше знаемъ критическія объясненія текстовъ, нежели то, что ихъ доднесь дѣлаетъ пріятными, что вѣчность для нихъ уготовало. Насъ учатъ философіи, проходимъ мы логику, метафизику, иѳику [1]), богословію [2]), но, по словамъ Кутейника въ „Недорослѣ", дойдемъ до конца философскаго ученія и возвратимся вспять. Чему дивиться: Аристотель и схоластика донынѣ царствуютъ въ семинаріяхъ! Я по счастію моему знакомъ сталъ въ домѣ одного изъ губернскихъ членовъ въ Новѣгородѣ, имѣлъ случай пріобрѣсти въ ономъ малое знаніе во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница въ просвѣщеніи временъ, когда одинъ латинскій языкъ былъ въ училищахъ употребителенъ, съ нынѣшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки не суть таинства, для свѣдущихъ латинскій языкъ токмо отверзтыя, но преподаются на языкѣ народномъ! -- „Но для чего", прервавъ онъ свою рѣчь, продолжалъ, „для чего не заведутъ у насъ вышнихъ училищъ, въ которыхъ бы преподавалися науки на языкѣ общественномъ, на языкѣ россійскомъ? Ученіе всѣмъ бы было внятнѣе; просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ по-

[1]) Этику.

[2]) Старая форма (вм. богословіе).

спѣшнѣе, и, однимъ поколѣніемъ позже, за одного латинщика нашлось бы двѣсти человѣкъ просвѣщенныхъ; по крайней мѣрѣ въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ, понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе.-- Боже мой!" продолжалъ онъ съ восклицаніемъ, „еслибы привести примѣры изъ размышленій и разглагольствованій судей нашихъ о дѣлахъ! Что бы сказали Гроцій [1]), Монтескью, Блэкстонъ" [2]).--„Ты читалъ Блэкстона?"--„Читалъ первыя двѣ части; на россійскій языкъ переведенныя [3]). Не худо бы было заставлять судей нашихъ имѣть сію книгу вмѣсто святцевъ, заставлять ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь. Какъ не потужить", повторилъ онъ, „что у насъ нѣтъ училищъ, гдѣ бы науки преподавалися на языкѣ народномъ".

Вошедшій почталіонъ помѣшалъ продолженію нашей бесѣды. Я успѣлъ семинаристу сказать, что скоро желаніе его исполнится, что уже есть повелѣніе о учрежденіи новыхъ университетовъ, гдѣ науки будутъ преподаваться по его желанію.—„Пора, государь мой, пора"....

Между тѣмъ какъ я платилъ почталіону прогонныя деньги, семинаристъ вышелъ вонъ. Выходя, выронилъ небольшой пукъ бумаги. Я поднялъ упадшее и не отдалъ ему. Не обличи меня, любезный читатель, въ моемъ воровствѣ; съ такимъ условіемъ я и тебѣ сообщу, что я подтибрилъ. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу не выведешь, ибо не тотъ одинъ воръ, кто кралъ,

---

[1]) Гуго Гроцій, нѣмецкій политическій писатель (1583—1645).

[2]) Знаменитый англійскій юристъ (1723—1780).

[3]) По иниціативѣ Екатерины II.

но и тотъ, кто принималъ: такъ писано въ законѣ русскомъ. Признаюсь, я на руку нечистъ: гдѣ что немного похожее на разсудительное увижу, то тотъ часъ стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо.—Читай, что мой семинаристъ говоритъ:

„Кто міръ нравственный уподобилъ колесу, тотъ, сказавъ великую истину, не иное что, можетъ быть, сдѣлалъ, какъ взглянулъ на круглый образъ земли и другихъ великихъ въ пространствѣ носящихся тѣлъ, изрекъ только то, что зрѣлъ. Поступая въ познаніи естества, откроютъ, можетъ быть, смертные тайную связь веществъ духовныхъ, или нравственныхъ съ веществами тѣлесными, или естественными; что причина всѣхъ перемѣнъ, превращеній, превратностей міра нравственнаго или духовнаго зависитъ, можетъ быть, отъ кругообразнаго вида нашего обиталища и другихъ къ солнечной системѣ принадлежащихъ тѣлъ, равно какъ и оно, кругообразныхъ и коловращающихся“..... На Мартиниста [1]) похоже; на ученика Шведенборга [2])..... Нѣтъ, мой другъ, я пью и ѣмъ не для того только, чтобъ быть живу, но для того, что въ томъ нахожу немалое услажденіе чувствъ. И покаюся тебѣ, какъ отцу духовному, я лучше ночь просижу съ пригоженькою дѣвочкою и усну, упоенный сладострастіемъ въ объятіяхъ ея, нежели, зарывшись въ еврейскія или арабскія буквы, въ цыфири, или египетскіе іероглифы, потщуся отдѣлить духъ мой отъ тѣла и рыскать въ пространныхъ поляхъ бредо-

---

[1]) Мартинистами называли у насъ послѣдователей Новикова и Шварца.

[2]) Сведенборгъ, извѣстный мистикъ.

умствованій, подобенъ древнимъ и новымъ духовнымъ витязямъ [1]). Когда умру, будетъ время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится досыта.

Оглянись назадъ, кажется, еще время то за плечами близко, въ которое царствовало суевѣріе, и весь его причетъ, невѣжество, рабство, инквизиція и многое кое-что. Давно ли то было, какъ Вольтеръ кричалъ противъ суевѣрія до безголосицы; давно ли Фридрихъ [2]) неутолимый его былъ врагъ не токмо словомъ своимъ и дѣяніями, но, что для него страшнѣе, державнымъ своимъ примѣромъ. Но въ мірѣ семъ все приходитъ на прежнюю степень, ибо все въ разрушеніи свое имѣетъ начало. Животное, прозябаемое родится, растетъ, дабы произвести себѣ подобныхъ, потомъ умереть и уступить имъ свое мѣсто. Бродящіе народы собираются во грады, основываютъ царства, мужаютъ, славятся, слабѣютъ, изнемогаютъ, разрушаются. Мѣста пребыванія ихъ невидно; даже имена ихъ погибнутъ. Христіанское общество вначалѣ было смиренно, кротко, скрывалося въ пустыняхъ и вертепахъ, потомъ усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалося суевѣрію; въ изступленіи шло стезею, народамъ обыкновенною; воздвигло начальника, расширило его власть, и папа сталъ всесильный изъ царей. Лутеръ [3]) началъ преобразованіе, воздвигъ расколъ, изъялся изъ-подъ власти его и много имѣлъ послѣдователей. Зданіе предубѣжденія о власти папской рушиться стало, стало исчезать и суевѣріе; истина нашла любителей, попрала огромный

---

[1]) Намекъ на масоновъ.

[2]) II, прусскій.

[3]) Лютеръ.

оплотъ предразсужденій, но недолго пребыла въ сей стезѣ. Вольность мыслей вдалася необузданности. Не было ничего святого, на все посягали. Дошедъ до краевъ возможности, вольномысліе возвратится вспять. Сія перемѣна въ образѣ мыслей предстоитъ нашему времени. Не дошли еще до послѣдняго края безпрепятственнаго вольномыслія, но многіе уже начинаютъ обращаться къ суевѣрію. Разверни новѣйшія таинственныя творенія [1]), возмнишь быти во времена схоластики и словопреній, когда о реченіяхъ заботился разумъ человѣческій, не мысля о томъ, былъ ли въ реченіи смыслъ; когда задачею любомудрія почиталося и на рѣшеніе изслѣдователей истины отдавали вопросъ, сколько на игольномъ остріи можетъ умѣститься душъ.

Если потомкамъ нашимъ предлежитъ заблужденіе, если, оставя естественность, гоняться будутъ за мечтаніями, то весьма полезный бы былъ трудъ писателя, показавшаго намъ изъ прежнихъ дѣяній шествіе разума человѣческаго, когда сотрясшій мглу предубѣжденій онъ началъ преслѣдовать истину до выспренностей ея, и когда утомленный, такъ сказать, своимъ бодрствованіемъ растлѣвать начиналъ паки свои силы, томиться и ниспускаться въ туманы предразсудковъ и суевѣрія. Трудъ сего писателя безполезенъ не будетъ, ибо, обнажая шествіе нашихъ мыслей къ истинѣ и заблужденію, устранитъ хотя нѣкоторыхъ отъ пагубныя стези и заградитъ полетъ невѣжества. Блаженъ писатель, если твореніемъ своимъ могъ просвѣтить хотя единаго, блаженъ, если въ единомъ хотя сердцѣ посѣялъ добродѣтель.

---

[1]) Масонскія.

Счастливыми назваться мы можемъ, ибо не будемъ свидѣтели крайняго посрамленія разумныя твари. Ближніе наши потомки счастливѣе насъ еще быть могутъ. Но пары, въ грязи омерзѣнія почившіе, уже воздымаются и предопредѣляются объяти зрѣнія кругъ. Блаженны, если не узримъ новаго Магомета; часъ заблужденія еще отдалится. Внемли, когда въ умствованіяхъ, когда въ сужденіяхъ о вещахъ нравственныхъ и духовныхъ начинается ферментація, и возстаетъ мужъ твердый и предпріимчивый, на истину или на прельщеніе, тогда послѣдуетъ премѣна царствъ, тогда премѣна въ исповѣданіяхъ.

На лѣствицѣ, по которой разумъ человѣческій нисходить долженствуетъ во тьму заблужденій, если покажемъ что-либо смѣшное и улыбкою содѣлаемъ добро, блаженны наречемся.

Бродя изъ умствованія въ умствованіе, о возлюбленные, блюдитеся, да не вступите на путь слѣдующихъ изслѣдованій.

Вѣщалъ Акиба: „вошедъ по стезѣ Равви Іозуа въ сокровенное мѣсто, я позналъ тройственное. Позналъ 1-е: не на Востокъ и не на Западъ, но на Сѣверъ и Югъ обращатися довлѣетъ. Позналъ 2-е: не на ногахъ стоящему, но возсѣдая надлежитъ испражняться. Позналъ 3-е: не десницею, но шуйцею отирать надлежитъ задняя". На сіе возразилъ Бенъ Газасъ: „дотолѣ обезстудилъ еси чело свое на учителя, да извергающаго присматривалъ?" Отвѣтствовалъ онъ: „сіи суть таинства закона; и нужно было, да сотворю сотворенное и ихъ познаю".

Смотри Белевъ [1]) *словарь, статью Акиба.*

[1]) Bayle, франц. мыслитель (1647—1706). Имъ составленъ „Dictionnaire historique et critique".

НОВГОРОДЪ.

„Гордитеся, тщеславные созидатели градовъ, гордитесь, основатели государствъ; мечтайте, что слава имени вашего будетъ вѣчна; столпите камень на камень до самыхъ облаковъ; изсѣкайте изображенія вашихъ подвиговъ и надписи, дѣла ваши возвѣщающія. Полагайте твердыя основанія правленія закономъ непремѣннымъ. Время съ острымъ рядомъ зубовъ смѣется вашему кичeнію. Гдѣ мудрые Солоновы и Ликурговы законы, вольность Аѳинъ и Спарты утверждавшіе? -- Въ книгахъ. -- А на мѣстѣ ихъ пребыванія пасутся рабы жезломъ самовластія. -- Гдѣ пышная Троя, гдѣ Карѳага [1]? -- „Едва ли видно мѣсто, гдѣ гордо онѣ стояли. -- Курится ли таинственно единому существу нетлѣнная жертва во славныхъ храмахъ древняго Египта? Великолѣпные оныхъ остатки служатъ убѣжищемъ блеющему скоту во время средиденнаго зноя. Не радостными слезами благодаренія всевышнему Отцу они орошаемы, но смрадными изверженіями скотскаго тѣла. -- О гордость, о надменность человѣческая, воззри на сіе и познай, колико ты ползуща!“

Въ таковыхъ размышленіяхъ подъѣзжалъ я къ Новугороду, смотря на множество монастырей, вокругъ онаго лежащихъ.

Сказываютъ, что всѣ сіи монастыри, даже и на пятнадцать верстъ разстояніемъ отъ города находящіеся, заключалися въ ономъ; что изъ стѣнъ его могло выходить до ста тысячъ войска. Извѣстно по лѣтописямъ, что Новгородъ имѣлъ народное правленіе. Хотя у нихъ были князья, но

[1]) Карѳагенъ.

мало имѣли власти. Вся сила правленія заключалася въ посадникахъ и тысяцкихъ. Народъ въ собраніи своемъ на вѣчѣ былъ истинный государь. Область новогородская простиралася на сѣверѣ даже за Волгу. Сіе вольное государство стояло въ Ганзейскомъ союзѣ. Старинная рѣчь: „кто можетъ стать противъ Бога и великаго Новагорода" служить можетъ доказательствомъ его могущества. Торговля была причиною его возвышенія. Внутреннія несогласія и хищный сосѣдъ совершили его паденіе.

На мосту вышелъ я изъ кибитки моей, дабы насладиться зрѣлищемъ теченія Волхова. Неможно было, чтобы не пришелъ мнѣ на память поступокъ царя Ивана Васильевича по взятіи Новагорода. Уязвленный сопротивленіемъ сея республики, сей гордый, звѣрскій, но умный властитель хотѣлъ ее разорить до основанія. Мнѣ зрится онъ, съ долбнею на мосту стоящъ (такъ иные повѣствуютъ), приносяй на жертву ярости своей старѣйшихъ и начальниковъ Новогородскихъ. Но какое онъ имѣлъ право свирѣпствовать противъ нихъ; какое онъ имѣлъ право присвоять Новгородъ? То ли, что первые великіе князья россійскіе жили въ семъ городѣ? Или что онъ писался царемъ всея Русіи? Или что новгородцы были славенскаго племени? Но на что право, когда дѣйствуетъ сила? Можетъ ли оно существовать, когда рѣшеніе запечатлѣется кровію народовъ? Можетъ ли существовать право, когда нѣтъ силы на приведеніе его въ дѣйствительность? Много было писано о правѣ народовъ; нерѣдко имѣютъ на его ссылку; ни [1]) законоучители не помышляли, можетъ ли быть между народами судія. Когда

[1]) Но?

возникаютъ между ими вражды, когда ненависть или корысть устремляетъ ихъ другъ на друга, судія ихъ есть мечъ. Кто палъ мертвъ или обезоруженъ, тотъ и виновенъ; повинуется непрекословно сему рѣшенію, и аппелляціи на оное нѣтъ.--Вотъ почему Новгородъ принадлежалъ царю Ивану Васильевичу. Вотъ для чего онъ его раззорилъ и дымящіеся его остатки себѣ присвоилъ.--Нужда, желаніе безопасности и сохранности созидаютъ царства; разрушаютъ ихъ несогласіе, ухищреніе и сила.--Что жъ есть право народное?--Народы, говорятъ законоучители, находятся одинъ въ разсужденіи другого въ такомъ же положеніи, какъ человѣкъ находится въ отношеніи другого въ естественномъ состояніи.--Вопросъ: въ естественномъ состояніи человѣка какія суть его права? Отвѣтъ: взгляни на него. Онъ нагъ, алчущъ, жаждущъ. Все, что взять можетъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ, все присвояетъ. Еслибы что тому воспрепятствовать захотѣло, онъ препятствіе удалитъ, разрушитъ и пріобрѣтетъ желаемое. Вопросъ: если на пути удовлетворенія нуждамъ своимъ онъ обрящетъ подобнаго себѣ, если, напримѣръ, двое, чувствуя голодъ, восхотятъ насытиться однимъ кускомъ, кто изъ двухъ большее къ пріобрѣтенію имѣетъ право? Отвѣтъ: тотъ, кто кусокъ возьметъ. Вопросъ: кто же возьметъ кусокъ? Отвѣтъ: кто сильнѣе.--Неужели сіе есть право естественное, неужели се основаніе права народнаго!--Примѣры всѣхъ временъ свидѣтельствуютъ, что право безъ силы было всегда въ исполненіи почитаемо пустымъ словомъ.--Вопросъ: что есть право гражданское? Отвѣтъ: кто ѣдетъ на почтѣ, тотъ пустяками не занимается и думаетъ, какъ бы лошадей поскорѣе промыслить.

Изъ лѣтописи Новогородской.

Новогородцы съ великимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ вели войну и заключили письменное примиреніе.--

Новогородцы сочинили письмо для защищенія своихъ вольностей и утвердили оное пятидесятью осьмію печатьми.--

Новогородцы запретили у себя обращеніе чеканной монеты, введенной татарами въ обращеніе.--

Новгородъ въ 1420 году началъ бить свою монету.--

Новгородъ стоялъ въ Ганзейскомъ союзѣ.--

Въ Новѣгородѣ былъ колоколъ, по звону котораго народъ собирался на вѣче для разсужденія о вещахъ общественныхъ.

Царь Иванъ письмо и колоколъ у новогородцевъ отнялъ.--

--Потомъ. Въ 1500 году--въ 1600 году--въ 1700 году--году--году Новгородъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ--

Но не все думать о старинѣ, не все думать о завтрашнемъ днѣ. Если безпрестанно буду глядѣть на небо, не смотря на то, что подъ ногами, то скоро споткнусь и упаду въ грязь.... размышлялъ я. Какъ ни тужи, а Новагорода попрежнему не населишь. Что Богъ дастъ впередъ.-- Теперь пора ужинать. Пойду къ Карпу Дементьичу.

„Ба! ба! ба! добро пожаловать, откуда Богъ принесъ", говорилъ мнѣ пріятель мой Карпъ Дементьичъ, прежде сего купецъ третьей гильдіи, а нынѣ именитый гражданинъ. По пословицѣ „счастливый къ обѣду". „Милости просимъ садиться".--„Да что за пиръ у тебя"?--„Благодѣтель мой, я женилъ вчера парня своего".--„Благодѣтель твой", подумалъ я, „не безъ причины онъ меня такъ величаетъ". Я ему, какъ и другіе, пособилъ записаться въ именитые граждане. Дѣдъ мой будто долженъ былъ по векселю 1000 рублей; кому, того не знаю, въ 1737 году. Карпъ Дементьичъ въ 1780 вексель гдѣ то купилъ и какой-то при-

дадилъ къ нему протестъ. Явился онъ ко мнѣ съ искуснымъ стряпчимъ, и въ то время взяли они съ меня милостиво, одни только проценты за 50 лѣтъ, а занятый капиталъ мнѣ весь подарили. -- Карпъ Дементьичъ человѣкъ признательный. -- „Невѣстка, водки нечаянному гостю." -- „Я водки не пью". -- „Да хотя прикушай". -- „Здоровья молодыхъ"..... и сѣлъ ужинать.

По одну сторону меня сѣлъ сынъ хозяйскій, а по другую посадилъ Карпъ Дементьичъ свою молодую невѣстку.... Прервемъ рѣчь, читатель! Дай мнѣ карандашъ и листочекъ бумажки. Я тебѣ во удовольствіе нарисую всю честную компанію и тѣмъ тебя причастнымъ сдѣлаю свадебной пирушкѣ, хотя бы ты на Алеутскихъ островахъ бобровъ ловилъ. Если точныхъ не спишу портретовъ, то доволенъ буду ихъ силуэтами. Лаватеръ [1]) и по нихъ учитъ узнавать, кто уменъ и кто глупъ.

Карпъ Дементьичъ—сѣдая борода, въ восемь вершковъ отъ нижней губы. Носъ кляпомъ, глаза ввалились, брови, какъ смоль, кланяется объ руку, бороду гладитъ, всѣхъ величаетъ: „благодѣтель мой". -- Аксинья Парѳентьевна—любезная его супруга. Въ шестьдесятъ лѣтъ бѣла, какъ снѣгъ, и красна, какъ маковъ цвѣтъ; губки всегда сжимаетъ кольцомъ; ренскаго [2]) не пьетъ, передъ обѣдомъ полчарочки при гостяхъ да въ чуланѣ стаканчикъ водки. Прикащикъ мужнинъ хозяину на счетѣ показываетъ... По приказанію Аксиньи Парѳентьевны куплено годоваго запасу 3 пуда бѣлилъ ржевскихъ и 30 фунтовъ румянъ листовыхъ... При-

---

[1]) Лафатеръ (1741-1801), нѣмецкій писатель, авторъ „физіономики".

[2]) „Всякое бѣлое кисленькое виноградное вино" (Пушкинъ).

кащики мужнины Аксиньины камердинеры. -- Алексѣй Карповичъ—сосѣдъ мой застольный. Ни уса, ни бороды, а носъ уже багровый, бровями моргаетъ, въ кружокъ остриженъ, кланяется гусемъ, отряхая голову и поправляя волосы. Въ Петербургѣ былъ сидѣльцемъ. На аршинъ когда мѣряетъ, то спускаетъ на вершокъ; за то его отецъ любитъ, какъ самъ себя; на пятнадцатомъ году матери далъ оплеуху. -- Парасковья Денисовна — его новобрачная супруга, бѣла и румяна. Зубы, какъ уголь. Брови въ нитку, чернѣе сажи. Въ компаніи сидитъ, потупя глаза, но во весь день отъ окошка не отходитъ и пялитъ глаза на всякаго мущину. Подъ вечерокъ стоитъ у калитки. -- Глазъ одинъ подбитъ. Подарокъ ея любезнаго муженька для перваго дни; -- а у кого догадка есть, тотъ знаетъ, за что.

Но, любезный читатель, ты уже зѣваешь. Полно, видно, мнѣ снимать силуэты. Твоя правда; другого не будетъ, какъ носъ да носъ, губы да губы. Я и того не понимаю, какъ ты на силуэтѣ бѣлила и румяна распознаешь.

„Карпъ Дементьичъ, чѣмъ ты нынѣ торгуешь? Въ Петербургъ не ѣздишь, льну не привозишь, ни сахару, ни кофе, ни красокъ не покупаешь. Мнѣ кажется, что торгъ твой тебѣ былъ не въ убытокъ". -- „Отъ него то было я и раззорился. Но насилу Богъ спасъ. Получивъ однимъ годомъ изрядный барышокъ, я женѣ построилъ здѣсь домъ.

На слѣдующій годъ былъ льну неурожай, и я не могъ поставить, что законтрактовалъ. Вотъ отъ чего я торговать пересталъ". -- „Помню, Карпъ Дементьичъ, что за тридцать тысячъ рублей, забранныхъ впередъ, ты тысячу пудъ льну прислалъ должникамъ на раздѣлъ". -- „Ей, больше неможно было, повѣрь моей совѣсти". -- „Конечно, и на заморскіе то-

вары былъ въ томъ году неурожай?... Ты забралъ тысячъ на двадцать... Да, помню; на нихъ пришла головная боль". -- „Подлинно, благодѣтель, у меня голова такъ болѣла, что чуть не треснула. Да чѣмъ могутъ заимодавцы мои на меня жаловаться? Я имъ отдалъ все мое имѣніе". -- „По три копейки на рубль". -- „Никакъ нѣтъ—ста, по пятнадцати". -- „А женинъ домъ? -- „Какъ мнѣ до него коснуться; онъ не мой" -- „Скажи же, чѣмъ ты торгуешь?" -- „Ничѣмъ, ей, ничѣмъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ въ несостояніе, парень мой торгуетъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, слава Богу, поставилъ льну на двадцать тысячь". -- На будущее, конечно, законтрактуетъ на пятьдесятъ, возьметъ половину денегъ впередъ, и молодой женѣ построитъ домъ... Алексѣй Карповичъ только что улыбается. -- „Старинный шутникъ, благодѣтель мой! Полно молоть пустяки: возьмемся за дѣло. -- „Я не пью, ты знаешь". -- „Да хоть прикушай".

„Прикушай, прикушай", -- я почувствовалъ, что у меня щеки начали рдѣть, и подъ конецъ пира я бы, какъ и другіе, напился пьянъ. Но, по счастію, вѣкъ за столомъ сидѣть нельзя, такъ какъ всегда быть умнымъ невозможно. И по той самой причинѣ, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебномъ пиру я былъ трезвъ.

Выпедъ отъ пріятеля моего Карпа Дементьича, я впалъ въ размышленіе. Введенное повсюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговымъ обязательствамъ взысканіе, почиталъ я доселѣ охраняющимъ довѣріе законоположеніемъ; почиталъ счастливымъ новыхъ временъ изобрѣтеніемъ для усугубленія быстраго въ торговлѣ обращенія, чего древнимъ народамъ на умъ не приходило. Но отъ чего же, буде нѣтъ честности въ дающемъ вексельное

обязательство, отъ чего оно тщетная только бумажка? Еслибы строгаго взысканія по векселямъ не существовало, уже ли бы торговля исчезла? Не заимодавецъ ли долженъ знать, кому онъ довѣряетъ? О комъ законоположеніе болѣе пещися долженствуетъ, о заимодавцѣ ли, или о должникѣ? Кто болѣе въ глазахъ человѣчества заслуживаетъ уваженія, заимодавецъ ли, теряющій свой капиталъ, для того, что не зналъ, кому довѣрилъ, или должникъ въ оковахъ и въ темницѣ? Съ одной стороны легковѣрность, съ другой—почти воровство. Тотъ повѣрилъ, надѣяся на строгое законоположеніе, а сей.... А еслибы взысканіе по векселямъ не было столь строгое? Не было бы мѣста легковѣрію, не было бы, можетъ быть, плутовства въ вексельныхъ дѣлахъ... Я началъ опять думать, прежняя система пошла къ чорту, и я легъ спать съ пустою головою.

БРОННИЦЫ.

Между тѣмъ, какъ въ кибиткѣ моей лошадей перемѣняли, я захотѣлъ посѣтить высокую гору, близъ Бронницъ находящуюся, на которой, сказываютъ, въ древнія времена, до пришествія, думаю, славянъ, стоялъ храмъ, славившійся тогда издаваемыми въ ономъ прорицаніями, для слышанія коихъ многіе сѣверные владѣльцы прихаживали. На томъ мѣстѣ, повѣствуютъ, гдѣ нынѣ стоитъ село Бронницы, стоялъ извѣстный въ Сѣверной древней исторіи городъ Холмоградъ. Нынѣ же на мѣстѣ славнаго древняго капища построена малая церковь.

Восходя на гору, я вообразилъ себя преселеннаго въ древность и пришедшаго, да познаю отъ державнаго бо-

жества грядущее и обрящу спокойствіе моей нерѣшимости Божественный ужасъ объемлетъ мои члены, грудь моя начинаетъ воздыматься, взоры мои тупѣютъ, и свѣтъ въ нихъ меркнетъ. Мнѣ слышится гласъ, грому подобный, вѣщаяй: „безумный! почто желаешь познати тайну, которую я сокрылъ отъ смертныхъ непроницаемымъ покровомъ неизвѣстности? Почто, о дерзновенный, познати жаждешь то, что едина мысль предвѣчная постигать можетъ? Вѣдай, что неизвѣстность будущаго соразмѣрна бренности твоего сложенія. Вѣдай, что предузнанное блаженство теряетъ свою сладость долговременнымъ ожиданіемъ, что прелестность настоящаго веселія, нашедъ утомленныя силы, немощна произвести въ душѣ столь пріятнаго дрожанія, какое веселіе получаетъ отъ нечаянности. Вѣдай, что предузнанная гибель отнимаетъ безвременно спокойствіе, отравляетъ утѣхи, ими же наслаждался бы, еслибы скончанія ихъ не предузналъ. Чего ищеши, чадо безразсудное? Премудрость моя все нужное насадила въ разумѣ твоемъ и сердцѣ. Вопроси ихъ во дни печали и обрящешь утѣшителей. Вопроси ихъ во дни радости и найдешь обуздателей наглаго счастія. Возвратись въ домъ свой, возвратись къ семьѣ своей; успокой востревоженныя мысли; вниди во внутренность свою, тамъ обрящешь мое божество, тамъ услышишь мое вѣщаніе“.--И трескъ сильнаго удара, гремящаго во власти Перуна, раздался въ долинахъ далеко.--Я опомнился.--Достигъ вершины горы, и, узрѣвъ церковь, возвелъ я руки на небо. „Господи“, возопилъ я, „се храмъ Твой, се храмъ вѣщаетъ истиннаго, единаго Бога. На мѣстѣ семъ, на мѣстѣ Твоего нынѣ пребыванія повѣствуютъ, стоялъ храмъ заблужденія. Но не могу повѣрить, о Всесильный, чтобы

человѣкъ мольбу сердца своего возсылалъ ко другому какому-либо существу, а не къ Тебѣ. Мощная десница Твоя, невидимо всюду простертая, и самаго отрицателя всемогущія воли Твоея нудитъ признавати природы строителя и содержателя. Если смертный въ заблужденіи своемъ странными, непристойными и звѣрскими нарицаетъ тебя именованіями, почитаніе его однако же стремится къ Тебѣ предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ Твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитеръ, Брама; Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ Христіанъ, о Богъ мой! Ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не Тебя чтили единаго, то боготворили они Твои несравненныя силы, Твои неуподобляемыя дѣла. Могущество Твое, вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ покланяемо. Безбожникъ, Тебя отрицающій, признавая природы законъ непремѣнный, Тебѣ же приноситъ тѣмъ хвалу, хваля Тебя паче нашего пѣснопѣнія. Ибо, проникнутый до глубины своея изящностью Твоего творенія, ему предстоитъ трепетенъ. -- Ты ищешь, Отецъ всещедрый, искренняго сердца и души непорочной; они отверзты вездѣ на Твое пришествіе. Сниди, Господи, и воцарися въ нихъ". -- И пребылъ я нѣсколько мгновеній отриновенъ окрестныхъ мнѣ предметовъ, нисшедъ во внутренность мою глубоко. -- Возведъ потомъ очи мои, обративъ взоры на близъ стоящія селенія,—„се хижины уничиженія", вѣщалъ я, „на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда градъ великій гордыя возносилъ свои стѣны. Нималѣйшаго даже признака оныхъ не осталося. Разсудокъ претитъ имѣти вѣру и самой повѣсти, столь жаждущъ онъ убѣдительныхъ и чувственныхъ доводовъ. -- И все, что

зримъ, прейдетъ; все рушится, все будетъ прахъ. Но нѣкій тайный гласъ вѣщаетъ мнѣ: „пребудетъ нѣчто во вѣки живо“.

Съ теченіемъ временъ всѣ звѣзды помрачатся,
померкнетъ солнца блескъ; природа, обветшавъ
лѣтъ дряхлостью, падетъ.
Но Ты во юности безсмертной процвѣтешь,
незыблимый, среди сраженія стихіевъ,
развалинъ вещества, міровъ всѣхъ разрушенья.

Смерть Катонова, трагедія Еддесонова [1]). Дѣйствіе V, явленіе I.

Прим. авт.

ЗАЙЦОВО.

Въ Зайцовѣ на почтовомъ дворѣ нашелъ я давнишняго моего пріятеля г. Крестьянкина. Я съ нимъ знакомъ былъ съ ребячества. Рѣдко мы бывали въ одномъ городѣ, но бесѣды наши, хотя нечасты, были однакоже откровенны. Г. Крестьянкинъ долго находился въ военной службѣ и, наскучивъ жестокостями оной, а особливо во время войны, гдѣ великія насилія именемъ права войны прикрываются, перешелъ въ статскую. По несчастію его, и въ статской службѣ не избѣгнулъ того, отъ чего, оставляя военную, удалиться хотѣлъ. Душу онъ имѣлъ очень чувствительную и сердце человѣколюбивое. Дознанныя его столь превосходныя качества доставили ему мѣсто предсѣдателя уголовной палаты. Сперва не хотѣлъ онъ на себя принять сего званія, но, помысливъ нѣсколько, сказалъ онъ мнѣ: „мой другъ, какое обширное поле отверзается мнѣ на удо-

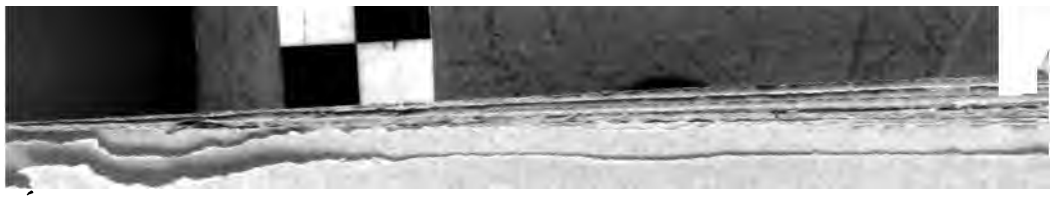
[1]) Аддисонъ, англ. писатель (1672 - 1719).

влетвореніе любезнѣйшей склонности моея души! какое упражненіе для мягкосердія! Сокрушимъ скипетръ жестокости, который столь часто тягчитъ рамена невинности; да опустѣютъ темницы, и да не узритъ ихъ оплошливая слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодѣяніе да не вмѣнится николи. О, мой другъ! исполненіемъ моея должности источу слезы родителей о чадахъ, воздыханія супруговъ; но слезы сіи будутъ слезы обновленія во благо. Но изсякнутъ слезы страждущей невинности и простодушія. Колико мысль сія меня восхищаетъ! Пойдемъ, ускоримъ отъѣздъ мой. Можетъ быть, скорое прибытіе мое тамъ нужно. Замедля, могу быть убійцею, не предупеждая заключенія или обвиненія прощеніемъ или разрѣшеніемъ отъ узъ".

Съ таковыми мыслями поѣхалъ пріятель мой къ своему мѣсту. Сколь же много удивился я, узнавъ отъ него, что онъ оставилъ службу и намѣренъ жить всегда въ отставкѣ! „Я думалъ, мой другъ", говорилъ мнѣ г. Крестьянкинъ, „что услаждающую разсудокъ и обильную найду жатву въ исполненіи моея должности. Но вмѣсто того нашелъ я въ оной желчь и терніе. Теперь, наскучивъ оною, не въ силахъ будучи дѣлать добро, оставилъ мѣсто истинному хищному звѣрю. Въ короткое время онъ заслужилъ похвалу скорымъ рѣшеніемъ залежавшихся дѣлъ, а я прослылъ копоткимъ. Иные почитали меня иногда мздоимцемъ за то, что не спѣшилъ отягчить жребія несчастныхъ, впадающихъ въ преступленіе нерѣдко по неволѣ. До вступленія моего въ статскую службу пріобрѣлъ я лестное для меня названіе человѣколюбиваго начальника. Теперь самое то же качество, коимъ сердце мое толико гордилося, теперь почитаютъ послабленіемъ или непозволительною

поноровкою. Видѣлъ я рѣшенія мои осмѣянными въ томъ самомъ, что ихъ изящными дѣлало; видѣлъ ихъ оставляемыми безъ дѣйствія. Съ презрѣніемъ взиралъ, что для освобожденія дѣйствительнаго злодѣя и вреднаго обществу члена или, дабы наказать мнимыя преступленія лишеніемъ имѣнія, чести, жизни, начальникъ мой, будучи не въ силахъ меня преклонить на беззаконное очищеніе злодѣйства или на обвиненіе невинности, преклонялъ къ тому моихъ сочленовъ, и нерѣдко я видѣлъ благія мои расположенія исчезавшими, яко дымъ въ пространствѣ воздуха. Они же, во мзду своего гнуснаго послушанія, получили почести, кои въ глазахъ моихъ столь же были тусклы, сколь ихъ прельщали своимъ блескомъ. Нерѣдко въ затруднительныхъ случаяхъ, когда увѣреніе въ невинности названнаго преступникомъ меня побуждало на мягкосердіе, я прибѣгалъ къ закону, дабы искати въ немъ подпору моей нерѣшимости; но часто въ немъ находилъ вмѣсто человѣколюбія жестокость, которая начало свое имѣла не въ самомъ законѣ, но въ его обветшалости. Несоразмѣрность наказанія преступленію часто извлекала у меня слезы. Я видѣлъ (да и можетъ ли быть иначе?), что законъ судитъ о дѣяніяхъ, не касаяся причинъ, оныя производившихъ. И послѣдній случай, къ таковымъ дѣяніямъ относящійся, понудилъ меня оставить службу. Ибо, не возмогши спасти винныхъ [1]), мощною судьбы рукою въ преступленіе вовлеченныхъ, я не хотѣлъ быть участникомъ въ ихъ казни. Не возмогши облегчить ихъ жребія, омылъ руки мои въ моей невинности и удалился жестокосердія.

[1]) Виновныхъ.



Въ губерніи нашей жилъ одинъ дворянинъ, который за нѣсколько уже лѣтъ оставилъ службу. Вотъ его послужной списокъ. Началъ службу свою при дворѣ истопникомъ, произведенъ лакеемъ, камерлакеемъ, потомъ мундшенкомъ; [1]) какія достоинства надобны для прехожденія сихъ степеней придворныя службы, мнѣ неизвѣстно. Но знаю то, что онъ вино любитъ до послѣдняго издыханія. Пробывъ въ мундшенкахъ лѣтъ 15, отосланъ былъ въ герольдію для опредѣленія по его чину. Но онъ, чувствуя свою неспособность къ дѣламъ, выпросился въ отставку и награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ то мѣсто, гдѣ родился, то-есть въ нашу губернію, лѣтъ шесть тому назадъ. Отличная привязанность къ своей отчизнѣ нерѣдко основаніе имѣетъ въ тщеславіи. Человѣкъ низкаго состоянія, добившійся въ знатность, или бѣтнякъ, пріобрѣтшій богатство, сотрясши всю стыдливости застѣнчивость, послѣдній и слабѣйшій корень добродѣтели, предпочитаетъ мѣсто своего рожденія на распростертіе своея пышности и гордыни. Тамъ скоро ассессоръ нашелъ случай купить деревню, въ которой поселился съ немалою своею семьею. Еслибы у насъ родился Гогартъ, [2]) то бы обильное нашелъ поле на каррикатуры въ семействѣ г. ассессора. Но я худой живописецъ; или еслибы я могъ въ чертахъ лица читать внутренности человѣка, съ Лаватеровою [3]) проницательностію, то бы и тогда картина ассессоровой семьи была примѣчанія достойна. Не

---

[1]) Виночерпій, „чашникъ".

[2]) Знаменитый англійскій художникъ (1697 — 1764). Сатирикъ и каррикатуристъ.

[3]) Лафатеръ.

имѣя сихъ свойствъ, заставлю вѣщать ихъ дѣянія, кои всегда истинныя суть черты душевнаго образованія.

Г. ассесоръ, произошедъ изъ самаго низкаго состоянія, зрѣлъ себя повелителемъ нѣсколькихъ сотенъ себѣ подобныхъ. Сіе вскружило ему голову. Не одинъ онъ жаловаться можетъ, что употребленіе власти вскружаетъ голову. Онъ себя почелъ высшаго чина, крестьянъ почиталъ скотами, данными ему (едва не думалъ ли онъ, что власть его надъ ними отъ Бога проистекаетъ), да употребляетъ ихъ въ работу по произволенію. Онъ былъ корыстолюбивъ, копилъ деньги, жестокъ отъ природы, вспыльчивъ, подлъ, а потому надъ слабѣйшими его надмененъ. Изъ сего судить можешь, какъ онъ обходился съ крестьянами. Они у прежняго помѣщика были на оброкѣ, онъ ихъ посадилъ на пашню; отнялъ у нихъ всю землю, скотину всю у нихъ купилъ, по цѣнѣ, какую самъ опредѣлилъ, заставилъ работать всю недѣлю на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину. Если который казался ему лѣнивъ, то сѣкъ розгами, плетьми, батожьемъ или кошками [1]), смотря по мѣрѣ лѣности; за дѣйствительныя преступленія, какъ то кражу, не у него, но у постороннихъ, не говорилъ ни слова. Казалося, будто хотѣлъ въ деревнѣ своей возобновить нравы древняго Лакедемона или Запорожской сѣчи. Случилось, что мужики его, для пропитанія, на дорогѣ ограбили проѣзжаго, другого потомъ убили. Онъ ихъ въ судъ за то не отдалъ, но скрылъ ихъ у себя, объявя правительству, что

[1]) Плеть о многихъ хвостахъ изъ смоченой пеньки.

они бѣжали; говоря, что ему прибыли не будетъ, если крестьянина его высѣкутъ кнутомъ и сошлютъ въ работу за злодѣяніе. Если кто изъ крестьянъ что-нибудь укралъ у него, того онъ сѣкъ, какъ за лѣность или за дерзкій или остроумный отвѣтъ, но, сверхъ того, надѣвалъ на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы могъ я тебѣ разсказать его мудрыхъ распоряженій, но сего довольно для познанія моего ироя. Сожительница его полную власть имѣла надъ бабами. Помощниками въ исполненіи ея велѣній были ея сыновья и дочери, какъ то и у ея мужа. Ибо сдѣлали они себѣ правиломъ, чтобы ни для какой нужды крестьянъ отъ работы не отвлекать. Во дворѣ людей было—одинъ мальчикъ, купленный имъ въ Москвѣ, парикмахеръ дочернинъ да повариха старуха. Кучера у нихъ не было, ни лошадей; разъѣзжалъ всегда на пахотныхъ лошадяхъ. Плетьми или кошками сѣкли крестьянъ сами сыновья. По щекамъ били или за волосы таскали бабъ и дѣвокъ дочери. Сыновья въ свободное время ходили по деревнѣ или въ полѣ играть и безчинничать съ дѣвками и бабами, и никакая не избѣгала ихъ насилія. Дочери, не имѣя жениховъ, вымещали свою скуку надъ прядильницами, изъ которыхъ онѣ многихъ изувѣчили. Суди, самъ, мой другъ, какой конецъ могъ быть таковымъ поступкамъ. Я примѣтилъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, что русскій народъ очень терпѣливъ, и терпитъ до самой крайности; но когда конецъ положитъ своему терпѣнію, то ничто не можетъ его удержать, чтобы не преклонился на жестокость. Сіе самое и случилось съ ассесоромъ. Случай къ тому подалъ неистовый и безпутный или, лучше сказать, звѣрскій поступокъ одного изъ его сыновей.

Въ деревнѣ его была крестьянская дѣвка, недурна собою, сговоренная за молодого крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну ассесора, который употребилъ все возможное, чтобы ее привлечь къ себѣ въ любовь; но крестьянка вѣрна пребывала въ данномъ жениху ея обѣщаніи, что хотя рѣдко въ крестьянствѣ случается, но возможно. Въ воскресенье должно было быть свадьбѣ. Отецъ жениха по введенному у многихъ помѣщиковъ обычаю пошелъ съ сыномъ на господскій дворъ и понесъ повѣнечные два пуда меду къ своему господину. Сію то послѣднюю минуту дворянчикъ и хотѣлъ употребить на удолетвореніе своея страсти. Взялъ съ собою обоихъ своихъ братьевъ и, вызвавъ невѣсту чрезъ посторонняго мальчика на дворъ, потащилъ ее въ клѣть, зажавъ ей ротъ. Не будучи въ силахъ кричать, она сопротивлялася всѣми силами звѣрскому намѣренію своего молодого господина. Наконецъ, превозможенная всѣми тремя, принуждена была уступить силѣ, и уже сіе скаредное чудовище начиналъ исполненіемъ умышленное, какъ, женихъ, возвратившись изъ господскаго дома, вошелъ на дворъ и, увидя одного изъ господчиковъ у клѣти, усомнился о ихъ зломъ намѣреніи. Кликнувъ отца своего себѣ на помощь, онъ быстрѣе молніи полетѣлъ ко клѣти. Какое зрѣлище представилося ему! При его приближеніи затворилась клѣть, но совокупныя силы двухъ братьевъ немощны были удержать стремленія разъяреннаго жениха. Онъ схватилъ близъ лежащій колъ и, вскоча въ клѣть, ударилъ вдоль спины хищника своея невѣсты. Они было хотѣли его схватить, но, видя отца женихова, бѣгущаго съ коломъ же на помощь, оставили свою добычу, выскочили изъ клѣти и по-

бѣжали. Но женихъ, догнавъ одного изъ нихъ, ударилъ его коломъ по головѣ и ее проломилъ. Сіи злодѣи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо къ отцу и сказали ему, что, ходя по деревнѣ, они встрѣтились съ невѣстою, съ ней пошутили, что увидя женихъ ея началъ ихъ бить, будучи вспомогаемъ своимъ отцомъ. Въ доказательство показывали проломленную у одного изъ братьевъ голову. Раздраженный до внутренности сердца болѣзнію своего рожденія, отецъ воскипѣль гнѣвомъ ярости. Немедля велѣлъ привести предъ себя всѣхъ трехъ злодѣевъ: такъ онъ называлъ жениха, невѣсту и отца женихова. Представшимъ имъ предъ него первый вопросъ его былъ о томъ, кто проломилъ голову его сыну. Женихъ въ сдѣланномъ не отперся, разсказавъ все происшествіе. „Какъ ты дерзнулъ", говорилъ старый ассесоръ, „поднять руку на твоего господина? А хотя бы онъ съ твоею невѣстою и ночь переспалъ наканунѣ твоея свадьбы, то ты ему за то долженъ быть благодаренъ. Ты на ней не женишься; она у меня останется въ домѣ, а вы будете наказаны". По таковомъ рѣшеніи жениха велѣлъ онъ сѣчь кошками немилосердно, отдавъ его въ волю своихъ сыновей. Побои вытерпѣлъ онъ мужественно; неробкимъ духомъ смотрѣлъ, какъ начали надъ отцомъ его то же производить истязаніе. Но не могъ вытерпѣть, какъ онъ увидѣлъ, что невѣсту господскія дѣти хотѣли вести въ домъ. Наказаніе происходило на дворѣ. Въ одно мгновеніе выхватилъ онъ ее изъ рукъ ее похищающихъ, и освобожденные побѣжали оба со двора. Сіе видя, барскіе сыновья перестали сѣчь старика и побѣжали за ними въ погоню. Женихъ, видя, что они его настигать начали, выхватилъ заборину и сталъ

защищаться. Между тѣмъ шумъ привлекъ другихъ крестьянъ ко двору господскому. Они, соболѣзнуя о участи молодого крестьянина и имѣя сердце озлобленное противъ своихъ господъ, его заступили. Видя сіе ассесоръ, подбѣжавъ самъ, началъ ихъ бранить и перваго, кто встрѣтился, ударилъ своею тростію столь сильно, что упалъ безчувственъ на землю. Сіе было сигналомъ къ общему наступленію. Они окружили всѣхъ четверыхъ господъ и, коротко сказать, убили ихъ до смерти на томъ же мѣстѣ. Толико ненавидѣли они ихъ, что ни одинъ ни хотѣлъ миновать, чтобы не быть участникомъ въ семъ убійствѣ, какъ то они сами послѣ признались. Въ самое то время случилося ѣхать тутъ исправнику той округи съ командою. Онъ былъ частію очевиднымъ свидѣтелемъ сему происшествію. Взявъ виновныхъ подъ стражу, а виновныхъ было половина деревни, произвелъ слѣдствіе, которое постепенно дошло до уголовной палаты. Дѣло было выведено очень ясно, и виновные во всемъ признавалися, въ оправданіе свое приводя только мучительскіе поступки своихъ господъ, о которыхъ уже вся губернія была извѣстна. Таковому дѣлу я обязанъ былъ по долгу моего званія положить окончательное рѣшеніе, приговорить виновныхъ къ смерти и вмѣсто оной къ торговой казни и вѣчной работѣ.

Разсматривая сіе дѣло, я не находилъ достаточной и убѣдительной причины къ обвиненію преступниковъ. Крестьяне, убившіе господина своего, были смертоубійцы. Но смертоубійство сіе не было ли принужденно? Не причиною ли онаго самъ убитый ассессоръ? Если въ ариѳметикѣ изъ двухъ данныхъ числъ третіе слѣдуетъ непрекословно, то и

въ семъ происшествіи слѣдствіе было необходимо. Невинность убійцъ, для меня по крайней мѣрѣ, была математическая ясность. Если идущу мнѣ нападетъ на меня злодѣй и, вознесши надъ главою моею кинжалъ, восхочетъ меня имъ пронзить, убійцею ли я почтуся, если я предупрежду его въ его злодѣяніи и бездыханнаго его къ ногамъ моимъ повергну? Если нынѣшняго вѣка скосырь [1]), привлекшій должное на себя презрѣніе, восхочетъ оное на мнѣ отомстить и, встрѣтясь со мною въ уединенномъ мѣстѣ, вынувъ шпагу, сдѣлаетъ на меня нападеніе, да лишитъ меня жизни или по крайней мѣрѣ да уязвитъ меня, виновенъ ли я буду, если, извлекши мой мечъ на защищеніе мое, я избавлю общество отъ тревожащаго спокойствіе его члена? Можно ли почесть дѣяніе оскорбляющимъ сохранность члена общественнаго, если я исполню его для моего спасенія, если оно предупредитъ мою пагубу, если безъ того благосостояніе мое будетъ плачевно навѣки?

Исполненъ таковыми мыслями, можешь самъ вообразить, терзаніе души моей при разсмотрѣніи сего дѣла. Съ обыкновенною откровенностію сообщилъ я мои мысли моимъ сочленамъ. Всѣ возопили противъ меня единымъ гласомъ. Мягкосердіе и человѣколюбіе почитали они виновнымъ защищеніемъ злодѣяній; называли меня поощрителемъ убійства; называли меня сообщникомъ убійцевъ. По ихъ мнѣнію, при распространеніи моихъ вредныхъ мнѣній исчезнетъ домашняя сохранность. Можетъ ли дворянинъ, говорили они, отнынѣ жить въ деревнѣ покоенъ? Можетъ ли онъ видѣть велѣнія его исполняемы? Если ослушники воли

---

[1]) Надменный, нагловатый человѣкъ (Словарь Даля).

господина своего, а паче его убійцы, невинными признаваемы будутъ, то повиновеніе прервется, связь домашняя рушится, будетъ паки хаосъ, въ начальныхъ обществахъ обитающій. Земледѣліе умретъ, орудія его сокрушатся, нива запустѣетъ и безплоднымъ порастетъ злакомъ; поселяне, не имѣя надъ собою власти, скитаться будутъ въ лѣности, тунеядствѣ и разыдутся. Города почувствуютъ властнодержавную десницу разрушенія. Чуждо будетъ гражданамъ ремесло, рукодѣліе скончаетъ свое прилежаніе и рачительность, торговля изсякнетъ въ источникѣ своемъ, богатство уступитъ мѣсто скаредной нищетѣ, великолѣпнѣйшія зданія обветшаютъ, законы затмятся и порастутъ недѣйствительностію. Тогда огромное сложеніе общества начнетъ валиться на части и издыхати въ отдаленности отъ цѣлаго; тогда престолъ царскій, гдѣ нынѣ опора, крѣпость и сопряженіе общества зиждутся, обветшаетъ и сокрушится; тогда владыка народовъ почтется простымъ гражданиномъ, и общество узритъ свою кончину. Сію достойную адскія кисти картину тщилися мои сотоварищи предлагать взорамъ всѣхъ, до кого слухъ о семъ дѣлѣ доходилъ. Предсѣдателю нашему, вѣщали они, сродно защищать убійство крестьянъ. Спросите, какого онъ происхожденія? Если не ошибаемся, онъ самъ въ молодости своей изволилъ ходить за сохою. Всегда новостатейные сіи дворянчики странныя имѣютъ понятія о природномъ надъ крестьянами дворянскомъ правѣ. Еслибы отъ него зависѣло, онъ бы, думаемъ, всѣхъ насъ поверсталъ въ однодворцы, дабы тѣмъ уравнять съ нами свое происхожденіе. Такими-то словами мнили сотоварищи мои оскорбить меня и ненавистнымъ сдѣлать всему обществу. Но симъ не удовольствовались. Говорили, что я пріялъ

мзду отъ жены убитаго ассессора, да не лишится она крестьянъ своихъ отсылкою ихъ въ работу, и что сія-то истинная была причина страннымъ и вреднымъ моимъ мнѣніямъ, право всего дворянства вообще оскорбляющимъ. Несмысленные думали, что посмѣяніе ихъ меня уязвитъ, что клевета поругаетъ, что лживое представленіе добраго намѣренія отъ онаго меня отвлечетъ! Сердце мое имъ было неизвѣстно. Не знали они, что нетрепетенъ всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мои не рдѣли багровымъ румянцемъ совѣсти.

Мздоимство мое основали они на томъ, что ассессорша за мужнину смерть мстить не желала, а, сопровождаема своею корыстью и слѣдуя правиламъ своего мужа, желала крестьянъ избавить отъ наказанія, дабы не лишиться своего имѣнія, какъ то она говорила. Съ таковою просьбою она пріѣзжала и ко мнѣ. На прощеніе за убіеніе ея мужа я съ ней былъ согласенъ; но разнствовали мы въ побужденіяхъ. Она увѣряла меня, что сама довольно ихъ накажетъ, а я увѣрялъ ее, что, оправдывая убійцевъ ея мужа, не надлежало ихъ подвергать болѣе той же крайности, дабы паки не были злодѣями, какъ то ихъ называли несвойственно.

Скоро Намѣстникъ извѣстенъ сталъ о моемъ по сему дѣлу мнѣніи, извѣстенъ, что я старался преклонить сотоварищей моихъ на мои мысли и что они начинали колебаться въ своихъ разсужденіяхъ; къ чему однако же не твердость и убѣдительность моихъ доводовъ способствовали но деньги ассессорши. Будучи самъ воспитанъ въ правилахъ неоспоримой надъ крестьянами власти, съ моими разсужденіями онъ не могъ быть согласенъ и вознегодовалъ,

усмотрѣвъ, что они начинали въ сужденіи сего дѣла преимуществовать, хотя ради различныхъ причинъ. Посылаетъ онъ за моими сочленами, увѣщеваетъ ихъ, представляетъ гнусность такихъ мнѣній, что они оскорбительны для дворянскаго общества, что оскорбительны для верховной власти, нарушая ея законоположенія; обѣщаетъ награжденіе исполняющимъ законъ, претя мщеніемъ неповинующимся оному; и скоро сихъ слабыхъ судей, не имѣющихъ ни правилъ въ размышленіяхъ, ни крѣпости духа, преклоняетъ на прежнія ихъ мнѣнія. Не удивился я, увидѣвъ въ нихъ перемѣну, ибо не дивился и прежде въ нихъ воспослѣдовавшей. Сродно хвилымъ [1]), робкимъ и подлымъ душамъ содрогаться отъ угрозы власти и радоваться ея привѣтствію.

Намѣстникъ нашъ, превративъ мнѣнія моихъ сотоварищей, вознамѣрился и ласкалъ себя, можетъ быть, превратить и мое. Для сего намѣренія позвалъ меня къ себѣ поутру въ случившійся тогда праздникъ. Онъ принужденъ былъ меня позвать, ибо я не хаживалъ никогда на сіи безразсудныя поклоненія, которыя гордость почитаетъ въ подчиненныхъ должностію, лесть нужными, а мудрецъ мерзительными и человѣчеству поносными. Онъ избралъ нарочно день торжественный, когда у него много людей было въ собраніи; избралъ нарочно для слова своего публичное собраніе, надѣяся, что тѣмъ разительнѣе убѣдитъ меня. Онъ надѣялся найти во мнѣ или боязнь души, или слабость мыслей. Противъ того и другого устремилъ онъ свое слово. Но я за нужное не нахожу пересказывать тебѣ все то,

[1]) Слабымъ, перемѣнчивымъ.

чѣмъ надменность, ощущеніе власти и предубѣжденіе къ своему проницанію и учености одушевляло его витійство. Надменности его отвѣтствовалъ я равнодушіемъ и спокойствіемъ, власти непоколебимостію, доводамъ доводами, и долго говорилъ хладнокровно. Но, наконецъ, содрогшееся сердце разліяло свое избыточество. Чѣмъ больше видѣлъ я угожденіи въ предстоящихъ, тѣмъ порывистѣе становился мой языкъ. Незыблемымъ гласомъ и звонкимъ произношеніемъ возопилъ я, наконецъ, сице: „Человѣкъ родится въ міръ равенъ во всемъ другому. Всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю. Слѣдственно, человѣкъ безъ отношенія къ обществу есть существо, ни отъ кого не зависящее въ своихъ дѣяніяхъ. Но онъ кладетъ онымъ преграду, согласуется не во всемъ своей единой повиноваться волѣ, становится послушенъ велѣніямъ себѣ подобнаго, словомъ, становится гражданиномъ. Какія же ради вины обуздываетъ онъ свои хотѣнія? почто поставляетъ надъ собою власть? почто безпредѣленъ въ исполненіи своея воли, послушанія чертою оную ограничиваетъ? Для своея пользы, скажетъ разсудокъ; для своея пользы, скажетъ внутреннее чувствованіе; для своея пользы, скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно, гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ. Слѣдственно тотъ, что восхощетъ его лишить пользы гражданскаго званія, есть его врагъ. Противъ врага своего онъ защиты и мщенія ищетъ въ законѣ. Если законъ или не въ силахъ его заступить, или того не хочетъ, или власть его не можетъ мгновенное въ предстоящей бѣдѣ дать вспомоществованіе, тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія, сохранности, благосостоянія. Ибо гражда-

нинъ, становяся гражданиномъ, не перестаетъ быть человѣкомъ, коего первая обязанность изъ сложенія его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояніе. Убіенный крестьянами ассессоръ нарушилъ въ нихъ право гражданина своимъ звѣрствомъ. Въ то мгновеніе, когда онъ потакалъ насилію своихъ сыновей, когда онъ къ болѣзни сердечной супруговъ присовокуплялъ поруганіе, когда на казнь подвигался, видя сопротивленіе своему адскому властвованію, тогда законъ, стрегущій гражданина, былъ въ отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался законъ природы, и власть обиженнаго гражданина, неотъемлемая закономъ положительнымъ въ обидѣ его, приходила въ дѣйствительность; и крестьяне, убившіе звѣрскаго ассессора, въ законѣ обвиненія не имѣютъ. Сердце мое ихъ оправдаетъ, опираяся на доводахъ разсудка, и смерть ассессора, хотя насильственная, есть правильна. Да не возомнитъ кто-либо искать въ благоразуміи политики, въ общественной тишинѣ довода къ осужденію на казнь убійцевъ въ злобѣ духъ испустившаго ассессора. Гражданинъ, въ какомъ бы состояніи небо родиться ему ни судило, есть и пребудетъ всегда человѣкъ; а доколѣ онъ человѣкъ, право природы, яко обильный источникъ благъ, въ немъ не изсякнетъ никогда; и тотъ, кто дерзнетъ его уязвить въ его природной и ненарушимой собственности, тотъ есть преступникъ. Горе ему, если законъ гражданскій его не накажетъ. Онъ замѣченъ будетъ чертою мерзенія въ своихъ согражданахъ, и всякъ, имѣяй довольно силъ, да отмститъ на немъ обиду, имъ содѣланную". -- Умолкъ. Намѣстникъ не говорилъ мнѣ ни слова; изрѣдка подымалъ на меня поникшіе взоры, гдѣ го-

подствовала ярость безсилія и мести злоба. Всѣ молчали въ ожиданіи, что, оскорбитель всѣхъ правъ, я взятъ буду подъ стражу. Изрѣдка изъ устъ раболѣпія слышалося журчаніе негодованія. Всѣ отвращали отъ меня свои очи. Казалося, что близъ стоящихъ меня объялъ ужасъ. Непримѣтно удалилися они, какъ отъ зараженнаго смертоносною язвою. Наскучивъ зрѣлищемъ толикаго смѣшенія гордыни съ нижайшею подлостію, я удалился изъ сего собранія льстецовъ.

Не нашедъ способовъ спасти невинныхъ убійцъ, въ сердцѣ моемъ оправданныхъ, я не хотѣлъ быть ни сообщникомъ въ ихъ казни, ниже оной свидѣтелемъ; подалъ прошеніе объ отставкѣ и, получивъ ее, ѣду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія и услаждать мою скуку обхожденіемъ съ друзьями". -- Сказавъ сіе, мы разсталися и поѣхали всякъ въ свою сторону. --

Сей день путешествіе мое было неудачно; лошади были худы, выпрягались поминутно; наконецъ, спускаяся съ небольшей горы, ось у кибитки переломилась, и я далѣе ѣхать не могъ. -- Пѣшкомъ ходить мнѣ въ привычку. Взявъ посошокъ, отправился я впередъ къ почтовому стану. Но прогулка по большой дорогѣ не очень пріятна для петербургскаго жителя, непохожа на гулянье въ Лѣтнемъ саду или въ Баба, скоро она меня утомила, и я принужденъ былъ сѣсть.

Между тѣмъ какъ я сидя на камнѣ, чертилъ на пескѣ фигуры кой-какія, нерѣдко кривобокія и кривоугольныя, думалъ я и то и сіе, скачетъ мимо меня коляска. Сидящій въ ней, увидѣвъ меня, велѣлъ остановиться -- и я въ немъ узналъ моего знакомаго. -- „Что ты дѣлаешь?" сказалъ

онъ мнѣ -- „Думу думаю. Времени довольно мнѣ на размышленіе: ось переломилась.“ -- „Что новаго?“ -- „Старая дрянь. Погода по вѣтру, то слякоть, то ведро“. -- „А!... Вотъ новенькое, Дурындинъ женился“. -- „Неправда. Ему уже лѣтъ съ восемьдесятъ“. -- „Точно такъ. Да вотъ къ тебѣ письмо... Читай на досугѣ; а мнѣ нужно поспѣшать. Прости“, -- и разстались.

Письмо было отъ моего пріятеля. Охотникъ до всякихъ новостей, онъ обѣщалъ меня въ отсутствіи снабжать оными, и сдержалъ слово. Между тѣмъ, къ кибиткѣ моей поддѣлали новую ось, которая по счастію была въ запасѣ. -- Ѣдучи, я читалъ:

Петербургъ.

Любезный мой!

На сихъ дняхъ совершился здѣсь бракъ между 78 лѣтнимъ молодцомъ и 62 лѣтней молодкою. Причину столь престарѣлому спаренію отгадать тебѣ трудненько, если оной не скажу. Распусти уши, мой другъ, и услышишь. -- Госпожа Ш..., витязь въ своемъ родѣ непослѣдній, 62 лѣтъ, вдова съ 25 лѣтняго своего возраста. Была замужемъ за купцомъ, неудачно торговавшимъ; лицомъ смазлива; оставшись послѣ мужа бѣдною сиротою и вѣдая о жестокосердіи собратій своего мужа, не захотѣла прибѣгнуть къ прошенію надменной милостыни, но за благо разсудила кормиться своими трудами. Доколѣ красота юности водилась на ея лицѣ, во всегдашней была работѣ и щедрую получала отъ охотниковъ плату. Но сколь скоро примѣтила, что красота ея начинала увядать, и любовныя заботы уступили мѣсто скучливому одиночеству, то взялась она

за умъ и, не находя больше покупщиковъ на обветшалыя свои прелести, начала торговать чужими, которыя, если не всегда имѣли достоинство красоты, имѣли хотя достоинство новости. Симъ способомъ наживъ себѣ нѣсколько тысячъ, она съ честію изъялась изъ презрительнаго общества своденъ и начала въ ростъ отдавать деньги, своимъ и чужимъ безстыдствомъ нажитыя. По времени забыто прежнее ея ремесло, и бывшая сводня стала нужная въ обществѣ мотовъ тварь. Проживъ покойно до 62 лѣтъ, нелегкое надоумило ее собраться замужъ. Всѣ ея знакомые тому дивятся. Пріятельница ея ближняя Н..: пріѣхала къ ней.--„Слухъ носится, душа моя", говоритъ она посѣдѣлой невѣстѣ, „что ты собралась замужъ. Мнѣ кажется, солгано. Какой-нибудь насмѣшникъ выдумалъ сію басню.

Ш.) Правда совершенная. Завтра сговоръ, пріѣзжай пировать съ нами.

Н.) Ты съ ума сошла! Неужели старая кровь разыгралась; неужели какой молокососъ подбился къ тебѣ подъ крылышко?

Ш.) Ахъ, матка моя! некстати ты меня наравнѣ съ молодыми считаешь вѣтреницами. Я мужа беру по себѣ....

Н.) Да то я знаю, что придетъ по тебѣ. Но вспомни, что уже насъ любить нельзя и не для чего, развѣ для денегъ.

Ш.) Я такого не возьму, который бы мнѣ могъ измѣнить. Женихъ мой меня старѣе 16 годами.

Н.) Ты шутишь!

Ш.) По чести правда: баронъ Дурындинъ.

Н.) Нельзя этому статься!

Ш.) Пріѣзжай завтра въ вечеру: ты увидишь, что лгать не люблю.

Н.) А хотя и такъ, вѣдь онъ не на тебѣ женится, но на твоихъ деньгахъ.

Ш.) А кто ему ихъ дастъ? Я въ первую ночь такъ не обезумѣю, чтобы ему отдать все мое имѣніе; уже то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебряныя и другая дрянь, оставшаяся у меня въ закладѣ, которой съ рукъ нельзя сбыть-вотъ весь барышъ любезнаго моего женишка. А если онъ неугомонно спитъ, то сгоню съ постели.

Н.) Ему хоть табакерочка перепадетъ, а тебѣ въ немъ что проку?

Ш.) Какъ, матка? Сверхъ того, что въ нынѣшнія времена нехудо имѣть хорошій чинъ, что меня называть будутъ: „ваше Высокородіе", а кто поглупѣе „ваше Превосходительство", но будетъ-таки кто-нибудь, съ кѣмъ въ долгіе зимніе вечера можно хоть поиграть въ бирюльки. А нынѣ сиди, сиди, все одна; да и того удовольствія не имѣю, когда чхну, чтобъ кто говорилъ: „здравствуй"! А какъ мужъ будетъ свой, то какой бы насморкъ ни былъ, все слышать буду: „здравствуй, мой свѣтъ, здравствуй, моя душенька"...

Н.) Прости, матушка!

Ш.) Завтра сговоръ, а черезъ недѣлю свадьба.

Н.) (Уходитъ.)

Ш.) (Чхаетъ.) Небось, не воротится. То ли дѣло, какъ мужъ свой будетъ!

Не дивись, мой другъ! на свѣтѣ все колесомъ вертится. Сегодня умное, завтра глупое въ модѣ. Надѣюсь, что и

ты много увидишь Дурындиныхъ. Если не женидьбою всегда они отличаются, то другимъ чѣмъ-либо. А безъ Дурындиныхъ свѣтъ не простоялъ бы трехъ дней".

КРЕСТЦЫ.

Въ Крестцахъ былъ я свидѣтелемъ разстанія у отца съ дѣтьми, которое меня тѣмъ чувствительнѣе тронуло, что я самъ отецъ и скоро, можетъ быть, съ дѣтьми разставаться буду. Несчастный предразсудокъ дворянскаго званія велитъ имъ идти въ службу. Одно названіе сіе приводитъ всю кровь въ необычайное движеніе! Тысячу противъ одного держать можно, что изо ста дворянчиковъ, вступающихъ въ службу, 98 становятся повѣсами, а два подъ старость или, правильнѣе сказать, два въ дряхлыя ихъ, хотя нестарыя лѣта становятся добрыми людьми. Прочіе происходятъ въ чины, расточаютъ или наживаютъ имѣніе, и проч. - - - - - - - - Смотря иногда на большаго моего сына и размышляя, что онъ скоро войдетъ въ службу или, другими сказать словами, что птичка вылетитъ изъ клѣтки, у меня волосы дыбомъ становятся. Не для того, чтобы служба сама по себѣ развращала нравы, но для того, чтобы со зрѣлыми нравами надлежало начинать службу. - - Иной скажетъ: „а кто такихъ молокососовъ толкаетъ въ шею"? - - Кто? Примѣръ общій. Штабъ-офицеръ семнадцати лѣтъ; полковникъ двадцатилѣтній; генералъ двадцатилѣтній; каммергеръ, сенаторъ, намѣстникъ, начальникъ войскъ. И какому отцу не захочется, чтобы дѣти его, хотя въ малолѣтствѣ, были въ знатныхъ чинахъ, за которыми идутъ въ слѣдъ богатство, честь и разумъ? - - Смотря на сына моего,

представляется мнѣ: онъ началъ служить, познакомился съ вертопрахами, распутными, игроками, щеголями. Выучился чистенько наряжаться, играть въ карты, картами доставать прокормленіе, говорить обо всемъ, ничего не мысля, таскаться по дѣвкамъ или врать чепуху барынямъ. Какимъ-то образомъ фортуна, вертясь на курьей ножкѣ, приголубила его, и сынокъ мой, не брея еще бороды, сталъ знатнымъ бояриномъ. Возмечталъ онъ о себѣ, что умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Чего добраго ожидать отъ такого полководца или градоначальника?--Скажи поистинѣ, отецъ чадолюбивый, скажи, о истинный гражданинъ, не захочется ли тебѣ сынка твоего лучше удавить, нежели отпустить въ службу? Не больно ли сердцу твоему, что сынокъ твой, знатный бояринъ, презираетъ заслуги и достоинства, для того, что ихъ участь пресмыкаться въ стезѣ чиновъ, пронырства гнушаяся? Не возрыдаешь ли ты, что сынокъ твой любезный съ пріятною улыбкою отнимать будетъ имѣніе, честь; отравлять и рѣзать людей, не своими всегда боярскими руками, но посредствомъ лапъ своихъ любимцевъ?

Крестицкій дворянинъ, казалося мнѣ, былъ лѣтъ пятидесяти. Рѣдкія сѣдины едва пробивалися сквозь свѣтлорусые власы главы его. Правильныя черты лица его знаменовали души его спокойствіе, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка безмятежнаго удовольствія, незлобіемъ раждаемаго, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь прельщающими; взоры его, когда я вошелъ въ ту комнату, гдѣ онъ сидѣлъ, были устремлены на двухъ его сыновей. Очи его, очи благорастворенного разсудка, казалися подернуты легкою пленою печали, но искры твердости и упованія пролетали оную быстротечно. Предъ нимъ стояли

два юноши, возраста почти равнаго, единымъ годомъ во времени рожденія, но не въ шествіи разума и сердца они разнствовали между собою. Ибо горячность родителя ускоряла во младшемъ развержение ума, а любовь братня умѣряла успѣхъ въ наукахъ во старшемъ. Понятія о вещахъ были въ нихъ равныя, правила жизни знали они равно, но острота разума и движенія сердца природа въ нихъ насадила различно. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ. Взоры младшаго были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движеніе оныхъ необманчивый были знакъ благихъ совѣтовъ отчихъ. -- На отца своего взирали они съ несвойственною имъ робостію, отъ горести предстоящей разлуки происходящею, а не отъ чувствованія надъ собою власти или начальства. -- Рѣдкія капли слезъ точилися изъ ихъ очей. -- „Друзья мои", сказалъ отецъ, „сегодня мы разстанемся" -- и обнявъ ихъ, прижалъ возрыдавшихъ къ перси своей. -- Я уже нѣсколько минутъ былъ свидѣтелемъ сего зрѣлища, стоя у дверей неподвиженъ, какъ отецъ, обратясь ко мнѣ: „будь свидѣтелемъ, чувствительный путешественникъ, будь свидѣтелемъ мнѣ передъ свѣтомъ, сколь тяжко сердцу моему исполнять державную волю обычая. Я, отлучая дѣтей моихъ отъ бдящаго родительскаго ока, единственное къ тому имѣю побужденіе, да пріобрѣтутъ опытности, да познаютъ человѣка изъ его дѣяній и, наскучивъ гремленіемъ мірскаго житія, да оставятъ его съ радостію; но да имутъ отишіе [1]) въ гоненіи и хлѣбъ насущный въ скудости. А для сего то

[1]) Затишіе.

остаюся я на нивѣ моей. Не даждь, Владыко всещедрый, не даждь имъ скитатися за милостынею вельможъ и обрѣтати въ нихъ утѣшителя! Да будетъ соболѣзнуяй о нихъ ихъ сердце; да будетъ имъ творяй благостыню ихъ разсудокъ. - - Возсядите, и внемлите моему слову, еже пребывати во внутренности душъ вашихъ долженствуетъ. - - Еще повторю вамъ, сегодня мы разлучимся. - - Съ неизреченнымъ услажденіемъ зрю слезы ваши, орошающія ланиты вашего лица. Да отнесетъ сіе души вашей зыбленіе совѣтъ мой во святая ея, да восколеблется она при моемъ воспоминовеніи, и да буду отсутственъ оградою вамъ отъ золъ и печалей.

Пріявъ васъ даже отъ чрева матерня въ объятія мои, не восхотѣлъ николи, чтобы кто-либо былъ рачителемъ въ исполненіямъ, до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалася тѣлеси вашего, и никогда наемный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моея горячности бдѣло надъ вами денноночно, да не приближится васъ оскорбленіе; и блаженъ нарицаюся, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ, чтобы я хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе или же признаніе, хотя слабое, ради васъ мною содѣланнаго. Вождаемъ собственныя корысти побужденіемъ, предпріемлемое на вашу пользу имѣло всегда въ виду собственное мое услажденіе. И такъ изжените изъ мыслей вашихъ, что вы есте подъ властію моею. Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ хощу искати твердости союза нашего. Онъ оснуется на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ, если его въ забвеніи оставите! Образъ мой, преслѣдуя наруши-

телю союза нашея дружбы, поженетъ его въ сокровенности его и устроитъ ему казнь несносную, дондеже не возвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, вы мнѣ ничѣмъ не должны. Воззрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ко мнѣ ощутитъ нѣкую нѣжную наклонность, то поживемъ въ дружбѣ, въ семъ наивеличайшемъ на земли благоденствіи.--Если же оно безъ ощущенія пребудетъ,--да забвени будемъ другъ друга, яко же намъ не родитися. Даждь Всещедрый, сего да не узрю, отошедъ въ нѣдра Твоя, сіе предваряяй! Не должны вы мнѣ ни за воскормленіе, ни за наставленіе, а меньше всего за рожденіе.--За рожденіе?--Участники были ли вы въ немъ? Вопрошаемы были ли, да рождени будете? На пользу ли вашу родитися имѣли, или во вредъ? Извѣстенъ ли отецъ и мать, рождая сына своего, блаженъ будетъ въ житіи или злополученъ? Кто скажетъ, что, вступая въ супружество, помышлялъ о наслѣдіи и потомкахъ; а если имѣлъ сіе намѣреніе, то блаженства ли ихъ ради произвести ихъ желалъ, или же на сохраненіе своего имени? Какъ желать добра тому, кого не знаю, и что сіе? Добромъ назваться можетъ ли желаніе неопредѣленное, помаваемое неизвѣстностію?--Побужденіе къ супружеству покажетъ и вину рожденія. Прельщенный душевною паче добротою матери вашея, нежели лѣпотою лица, я употребилъ способъ вѣрный на взаимню горячность, любовь искренную. Я получилъ мать вашу себѣ въ супруги. Но какое было побужденіе нашея любви? Взаимное услажденіе; услажденіе плоти и духа. Вкушая веселіе, природой повелѣнное, о васъ мы не мыслили. Рожденіе ваше намъ было пріятно, но не для васъ. Произведеніе самого себя льстило тще-

славію; рожденіе ваше было новый и чувственный, такъ сказать, союзъ, союзъ сердецъ подтверждающій. Онъ есть источникъ начальной горячности родителей къ сынамъ своимъ; подкрѣпляется онъ привычкою, ощущеніемъ своея власти, отраженіемъ похвалъ сыновнихъ къ отцу.---Мать ваша равнаго со мною была мнѣнія о ничтожности должностей вашихъ, отъ рожденія проистекающихъ. Не гордилася она предъ вами, что носила васъ во чревѣ своемъ, не требовала признательности, питая васъ своею кровію; не хотѣла почтенія за болѣзни рожденія, ни за скуку воскормленія сосцами своими. Она тщилася благую вамъ дать душу, яко же и сама имѣла, и въ ней хотѣла насадить дружбу, но не обязанность, не должность или рабское повиновеніе. Не допустилъ ее рокъ зрѣти плодовъ ея насажденій. Она насъ оставила, съ твердостію хотя духа, но кончины еще не желала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляяся ей, мы совсѣмъ ее не потеряемъ. Она поживетъ съ нами, доколѣ къ ней не отыдемъ. Вѣдаете, что любезнѣйшая моя съ вами бесѣда есть бесѣдовати о родшей васъ. Тогда, мнится, душа ея бесѣдуетъ съ нами, тогда становится она намъ присутственна, тогда въ насъ она является, тогда она еще жива".--И отиралъ вѣщающій капли задержанныхъ въ душѣ слезъ.--

„Сколь мало обязаны вы мнѣ за рожденіе, толико же обязаны и за воскормленіе. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцовъ пернатыхъ, когда даю пищу псу, лижущему мою десницу, ихъ ли ради сіе дѣлаю?--Отраду, увеселеніе или пользу въ томъ нахожу мою собственную. Съ таковымъ же побужденіемъ производятъ воскормленіе дѣтей. Родившися въ свѣтъ, вы стали граждане общества,

въ коемъ живете. Мой былъ долгъ васъ воскормить, ибо еслибы допустилъ до васъ кончину безвременную, былъ бы убійца. Если я рачительнѣе былъ въ воскормленіи вашемъ, нежели бываютъ многіе, то слѣдовалъ чувствованію моего сердца. Власть моя, да пекуся о воскормленіи вашемъ или небрегу о немъ; да сохраню дни ваши или расточителемъ въ нихъ буду; оставлю васъ живыхъ или дамъ умрети завременно,— есть ясное доказательство, что вы мнѣ не обязаны въ томъ, что живы. Еслибы умерли отъ моего о васъ небреженія, какъ то многіе умираютъ, мщеніе закона меня бы не преслѣдовало. - - Но, скажутъ, обязаны вы мнѣ за ученіе и наставленіе. - - Не моей ли я въ томъ искалъ пользы, да благи будете? Похвалы, воздаваемыя доброму вашему поведенію, разсудку, знаніямъ, искусству вашему, распростираяся на васъ, отражаются на меня, яко лучи солнечны отъ зеркала. Хваля васъ, меня хвалятъ. Что успѣлъ бы я, еслибы вы вдалися пороку, чужды были ученія, тупы въ разсужденіяхъ, злобны, подлы, чувствительности не имѣя? Не только сострадатель былъ бы я въ вашемъ косвенномъ хожденіи, но жертва, можетъ быть, вашего неистовства. Но нынѣ спокоенъ остаюся, отлучая васъ отъ себя; разумъ прямъ, сердце ваше крѣпко, и я живу въ немъ. О друзья мои, сыны моего сердца! родивъ васъ, многія имѣлъ я должности въ отношеніи къ вамъ, но вы мнѣ ничѣмъ не должны; я ищу вашей дружбы и любови; если вы мнѣ ее дадите, блаженъ отыду къ началу жизни и не возмущуся при кончинѣ, оставляя васъ навѣки, ибо поживу на памяти вашей.

Но если я исполнилъ должность мою въ воспитаніи вашемъ, обязанъ сказати нынѣ вамъ вину, почто васъ такъ, а не иначе воспитывалъ, и для чего сему, а не другому

васъ научилъ; и для того услышите повѣсть о воспитаніи вашемъ и познайте вину всѣхъ моихъ надъ вами дѣяній.

Со младенчества вашего принужденія вы не чувствовали. Хотя въ дѣяніяхъ вашихъ вождаемы были рукою моею, не ощущали однакоже николи ея направленія. Дѣянія ваши были предузнаты и предваряемы; не хотѣлъ я, чтобы робость или послушаніе повиновенія малѣйшею чертою ознаменовала на васъ тяжесть своего перста. И для того духъ вашъ, не терпящъ велѣнія безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества. Но если, младенцамъ вамъ сущимъ, находилъ я, что уклонялися отъ пути, мною назначеннаго, устремляемы случайнымъ удареніемъ, тогда остановлялъ я ваше шествіе или, лучше сказать, непримѣтно вводилъ въ прежній путь, яко потокъ, оплоты прорывающій, искусною рукою обращается въ свои берега.

Робкая нѣжность не присутствовала во мнѣ, когда, казалося, не рачилъ объ охраненіи васъ отъ непріязненности стихій и погоды. Желалъ лучше, чтобы на мгновеніе тѣло ваше оскорбилося преходящею болью, нежели дебелы пребудете въ возрастѣ совершенномъ! И для того почасту ходили вы босы, непокровенную имѣя главу; въ пыли, въ грязи возлежали на отдохновеніе, на скаміи или на камени. Неменьше старался я удалить васъ отъ убійственной пищи и питія. Труды наши лучшая была приправа въ обѣдѣ нашемъ. Воспомните, съ какимъ удовольствіемъ обѣдали мы въ деревнѣ, намъ неизвѣстной, не нашедъ дороги къ дому. Сколь вкусенъ намъ казался тогда хлѣбъ ржаной и квасъ деревенскій!

Не ропщите на меня, если будете иногда осмѣяны, что не имѣете казистаго восшествія, что стоите, какъ тѣлу вашему покойнѣе, а не какъ обычай или мода велитъ;

что одѣваетеся не со вкусомъ, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, если будете небрежены въ собраніяхъ, а особливо отъ женщинъ, для того, что не умѣете хвалить ихъ красоту; но вспомните, что вы бѣгаете быстро, что плаваете, не утомляяся, что подымаете тяжести безъ натуги, что умѣете водить соху, вскопать гряду, владѣете косою и топоромъ, стругомъ и долотомъ; умѣете ѣздить верхомъ, стрѣлять. Не опечальтеся, что вы скакать не умѣете, какъ скоморохи. Вѣдайте, что лучшее плясаніе ничего не представляетъ величественнаго, и если нѣкогда тронуты будете зрѣніемъ онаго, то любострастіе будетъ тому корень, все же другое оному постороннее. -- Но вы умѣете изображать животныхъ и неодушевленныхъ, изображать черты царя природы, человѣка. Въ живописи найдете вы истинное услажденіе не токмо чувствъ, но и разума. -- Я васъ научилъ музыкѣ, дабы дрожащая струна согласно вашимъ нервамъ возбуждала дремлющее сердце, ибо музыка, приводя внутренность въ движеніе, дѣлаетъ мягкосердіе въ насъ привычкою. -- Научилъ я васъ и варварскому искусству сражаться мечомъ. Но сіе искусство да пребудетъ въ васъ мертво, доколѣ собственная сохранность того не востребуетъ. Оно, уповаю, не сдѣлаетъ васъ наглыми, ибо вы твердый имѣете духъ и обидою не сочтете, если оселъ васъ улягнетъ или свинья сиpаднымъ до васъ коснется рыломъ. -- Не бойтесь сказать никому, что вы корову доить умѣете, что щи и кашу сварите, или зажаренный вами кусокъ мяса будетъ вкусенъ. Тотъ, кто самъ умѣетъ что сдѣлать, умѣетъ заставить сдѣлать, и будетъ на погрѣшности снисходителенъ, зная всѣ въ исполненіи трудности.

Во младенчествѣ и отрочествѣ не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или мыслями чуждыми, не отягощалъ памяти вашей излишними предметами. Но, предложивъ вамъ пути къ познаніямъ, съ тѣхъ поръ, какъ начали разума своего ощущати силы, сами шествуете къ отверзтой вамъ стезѣ. Познанія ваши тѣмъ основательнѣе, что вы ихъ пріобрѣли, не твердя, какъ то говорятъ по пословицѣ, какъ сорока Якова. Слѣдуя сему правилу, доколѣ силы разума не были въ васъ дѣйствующи, не предлагалъ я вамъ понятія о Всевышнемъ Существѣ, и еще менѣе объ Откровеніи. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и разсужденію бы мѣшало. Когда же я узрѣлъ, что вы въ сужденіяхъ вашихъ вождаетесь разсудкомъ, то предложилъ вамъ связь понятій, ведущихъ къ познанію Бога; увѣренъ во внутренности сердца моего, что всещедрому Отцу пріятнѣе зрѣти двѣ непорочныя души, въ коихъ свѣтильникъ познаній не предразсудкомъ возжигается, но что они сами возносятся къ начальному огню на возгорѣніе. Предложилъ я вамъ тогда и о Законѣ Откровенномъ, не скрывая отъ васъ все то, что въ опроверженіе онаго сказано многими. Ибо желалъ, чтобы вы могли сами избирать между млекомъ и желчію, и съ радостію видѣлъ, что воспріяли вы сосудъ утѣшенія неробко.

Преподавая вамъ свѣдѣнія о наукахъ, не оставилъ я ознакомить васъ съ различными народами, изучивъ васъ языкамъ иностраннымъ. Но прежде всего попеченіе мое было, да познаете вашъ собственный, да умѣете на ономъ изъяснять ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъясненіе сіе было въ васъ непринужденно и поту на лицѣ

не производило. Аглинскій языкъ, а потомъ латинскій старался я вамъ извѣстнѣе сдѣлать другихъ. Ибо упругость духа вольности, переходя въ изображеніе рѣчи, пріучитъ и разумъ къ твердымъ понятіямъ, столь во всякихъ правленіяхъ нужнымъ.

Но если разсудку вашему предоставлялъ я направлять стопы ваши въ стезяхъ науки, тѣмъ бдительнѣе тщился быть во нравственности вашей. Старался умѣрять въ васъ гнѣвъ мгновенія, подвергая разсудку гнѣвъ продолжительный, мщеніе производящій. Мщеніе!... душа ваша мерзитъ его. Вы изъ природнаго сего чувствительныя твари движенія оставили только оберегательность своего сложенія, поправъ желаніе возвращать уязвленія.

Нынѣ настало то время, что чувства ваши, дошедъ до совершенства возбужденія, но не до совершества еще понятія о возбуждаемомъ, начинаютъ тревожиться всякою внѣшностію и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Нынѣ достигли времени, въ которое какъ то говорятъ, разсудокъ становится опредѣлителемъ дѣланія и недѣланія; а, лучше сказать, когда чувства, доселѣ одержимыя плавностію младенчества, начинаютъ ощущать дрожаніе, или когда жизненные соки, исполнивъ сосудъ юности, превышать начинаютъ его воскраія, ища стезю свойственнымъ для нихъ стремленіямъ. Я сохранилъ васъ неприступными доселѣ превратнымъ чувствъ потрясеніямъ, но не сокрылъ отъ васъ невѣдѣнія покровомъ пагубныхъ слѣдствій, совращенія отъ пути умѣренности въ чувственномъ услажденіи. Вы свидѣтели были, сколь гнусно избыточество чувственнаго насыщенія, и возгнушалися; свидѣтели были страшнаго волненія страстей, превысившихъ

брега своего естественнаго теченія, познали гибельныя ихъ опустошенія, и ужаснулися. Опытность моя, носяся надъ вами, яко новый Эгидъ, охраняла васъ отъ неправильныхъ уязвленій. Нынѣ будете сами себѣ вожди, и хотя совѣты мои будутъ всегда свѣтильникомъ вашихъ начинаній, ибо сердце и душа ваша мнѣ отверзты, но, яко свѣтъ, отдаляяся отъ предмета, менѣе его освѣщаетъ, тако и вы, отриновенны моего присутствія, слабое ощутите согрѣніе моея дружбы. И для того преподамъ вамъ правила единожитія и общежитія, дабы по усмиреніи страстей не возгнушалися дѣяній, во оныхъ совершенныхъ, и не познали, что есть раскаяніе.

Правила единожитія, елико то касаться можетъ до васъ самихъ, должны относиться къ тѣлесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда употреблять вашихъ тѣлесныхъ силъ и чувствъ. Упражненіе оныхъ умѣренное укрѣпитъ ихъ, не истощевая, и послужитъ ко здравію вашему и долгой жизни. И для того упражняйтеся въ искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ, вамъ извѣстныхъ. Совершенствованіе въ оныхъ иногда можетъ быть нужно. Неизвѣстно намъ грядущее. Если непріязненное счастіе отыметъ у васъ все, что оно вамъ дало, богаты пребудете во умѣренности желаній, кормяся дѣломъ рукъ вашихъ. Но если во дни блаженства все небрежете, поздно о томъ думать во дни печали. Нѣга, излѣненіе и неумѣренное чувствъ услажденіе губятъ и тѣло и духъ. Ибо изнуряяй тѣло невоздержностью изнуряетъ и крѣпость духа. Употребленіе же силъ укрѣпитъ тѣло, а съ нимъ и духъ. Если почувствуешь отвращеніе къ явствамъ, и болѣзнь постучится у дверей, воспряни тогда отъ одра твоего, на немъ

же лѣлѣешь чувства твои, приведи уснувшіе члены твои въ дѣйствіе упражненіемъ, и почувствуешь мгновенное силъ обновленіе; воздержи себя отъ пищи, нужной во здравіи, и гладъ сдѣлаетъ пищу твою сладкою, огорчавшую отъ сытости. Помните всегда, что на утоленіе глада нуженъ только кусокъ хлѣба и ковшъ воды. Если благодѣтельное лишеніе внѣшнихъ чувствованій, сонъ, удалится отъ твоего возглавія, и не возможешь возобновить силъ разумныхъ и тѣлесныхъ, бѣги изъ чергоговъ твоихъ и, утомивъ члены до усталости, возляги на одрѣ твоемъ, и почіешь во здравіе.

Будьте опрятны въ одеждѣ вашей; тѣло содержите въ чистотѣ, ибо чистота служитъ ко здравію, а неопрятность и смрадность тѣла нерѣдко отверзаетъ непримѣтную стезю къ гнуснымъ порокамъ. Но не будьте и въ семъ неумѣренны. Не гнушайтесь пособить, поднимая погрязшую во рвѣ телѣгу, и тѣмъ облегчить упадшаго: вымараете руки, ноги и тѣло, но просвѣтите сердце. Ходите въ хижины уничиженія; утѣшайте томящагося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, давъ отраду скорбящему.

Нынѣ достигли вы, повторю, того страшнаго времени и часа, когда страсти пробуждаться начинаютъ, но разсудокъ слабъ еще на ихъ обузданіе. Ибо чаша разсудка безъ опытности на вѣсахъ воли воздымется, а чаша страстей опустится мгновенно долу. Итакъ, къ равновѣсію не иначе приближиться можно, какъ трудолюбіемъ. Трудитеся тѣломъ—страсти ваши не столь сильное будутъ имѣть волненіе; трудитеся сердцемъ, упражняяся въ мягкосердіи, чувствительности, соболѣзнованіи, щедротѣ, отпущеніи, и страсти ваши направятся ко благому концу. Трудитеся разу-

момъ, упражняяся въ чтеніи, размышленіи, разысканіи истины или происшествій, и разумъ управлять будетъ вашею волею и страстьми. Но не возмните въ восторгѣ разсудка, что можете сокрушить корени страстей, что нужно быть совсѣмъ безстрастну. Корень страстей благъ и основанъ на нашей чувствительности самою природою. Когда чувства наши, внѣшнія и внутреннія, ослабѣваютъ и притупляются, тогда ослабѣваютъ и страсти. Онѣ благую въ человѣкѣ производятъ тревогу, безъ нея же уснулъ бы онъ въ бездѣйствіи. Совершенно безпристрастный человѣкъ, есть глупецъ и истуканъ нелѣпый, не возмогаяй ни благого, ни злого. Не достоинство есть воздержатися отъ худыхъ помысловъ, не могши ихъ сотворить. Безрукій не можетъ уязвить никого, но не можетъ подать помощи утопающему, ни утержати на брегѣ падающаго въ пучину моря.--Итакъ, умѣренность во страсти есть благо; шествіе во стезѣ средою есть надежно. Чрезвычайность во страсти есть гибель; безстрастіе есть нравственная смерть. Яко же шественникъ, отдаляяся среды стези, вдается опасности ввергнутися въ тотъ или другой ровъ, такого бываетъ шествія во нравственности. Но буде страсти ваши опытностію, разсудкомъ и сердцемъ направлены къ концу благому, скинь съ нихъ бразды томнаго благоразумія, не сокращай ихъ полета: мета ихъ будетъ всегда величіе; на немъ единомъ остановиться онѣ умѣютъ.

Но если я васъ побуждаю не быть безстрастными, паче всего потребно въ юности вашей умѣренность любовныя страсти. Она природою насаждена въ сердцѣ нашемъ ко блаженству нашему. Итакъ, въ возрожденіи своемъ никогда ошибиться не можетъ, но въ своемъ предметѣ и неумѣрен-

ности. Итакъ, блюдитеся, да не ошибетеся въ предметѣ любви вашея и да не почтете взаимною горячностію оныя образъ. Съ благимъ же предметомъ любви неумѣренность страсти сея будетъ вамъ неизвѣстна. Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружествѣ, о семъ священномъ союзѣ общества, коего правила не природа въ сердцѣ начертала, но святость коего изъ начальнаго обществъ положенія проистекаетъ. Разуму вашему, едва шествіе свое начинающему, сіе бы было непонятно, а сердцу вашему, не испытавшему самолюбивую въ обществѣ страсть любви, повѣсть о семъ была бы вамъ неощутительна, а потому и безполезна. Если желаете о супружествѣ имѣть понятіе, воспомяните о родшей васъ. Представьте меня съ нею и съ вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимныя лобызанія, и приложите картину сію къ сердцу вашему. Тогда почувствуете въ немъ пріятное нѣкое содроганіе. Что оно есть? Познаете со временемъ, а днесь довольны будьте онаго ощущеніемъ.

Приступимъ нынѣ вкратцѣ къ правиламъ общежитія. Предписать ихъ неможно съ точностію, ибо располагаются они часто по обстоятельствамъ мгновенія. Но дабы, колико возможно, менѣе ошибаться, при всякомъ начинаніи вопросите ваше сердце; оно есть благо, и николи обмануть васъ не можетъ. Что вѣщаетъ оно, то и творите. Слѣдуя сердцу въ юности, не ошибетеся, если сердце имѣете благое. Но слѣдовати возмнивый разсудку, не имѣя на брадѣ власовъ, опытность возвѣщающихъ, есть безумецъ.

Правила общежитія относятся ко исполненію обычаевъ и нравовъ народныхъ, или ко исполненію закона, или ко исполненію добродѣтели. Если въ обществѣ нравы и обы-

чаи не противны закону, если законъ не полагаетъ добродѣтели преткновеній въ ея шествіи, то исполненіе правилъ общежитія есть легко. Но гдѣ таковое общество существуетъ? Всѣ извѣтныя намъ многими наполнены во нравахъ и обычаяхъ, законахъ и добродѣтеляхъ противорѣчіями. И отъ того трудно становится исполненіе должности человѣка и гражданина, ибо нерѣдко онѣ находятся въ совершенной противоположности.

Понеже добродѣтель есть вершина дѣяній человѣческихъ, то исполненіе ея ничѣмъ не долженствуетъ быть препинаемо. Небреги обычаевъ и нравовъ, небреги закона гражданскаго и священнаго, столь святыя въ обществѣ, вещи, буде исполненіе оныхъ отлучаетъ тебя отъ добродѣтели. Не дерзай николи нарушенія ея прикрывати робостію благоразумія. Благоденственъ безъ нея будешь во внѣшности, но блаженъ николи.

Послѣдуя тому, что налагаютъ на насъ обычаи и нравы, мы пріобрѣтемъ благопріятство тѣхъ, съ кѣмъ живемъ. Исполняя предписаніе закона, можемъ пріобрѣсти названіе честнаго человѣка. Исполняя же добродѣтель, пріобрѣтемъ общую довѣренность, почтеніе и удивленіе, даже и въ тѣхъ, кто бы не желалъ ихъ ощущать въ душѣ своей. Коварный аѳинскій сенатъ, подавая чашу съ отравою Сократу, трепеталъ во внутренности своей предъ его добродѣтелію.

Не дерзай никогда исполнять обычая въ предосужденіе закона. Законъ, каковъ ни худъ, есть связь общества. И еслибы самъ государь велѣлъ тебѣ нарушить законъ, не повинуйся ему, ибо онъ заблуждаетъ [1]) себѣ и обще-

---

[1]) Заблуждается.

ству во вредъ. Да уничтожитъ законъ, яко же нарушеніе онаго повелѣваетъ—тогда повинуйся, ибо въ Россіи государь есть источникъ законовъ.

Но еслибы законъ, или государь, или бы какая-либо на земли власть подвизала тебя на неправду и нарушеніе добродѣтели, пребудь въ оной неколебимъ. Не бойся ни осмѣянія, ни мученія, ни болѣзни, ни заточенія, ниже самой смерти. Пребудь незыблемъ въ душѣ твоей, яко камень среди бунтующихъ, но немощныхъ валовъ. Ярость мучителей твоихъ раздробится о твердь твою, и если предадутъ тебя смерти, осмѣяны будутъ, а ты поживешь на памяти благородныхъ душъ до скончанія вѣковъ. Убойся заранѣе именовать благоразуміемъ слабость въ дѣяніяхъ, сего перваго добродѣтели врага. Сегодня нарушишь ее уваженія ради каковаго, завтра нарушеніе ея казаться будетъ самою добродѣтелію; и такъ порокъ воцарится въ сердцѣ твоемъ и исказитъ черты непорочности въ душѣ и на лицѣ твоемъ.

Добродѣтели суть или частныя, или общественныя. Побужденія къ первымъ суть всегда мягкосердіе, кротость, соболѣзнованіе, и корень всегда ихъ благъ. Побужденія къ добродѣтелямъ общественнымъ нерѣдко имѣютъ начало свое въ тщеславіи и любочестіи. Но для того не надлежитъ остановляться въ исполненіи ихъ. Предлогъ, надъ нимъ же вращаются, придаетъ имъ важности. Въ спасшемъ Курціи отечество свое отъ пагубоносныя язвы никто не зритъ ни тщеславнаго, ни отчаяннаго, или наскучившаго жизнію, но ироя. Если же побужденія наши къ общественнымъ добродѣтелямъ начало свое имѣютъ въ человѣколюбивой твердости души, тогда блескъ ихъ будетъ гораздо большій.

Упражняйтеся всегда въ частныхъ добродѣтеляхъ, дабы могли удостоиться исполненія общественныхъ.

Еще преподамъ вамъ нѣкоторыя исполнительныя правила жизни.--Старайтеся паче всего во всѣхъ дѣяніяхъ вашихъ заслужить собственное свое почтеніе, дабы, обращая во уединеніи взоры свои вовнутрь самаго себя, не токмо не могли бы вы раскаиваться о сдѣланномъ, но взирали бы на себя со благоговѣніемъ.

Слѣдуя сему правилу, удаляйтеся, елико то возможно, даже вида раболѣпствованія. Вошедъ въ свѣтъ, узнаете скоро, что въ обществѣ существуетъ обычай—посѣщать въ праздничные дни по утрамъ знатныхъ особъ; обычай скаредной, ничего не значащій, показующій въ посѣтителяхъ духъ робости, а въ посѣщаемомъ духъ надменности и слабый разсудокъ. У римлянъ было похожее сему обыкновеніе, которое они называли „амбиціо", то-есть снисканіе или обхожденіе; а оттуда и любочестіе названо „амбиціо", ибо посѣщеніями именитыхъ людей юноши снискивали себѣ путь къ чинамъ и достоинствамъ. То же дѣлается и нынѣ. Но если у римлянъ обычай сей введенъ былъ для того, чтобы молодые люди обхожденіемъ съ испытанными научалися, то сомнѣваюсь, чтобы цѣль въ обычаѣ семъ всегда непорочна сохранилася. Въ наши же времена, посѣщая знатныхъ господъ, ученія цѣлію своею никто не имѣетъ, но снисканіе ихъ благопріятства. Итакъ, да не преступитъ нога ваша порога, отдѣляющаго раболѣпство отъ исполненія должности. Не посѣщай николи передней знатнаго боярина, развѣ по долгу званія твоего. Тогда среди толпы презрѣнной и тотъ, на кого она взираетъ съ подобострастіемъ, въ душѣ своей тебя, хотя съ негодованіемъ, но отъ нея отличитъ.

Если случится, что смерть пресѣчетъ дни мои прежде, нежели въ благомъ пути отвердѣете, и юны еще восхитятъ васъ страсти изъ стези разсудка, то не отчаивайтеся, соглядая иногда превратное ваше шествіе. Въ заблужденіи вашемъ, въ забвеніи самихъ себя возлюбите добро. Распутное житіе, безмѣрное любочестіе, наглость и всѣ пороки юности оставляютъ надежду исправленія, ибо скользятъ по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы во младыхъ лѣтахъ вашихъ вы были распутны, расточительны, наглы, нежели сребролюбивы или же чрезмѣрно бережливы, щеголеваты, занимаяся болѣе убранствомъ, нежели чѣмъ другимъ. Систематическое, такъ сказать, расположеніе въ щегольствѣ означаетъ всегда сжатый разсудокъ. Если повѣствуютъ, что Юлій Кесарь былъ щеголь, то щегольство его имѣло цѣль. Страсть къ женщинамъ въ юности его была къ сему побужденіемъ. Но онъ изъ щеголя облекся бы мгновенно во смраднѣйшее рубище, еслибы то способствовало къ достиженію его желаній.

Во младомъ человѣкѣ не токмо щегольство преходящее простительно, но и всякое почти дурачество. Если же наикраснѣйшими дѣяніями жизни прикрывать будете коварство, ложь, вѣроломство, сребролюбіе, гордость, любомщеніе, звѣрство, то хотя ослѣпите современниковъ вашихъ блескомъ ясной наружности, хотя не найдете никого столь любящаго васъ, да представитъ вамъ зерцало истины, не мните однако же затмить взоры прозорливости. -- Проникнетъ она свѣтозарную ризу коварства, и добродѣтель черноту души вашей обнажитъ. Возненавидитъ ее сердце твое, и яко чувственница увѣдать станетъ прикосновеніемъ твоимъ, но мгновенно, но стрѣлы ея издалека язвить тебя станутъ и терзать.

Простите, возлюбленные мои, простите, друзья души моей; днесь при сопутномъ вѣтрѣ отчальте отъ брега чуждыя опытности ладью вашу; стремитеся по валамъ житія человѣческаго, да научитеся управляти сами собою. Блажени, не претерпѣвъ крушенія, если достигнете пристанища, его же жаждемъ. Будьте счастливы во плаваніи вашемъ. Се искреннее мое желаніе. Естественныя силы мои, истощавъ движеніемъ и жизнію, изнемогутъ и угаснутъ; оставлю васъ навѣки; но се мое вамъ завѣщаніе. Если ненавистное счастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на земли не останется, если, доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія, тогда воспомни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. -- Умри. -- Въ наслѣдіе вамъ оставляю слово умирающаго Катона. -- Но если во добродѣтели умрети возможешь, умѣй умреть и въ порокѣ, и будь, такъ сказать, добродѣтеленъ въ самомъ злѣ. -- Если, забывъ мои наставленія, поспѣшать будешь на злыя дѣла, обыкшая душа добродѣтели востревожится, явлюся тебѣ въ мечтѣ. -- Воспряни отъ ложа твоего, преслѣдуй душевно моему видѣнію. -- Если тогда источится слеза изъ очей твоихъ, то усни паки; пробудишься на исправленіе. Но если среди злыхъ твоихъ начинаній, воспоминая обо мнѣ, душа твоя не зыбнется, и око пребудетъ сухо... Се сталь, се отрава. -- Избавь меня скорби; избавь землю поносныя тяжести. -- Будь мой еще сынъ. -- Умри на добродѣтель".

Вѣщавшу сіе старцу, юношескій румянецъ покрылъ сморщенныя ланиты его; взоры его испускали лучи надежнаго радованія, черты лица сіяли сверхъестественнымъ

веществомъ. -- Онъ облобызалъ дѣтей своихъ и, проводивъ ихъ до повозки, пребылъ твердъ до послѣдняго разставанія. Но едва звонъ почтоваго колокольчика возвѣстилъ ему, что они начали отъ него удаляться, упругая сія душа смягчилася. Слезы проникли сквозь очей его, грудь его воздымалася; онъ руки свои простиралъ вслѣдъ за отъѣзжающими; казалося, будто желаетъ остановить стремленіе коней. Юноши, узрѣвъ издали родшаго ихъ въ такой печали, возрыдали столь громко, что вѣтръ доносилъ жалостный ихъ стонъ до слуха нашего. Они простирали также руки къ отцу своему и, казалося, будто его къ себѣ звали. Не могъ старецъ снести сего зрѣлища, силы его ослабѣли, и онъ упалъ въ мои объятія. Между тѣмъ пригорокъ скрылъ отъѣхавшихъ юношей отъ взоровъ нашихъ. Пришедъ въ себя старецъ сталъ на колѣни и возвелъ руки и взоры на небо: „Господи", возопилъ онъ, „молю Тебя, да укрѣпишь ихъ въ стезяхъ добродѣтели, молю, блажени да будутъ. Вѣси, николи не утруждалъ Тебя, Отецъ всещедрый, безполезною молитвою. Увѣренъ въ душѣ моей, яко благъ еси и правосуденъ. Любезнѣйшее Тебѣ въ насъ есть добродѣтель; дѣянія чистаго сердца суть наилучшая для Тебя жертва..... Отлучилъ я нынѣ отъ себя сыновъ моихъ..... Господи, да будетъ на нихъ воля Твоя." -- Смущенъ, но твердъ въ надѣяніи своемъ, отъѣхалъ онъ въ свое жилище.

Слово Крестицкаго дворянина не выходило у меня изъ головы. Доказательства его о ничтожествѣ власти родителей надъ дѣтьми казалися мнѣ неоспоримы. Но если въ благоучрежденномъ обществѣ нужно, чтобы юноши почитали старцевъ и неопытность совершенство, то нѣтъ, кажется, нужды власть родительскую дѣлать безпредѣльною. Если

союзъ между отцомъ и сыномъ не на нѣжныхъ чувствованіяхъ сердца основанъ, то онъ, конечно, нетвердъ, и будетъ нетвердъ, вопреки всѣхъ законоположеній. Если отецъ въ сынѣ своемъ видитъ своего раба и власть свою ищетъ въ законоположеніи; если сынъ почитаетъ отца наслѣдія ради, то какое благо изъ того обществу? Или еще одинъ невольникъ вприбавокъ ко многимъ другимъ, или змія за пазухой..... Отецъ обязанъ сына воскормить и научить и долженъ наказанъ быть за его проступки, доколѣ онъ не войдетъ въ совершеннолѣтіе; а сынъ должности свои да обрящетъ въ своемъ сердцѣ. Если онъ ничего не ощущаетъ, то виновенъ отецъ, почто ничего не насадилъ. Сынъ же вправѣ требовати отъ отца воспомоществованія, доколѣ пребываетъ немощенъ и малолѣтенъ; но въ совершеннолѣтіи естественная сія и природная связь рушится. Птенецъ пернатыхъ не ищетъ помощи отъ произведшихъ его, когда самъ начнетъ находить пищу. Самецъ и самка забываютъ о птенцахъ своихъ, когда сіи возмужаютъ. Се есть законъ природы. Если гражданскіе законы отъ него удалятся, то производятъ всегда урода. Ребенокъ любитъ своего отца, мать или наставника, доколѣ любленіе его не обратится ко другому предмету. Да не оскорбится симъ сердце твое, отецъ чадолюбивый: естество того требуетъ. Единое въ томъ тебѣ утѣшеніе да будетъ, воспоминая, что и сынъ сына твоего возлюбитъ отца до совершеннаго только возраста. Тогда же отъ тебя зависѣть будетъ обратить его горячность къ тебѣ. Если ты въ томъ успѣешь, блаженъ и почтенія достоинъ.--Въ таковыхъ размышленіяхъ доѣхалъ я до почтоваго стана.

ЯЖЕЛБИЦЫ.

Сей день опредѣленъ мнѣ былъ судьбою на испытаніе. Я отецъ, имѣю нѣжное сердце къ моимъ дѣтямъ. Для того-то слово Крестицкаго дворянина меня столь тронуло. Но, потрясши меня до внутренности, изліяло нѣкое усладительное чувствованіе надежды, что блаженство наше въ отношеніи дѣтей нашихъ зависитъ много отъ насъ самихъ. Но въ Яжелбицахъ опредѣлено мнѣ было быть зрителемъ позорища, которое глубокій корень печали оставило въ душѣ моей, и нѣтъ надежды на его истребленіе. О юность, услыши мою повѣсть; познай свое заблужденіе; воздержись отъ произвольныя гибели и пресѣки путь къ будущему раскаянію.

Я проѣзжалъ мимо кладбища. Необыкновенный вопль терзающаго на себѣ власы человѣка понудилъ меня остановиться. Приближась, увидѣлъ я, что тамъ совершалось погребеніе. Надлежало уже гробъ опускать въ могилу, но тотъ, котораго я издали зрѣлъ терзающаго на себѣ власы, повергся на гробъ и, ухватясь за оный весьма крѣпко, не дозволялъ оный опускать въ землю. Съ великимъ трудомъ отвлекли его отъ гроба и, опустя оный въ могилу, зарыли ее поспѣшно. Тутъ страждущій вѣщалъ къ предстоящимъ: „почто вы меня его лишили? почто меня съ нимъ не погребли живого и не скончали моей скорби и раскаянія? Вѣдайте, вѣдайте, что я есмь убійца возлюбленнаго моего сына, его же мертва предали землѣ. Не дивитеся сему. Я не прекратилъ жизни его ни мечомъ, ни отравою. Нѣтъ, я болѣе сего сдѣлалъ. Я смерть его уготовалъ до рожденія его, давъ жизнь ему отравленную. Я есмь убійца, ка-

ковыхъ много, но есмь убійца лютѣйшій другихъ: убійца сына моего до рожденія его. Я, я единъ прекратилъ дни его, изліявъ томный ядъ въ начало его. Онъ воспретилъ укрѣпиться силамъ тѣла его. Во все время житія своего не наслаждался онъ здравіемъ ни дня единаго, и томящагося въ силахъ своихъ разверзтіе яда пресѣкло теченіе жизни. Никто, никто меня не накажетъ за мое злодѣяніе!-- Отчаяніе ознаменовалося на лицѣ его, и бездыханна почти отнесли его съ сего мѣста.--

Нечаянный хладъ разліялся въ моихъ жилахъ. Я оцѣпенѣлъ. Казалося мнѣ, я слышалъ мое осужденіе. Воспомянулъ дни распутныя моея юности. Привелъ на память всѣ случаи, когда востревоженная чувствами душа гонялася за ихъ услажденіемъ, почитая мздоимную участницу любовныя утѣхи истиннымъ предметомъ горячности. Воспомянулъ, что невоздержаніе въ любострастіи навлекло тѣлу моему смрадную болѣзнь. О, еслибы не далѣе она корень свой испускала! О, еслибы она съ утоленіемъ любострастія прерывалася! Пріявъ отраву сію въ веселіи, не токмо согрѣваемъ ее въ нѣдрахъ нашихъ, но даемъ ее въ наслѣдіе нашему потомству. -- О, друзья мои возлюбленные, о, чада души моей! Не вѣдаете вы, колико согрѣшихъ предъ вами. Блѣдное ваше чело есть мое осужденіе. Страшусь возвѣстить вамъ о болѣзни, иногда вами ощущаемой. Вознена-видите, можетъ быть, меня, и въ ненависти вашей будете справедливы. Кто увѣритъ васъ и меня, что вы не носите въ крови вашей сокровеннаго жала, опредѣленнаго, да скончаетъ дни ваши безвременно? Пріявъ сей смрадный ядъ въ тѣло мое въ совершенномъ возрастѣ, затвердѣлость моихъ членовъ противилася его распространенію и борется

съ его смертоносностію. Но вы, пріявъ его отъ рожденія вашего, нося его въ себѣ, какъ нужную часть сложенія, какъ воспротивитесь разрушительному его сожженію? Всѣ ваши болѣзни суть слѣдствія сея отравы. О, возлюбленные мои! плачьте о заблужденіи моего юношества, призовите на помощь врачебное искусство, и если можете, не ненавидьте меня.

Но теперь отверзается очамъ моимъ все пространство сего любострастнаго злодѣянія. Согрѣшилъ предо мною, навлекши себѣ безвременную старость и дряхлость въ юношескихъ еще лѣтахъ. Согрѣшилъ предъ вами, отравивъ жизненные ваши соки до рожденія вашего, и тѣмъ уготовилъ вамъ томное здравіе и безвременную, можетъ быть, смерть. Согрѣшилъ, и сіе да будетъ мнѣ въ казнь, согрѣшилъ въ горячности моей, взявъ въ супружество мать вашу. Кто мнѣ порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины? Смертоносный ядъ, истощаяся въ веселіи, преселился въ чистое ея тѣло и отравилъ непорочные ея члены. Тѣмъ смертоноснѣе онъ былъ, чѣмъ былъ сокровеннѣе. Ложная стыдливость воспретила мнѣ ее въ томъ предостеречь; она же не остерегалася отравителя своего въ горячности своей къ нему. Воспаленіе, ей приключившееся, есть плодъ, можетъ быть, удѣленной ей мною отравы.... О, возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидѣть!

Но кто причиною, что сія смрадная болѣзнь во всѣхъ государствахъ дѣлаетъ столь великія опустошенія, не токмо пожиная много настоящаго поколѣнія, но сокращая дни грядущихъ? Кто причиною, развѣ не правительство? Оно, дозволяя распутство мздоимное, отверзаетъ не токмо путь ко многимъ порокамъ, но отравляетъ жизнь гражданъ. Пуб-

личныя женщины находятъ защитниковъ и въ нѣкоторыхъ государствахъ состоятъ подъ покровительствомъ начальства. Еслибы, говорятъ нѣкоторые, запрещено было наемное удовлетвореніе любовныя страсти, то бы нерѣдко были чувствуемы сильныя въ обществѣ потрясенія. Увозы, насилія, убійство нерѣдко бы источникъ свой имѣли въ любовной страсти. Могли бы они потрясти и самыя основанія обществъ. — И вы желаете лучше тишину и съ нею томленіе и скорбь, нежели тревогу и съ нею здравіе и мужество! Молчите, скаредные учители, вы есте наемники мучительства; оно, проповѣдуя всегда миръ и тишину, заключаетъ засыпляемыхъ лестію въ оковы. Боится оно даже постороннія тревоги; желало бы, чтобъ вездѣ одинако съ нимъ мыслили, дабы надежно лѣлѣяться въ величествѣ и утопать въ любострастіи... Я не удивляюся глаголамъ вашимъ. Сродно рабамъ желати всѣхъ зрѣть въ оковахъ. Одинаковая участь облегчаетъ ихъ жребій, а превосходство чье-либо тягчитъ ихъ разумъ и духъ.

ВАЛДАИ.

Новый сей городокъ, сказываютъ, населенъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ взятыми въ плѣнъ поляками. Сей городокъ достопамятенъ въ разсужденіи любовнаго расположенія его жителей, а особливо женщинъ незамужнихъ.

Кто не бывалъ въ Валдаяхъ, кто не знаетъ валдайскихъ баранокъ и валдайскихъ разрумяненныхъ дѣвокъ? Всякаго проѣзжающаго наглыя валдайскія и стыдъ сотрясшія дѣвки останавливаютъ и стараются возжигать въ путешественникѣ любострастіе, воспользоваться его щедростью на счетъ своего

цѣломудрія. Сравнивая нравы жителей сея въ города произведенныя деревни со нравами другихъ россійскихъ городовъ подумаешь, что она есть наидревнѣйшая, и что развратные нравы суть единые токмо остатки ея древняго настроенія. Но какъ немного болѣе ста лѣтъ, какъ она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые его жители.

Бани бывали и нынѣ бываютъ мѣстомъ любовныхъ торжествованій. Путешественникъ, условясь о пребываніи своемъ съ услужливою старушкою или парнемъ, становится на дворъ, гдѣ намѣренъ приносить жертву всеобожаемой Ладѣ [1]). Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественникъ раздѣвается, идетъ въ баню, гдѣ его встрѣчаетъ или хозяйка, если молода, или ея дочь, или свойственницы ея, или сосѣдки. Отираютъ его утомленные члены; омываютъ его грязь. Сіе производятъ, совлекши съ себя одежды, возжигаютъ въ немъ любострастный огнь, и онъ препровождаетъ тутъ ночь, теряя деньги, здравіе и драгоцѣнное на путешествіе время. Бывало, сказываютъ, что оплошнаго и отягченнаго любовными подвигами и виномъ путешественника сіи любострастныя чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его имѣніемъ. Не вѣдаю, правда ли сіе, но то правда, что наглость валдайскихъ дѣвокъ сократилася. И хотя онѣ не откажутся и нынѣ удовлетворить желаніямъ путешественника, но прежней наглости въ нихъ невидно.

Валдайское озеро, надъ которымъ построенъ сей городъ, достопамятно останется въ повѣствованіяхъ жертвовавшаго монаха жизнію своею ради своей любовницы. Въ полуторѣ верстѣ отъ города среди озера, на островѣ, на-

---

[1]) Богиня любви.

ходится Иверскій монастырь, славнымъ Никономъ Патріархомъ построенный. Одинъ изъ монаховъ сего монастыря, посѣщая Валдаи, влюбился въ дочь одного валдайскаго жителя. Скоро любовь ихъ стала взаимною, скоро стремились они къ совершенію ея. Единожды насладившися ея веселіемъ, не въ силахъ они были противиться ея стремленію. Но состояніе ихъ полагало оному преграду. Любовнику нельзя было отлучаться часто изъ монастыря своего; любовницѣ нельзя было посѣщать кельи своего любовника. Но горячность ихъ все преодолѣла; изъ любострастнаго монаха она сдѣлала неустрашимаго мужа и дала ему силы почти чрезъестественныя. Сей новый Леандръ [1]), дабы наслаждаться веселіемъ ежедневно въ объятіяхъ своей любовницы, едва ночь покрывала чернымъ покровомъ все зримое, выходилъ тихо изъ своей кельи и, совлекая свои ризы, преплывалъ озеро до противостоящаго берега, гдѣ воспріемлемъ былъ въ объятія своей любезной. Баня и въ ней утѣхи любовныя для него были готовы; и онъ забывалъ въ нихъ опасность и трудность преплыванія, и боязнь, если-бы отлучка его стала извѣстна. За нѣсколько часовъ до разсвѣта возвращался онъ въ свою келью. Тако препроводилъ онъ долгое время въ сихъ опасныхъ преплытіяхъ, награждая веселіемъ ночнымъ скуку дневного заключенія. Но судьба положила конецъ его любовнымъ подвигамъ. Въ одну изъ ночей, когда сей неустрашимый любовникъ отправился чрезъ валы на зрѣніе своей любезной, внезапу возсталъ вѣтръ, ему противный, будущу ему на средѣ пути его. Всѣ силы его немощны были на преодолѣніе разъя-

---

[1]) Леандръ и Геро—воспѣтыя античными поэтами любовники.

ренныхъ водъ. Тщетно онъ утомлялся, напрягая свои мышцы; тщетно возвышалъ гласъ свой, да услышанъ будетъ въ опасности. Видя невозможность достигнуть берега, вознамѣрился онъ возвратиться къ монастырю своему, дабы, имѣя попутный вѣтръ, тѣмъ легче онаго достигнуть. Но едва обратилъ онъ шествіе свое, какъ валы, осиливъ его утомленныя мышцы, затопили его въ пучинѣ. На утріе тѣло его найдено на отдаленномъ берегу. Еслибы я писалъ поэму на сіе, то бы читателю моему представилъ любовницу его въ отчаяніи. Но сіе было бы здѣсь излишнее. Всякъ знаетъ, что любовницѣ, хотя на первое мгновеніе, скорбно узнать о кончинѣ любезнаго. Не вѣдаю и того, бросилась ли сія новая Геро [1]) въ озеро или же въ слѣдующую ночь паки топила баню для путешественника. Любовная лѣтопись гласитъ, что валдайскія красавицы отъ любви не умирали..... развѣ въ больницѣ.

Нравы валдайскіе переселилися и въ близъ лежащій почтовый станъ, Зимногорье. Тутъ для путешественника такая же бываетъ встрѣча, какъ и въ Валдаяхъ. Прежде всего представятся взорамъ разрумяненныя дѣвки съ баранками. Но какъ молодыя мои лѣта уже прошли, то я поспѣшно разстался съ мазанными валдайскими и зимногорскими сиренами.

ЕДРОВО,

Доѣхавъ до жилья, я вышелъ изъ кибитки. Неподалеку отъ дороги надъ водою стояло много бабъ и дѣвокъ. Страсть, господствовавшая во всю жизнь надо мною, но

---

[1]) См. предыдущее примѣчаніе.

уже угасшая, по обыкшему ея стремленію направила стопы мои къ толпѣ сельскихъ сихъ красавицъ. Толпа сія состояла болѣе нежели изъ тридцати женщинъ. Всѣ онѣ были въ праздничной одеждѣ, шеи голыя, ноги босыя, локти наружи, платье заткнутое спереди за поясъ, рубахи бѣлыя, взоры веселые, здоровье на щекахъ начертанное. Пріятности, загрубѣвшія хотя отъ зноя и холода, но прелестны безъ покрова хитрости; красота юности въ полномъ блескѣ, въ устахъ улыбка или смѣхъ сердечный, а отъ него виденъ становился рядъ зубовъ, бѣлѣе чистѣйшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголихъ съ ума свели. Пріѣзжайте сюда, любезныя наши боярыньки московскія и петербургскія, посмотрите на ихъ зубы, учитесь у нихъ, какъ ихъ содержать въ чистотѣ. Зубного врача у нихъ нѣтъ. Не сдираютъ онѣ каждый день лоску съ зубовъ своихъ ни щетками, ни порошками. Станьте, съ которою изъ нихъ вы хотите, ротъ со ртомъ: дыханіе ни одной изъ нихъ не заразитъ вашего легкаго. А ваше, ваше, можетъ быть, положитъ въ нихъ начало..... болѣзни..... боюсь сказать, какой: хотя не закраснѣетесь, но разсердитесь. -- Развѣ я говорю неправду? -- Мужъ одной изъ васъ таскается по всѣмъ скверным дѣвкамъ; получивъ болѣзнь, пьетъ, ѣстъ и спитъ съ тобою же; другая же сама изволитъ имѣть годовыхъ, мѣсячныхъ, недѣльныхъ или, чего Боже спаси, ежедневныхъ любовниковъ. Познакомясь сегодня и совершивъ свое желаніе, завтра его не знаетъ; да и того иногда не знаетъ, что уже она однимъ поцѣлуемъ его заразилася. -- А ты, голубушка моя, пятнадцатилѣтняя дѣвушка, ты еще непорочна, можетъ быть, но на лбу твоемъ я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка изъ доктор-

скихъ рукъ не выхаживалъ, а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебѣ женишка, заслуженнаго старика генерала, и спѣшитъ тебя выдать замужъ, для того только, чтобы не сдѣлать съ тобой визита воспитательному дому. А за старикомъ-то жить нехудо, своя воля,—только бы быть замужемъ, дѣти всѣ его. Ревнивъ онъ будетъ, тѣмъ лучше: болѣе удовольствія въ украденныхъ утѣхахъ; съ первой ночи пріучить его можно не слѣдовать глупой старой модѣ съ женою спать вмѣстѣ.--

И не примѣтилъ, какъ вы, мои любезныя городскія сватьюшки, тетушки, сестрицы, племянницы и проч., меня долго задержали. Вы, право, того не стоите. У васъ на щекахъ румяна, на сердцѣ румяна, на совѣсти румяна, на искренности..... сажа. Все равно румяна или сажа. Я побѣгу отъ васъ во всю конскую рысь къ моимъ деревенскимъ красавицамъ. Правда, есть между ими на васъ похожія, но есть такія, каковыхъ въ городахъ слыхомъ не слыхано и видомъ не видано..... Посмотрите, какъ всѣ члены у моихъ красавицъ круглы, рослы, неискривлены, неиспорчены! Вамъ смѣшно, что у нихъ ступни въ пять вершковъ, а, можетъ быть, и въ шесть. Ну, любезная моя племянница, съ трехвершковою твоей ножкою стань съ ними рядомъ, и бѣгите взапуски: кто скорѣе достигнетъ высокой березы, по конецъ луга стоящей? а--а--это не твое дѣло! -- А ты, сестрица, моя голубушка, съ трехчетвертнымъ своимъ станомъ въ охватѣ, ты изволишь издѣваться, что у сельской моей русалки брюшко на волѣ выросло. Постой, моя голубушка, посмѣюсь и я надъ тобою. Ты ужъ десятый мѣсяцъ замужемъ, и ужъ трехчетверной твой станъ изу-

родовался. А какъ то дойдетъ до родовъ, запоешь другимъ голосомъ. Но дай Богъ, чтобы обошлось все смѣхомъ. Дорогой мой зятюшка ходитъ, повѣся носъ. Уже всѣ твои шнурованья бросилъ въ огонь. Кости изъ всѣхъ твоихъ платьевъ повытаскалъ, но уже поздно: сросшихся твоихъ накриво составовъ тѣмъ не спрямитъ. -- Плачь, мой любезный зять, плачь! Мать наша, слѣдуя плачевной и смертію разрѣшающихся отъ бремени женъ ознаменованной модѣ, уготовала за многія лѣта тебѣ печаль, а дочери своей болѣзнь, дѣтямъ твоимъ слабое тѣлосложеніе. Она теперь возноситъ надъ главою ея смертоносное остріе, и если оно не коснется дней твоея супруги, благодари случай; а если вѣришь, что Провидѣніе Божіе о томъ заботилося, то благодари и его, коли хочешь. -- Но я еще съ городскими боярыньками. -- Вотъ что привычка дѣлаетъ: отвязаться отъ нихъ не хочется! И, право, съ вами бы не разстался, если-бы могъ довести васъ до того, чтобы вы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте. --

Покуда я глядѣлъ на моющихъ платье деревенскихъ нимфъ, кибитка моя отъ меня уѣхала. Я намѣрялся идти за нею вслѣдъ, какъ одна дѣвка, по виду лѣтъ двадцати, а конечно, не болѣе семнадцати, положа мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мной дорогою. Поравнявшись съ ней, началъ я съ нею разговоръ. -- „Не трудно ли тебѣ нести такую тяжелую ношу, любезная моя, какъ назвать, не знаю?“ -- „Меня зовутъ Анною, а ноша моя нетяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя, баринъ, не попросила мнѣ пособить“. -- „Къ чему такая суровость? Анпушка, душа моя, я тебѣ худого не желаю!“ -- „Спасибо, спасибо! Часто мы видимъ такихъ щелкуновъ, какъ ты;

пожалуй, проходи своею дорогою". -- „Анютушка, я, право, не таковъ, какъ я тебѣ кажуся, и не таковъ, какъ тѣ, о которыхъ ты говоришь. Тѣ, думаю, такъ не начинаютъ разговора съ деревенскими дѣвками, а всегда поцѣлуемъ; но я хотя бы тебя поцѣловалъ, то, конечно, бы такъ, какъ сестру мою родную". -- „Не подъѣзжай, пожалуй: разсказы таковые я слыхала. А коли ты худого не мыслишь, чего же ты отъ меня хочешь?" -- „Душа моя, Аннушка, я хотѣлъ знать, есть ли у тебя отецъ и мать, какъ ты живешь, богато ли или убого, весело ли, есть ли у тебя женихъ?" -- „А на что это тебѣ баринъ? Отъ роду въ первый разъ такія слышу рѣчи." -- „Изъ сего судить можешь, Анюта, что я не негодяй, не хочу тебя обругать или обезчестить. Я люблю женщинъ для того, что онѣ соотвѣтственное имѣютъ сложеніе моей нѣжности, а болѣе люблю сельскихъ женщинъ, или крестьянокъ, для того, что онѣ не знаютъ еще притворства, не налагаютъ на себя личины притворныя любви, а кода любятъ, то любятъ отъ всего сердца и искренно"... Дѣвка въ сіе время смотрѣла на меня, выпяля глаза съ удивленіемъ. Да и такъ быть должно, ибо кто не знаетъ, съ какою наглостію дворянская дерзкая рука поползается на непристойныя и оскорбительныя цѣломудрію шутки съ деревенскими дѣвками. Онѣ въ глазахъ дворянъ старыхъ и малыхъ суть твари, созданныя на ихъ угожденіе. Такъ они и поступаютъ, а особливо съ несчастными, подвластными ихъ велѣніямъ. Въ бывшее Пугачевское возмущеніе, когда всѣ служители вооружились на своихъ господъ, нѣкакіе крестьяне (повѣсть сія неложива), связавъ своего господина, везли его на неизбѣжную казнь. Какая тому была причина? Онъ

во всемъ былъ господинъ добрый и человѣколюбивый, но мужъ не былъ безапасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери. Каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія ту, которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая команда выручила сего варвара изъ рукъ на него злобствовавшихъ. Глупые крестьяне, вы искали правосудія въ самозванцѣ! но почто не повѣдали вы сего законнымъ судіямъ вашимъ? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны остались. А теперь злодѣй сей спасенъ. Блаженъ, если близкій взоръ смерти образъ мыслей его перемѣнилъ и далъ жизненнымъ его сокамъ другое теченіе.--Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы... Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ!..

„Если, баринъ, ты не шутишь,“ сказала мнѣ Анюта, „то вотъ что я тебѣ скажу: у меня отца нѣтъ, онъ умеръ уже года съ два; есть матушка да маленькая сестра. Батюшка намъ оставилъ пять лошадей и три коровы. Есть и мелкаго скота и птицъ довольно; но нѣтъ въ дому работника. Меня было сватали въ богатый домъ, за парня десятилѣтняго, но я не захотѣла. Что мнѣ въ такомъ ребенкѣ! Я его любить не буду. А какъ онъ придетъ въ пору, то я состарѣюсь, и онъ будетъ таскаться съ чужими. Да сказываютъ, что свекоръ самъ съ молодыми невѣстками спитъ, покуда сыновья вырастаютъ. Мнѣ для того не захотѣлось идти къ нему въ семью. Я хочу себѣ ровню. Мужа буду любить, да и онъ меня любить будетъ, въ томъ не сомнѣваюсь. Гулять съ молодцами не люблю, а замужъ, баринъ, хочется. Да знаешь ли, для чего?“ говорила Аню-

та, потупя глаза. -- „Скажи, душа моя Анютушка, не стыдись: всѣ слова въ устахъ невинности непорочны.“ -- „Вотъ что я тебѣ скажу. Прошлымъ лѣтомъ, годъ тому назадъ, у сосѣда нашего женился сынъ на моей подругѣ, съ которой я хаживала всегда въ посидѣлки. Мужъ ее любитъ, а она его столько любитъ, что на десятомъ мѣсяцѣ послѣ вѣнчанья родила ему сынка. Всякій вечеръ она выходитъ пѣстовать его за ворота. Она на него не наглядится. Кажется, будто и паренекъ то матушку свою ужъ любитъ. Какъ она скажетъ ему: „агу, агу“, онъ и засмѣется. Мнѣ то до слезъ всякій день; мнѣ бы ужъ хотѣлось самой имѣть такого же паренька“... Я не могъ тутъ вытерпѣть и, обнявъ Анюту, поцѣловалъ ее отъ всего моего сердца. -- „Смотри, баринъ, какой ты обманщикъ! Ты ужъ играешь со мною! Поди, сударь, прочь отъ меня, оставь бѣдную сироту“, сказала Анюта заплакавъ: „Кабы батюшка живъ былъ и это видѣлъ, то бы даромъ, что ты господинъ, нагрѣлъ бы тебѣ шею“. -- „Не оскорбляйся, моя любезная Анютушка, не оскорбляйся: поцѣлуй мой не осквернитъ твоей непорочности. Она въ глазахъ моихъ священна. Поцѣлуй мой есть знакъ моего къ тебѣ почтенія и былъ исторгнутъ восхищеніемъ глубоко тронутыя души. Не бойся меня, любезная Анюта, не подобенъ я хищному звѣрю, какъ наши молодые господчики, которые отъятіе непорочности ни во что вмѣняютъ. Еслибы я зналъ, что поцѣлуй мой тебя оскорбитъ, то, клянусь тебѣ Богомъ, чтобы не дерзнулъ на него“. -- „Разсуди самъ, баринъ, какъ не осердиться за поцѣлуй, когда всѣ они ужъ посулены другому. Они заранѣе всѣ ужъ отданы, и я въ нихъ невластна“. -- „Ты меня восхищаешь! Ты уже любить умѣешь. Ты нашла

сердцу своему другое, ему соотвѣтствующее. Ты будешь блаженна. Ничто не развратитъ союза вашего. Не будешь ты окружена соглядателями, въ сѣти пагубы уловить тебя стремящими. Не будетъ слухъ сердечнаго друга твоего уязвленъ прельщающимъ гласомъ, на нарушеніе его къ тебѣ вѣрности призывающимъ. Но почто же, моя любезная Анюта, ты лишена удовольствія наслаждаться счастіемъ въ въ объятіяхъ твоего милаго друга?--„Ахъ, баринъ, для того, что его не отдаютъ къ намъ въ домъ. Просятъ ста рублей. А матушка меня не отдаетъ: я у ней одна работница“.--„Да любитъ ли онъ тебя?“--„Какъ же не такъ. Онъ приходитъ по вечерамъ къ нашему дому, и мы вмѣстѣ смотримъ на паренька моей подруги... Ему хочется такого же паренька. Грустно мнѣ будетъ, но быть терпѣть. Ванюха мой хочетъ идти на баркахъ въ Питеръ въ работу и не воротится, покуда не выработаетъ ста рублей для своего выкупа.“--„Не пускай его, любезная Анютушка, не пускай его: онъ идетъ на свою гибель. Тамъ онъ научится пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего—онъ и тебя любить перестанетъ.“--„Ахъ, баринъ, не стращай меня,“ сказала Анюта, почти заплакавъ.--„А тѣмъ скорѣе, Анюта, если ему случится служить въ дворянскомъ домѣ. Господскій примѣръ заражаетъ верхнихъ служителей, нижніе заражаются отъ верхнихъ, а отъ нихъ язва разврата достигаетъ и до деревень. Примѣръ есть истинная чума; кто что видитъ, тотъ то и дѣлаетъ.“--„Да какъ же быть? Такъ мнѣ и вѣкъ за нимъ не бывать замужемъ! Ему пора уже жениться; по чужимъ онъ не гуляетъ; меня не отдаютъ къ нему въ домъ, то высватаютъ за него другую, а я бѣдная, умру съ горя“... Сіе го-

ворила она, проливая горькія слезы. -- „Нѣтъ, моя любезная Анютушка, ты завтра же будешь за нимъ. Поведи меня къ своей матери.“ -- „Да вотъ нашъ дворъ“, сказала она, остановясь: „Проходи мимо, матушка меня увидитъ и худое подумаетъ. А хотя она меня и не бьетъ, но одно ея слово мнѣ тяжелѣе всякихъ побоевъ.“ -- „Нѣтъ, моя Анюта, я пойду съ тобою“... И, не дожидаясь ея отвѣта, вошелъ въ ворота и прямо пошелъ на лѣстницу въ избу. Анюта мнѣ кричала вслѣдъ: „постой, баринъ, постой!“ Но я ей не внималъ. Въ избѣ нашелъ я Анютину мать, которая квашню мѣсила; подлѣ нея на лавкѣ сидѣлъ будущій ея зять. Я безъ дальнихъ околичностей ей сказалъ, что я желаю, чтобы дочь ея была замужемъ за Иваномъ, и для того принесъ ей то, что надобно для отвлеченія препятствія въ семъ дѣлѣ. „Спасибо, баринъ“ сказала старуха,“ въ этомъ теперь ужъ нѣтъ нужды. Ванюха теперь, пришедъ, сказывалъ, что отецъ ужъ отпускаетъ его ко мнѣ въ домъ. И у насъ въ воскресенье будетъ свадьба.“ -- „Пускай же посуленное отъ меня будетъ Анютѣ въ приданое.“ - „И на томъ спасибо. Приданаго бояре дѣвкамъ даромъ не даютъ. Если ты надъ моей Анютой что сдѣлалъ, и за то даешь ей приданое, то Богъ тебя накажетъ за твое безпутство, а денегъ я не возьму. Если же ты добрый человѣкъ и не ругаешься надъ бѣдными, то, взявъ я отъ тебя деньги, лихіе люди мало ли что подумаютъ“. Я не могъ надивиться, нашедъ толико благородства въ образѣ мыслей у сельскихъ жителей. Анюта между тѣмъ вошла въ избу и матери своей меня расхвалила. Я было еще попытался дать имъ денегъ, отдавая ихъ Ивану на заведеніе дому; но онъ мнѣ сказалъ: „у меня, баринъ, есть двѣ руки, я ими

домъ и заведу.“ Примѣтивъ, что имъ мое присутствіе было не очень пріятно, я ихъ оставилъ и возвратился къ моей кибиткѣ.

Ѣдущу мнѣ изъ Едрова, Анюта изъ мысли моей не выходила. Невинная ея откровенность мнѣ нравилась безмѣрно. Благородный поступокъ ея матери меня плѣнилъ. Я сію почтенную мать съ засученными рукавами за квашнею или съ подойникомъ подлѣ коровы сравнивалъ съ городскими матерями. Крестьянка не хотѣла у меня взять непорочныхъ, благоумышленныхъ ста рублей, которые въ соразмѣрности состояній долженствуютъ быть для полковницы, совѣтницы, маіорши, генеральши пять, десять, пятнадцать тысячъ или болѣе; если же госпожѣ полковницѣ, маіоршѣ, совѣтницѣ или генеральшѣ.... (въ соразмѣрности моего посула Едровской ямщичихѣ), у которой дочка лицомъ недурна или только что непорочна, и того уже довольно, знатный бояринъ, седьмидесятой или, чего Боже сохрани, седмьдесятъ второй пробы, посулитъ пять, десять, пятнадцать тысячъ или, глухо, знатное приданое, или сыщетъ чиновнаго жениха, или выпроситъ въ почетныя дѣвицы, то я васъ вопрошаю, городскія матушки, не іокнетъ ли у васъ сердечко, не захочется ли видѣть дочку въ позлащенной каретѣ, въ брилліантахъ, ѣдущую четверней, если она ходитъ пѣшкомъ, или ѣдущую цугомъ, вмѣсто двухъ замореннымъ клачъ, которыя ее таскаютъ? Я согласенъ въ томъ съ вами, чтобы вы обрядъ и благочиніе сохранили и не такъ легко сдалися, какъ ѳеатральныя дѣвки. Нѣтъ, мои голубушки, я вамъ даю сроку на мѣсяцъ или на два, но не болѣе. А если долѣ заставите воздыхать первостатейнаго безплодно, то онъ, будучи за-

нятъ дѣлами государственными, васъ оставитъ, дабы не терять съ вами драгоцѣннѣйшаго времени, которое онъ лучше употребить можетъ на пользу общественную. -- Тысяча голосовъ на меня подымаются; ругаютъ меня всякими мерзкими названіями: мошенникъ, плутъ, кан... бес... и пр. и пр.... Голубушки мои, успокойтесь: я вашей чести не поношу. Уже ли всѣ таковы? Поглядитесь въ сіе зеркало: кто изъ васъ себя въ немъ узнаетъ, та брани меня безъ всякаго милосердія. Жалобницы и на ту я не подамъ, суда по формѣ говорить съ ней не стану. --

Анюта, Анюта, ты мнѣ голову скружила! Для чего я тебя не узналъ лѣтъ 15 тому назадъ! Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновенію неприслупная, научила бы меня ходить во стезяхъ цѣломудрія. Для чего первый моей въ жизни поцѣлуй не былъ тотъ, который я на щекѣ твоей прилѣпилъ въ душевномъ восхищеніи? Отраженіе твоея жизненности проникнуло бы во глубину моего сердца, и я бы избѣгнулъ скаредностей, житіе мое исполнившихъ. Я бы удалился отъ смрадныхъ наемницъ любострастія, почтилъ бы ложе супружества, не нарушилъ бы союза родства моею плотскою несытостію; дѣвственность была бы для меня святая святыхъ, и ея коснутися не дерзнулъ бы. О, моя Анютушка! сиди всегда у околицы и давай наставленія твоею незастѣнчивою невинностію. Увѣренъ, что обратишь на путь добродѣланія начинающаго съ онаго совращатися и укрѣпишь въ немъ къ совращенію наклоннаго. Не встревожься, если закоренѣлый въ развратности, посѣдѣвшій въ объятіяхъ безстыдства мимо тебя пройдетъ и тебя презритъ; не тщися воспретить его шествію услажденіемъ твоего разговора. Сердце его уже

камень; душа его покрылася алмазною корою. Не можетъ благодѣтельное жало невинныя добродѣтели положить на немъ глубокія черты. Конецъ ея скользнетъ по поверхности гладко затвердѣлаго порока. Блюди, да о нее остріе твое не притупится. Но не пропусти юношу, опасными лѣпоты прелестями облеченнаго; улови его въ твои сѣти. Онъ гордъ, надмененъ, порывистъ, наглъ, дерзновененъ, обидящъ, уязвляющъ, кажется. Но сердце его уступитъ твоему впечатлѣнію и отверзется на воспріятіе твоего благотворнаго примѣра.--Анюта, я съ тобой не могу разстаться, хотя уже вижу двадцатый столпъ отъ тебя.--

Но что такое за обыкновеніе, о которомъ мнѣ Анюта сказывала? Ее хотѣли отдать за десятилѣтняго ребенка. Кто могъ такой союзъ дозволить? Почто не ополчится рука, законы хранящая, на искорененіе толикаго злоупотребленія? Въ христіанскомъ законѣ бракъ есть таинство, въ гражданскомъ соглашеніе или договоръ. Какой священнослужитель можетъ неравный бракъ благословить, или какой судья можетъ его вписать въ свой дневникъ? Гдѣ нѣтъ соразмѣрности въ лѣтахъ, тамъ и брака быть не можетъ. Сіе запрещаютъ правила естественности, яко вещь, безполезную для человѣка; сіе запрещать долженствовалъ бы законъ гражданскій, яко вредное для общества. Мужъ и жена въ обществѣ суть два гражданина, дѣлающіе договоръ, въ законѣ утвержденный, которымъ обѣщеваются прежде всего на взаимное чувствъ услажденіе (да не дерзнетъ здѣсь никто оспорить первѣйшаго закона сожитія и основанія брачнаго союза: начало любви непорочнѣйшія и твердый камень основанія супружняго согласія)-обѣщеваются жить вмѣстѣ, общее имѣть стяжаніе, возращать

плоды своея горячности, и дабы жить мирно, другъ друга не уязвлять. При неравенствѣ лѣтъ можно ли сохранить условіе сего соглашенія? Если мужъ десяти лѣтъ, а жена двадцати пяти, какъ то бываетъ часто во крестьянствѣ, или если мужъ пятидесяти, а жена пятнадцати или двадцати лѣтъ, какъ то бываетъ во дворянствѣ, можетъ ли быть взаимное чувствъ услажденіе? Скажите вы мнѣ, мужья старички, но скажите по совѣсти, стоите ли вы названія мужа? Вы можете только возжечь огнь любовный, не въ состояніи его утушить. Неравенствомъ лѣтъ нарушается единый изъ первѣйшихъ законовъ природы, то можетъ ли положительный законъ быть твердъ, если основанія не имѣетъ въ естественности? Скажемъ яснѣе: онъ и не существуетъ. -- Возращать плоды взаимной горячности! -- Но можетъ ли тутъ быть взаимность, гдѣ съ одной стороны пламя, а съ другой нечувствительность? Можетъ ли быть тутъ плодъ, если насажденное древо лишается благодѣтельнаго дождя и питающія росы? А если плодъ когда и будетъ, то будетъ онъ тощъ, невзраченъ и скорому подверженъ тлѣнію. -- Не уязвлять другъ друга. -- Се правило предвѣчное, вѣрное, буде счастливою въ супругахъ симпатіею чувства ихъ равномѣрно услаждаются, то союзъ брачный будетъ благополученъ; малыя домашнія волненія скоро утихаютъ при нашестіи веселія. И когда мразъ старости подернетъ чувственное веселіе непроницаемою корою, тогда напоминовеніе прежнихъ утѣхъ успокоитъ брюзгливую древность лѣтъ. -- Одно условіе брачнаго договора можетъ и въ неравенствѣ быть исполняемо. Жить вмѣстѣ. -- Но будетъ ли въ томъ взаимность? Одинъ будетъ начальникъ самовластный, имѣя въ рукахъ силу, дру-

гой будетъ слабый подданникъ и рабъ совершенный, велѣніе господа своего исполнять только могущій. -- Вотъ, Анюта, благія мысли, тобою мнѣ внушенныя! Прости, любезная моя Анютушка, поученія твои вѣчно пребудутъ въ сердцѣ моемъ впечатлѣнны, и сыны сыновъ моихъ наслѣдятъ въ нихъ!

Хотиловскій ямъ [1]) былъ уже въ виду, а я еще размышлялъ о Едровской дѣвкѣ, и въ восторгѣ души моей воскликнулъ громко: „о Анюта! Анюта!" Дорога была не гладка, лошади шли шагомъ; повозчикъ мой вслушался въ мою рѣчь, оглянувшись на меня: „видно, баринъ", говорилъ онъ мнѣ, улыбаясь и поправляя шляпу, "что ты на Анютку нашу призарился. Да ужъ и дѣвка! Не одному тебѣ она носъ утерла.... Всѣмъ взяла.... На нашемъ яму много смазливыхъ, но передъ ней всѣ плюнь. Какая мастерица плясать! всѣхъ за поясъ заткнетъ, хоть бы кого.... А какъ пойдетъ въ полѣ жать... заглядѣнье. Ну... братъ Ванька счастливъ". -- „Иванъ братъ тебѣ?" -- „Братъ двоюродный. Да вѣдь и парень! Трое вдругъ молодцовъ стали около Анютки свататься, но Иванъ всѣхъ отбоярилъ. Они и тѣмъ и сѣмъ, но не тутъ та. А Ванюха тотчасъ и подцѣпилъ.... (Мы уже въѣзжали въ околицу).... То, то, баринъ! Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ". -- И къ почтовому двору подъѣхалъ.

„Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ", твердилъ я, вылѣзая изъ кибитки.... „Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ", повторилъ я, наклоняяся, и поднявъ, развертывая.....

---

[1]) Ямская станція.

ХОТИЛОВЪ.

Проектъ въ будущемъ.

Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оное нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія, возведенныя до высочайшія совершенства степени, до коей человѣку достигнути дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій, вольно распростирая свое крыліе, безпрепятственно и незаблужденно возносится вездѣ къ величію и надежнымъ нынѣ сталъ стражею общественныхъ законоположеній. Подъ державнымъ его покровомъ свободно и сердце наше въ молитвахъ, ко Всевышнему Творцу возсылаемыхъ. Съ неизреченнымъ радованіемъ сказати можетъ, что отечество наше есть пріятное божеству обиталище. ибо сложеніе его не на предразсудкахъ и суевѣріяхъ основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ Отца всѣхъ. Неизвѣстны намъ вражды, столь часто людей раздѣлявшія за ихъ исповѣданіе, неизвѣстно намъ въ ономъ и принужденіе. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями другъ друга почитаемъ, единому принадлежа семейству, единаго имѣя Отца, Бога.

Свѣтильникъ науки, носяся надъ законоположеніемъ нашимъ, отличаетъ нынѣ его отъ многихъ земныхъ законоположеній. Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществахъ отъемлютъ корень даже гражданскихъ несогласій. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы верховныя власти, яко велѣнія нѣжныхъ родителей къ своимъ чадамъ, предупреждаетъ даже и безхитростныя злодѣянія. Ясность въ положеніяхъ о пріобрѣтеніи и сохра-

ненiи имѣнiй не дозволяетъ возродиться семейнымъ распрямъ. Межа, отдѣляющая гражданина въ его владѣнiи отъ другого, глубока, и всѣми зрима, и всѣми свято почитаема. Оскорбленiя частныя между нами [1]) рѣдки и дружелюбно примиряются. Воспитанiе народное пеклося о томъ, да кротки будемъ, да будемъ граждане миролюбивые, но прежде всего да будемъ человѣки.

Наслаждаяся внутреннею тишиною, внѣшнихъ враговъ не имѣя, доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитiя, неужели толико чужды будемъ ощущенiю человѣчества, чужды движенiямъ жалости, чужды нѣжности благородныхъ сердецъ, любви чужды братнiя, и оставимъ въ глазахъ нашихъ на всегдашнюю намъ укоризну, на поношенiе дальнѣйшаго потомства треть цѣлую общниковъ нашихъ, согражданъ намъ равныхъ, братiй возлюбленныхъ въ естествѣ, въ тяжкихъ узахъ рабства и неволи? Звѣрскiй обычай порабощать себѣ подобнаго человѣка, возродившiйся въ знойныхъ полосахъ Ассiи [2]), - обычай, дикимъ народамъ приличный, обычай, знаменующiй сердце окаменѣлое и души отсутствiе совершенное, простерся на лицѣ земли быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные невѣжества мракомъ, воспрiяли обычай сей, и ко стыду нашему, ко стыду прошедшихъ вѣковъ, ко стыду сего разумнаго времяточiя сохранили его нерушимо, даже до сего дня.

Извѣстно вамъ изъ дѣянiй отцевъ вашихъ, извѣстно всѣмъ изъ нашихъ лѣтописей, что мудрые правители на-

[1]) Ними?
[2]) Азiи.

шего народа, истиннымъ подвизаемы человѣколюбіемъ, дознавъ естественную связь общественнаго союза, старалися положить предѣлъ стоглавному сему злу. Но державные ихъ подвиги утщетилися извѣстнымъ тогда гордыми своими преимуществами въ государствѣ нашемъ чиносостояніемъ, но нынѣ обветшалымъ и въ презрѣніе впадшимъ, дворянствомъ наслѣдственнымъ. Державные предки наши среди могущества силъ скипетра своего немощны были на разрушеніе оковъ гражданскія неволи. Не токмо они не могли исполнити своихъ благихъ намѣреній, но ухищреніемъ помянутаго въ государствѣ чиносостоянія подвигнуты стали на противныя разсудку ихъ и сердцу правила. Отцы наши зрѣли губителей сихъ со слезами, можетъ быть, сердечными, сожимающихъ узы и отягчающихъ оковы наиполезнѣйшихъ въ обществѣ сочленовъ. Земледѣльцы и до днесь между нами рабы; мы въ нихъ не познаемъ согражданъ, намъ равныхъ, забыли въ нихъ человѣка. О, возлюбленные наши сограждане! о, истинные сыны отечества! воззрите окрестъ васъ и познайте заблужденіе ваше! Служители Божества предвѣчнаго, подвизаемые ко благу общества и ко блаженству человѣка, единомысліемъ съ нами изъясняли вамъ въ поученіяхъ своихъ во имя всещедраго Бога, ими проповѣдуемаго, колико мудрости Его и любви противно властвовати надъ ближнимъ своимъ самопроизвольно. Старалися они доводами, въ природѣ и сердцѣ нашемъ почерпнутыми, доказать вамъ жестокость вашу, неправду и грѣхъ. Еще гласъ ихъ торжественно во храмахъ живого Бога вопіетъ громко: „опомнитесь, заблудшіе, смягчитеся, жестокосердые; разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладо-

сти общежитія, къ нему же всещедрымъ уготованы, яко же и вы. Они благодѣтельными лучами солнца равно съ вами наслаждаются, одинаковые съ вами у нихъ члены, и право въ употребленіи оныхъ должно быть одинаково".

Но если служители Божества представили взорамъ вашимъ неправоту порабощенія въ отношеніи человѣка, за долгъ нашъ вмѣняемъ мы показать вамъ вредъ оной въ обществѣ и неправильность онаго въ отношеніи гражданина. Излишне, казалось бы, при возникшемъ столь уже давно духѣ любомудрія изыскивать или поновлять доводы о существенномъ человѣковъ, а потому и гражданъ равенствѣ. Возросшему подъ покровомъ свободы, исполненному чувствіями благородства, а не предразсужденіями, доказательства о первенственномъ равенствѣ суть движенія его сердца обыновенныя. Но се несчастіе смертнаго на земли заблуждати среди свѣта и не зрѣти того, что прямо взорамъ его предстоитъ.

Въ училищахъ, юнымъ вамъ сущимъ, преподали вамъ основанія права естественнаго и права гражданскаго. Право естественное показало вамъ человѣковъ мысленно внѣ общества, пріявшихъ одинаковое отъ природы сложеніе и потому имѣющихъ одинаковыя права, слѣдственно, равныхъ во всемъ между собою и единые другимъ неподвластныхъ. Право гражданское показало вамъ человѣковъ, промѣнявшихъ безпредѣльную свободу на мирное оныя употребленіе. Но если всѣ они положили свободѣ своей предѣлъ и правило дѣяніямъ своимъ, то всѣ равны отъ чрева матерня въ природной свободѣ, равны должны быть и въ ограниченіи оной. Слѣдственно, и тутъ одинъ другому неподвластенъ. Властитель первый въ обществѣ есть законъ,

ибо онъ для всѣхъ одинъ. Но какое было побужденіе вступати въ общество и полагати произвольные предѣлы дѣяніямъ? Разсудокъ скажетъ—собственное благо, сердце скажетъ—собственное благо, нерастлѣнный законъ гражданскій скажетъ — собственное благо. Мы въ обществѣ живемъ, уже многія степени усовершенствованія протекшемъ, и потому запамятовали мы начальное онаго положеніе. Но воззрите на всѣ новые народы и на всѣ общества естества, если такъ сказать можно. Во-первыхъ, порабощеніе есть преступленіе; во-вторыхъ, единъ злодѣй или непріятель испытуетъ тягость неволи. Соблюдая сіи понятія, познаемъ мы, колико удалилися мы отъ цѣли общественной, колико отстоимъ еще вершины блаженства общественнаго далеко. Все сказанное нами вамъ есть обычно и правила таковыя изсосали вы со млекомъ матернимъ. Единъ предразсудокъ мгновенія, единая корысть (да не уязвитеся нашими изреченіями)—единая корысть не отъемлетъ у насъ взоръ и въ темнотѣ бѣснующимъ насъ уподобляетъ.

Но кто между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ! кормилецъ нашея тощеты, насытитель нашего глада; тотъ, кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, не имѣя права распоряжати ни тѣмъ, что обрабатываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея? Представимъ себѣ мысленно мужей, пришедшихъ въ пустыню для сооруженія общества. Помышляя о прокормленіи своемъ, они дѣлятъ поросшую злакомъ землю. Кто жребій на удѣлѣ получаетъ? Не тотъ ли, кто ее вспахать возможетъ; не тотъ ли кто силы и желаніе къ тому имѣетъ достаточныя? Младенцу или старцу, разслабленному, немощ-

ному и нерадивому, удѣлъ будетъ безполезенъ. Она пребудетъ въ запустѣніи, и вѣтръ класовъ на ней не возвѣетъ. Если она безполезна дѣлателю ея, то безполезна и обществу, ибо избытка своего дѣлатель обществу не отдастъ, не имѣя нужнаго. Слѣдственно, въ началѣ общества тотъ, кто ниву обработать можетъ, тотъ имѣлъ на владѣніе ею право, и обрабатывающій ее пользуется ею исключительно. Но колико удалилися мы отъ первоначальнаго общественнаго положенія относительно владѣнія! У насъ тотъ, кто естественное имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но, работая ниву чуждую, зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другого! Просвѣщеннымъ вашимъ разумамъ истины сіи не могутъ быть непонятны, но дѣянія ваши въ исполненіи сихъ истинъ преспинаемы, сказали уже мы, предразсужденіемъ и корыстію. Неужели сердца ваши, любовію человѣчества полныя, предпочтутъ корысть чувствованіямъ, сердце услаждающимъ? Но какая въ томъ корысть ваша? Можетъ ли государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженными? [1]) Можно ли назвать блаженнымъ гражданское положеніе крестьянина въ Россіи? Ненасытецъ кровей одинъ скажетъ, что онъ блаженъ, ибо не имѣетъ понятія о лучшемъ состояніи.

Мы постараемся опровергнуть теперь сіи звѣрскія властителей правила, яко же ихъ опровергали нѣкогда, предшественники наши дѣяніями своими неуспѣшно.

Блаженство гражданское въ различныхъ видахъ представиться можетъ. Блаженно государство, говорятъ, если

---

[1]) Блаженнымъ?

въ немъ царствуетъ тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы въ немъ не пустѣютъ, и во градѣхъ гордыя воздымаются зданія. Блаженно называютъ его, когда далеко простираетъ власть оружія своего, и властвуетъ оно внѣ себя не токмо силою своею, но и словомъ своимъ надъ мнѣніями другихъ. Но всѣ сіи блаженства можно назвать внѣшними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными.

Воззримъ на предлежащую взорамъ нашимъ долину. Что видимъ мы? Пространный воинскій станъ. Царствуетъ въ немъ тишина повсюду. Всѣ ратники стоятъ въ своемъ мѣстѣ. Наивеличайшій строй зрится въ рядахъ ихъ. Единое велѣніе, единое руки мановеніе начальника движетъ весь станъ, и движетъ его стройно. Но можемъ ли назвать воиновъ блаженными? Превращенные точностію воинскаго повиновенія въ куклы, отъемлется у нихъ даже движенія воля, только живымъ веществамъ свойственная. Они знаютъ только велѣніе начальника, мыслятъ, что онъ хощетъ, и стремятся, куда направляетъ. Толико всесиленъ жезлъ надъ могущественнѣйшею силою государства. Совокупны, возмогутъ вся, но раздѣленны и наединѣ, пасутся, яко скоты, амо же[1]) пастырь пожелаетъ. Устройство на счетъ свободы столь же противно блаженству нашему, какъ и самыя узы. -- Сто невольниковъ, пригвожденныхъ ко скамьямъ корабля, веслами двигаемаго въ пути своемъ, живутъ въ тишинѣ и, устройствѣ, но загляни въ ихъ сердце и душу: терзаніе, скорбь, отчаяніе. Желали бы они нерѣдко промѣнять жизнь на кончину, но и ту имъ

---

[1]) Куда, гдѣ.

оспариваютъ. Конецъ страданія ихъ есть блаженство, а блаженство неволи несродно, и потому они живы. И такъ да не ослѣпимся внѣшнимъ спокойствіемъ государства и его устройствомъ, и для сихъ только причинъ да не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердца сограждан. Если въ нихъ найдешь спокойствіе и миръ, тогда сказать можешь во истину: се блаженны.

Европейцы, опустошивъ Америку, утучнивъ нивы ея кровію природныхъ ея жителей, положили конецъ убійствамъ своимъ новою корыстію. Запустѣлыя нивы сего обновленнаго сильными природы потрясеніями полукружія почувствовали соху, нѣдра ихъ раздирающую. Злакъ, на тучныхъ лугахъ выраставшій и изсыхавшій безплодно, почувствовалъ быліе свое, остріемъ косы подсѣкаемо. Валятся на горахъ гордыя древеса, издревле вершины ихъ осѣнявшія. Лѣса безплодные и горькія дебри претворяются въ нивы плодоносныя и покрываются стовидными произращеніями, единой Америкой свойственными или удачно въ оную преселенными. Тучные луга потаптываются многочисленнымъ скотомъ, на яству и работу человѣкомъ опредѣляемымъ. Вездѣ видна строящая рука дѣлателя, вездѣ кажется видъ благосостоянія и внѣшній знакъ устройства. Но кто же столь мощною рукою нудитъ скупую, лѣнивую природу давать плоды свои въ толикомъ обиліи? Заклавъ индійцевъ единовременно, злобствующіе европейцы, проповѣдники миролюбія во имя Бога истины, учители кротости и человѣколюбія, къ корени яростнаго убійства завоевателей прививаютъ хладкровное[1]) убійство порабощенія

[1]) Хладнокровное?

пріобрѣтеніемъ невольниковъ куплею. Сіи то несчастныя жертвы знойныхъ береговъ Нигера и Сенагала, отринутыя своихъ домовъ и семействъ, преселенныя въ невѣдомыя имъ страны, подъ тяжкимъ жезломъ благоустройства вздираютъ обильныя нивы Америки, трудовъ ихъ гнушающейся. И мы страну опустошенія назовемъ блаженною для того, что поля ея не поросли терніемъ, и нивы ихъ обилуютъ произращеніями разновидными! Назовемъ блаженною страною, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысящи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова! О дабы опустѣти паки обильнымъ симъ странамъ! дабы терніе и волчецъ, простирая корень свой глубоко, истребилъ всѣ драгія Америки произведенія! Вострепещите, о возлюбленные мои, да не скажутъ о васъ: „премѣни имя, повѣсть о тебѣ вѣщаетъ".

Мы дивимся и нынѣ еще огромности египетскихъ зданій. Неуподобительныя пирамиды чрезъ долгое время доказывать будутъ смѣлое въ созиданіи египтянъ зодчество. Но для чего сіи столь нелѣпыя кучи камней были уготованы? На погребеніе надменныхъ фараоновъ. Кичливые сіи властители, жадая[1]) безсмертія, и по кончинѣ хотѣли отличествовати внѣшностію своею отъ народа своего. И такъ огромность зданій, безполезныхъ обществу, суть явныя доказательства его порабощенія. Въ остаткахъ погибшихъ градовъ, гдѣ общее блаженство нѣкогда водворялось, обрящемъ развалины училищъ, больницъ, гостиницъ, водоводовъ, позорищъ и тому подобныхъ зданій; во градахъ

[1]) Желая, жаждая.

же, гдѣ извѣстнѣе было „я“, а не „мы“, находимъ остатки великолѣпныхъ царскихъ чертоговъ, пространныхъ конюшенъ, жилища звѣрей. Сравните то и другое: выборъ нашъ не будетъ затруднителенъ.

Но что обрѣтаемъ въ самой славѣ завоеваній? Звукъ, гремленіе, надутлость и истощеніе. Я таковую славу примѣню къ шарамъ, въ 18-мъ столѣтіи изобрѣтеннымъ[1]); изъ шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горючимъ воздухомъ и возлетаютъ съ быстротою звука до выспреннихъ предѣловъ еѳира. Но то, что ихъ составляло силу, источается изъ среды тончайшими скважинами непрестанно; тяжесть, горѣ вращавшаяся, пріемлетъ естественный путь паденія долу и то, что мѣсяцы цѣлые сооружалося со трудомъ, тщаніемъ и иждивеніемъ, едва часовъ нѣсколько можетъ веселить взоры зрителей.

Но вопроси, чего жаждетъ завоеватель, чего онъ ищетъ, опустошая страны населенныя или покоряя пустыни своей державѣ. Отвѣтъ получимъ мы отъ яростнѣйшаго изъ всѣхъ, отъ Александра, Великимъ названнаго; но великъ, по истинѣ, не въ дѣлахъ своихъ, но въ силахъ душевныхъ и раззореніяхъ. „О аѳиняне!“ вѣщалъ онъ: „колико стоитъ мнѣ быть хвалиму вами!“ Несмысленный! воззри на шествіе твое! Крутой вихрь твоего полета, преносяся чрезъ твою область, затаскиваетъ въ вертѣніе свое жителей ея и влача силу государства во своемъ стремленіи, за собою оставляетъ пустыню и мертвое пространство. Не разсуждаешь ты, о ярый вѣтръ, что, опустошая землю свою побѣдою, въ завоеванной ничего не обрящешь тебя услаж-

[1]) Монгольфіеры.

дающаго. Если пріобрѣлъ пустыню, то она содѣлается могилою для твоихъ согражданъ, въ коей они сокрыватися будутъ; населяя новую пустыню, превратишь страну обильную въ безплодную. Какая же прибыль, что изъ пустыни содѣлалъ селитьбы, если другія населенія тѣмъ сдѣлалъ пустыми? Если же пріобрѣлъ населенную страну, то исчисли убійства твои и ужаснися. Искоренить долженствуешь ты всѣ сердца, тебя въ громоносности твоей возненавидѣвшія; не мни убо, что любити можно, его же бояться нудятся. По истребленіи мужественныхъ гражданъ останутся и будутъ подвластны тебѣ робкія души, рабства иго воспріяти готовыя; но и въ нихъ ненависть къ подавляющей твоей побѣдѣ укоренится глубоко. Плодъ твоего завоеванія будетъ, не льсти себѣ, убійство и ненависть. Мучитель пребудешь на памяти потомковъ; казниться будешь, вѣдая, что мерзятъ тебя новые рабы твои и отъ тебя кончины твоея просятъ.

Но, нисходя къ ближайшимъ о состояніи земледѣлателей понятіямъ, колико вреднымъ его находимъ мы для общества. Вредно оно въ размноженіи произрастеній и народа, вредно примѣромъ своимъ и опасно въ неспокойствіи своемъ. Человѣкъ, въ начинаніяхъ своихъ двигаемый корыстію, предпріемлетъ то, что ему служить можетъ на пользу, ближайшую или дальную, и удаляется того, въ чемъ онъ не обрѣтаетъ пользы, ближайшей или дальновидной. Слѣдуя сему естественному побужденію, все начинаемое для себя, все, что дѣлаемъ безъ принужденія, дѣлаемъ съ прилежаніемъ, раченіемъ, хорошо. Напротивъ того, все то, что не для своей совершаемъ пользы, дѣлаемъ оплошно, лѣниво, косо и криво. Таковыхъ находимъ мы земледѣла-

телей въ государствѣ нашемъ. Нива у нихъ чуждая, плодъ оныя имъ не принадлежитъ. И для того обрабатываютъ ее лѣниво и не радѣютъ о томъ, не запустѣетъ ли среди дѣланія. Сравни сію ниву съ данною надменнымъ владѣльцемъ на тощее прокормленіе дѣлателю. Не жалѣетъ сей о трудахъ своихъ, ея ради предпринимаемыхъ. Ничто неотвлекаетъ его отъ дѣланія. Жестокость времени онъ одолѣваетъ бодрственно; часы, на упокоеніе опредѣленные, проводитъ въ трудахъ; во дни, на веселіе опредѣленные, онаго чуждается. Зане [1]) рачитъ о себѣ, работаетъ для себя, дѣлаетъ про себя. И такъ нива его дастъ ему плодъ сугубый; и такъ всѣ плоды трудовъ земледѣлателей мертвѣютъ или паче не возрождаются, они же родились бы и были живы на насыщеніе гражданъ, еслибы дѣланіе нивъ было рачительно, еслибы было свободно.

Но если принужденная работа даетъ меньше плода, то не достигающія своея цѣли земныя произведенія толикоже препятствуютъ размноженію народа. Гдѣ есть нечего, тамъ хотя бы и было кому ѣсть, не будетъ; умрутъ отъ истощенія. Тако нива рабства, неполный давая плодъ, мертвитъ гражданъ, имъ же опредѣлены были природою избытки ея. Но симъ ли однимъ препятствуется въ рабствѣ многоплодіе? Къ недостатку прокормленія и одеждъ присовокупили работу до изнеможенія. Умножь оскорбленія надменности и уязвленія силы, даже въ любезнѣйшихъ человѣка чувствованіяхъ, тогда со ужасомъ узришь возникшее губительство неволи, которое тѣмъ только различествуетъ отъ побѣдъ и завоеваній, что не даетъ тому ро-

---

[1]) Потому что.

диться, что побѣда посѣкаетъ. Но отъ нея вреда больше. Легко всякъ усмотритъ, что одна опустошаетъ случайно, мгновенно; другая губитъ долговременно и всегда; одна, когда прейдетъ полетъ ея, скончаеваетъ свое свирѣпство; другая тамъ только начнется, гдѣ сія кончится, и премѣниться не можетъ, развѣ опаснымъ всегда потрясеніемъ всея внутренности.

Но нѣтъ ничего вреднѣе, какъ всегдашнее на предметы рабства воззрѣніе. Съ одной стороны родится надменность, а съ другой робость. Тутъ никакой не можно быть связи, развѣ насиліе. И сіе, собираяся въ малую среду, властнодержавное свое дѣйствіе простираетъ всюду тяжко. Но поборники неволи, власть и остріе въ рукахъ имѣющіе, сами ключимые во узахъ, наияростнѣйшіе оныя бываютъ проповѣдники. Кажется, что духъ свободы толико въ рабахъ изсякаетъ, что не токмо не желаютъ скончать своего страданія, но тягостно имъ зрѣти, что другіе свободствуютъ. Оковы свои возлюбляютъ, если возможно человѣку любити свою пагубу. Мнѣ мнится въ нихъ зрѣти змію, совершившую паденіе перваго человѣка. -- Примѣры властвованія суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы, ополченные палицею мужества и природы на сокрушеніе стоглавнаго чудовища, изсосающаго пищу общественную, уготованную на прокормленіе гражданъ, — мы поползнулися, можетъ быть, на дѣйствія самовластія, и хотя намѣренія наши были всегда благи и къ блаженству цѣлаго стремились, но поступокъ нашъ державный полезностію своею оправдаться не можетъ. Итакъ, нынѣ молимъ васъ отпущенія нашего неумышленнаго дерзновенія.

Не вѣдаете ли, любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасно-

сти? Загрубѣлыя всѣ чувства рабовъ и благимъ свободы мановеніемъ въ движеніе не приходящія, тѣмъ укрѣпятъ и усовершенствуютъ внутреннее чувствованіе. Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противостояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія наши, во узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ сремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ. Приведите себѣ на память прежнія повѣствованія. Даже обольщеніе колико яростныхъ сотворило рабовъ на пагубленіе господъ своихъ! Прельщенные грубымъ самозванцемъ [1]), текутъ ему во слѣдъ и ничего толико не желаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ властителей; въ невѣжествѣ своемъ другого средства къ тому не умыслили, какъ ихъ умерщвленіе. Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселіе мщенія, нежели пользу сотрясенія узъ.

Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горѣ постепенно, и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстецъ, или любитель человѣчества, возникши на пробужденіе несчастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся.

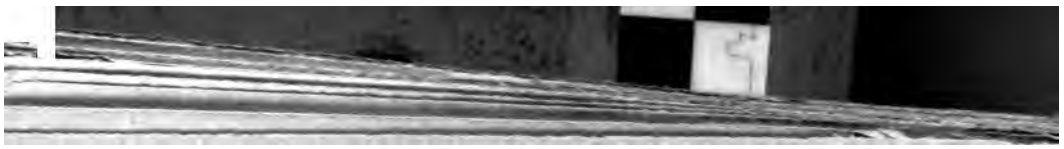
---

[1]) Пугачевщина.

Но если ужасъ гибели и опасность потрясенія стяжаній подвигнуть можетъ слабаго изъ васъ, неужели не будемъ мы толико мужественны въ побѣжденіи нашихъ предразсужденій, въ попраніи нашего корыстолюбія и не освободимъ братію нашу изъ оковъ рабства и не возстановимъ природное всѣхъ равенство? Вѣдая сердецъ вашихъ расположеніе, пріятнѣе имъ убѣдиться доводами, въ человѣческомъ сердцѣ почерпнутыми, нежели въ исчисленіяхъ корыстолюбиваго благоразумія, а менѣе еще въ опасности. Идите, возлюбленные мои, идите въ жилища братіи вашей, возвѣстите о премѣнѣ ихъ жребія. Вѣщайте съ ощущеніемъ сердечнымъ: подвигнутые на жалость вашею участію, соболѣзнуя о подобныхъ намъ, дознавъ ваше равенство съ нами и убѣжденные общею пользою, пришли мы, да лобзаемъ братію нашу. Оставили мы гордое различіе, насъ толико времени отъ васъ отдѣлявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, восторжествуемъ нынѣ о побѣдѣ нашей, и сей день, въ онъ же сокрушаются оковы сограждан намъ любезныхъ, да будетъ знаменитѣйшій въ лѣтописяхъ нашихъ. Забудьте наше прежнее злодѣйство на васъ, и да возлюбимъ другъ друга искренно.

Се будетъ глаголъ вашъ; се слышится онъ уже во внутренности сердецъ вашихъ. Не медлите, возлюбленные мои! Время летитъ; дни наши преходятъ въ недѣйствіи. Да не скончаемъ жизни нашея, возымѣвъ только мысль благую и не возмогши ее исполнить. Да не воспользуется тѣмъ потомство наше, да не пожнетъ вѣнца нашего и съ презрѣніемъ о насъ да не скажетъ: они были".

Вотъ что я прочелъ въ замаранной грязію бумагѣ, которую поднялъ я передъ почтовою избою, вылѣзая изъ кибитки моей.

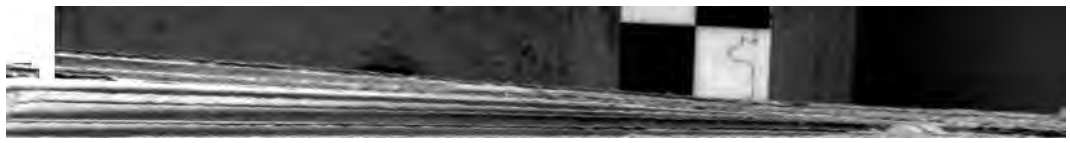


Вошедъ въ избу, я спрашивалъ, кто были проѣзжіе не задолго передо мною. „Послѣдній изъ проѣзжающихъ“, говорилъ мнѣ почталіонъ, „былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти; ѣдетъ по подорожной въ Петербургъ. Онъ у насъ забылъ связку бумагъ, которую я теперь за нимъ въ слѣдъ посылаю. Я попросилъ почталіона, чтобы онъ далъ мнѣ сіи бумаги посмотрѣть и, развернувъ ихъ, узналъ, что найденная мною къ нимъ же принадлежала. Уговорилъ я его, чтобы онъ бумаги сіи отдалъ мнѣ, давъ ему за то награжденіе. Разсматривая ихъ, узналъ, что онѣ принадлежали искреннему моему другу, а потому не почелъ я ихъ пріобрѣтеніе кражею. Онъ ихъ отъ меня доселѣ не требовалъ, а оставилъ мнѣ на волю, что я изъ нихъ сдѣлать захочу.

Между тѣмъ, какъ лошадей моихъ перепрягали, я любопытствовалъ, разсматривая доставшіяся мнѣ бумаги. Множество нашелъ я подобныхъ той, которую читалъ. Вездѣ я обрѣталъ расположенія человѣколюбиваго сердца, вездѣ видѣлъ гражданина будущихъ временъ. Болѣе всего видно было, что другъ мой пораженъ былъ несоразмѣрностію гражданскихъ чиносостояній. Цѣлая связка бумагъ и начертаній законоположеній относилася къ уничтоженію рабства въ Россіи. Но другъ мой, вѣдая, что высшая власть недостаточна въ силахъ своихъ на претвореніе мнѣній мгновенно, начерталъ путь повременнымъ законоположеніямъ къ постепенному освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи. Я здѣсь покажу шествіе его мыслей. Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ, по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ, брать въ домы. Буде помѣщикъ возьметъ

земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностію, ибо платятъ сами подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца во званіи гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то-есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, то-есть покупать землю. Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда -- „Исчезни, варварское обыкновеніе, разрушься, власть тигровъ!“ вѣщаетъ нашъ законодатель... За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства.

Между многими постановленіями, относящимися къ возстановленію по возможности равенства во гражданахъ, нашелъ я табель о рангахъ. Сколь она была некстати нынѣшнимъ временамъ и онымъ несоразмѣрна, всякъ самъ можетъ вообразить. Но теперь дуга коренной лошади звенитъ уже въ колокольчикъ и зоветъ меня къ отъѣзду; и для того я за благо положилъ лучше разсуждать о томъ, что выгоднѣе для ѣдущаго на почтѣ, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднѣе для почтовой клячи, быть иноходцемъ или скакуномъ, нежели заниматься тѣмъ, что не существуетъ.



ВЫШНІЙ ВОЛОЧОКЪ.

Никогда не проѣзжалъ я сего новаго города, чтобы не посмотрѣть здѣшнихъ шлюзовъ. Первый, которому на мысль пришло уподобиться природѣ въ ея благодѣяніяхъ и сдѣлать рѣку рукодѣльную, дабы всѣ концы единыя области въ вящщее привести сообщеніе, достоинъ памятника для дальнѣйшаго потомства. Когда нынѣшнія державы отъ естественныхъ и нравственныхъ причинъ распадутся, позлащенныя нивы ихъ порастутъ терніемъ, и въ развалинахъ великолѣпныхъ чертоговъ гордыхъ ихъ правителей скрываться будутъ ужи, змѣи и жабы; любопытный путешественникъ обрящетъ глаголющіе остатки величія ихъ въ торговлѣ. Римляне строили большія дороги, водоводы, коихъ прочности и нынѣ по справедливости удивляются, но о водяныхъ сообщеніяхъ, каковыя есть въ Европѣ, они не имѣли понятія. Дороги, каковыя у римлянъ бывали, наши не будутъ никогда; препятствуетъ тому наша долгая зима и сильные морозы, а каналы и безъ обдѣлки не скоро заровняются.

Не мало увеселительнымъ было для меня зрѣлищемъ Вышневолоцкій каналъ, наполненный барками, хлѣбомъ и другимъ товаромъ нагруженными и пріуготовляющимися къ прохожденію сквозь слюзъ, для дальнѣйшаго плаванія до Петербурга. Тутъ видно было истинное земли изобиліе и избытки земледѣлателя; тутъ явенъ былъ во всемъ блескѣ мощный побудитель человѣческихъ дѣяній, корыстолюбіе. Но если при первомъ взглядѣ разумъ мой усладился видомъ благосостоянія, при раздробленіи мыслей скоро увяло мое радованіе. Ибо воспомянулъ, что въ Россіи многіе

земледѣлатели не для себя работаютъ; и такъ изобиліе земли во многихъ краяхъ Россіи доказываетъ отягченный жребій ея жителей. Удовольствіе мое перемѣнилося въ равное негодованіе съ тѣмъ, какое ощущаю, ходя въ лѣтнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящіе къ намъ избытки Америки и драгія ея произращенія, какъ то сахаръ, кофе, краски и другія, не осушившіяся еще отъ пота, слезъ и крови, ихъ омывшихъ при ихъ воздѣланіи.

„Вообрази себѣ", говорилъ мнѣ нѣкогда мой другъ, „что кофе, налитый въ твоей чашкѣ, и сахаръ, распущенной въ ономъ, лишали покоя тебѣ подобнаго человѣка, что они были причиною превосходящихъ его силы трудовъ, причиною его слезъ, казни и поруганія; дерзай, жестокосердый, усладить гортань твою." -- Видъ прещенія, сопутствовавшій сему изреченію, поколебнулъ меня до внутренности. Рука моя задрожала, и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга, питающіеся избытками изобильныхъ краевъ отечества вашего, при великолѣпныхъ пиршествахъ или на дружескомъ пиру, или наединѣ, когда рука ваша вознесетъ первый кусокъ хлѣба, опредѣленный на ваше насыщеніе, остановитеся и помыслите. Не то же ли я вамъ могу сказать о немъ, что другъ мой говорилъ мнѣ о произведеніяхъ Америки? Не потомъ ли, не слезами ли и стенаніемъ утучнялися нивы, на которыхъ оный возросъ? Блаженны, если кусокъ хлѣба, вами алкаемый, извлеченъ изъ класовъ, родившихся на нивѣ, казенною называемой или, по крайней мѣрѣ, на нивѣ, оброкъ помѣщику своему платящей! Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна, лежавшаго въ житницѣ дворянской! На немъ почили

скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалося проклятіе Всевышняго, егда во гнѣвѣ Своемъ рекъ: „проклята земля въ дѣлахъ своихъ. Блюдитеся, да не отравлены будете вождѣленною вами пищею. Горькая слеза нищаго тяжко на ней возлегаетъ. Отрините ее отъ устъ вашихъ, поститеся: се истинное и полезное можетъ быть пощеніе.

Повѣствованіе о нѣкоторомъ помѣщикѣ докажетъ, что человѣкъ корысти ради своей забываетъ человѣчество въ подобныхъ ему, и что за примѣромъ жестокосердія не имѣемъ нужды ходить въ дальнія страны, ни чудесъ искать за тридевять земель: въ нашемъ царствѣ они въочью совершаются.

Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчію называютъ, счастія или, не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, напримѣръ, во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обрабатыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ; и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бою грудою, а въ единственности ничего не значащимъ. Для достиженія своея цѣли онъ отнялъ у нихъ малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Сло-

вомъ, сей дворянинъ нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя, для соблюденія желудка, въ мясоѣдъ пустыя шти, а въ посты и постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинныя розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ.

Таковымъ урядникамъ производилася такъ же приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, то-есть лапти, дѣлали они сами, онучи получали отъ господина своего; а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.

При таковомъ заведеніи неудивительно, что земледѣліе въ деревнѣ Г. Нѣкто, было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ четвертъ; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ десять и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію и, поступая съ сими равно, какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится, какъ знаменитый земледѣлецъ.

Варваръ! недостоинъ ты носить имя гражданина! Какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, питаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирати борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобъ полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? чтобы одинъ благословлялъ правительство, а не тысящи? Богатство сего кровопійца ему не принадлежитъ. Оно нажито грабежомъ и заслуживаетъ строгаго въ законѣ наказанія. И суть люди, которые, взирая на утучненныя нивы сего палача, ставятъ его въ примѣръ усовершенствованія въ земледѣліи. И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благѣ общемъ! Вмѣсто вашего поощренія къ таковому насилію, которое вы источникомъ государственнаго богатства почитаете, простите на сего общественнаго злодѣя ваше человѣколюбивое мщеніе. Сокрушите орудія его земледѣлія: сожгите его риги, овины, житницы и развѣйте пеплъ по нивамъ, на нихъ же совершалося его мучительство, ознаменуйте его, яко общественнаго татя, дабы всякъ, его видя, не только его гнушался, но убѣгалъ бы его приближенія, дабы не заразиться его примѣромъ.

ВЫДРОПУСКЪ.

Здѣсь я опять принялся за бумаги моего друга. Въ руки мнѣ попалося начертаніе положенія о уничтоженіи придворныхъ чиновъ.

Проектъ въ будущемъ.

Вводя нарушенное въ обществѣ естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши непослѣднимъ способомъ почли къ тому умаленіе правъ дворянства. Полезно государству въ началѣ своемъ личными своими заслугами, ослабѣло оно въ подвигахъ своихъ наслѣдственностію, и сладкій при насажденіи, его корень произнесъ, наконецъ, плодъ горькій. На мѣстѣ мужества водворилася надменность и самолюбіе, на мѣстѣ благородства души и щедроты посѣялися раболѣпіе и самонедовѣреніе, истинныя скряги на великое. Жительствуя среди столь тѣсныхъ душъ и подвизаемые на малости, ласкательствомъ наслѣдственныхъ достоинствъ и заслугъ, многіе государи возмнили, что они суть боги, и вся, его же коснутся, блаженно сотворятъ и пресвѣтло. Такъ и быть долженствуетъ въ дѣяніяхъ нашихъ, но токмо на пользу общую. Въ таковой дремотѣ величанія власти возмечтали цари, что рабы ихъ и прислужники, сжечасно предстоя взорамъ ихъ, заимствуютъ ихъ свѣтозарности; что блескъ царскій преломляяся, такъ сказать, въ сихъ новыхъ отсвѣткахъ, многочисленнѣе является и съ сильнѣйшимъ отраженіемъ. На таковой блужденія мысли воздвигли цари придворныхъ истукановъ, кои, истинные ѳеатральные божки, повинуются свистку или трещоткѣ. Пройдемъ степени придворныхъ чиновъ и, съ улыбкою сожалѣнія, отвратимъ взоры наши отъ кичащихся служеніемъ своимъ; но возрыдаемъ, видя ихъ предпочитаемыхъ заслугѣ. Дворецкій мой, конюшій и даже конюхъ и кучеръ, поваръ, крайчій, птицеловъ съ подчиненными ему охотниками, горничные мои

прислужники, тотъ, кто меня бреетъ, тотъ, кто чешетъ власы главы моея, тотъ, кто пыль и грязь отираетъ съ обуви моей, о многихъ другихъ не упоминая, равняются или предсѣдаютъ служащимъ отечеству силами своими душевными и тѣлесными, не щадя ради отечества ни здравія своего, ни крови, возлюбляя даже смерть ради славы государства. Какая вамъ въ томъ польза, что въ домѣ моемъ господствуютъ чистота и опрятность? Сытѣе ли вы накормитеся, буде кушанье мое лучше вашего приготовлено, и въ сосудахъ моихъ ліется вино изо всѣхъ концовъ вселенныя? Укроетеся ли въ шествіи вашемъ отъ непріязненности погоды, буде колесница моя позлащенна и кони мои тучны? Лучшій ли дастъ нива вамъ плодъ, луга ваши больше ли позеленѣютъ, буде потопчутся на ловитвѣ звѣрей въ мое увеселеніе? Вы улыбнетеся съ чувствованіемъ жалости. Но нерѣдкій въ справедливомъ негодованіи своемъ скажетъ намъ: „тотъ, кто рачитъ о устройствѣ твоихъ чертоговъ, тотъ, кто ихъ нагрѣваетъ, тотъ, кто огненную пряность полуденныхъ растеній сочетаетъ съ хладною вязкостію сѣверныхъ туковъ для услажденія разслабленнаго твоего желудка и оцѣпенѣлаго твоего вкуса; тотъ, кто воспѣняетъ въ сосудѣ твоемъ сладкій сокъ африканскаго винограда; тотъ, кто умащаетъ окружіе твоей колесницы, кормитъ и напаяетъ коней твоихъ; тотъ, кто во имя твое кровавую битву ведетъ со звѣрями дубравными и птицами небесными—всѣ сіи тунеядцы, всѣ сіи лѣлѣятели, какъ и многіе другіе, твоея надменности высятся надо мною; надъ источившимъ потоки кровей на ратномъ полѣ, надъ потерявшимъ нужнѣйшіе члены тѣла моего, защищая грады твои и чертоги, въ нихъ же сокрытая твоя

робость завѣсою величавости, мужествомъ казалася; надъ провождающимъ дни веселій, юности и утѣхъ во сбереженіи малѣйшія полушки, да облегчится, елико то возможно, общее бремя налоговъ; надъ нерачившимъ о имѣніи своемъ, трудяся денноношно въ снисканіи средствъ къ достиженію блаженствъ общественныхъ; надъ попирающимъ родство, пріязнь, союзъ сердца и крови, вѣщая правду на судѣ во имя твое, да возлюбленъ будеши. Власы бѣлѣютъ въ подвигахъ нашихъ, силы истощеваются въ подъемлемыхъ нами трудахъ, и при возкраіи гроба едва возмогаемъ удостоиться твоего благоволенія; а сіи упитанные тельцы сосцами нѣжности и пороковъ, сіи незаконные сыны отечества наслѣдятъ въ стяжаніи нашемъ.

Тако и болѣе еще по справедливости возглаголютъ отъ васъ многіе. Что дадимъ мы, владыки силъ, въ отвѣтъ? Прикроемъ безчувствіемъ уничиженіе наше, и видится воспаленна ярость въ очахъ нашихъ на вѣщающихъ сице. Таковы бываютъ нерѣдко отвѣты наши вѣщаніямъ истины. И никто да не дивится сему, когда наилучшій между нами дерзаетъ таковая; онъ живетъ съ ласкателями, спитъ въ лести, хождаетъ въ лести. И лесть и ласкательство содѣлаютъ его глуха, слѣпа и неосязательна.

Но да не падетъ на васъ таковая укоризна. Съ младенчества нашего возненавидѣвъ ласкательство, мы соблюли сердце наше отъ ядовитой его сладости, даже до сего дня; и нынѣ новый опытъ въ любви нашей къ вамъ и преданности явенъ да будетъ. Мы уничтожаемъ сравненіе царедворскаго служенія съ военнымъ и гражданскимъ. Истребися на памяти обыкновеніе, во стыдъ нашъ толико лѣтъ существовавшее. Истинныя заслуги и достоинства,

сила во мнѣніи гражданъ коренится, отличес
женствуетъ внѣшнимъ блескомъ, дабы мнѣніе
чествѣ было всегда всецѣло и ненарушимо. От
внѣшность властителей народовъ, оттуда стад
окружающихъ. Согласиться всякъ долженъ,
умы и малыя души внѣшность поражать мож
народъ просвѣщеннѣе, то-есть чѣмъ болѣе
въ просвѣщеніи, тѣмъ внѣшность менѣе дѣ
жетъ. Нума могъ грубыхъ еще римлянъ
нимфа Эгерія наставляла его въ его законо
Слабые перуанцы охотно вѣрили Манко Копа
сынъ солнца, и что законъ его съ небеси ис
гометъ могъ прельстить скитающихся арави
бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность;
принялъ скрижали заповѣдей на горѣ среди б
Но нынѣ, буде кто прельстити восхощетъ, н
ная нужна ему внѣшность; но внѣшность д
такъ сказать можно, внѣшность убѣжденій.
хотѣлъ нынѣ посланіе свое утвердить свыше,
бить болѣе наружность полезности, и тою
Мы же устремляя всѣ силы наши на пользу

Не

облистаетъ наше лице? Всякъ взирающій на насъ узритъ наше благомысліе, узритъ въ подвигѣ нашемъ свою пользу, и того ради намъ поклонится, не яко во ужасѣ шествующему, но сѣдящему во благости. Еслибы древніе персы управлялися всегда щедротою, не бы возмечтали быти Ариману или ненавистному началу зла. Но если пышная внѣшность намъ безполезна, колико вредны въ государствѣ быть могутъ ея оберегатели. Единственною должностію во служеніи своемъ имѣя угожденіе намъ, колико взыскательны будутъ они во всемъ томъ, что намъ нравиться можетъ. Желаніе наше будетъ предупреждено; но не токмо желанію не допустятъ возродиться въ насъ, но даже и мысли, зане готово уже ей удовлетвореніе. Воззрите со ужасомъ на дѣйствіе таковыхъ угожденій. Наитвердѣйшая душа во правилахъ своихъ позыбнется, приклонитъ ухо ласкательному сладкопѣнію, уснетъ. И се сладостныя чары обыдутъ разумъ и сердце. Горесть и обиды чуждыя едва покажутся намъ преходящими недугами; скорбѣти о нихъ почтемъ или неприличнымъ, или же противнымъ, и воспретимъ даже жаловатися о нихъ. Язвительнѣйшія скорби и раны, самая смерть покажутся намъ необходимыми дѣйствіями теченія вещей и, являяся намъ позади непрозрачныя завѣсы, едва возмогутъ ли въ насъ произвести то мгновенное движеніе, какое производятъ въ насъ ѳеатральныя представленія. Зане стрѣла болѣзни и жало зла не въ насъ дрожитъ вонзенное.

Се слабая картина всѣхъ пагубныхъ слѣдствій пышнаго царей дѣйствія. Не блаженны ли мы, если возмогли укрыться отъ возмущенія благонамѣреній нашихъ? Не блаженны ли, если и заразѣ примѣра положили преграду?

ТОРЖОКЪ.

Здѣсь на почтовомъ дворѣ встрѣченъ я
комъ, отправляющимся въ Петербургъ на ск
нія. Сіе состояло въ снисканіи дозволенія з
городѣ свободное книгопечатаніе. Я ему гов
сіе дозволенія ненужно, ибо свобода на то
Но онъ хотѣлъ свободы въ цензурѣ, и вотъ
размышленія.

Типографіи у насъ всѣмъ имѣть дозволе
то прошло, въ которое боялися поступаться
леніемъ частнымъ людямъ; и для того, что
типографіяхъ ложные могутъ печатаны быт
удерживались отъ общаго добра и полезнаго
Теперь свободно имѣть всякому орудія печат
что печатать можно, состоитъ подъ опекою.
лана нянькою разсудка, остроумія, воображенія
каго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то с
есть ребята, ходятъ на помочахъ, отъ чего не
ваютъ кривыя ноги; гдѣ есть опекуны, слѣдуе
малолѣтные, незрѣлые разумы, которые собою
могутъ. Если же всегда [illegible] няньки и

Митрофанушка, безъ дядьки не ступитъ, безъ опекуна не можетъ править своимъ наслѣдіемъ. Таковы бываютъ вездѣ слѣдствія обыкновенной цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе. Послушаемъ Гердера.

„Наилучшій способъ поощрять доброе есть непрепятствіе, дозволеніе, свобода въ помышленіяхъ. Розыскъ вреденъ въ царствѣ науки: онъ сгущаетъ воздухъ и запираетъ дыханіе. Книга, проходящая десять цензуръ прежде, нежели достигнетъ свѣта, не есть книга, но подѣлка святой инквизаціи; часто изуродованный, сѣченный батожьемъ, съ кляпомъ во рту узникъ, а рабъ всегда.... Въ областяхъ истины, въ царствѣ мысли и духа не можетъ никакая земная власть давать рѣшеній, и не должна; не можетъ того правительство, менѣе еще его цензоръ, въ клобукѣ ли онъ, или съ темлякомъ. Въ царствѣ истины онъ не судія, но отвѣтчикъ, какъ и сочинитель. Исправленіе можетъ только совершиться просвѣщеніе; безъ главы и мозга не шевельнется ни рука, ни нога.... Чѣмъ государство основательнѣе въ своихъ правилахъ, чѣмъ стройнѣе, свѣтлѣе и тверже оно само въ себѣ, тѣмъ менѣе можетъ оно позыбнуться и стрястися отъ дуновенія каждаго мнѣнія, отъ каждой насмѣшки разъяреннаго писателя; тѣмъ болѣе благоволитъ оно въ свободѣ мыслей и въ свободѣ писаній, а отъ нея подъ конецъ прибыль, конечно, будетъ истинѣ. Губители бываютъ подозрительны; тайные злодѣи робки. Явный мужъ, творяй правду и твердый въ правилахъ своихъ, допуститъ о себѣ глаголъ всякій. Хождаетъ онъ во дни и на пользу себѣ строитъ клевету своихъ злодѣевъ. Откупы въ помышленіяхъ вредны... Правитель государства да будетъ безпристрастенъ во мнѣніяхъ, дабы

управѣ благочинія. Долгъ же ея въ отношеніи
жетъ быть только тотъ, чтобы воспрещать прода;
тельныхъ сочиненій. Но и сія цензура есть лишня
несмысленный урядникъ благочинія можетъ велич:
просвѣщеніи сдѣлать вредъ и на многія лѣта оста
шествіи разума; запретитъ полезное изобрѣтеніе
мысль и всѣхъ лишитъ великаго. Примѣръ въ
Въ управу благочинія принесенъ для утвержден
водъ романа. Переводчикъ, слѣдуя автору, говоря
ви, назвалъ ее „лукавымъ богомъ". Мундирный
исполненный духа благоговѣнія, сіе выраженіе
нилъ, говоря: „неприлично божество называт
вымъ". Кто чего не разумѣетъ, тотъ въ то да не
ся. Если хочешь благорастворенного воздуха, уда
себя коптильню; если хочешь свѣта, удали зат
если хочешь, чтобы дитя не было застѣнчиво, то
лозу изъ училища. Въ домѣ, гдѣ плети и бато
модѣ, тамъ служители пьяницы, воры и того еще х

[1]) Такого же роду цензоръ не дозволялъ, сказываютъ, пе
сочиненія, гдѣ упоминалося о Богѣ, говоря: „я съ Нимъ
порочил

Пускай печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ. Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю не смѣхомъ. Слова не всегда суть дѣянія, размышленія же не преступленіи. Се правила Наказа о новомъ уложеніи[1]). Но брань на словахъ и въ печати всегда брань. Въ законѣ никого бранить не велѣно, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ можетъ быть, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза; польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣднѣйшаго гражданина.

Обыкновенныя правила цензуры суть: почеркивать, марать, не дозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религіи и Откровенію, все то, что противно правленію, всякая личность, противное благонравію, устройству и тишинѣ общей. Разсмотримъ сіе подробно. Если безумецъ въ мечтаніи своемъ не токмо въ сердцѣ, но громкимъ гласомъ речетъ: „нѣсть Бога",—въ устахъ всѣхъ безумныхъ раздается громкое и поспѣшное эхо: „нѣсть Бога, нѣсть Бога". Но что жъ изъ того? Эхо, звукъ; ударитъ въ воздухъ, позыбнетъ его и исчезнетъ. На разумѣ рѣдко оставитъ черту, и то слабую; на сердцѣ же никогда. Богъ всегда пребудетъ Богъ, ощущаемъ и невѣрующимъ въ Него. Но если думаешь, что хуленіемъ Всевышній

упоминалося гдѣ о князѣ или графѣ, того не дозволялъ онъ печатать, говоря: „сіе есть личность, ибо у насъ есть князья и графы между знатными особами". *Прим. авт.*

[1]) Екатерины II.

оскорбится, урядникъ ли благочинія можетъ быть за Него истецъ? Всесильный звонящему въ трещотку или біющему въ набатъ довѣрія не дастъ. Возгнушается метатель грома и молніи, ему же всѣ стихіи повинуются, возгнушается колеблющій сердца изъ-за предѣловъ вселенныя дать мстити за себя и самому царю, мечтающему быти Его на земли преемникомъ.-- Кто жъ можетъ быть судіею въ обидѣ Отца предвѣчнаго? -- Тотъ Его обижаетъ, кто мнитъ, возможетъ судити о Его обидѣ. Тотъ дастъ отвѣтъ предъ Нимъ.

Отступники откровенной религіи болѣе доселѣ въ Россіи дѣлали вреда, нежели непризнаватели бытія Божія, аѳеисты. Таковыхъ у насъ мало, ибо мало у насъ еще думаютъ о метафизикѣ. Аѳеистъ заблуждаетъ въ метафизикѣ, а раскольникъ въ трехъ пальцахъ. Раскольниками называемъ мы всѣхъ Россіянъ, отступающимъ въ чемъ-либо отъ общаго ученія Греческія церкви. Ихъ въ Россіи много, и для того служеніе имъ дозволяется. Но для чего не дозволять всякому заблужденію быть явному? Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится. Гоненія дѣлали мучениковъ; жестокость была подпорою самаго Христіанскаго закона. Дѣйствія расколовъ суть иногда вредны. Воспрети ихъ. Проповѣдаются они примѣромъ. Уничтожь примѣръ. Отъ печатной книги раскольникъ не бросится въ огонь, но отъ ухищреннаго примѣра. Запрещать дурачество есть то же, что его поощрять. Дай ему волю; всякъ увидитъ, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется. Мы всѣ Еввины дѣти.

Но, запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами имѣть порица-

телей. Кто въ часы безумія не щадитъ Бога, тотъ въ часы памяти и разсудка не пощадитъ незаконной власти. Не боящся громовъ Всесильнаго смѣется висѣлицѣ. Для того то вольность мыслей правительствамъ страшна. До внутренности потрясенный вольнодумецъ простретъ дерзкую, но мощную и незыбкую руку къ истукану власти, сорветъ ея личину и покровъ и обнажитъ ея составъ. Всякъ узритъ бренныя его ноги, всякъ возвратитъ къ себѣ данную имъ ему подпору, сила возвратится къ источнику, истуканъ падетъ. Но если власть не на туманѣ мнѣній возсѣдаетъ, если престолъ ея на искренности и истинной любви общаго блага возникъ, не утвердится ли паче, когда основаніе его будетъ явно, не возлюбится ли любящій искренно? Взаимность есть чувствованіе природы, и стремленіе сіе почило въ естествѣ. Прочному и твердому зданію довольно его собственнаго основанія; въ опорахъ и контрфорсахъ[1]) ему нужды нѣтъ. Если позыбнется оно отъ ветхости, тогда только побочныя тверди[2]) ему нужны. Правительство да будетъ истинно, вожди его нелицемѣрны; тогда всѣ плевелы, тогда всѣ изблеванія смрадность свою возвратятъ на извергателя ихъ, а истина пребудетъ всегда чиста и бѣловидна. Кто возмущаетъ словомъ (да назовемъ такъ въ угодность власти всѣ твердыя размышленія, на истинѣ основанныя, власти противныя), есть такой же безумецъ, какъ и хулу глаголяй на Бога. Буде власть шествуетъ стезею, ей назначенной, то не возмутится отъ пустого

---

[1]) Пассивный устой возлѣ стѣны зданія для поддержанія ея въ вертикальномъ положеніи и увеличенія сопротивляемости давленію сводовъ и крана.

[2]) То, что дѣлаетъ болѣе твердымъ, устойчивымъ.

...ника. Если оклеветанный судія судитъ въ
защитникъ невинности издастъ въ свѣтъ е
приговоръ; если онъ покажетъ его ухищреніе
то будетъ сіе личность, но дозволенная; если
зоветъ судіею наемнымъ, ложнымъ, глупымъ, ес
но дозволить можно. Если же называть его ст
нованіями, смрадными и бранными словами по
то на рынкахъ употребительно, то сіе есть ли
язвительная и недозволенная. Но не правители
вступаться за судію, хотя бы онъ поносился и
дѣлѣ. Не судія да будетъ въ томъ истецъ, но ос
лице. Судія же предъ свѣтомъ и предъ по
его судіею да оправдится едиными дѣлами.*) Та
ствуетъ судить о личности. Она наказанія до
въ печатаніи болѣе пользы устроитъ, а вреда м
все будетъ въ порядкѣ, когда рѣшенія всегда
законѣ, когда законъ основанъ будетъ на исти
леплется удрученіе, тогда развѣ, тогда личнос
сдѣлать развратъ. Скажемъ нѣчто о благонравіи
слова ему вредятъ.

---

*) Г. Дикинсонъ, имѣвшій участіе въ бывшей въ Ам
мѣнѣ и тѣмъ прославившійся, будучи послѣ въ Пенсиль
дентомъ, не возвышал... аступавшими на

Сочиненія любострастныя, наполненныя похотливыми начертаніями, дышащія развратомъ, коего всѣ листы и строки стрекательною наготою зіяютъ, вредны для юношей и незрѣлыхъ чувствъ. Распламеняя воспаленное воображеніе, тревожа спящія чувства и возбуждая покоющееся сердце, безвременную наводятъ возмужалость, обманывая юныя чувства въ твердости ихъ и заготовляя имъ дряхлость. Таковыя сочиненія могутъ быть вредны, но не они разврату корень. Если, читая ихъ, юноши пристрастятся къ крайнему услажденію любовной страсти, то не могли бы того произвести въ дѣйствіе, не были бы торгующія своею красотою. Въ Россіи таковыхъ сочиненій въ печати еще нѣтъ, а на каждой улицѣ въ обѣихъ столицахъ видимъ раскрашенныхъ любовницъ. Дѣйствіе болѣе развратитъ, нежели слово и примѣръ паче всего. Скитающіяся любовницы, отдающія сердца свои съ публичнаго торга наддателю, тысячу юношей заразятъ язвою и все будущее потомство тысящи сея; но книга не давала еще болѣзни. И такъ цензура да останется на торговыхъ дѣвокъ, до произведеній же развратнаго хотя разума ей дѣла нѣтъ. Заключу симъ: цензура печатаемаго принадлежитъ обществу, оно даетъ сочинителю вѣнецъ или употребитъ листы на обвертки. Равно какъ ободреніе ѳеатральному сочиненію даетъ пуб-

---

никъ области нисшелъ въ ристалище, издалъ въ печать свое защищеніе, оправдался, опровергъ доводы своихъ противниковъ и ихъ устыдилъ. . . . Се примѣръ для послѣдованія, какъ мстить должно, когда кто кого обвиняетъ предъ свѣтомъ печатнымъ сочиненіемъ. Если кто свирѣпствуетъ противъ печатныя строки, тотъ заставляетъ мыслить, что печатанное истинно, а мстящій таковъ, какъ о немъ напечатано. *Прим. авт.*

такъ запретить дряни мыслей, какъ негодующ
публика. Одинъ разъ имъ вонмутъ, потомъ умрут
воскреснуть во вѣки. Но если мы признали бе
цензуры или паче ея вредъ въ царствѣ науки, т
обширную и безпредѣльную пользу вольности

Доказательства сему, кажется, ненужны. Есл
всякому мыслить и мысли свои объявлять всѣм
словно, то естественно, что все, что будетъ
изобрѣтено, то будетъ извѣстно; великое буде
истина не затмится. Не дерзнутъ правители на
литься отъ стези правды, и убоятся, ибо пути
и ухищреніе обнажатся. Вострепещетъ судія,
неправедный приговоръ, и его раздеретъ. Устыд
имѣющій употреблять ее на удовлетвореніе тол
прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежомъ,
убійство убійствомъ. Убоятся всѣ злые стро
истины. Спокойствіе будетъ дѣйствительное, и
въ немъ не будетъ. Нынѣ поверхность только
илъ, на днѣ лежащій, мутится и тмитъ прозрач

Прощаяся со мною, порицатель цензуры да
большую тетрадку. Если, читатель, ты нескучл
тай, что передъ тобою лежитъ. Если же бы слу
ому комитет

Краткое повѣствованіе о просхожденіи цензуры.

Если мы скажемъ и утвердимъ ясными доводами, что цензура съ инквизиціею принадлежатъ къ одному корню, что учредители инквизиціи изобрѣли цензуру, то-есть разсмотрѣніе приказное книгъ до изданія ихъ въ свѣтъ, то мы хотя ничего не скажемъ новаго, но изъ мрака протекшихъ временъ извлечемъ, въ добавокъ многимъ другимъ, ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобрѣтатели оковъ, которыми отягчался въ разныя времена разумъ человѣческій, что они подстригали ему крыліе, да не обратитъ полетъ свой къ величію и свободѣ.

Проходя протекшія времена и столѣтія, мы вездѣ обрѣтаемъ терзающія черты власти, вездѣ зримъ силу, возникающую на истину, иногда суевѣріе, ополчающееся на суевѣріе. Народъ аѳинскій, священнослужителями возбужденный, писанія Протагоровы [1]) запретилъ, велѣлъ всѣ списки оныхъ собрать и сжечь. Не онъ ли въ безуміи своемъ предалъ смерти, на незагладимое во вѣки себѣ поношеніе, вочеловѣченную истину, Сократа? Въ Римѣ находимъ мы больше примѣровъ таковаго свирѣпствованія. Титъ Ливій повѣствуетъ, что найденныя во гробѣ Нумы писанія были сожжены повелѣніемъ Сената. Въ разныя времена случалося, что книги гадательныя велѣно было относить къ претору. Светоній повѣствуетъ, что Кесарь Августъ таковыхъ книгъ велѣлъ сжечь до двухъ тысячъ. Еще примѣръ несообразности человѣческаго разума! Неужели, запрещая суевѣрныя писанія, властители сіи думали, что суевѣріе истре-

[1]) Извѣстный софистъ.

или суевѣріе проповѣдающія, запрещать [illegible]
нно ли бы было, чтобы истина приняла жезлъ
суевѣріе? чтобъ истина искала на пораженіе за
опоры власти и меча, когда видъ ея одинъ ес
сточайшій бичъ на заблужденіе?

Но Кесарь Августъ не на гаданія одни прос
гоненія, онъ велѣлъ сжечь книги Тита Лабіенія
его", говоритъ Сенека риторъ, „изобрѣли для не
ваго рода наказаніе. Неслыханное дѣло и необ
казнь извлекать изъ ученія. Но по счастію госу
разумное свирѣпствованіе изобрѣтено послѣ
Что быть бы могло, еслибы троеначальники [1]) за
жили осудить разумъ Цицерона? Но мучитель
стилъ за Лабіенія тому, кто исходатайствовалъ
его сочиненій. При жизни своей видѣлъ онъ,
сочиненія преданы были огню [2]). „Не злому како
тутъ слѣдовано", говорилъ Сенека, „его собстве

[1]) Тріумвиры.

[2]) Сочиненія Арія Монтана, издавшаго въ Нидерлан
реестръ запрещеннымъ книгамъ, вмѣщены были въ тотъ
Прим

[3]) [illegible] Лабіенія, видя писанія его
я ихъ наизус

Даждь небо, чтобы зло всегда обращалося на изобрѣтателя его, и чтобы воздвигшій гоненіе на мысль зрѣлъ всегда свои осмѣянными, въ поруганіи и на истребленіе осужденными! Если мщеніе когда-либо извинительно быть можетъ, то развѣ сіе.

Во времена народнаго правленія въ Римѣ гоненія таковаго рода обращалося только на суевѣріе, но при императорахъ простерлось оно на всѣ твердыя мысли. Кремуцій Кордъ въ исторіи своей назвалъ Кассія, дерзнувшаго осмѣятъ мучительство Августово на Лабіеніевы сочиненія, послѣднимъ Римляниномъ. Римскій Сенатъ, ползая предъ Тиверіемъ, велѣлъ во угожденіе ему Кремуціеву книгу сжечь. Но многіе съ оной осталися списки. „Тѣмъ паче", говоритъ Тацитъ, „смѣяться можно надъ попеченіемъ тѣхъ, кои мечтаютъ, что всемогуществомъ своимъ могутъ истребить воспоминовеніе слѣдующаго поколѣнія. Хотя власть бѣшенствуетъ на казнь разсудка, но свирѣпствованіемъ своимъ себѣ устроила стыдъ и посрамленіе, имъ славу..."

Не избавилися сожженія книги Іудейскія при Антіохѣ Эпифанѣ, царѣ Сирскомъ. Равной съ ними подвержены были участи сочиненія христіанъ. Императоръ Діоклитіанъ книги священнаго писанія велѣлъ предать сожженію. Но Христіанскій законъ, одержавъ побѣду надъ мучительствомъ, покорилъ самихъ мучитолей и нынѣ остается во свидѣтельство неложное, что гоненіе на мысли и мнѣнія не токмо не въ силахъ оныя истребить, но укоренятъ ихъ и распространятъ. Арнобій справедливо возстаетъ противу таковаго гоненія и мучительства. „Иные вѣщаютъ", говоритъ онъ, „полезно для государства, чтобы Сенатъ истребить велѣлъ писанія, въ доказательство Христіанскаго испо-

не въ пользу. Недавно порицали строгость сію в
кахъ, недавно почитали ее знакомъ недовѣренія
что защищали, но скоро сами ополчилися всемогу
Греческіе императоры, занимаяся болѣе церков
ніями, нежели дѣлами государственными, а пот
вляемые священниками, воздвигли гоненіе на вс
кто дѣянія и ученія Іисусовы понималъ съ ними
Таковое гоненіе распростерлося и на произведені
и разума. Уже мучитель Константинъ, Великимъ
слѣдуя рѣшенію Никейскаго собора, предавше
ученіе проклятію, запретилъ его книги, осуди
сожженіе, а того, кто оныя книги имѣть будетъ,
Императоръ Ѳеодосій II проклятыя книги Несто
всѣ собрать и предать огню. На Халкидонскомъ
же положено о писаніяхъ Евтихія. Въ Пандект
ніановыхъ сохранены нѣкоторыя таковыя рѣшен
сленные! не вѣдали, что, истребляя превратное
истолкованіе Христіанскаго ученія и запрещая
диться въ изслѣдованіи какихъ-либо мнѣній, о
вляли его шествіе; у истины отнимали сильную
личіе мнѣній, пренія и невозбранное мыслей с
о Нес

чтобы Декартъ родиться могъ десять столѣтій прежде? Какой шагъ вспять сдѣланъ ко тьмѣ и невѣжеству!

По разрушеніи Римскія Имперіи монахи въ Европѣ были хранители учености и науки. Но никто у нихъ не оспаривалъ свободы писать, что они желали. Въ 768 году Амвросій Опертъ,монахъ Бенедиктинскій, посылая толкованіе свое на Апокалипсисъ къ папѣ Стефану III и прося дозволенія о продолженіи своего труда и о изданіи его въ свѣтъ, говоритъ, что онъ первый изъ писателей проситъ таковаго дозволенія. „Но да не исчезнетъ", продолжаетъ онъ, „свобода въ писаніи, для того, что уничиженіе поклонилося непринужденно". Соборъ Санскій въ 1140 году осудилъ мнѣнія Абелардовы, а папа сочиненія его велѣлъ сжечь.

Но ни въ Греціи, ни въ Римѣ, нигдѣ примѣра не находимъ, чтобы избранъ былъ судія мысли, чтобы кто дерзнулъ сказать: „у меня просите дозволенія, если уста ваши отверзать хотите на велерѣчіе; у насъ клеймится разумъ, науки и просвѣщеніе, и все, что безъ нашего клейма явится въ свѣтъ, объявляемъ заранѣе глупымъ, мерзкимъ, негоднымъ". Таковое постыдное изобрѣтеніе предоставлено было Христіанскому священству, и цензура была современна инквизиціи.

Нерѣдко, проходя исторію, находимъ разумъ суевѣрію, изобрѣтенія наиполезнѣйшія современниками грубѣйшему невѣжеству. Въ то время, какъ боязливое недовѣріе къ вещи утверждаемой побудило монаховъ учредить цензуру и мысль истреблять въ ея рожденіи, въ то самое время дерзалъ Колумбъ въ неизвѣстность морей на исканіе Америки; Кеплеръ предузнавалъ бытіе притяжательной въ природѣ силы, Ньютономъ доказанной; въ то же время родился

сферки въ XVIII столѣтіи произвелъ иллюмин

Въ 1479 году находимъ древнѣйшее доселѣ дозволеніе на печатаніе книги. На концѣ кни главіемъ: „Знай самъ себя“, печатанной въ 148 соединено слѣдующее: „мы, Морфей Жирардо, І лосердіемъ Патріархъ Венеціанскій, первенствую матіи, по прочтеніи вышеписанныхъ господъ, свид щихъ о вышеписанномъ твореніи, и по таковому ж ключенію и присоединенному довѣренію, такъ же ствуемъ, что книга сія православна и богобоязл нѣйшій монументъ цензуры, но не древнѣйшій

Древнѣйшее о цензурѣ узаконеніе, доселѣ находимъ въ 1486 году, изданное въ самомъ то гдѣ изобрѣтено книгопечатаніе. Предузнавали правленія, что оно будетъ орудіемъ сокрушенія что оно ускоритъ разверженіе общаго разсуд щество, на мнѣніи, а не на пользѣ общей осн книгопечатаніи обрящетъ свою кончину. Да намъ здѣсь присовокупить памятникъ, нынѣ ещ ющій на пагубу мысли и на посрамленіе просв

Указъ о неизданіи книгъ греческихъ, латин

наго уч

„Бертольдъ, Божіею милостію Святыя Маинцкія Епархіи Архіепископъ, въ Германіи Архиканцелеръ и Курфистъ. Хотя для пріобрѣтенія человѣческаго ученія чрезъ Божественное печатанія искусство возможно съ изобиліемъ и свободнѣе получать книги, до разныхъ наукъ касающіяся, но до свѣдѣнія нашего дошло, что нѣкоторые люди, побуждаемые суетныя славы или богатства желаніемъ, искусство сіе употребляютъ во зло и данное для наученія въ житіи человѣческомъ обращаютъ на пагубу и злорѣчіе.

Мы видѣли книги, до священныхъ должностей и обрядовъ исповѣданія нашего касающіяся, переведенныя съ латинскаго на нѣмецкій языкъ и неблагопристойно для святаго закона въ рукахъ простого народа обращающіяся. Что жъ сказать, наконецъ, о предписаніяхъ святыхъ правилъ и законоположеній? Хотя они людьми искусными въ законоученіи, людьми мудрѣйшими и краснорѣчивѣйшими писаны разумно и тщательно, но наука сама по себѣ толико затруднительна, что краснорѣчивѣйшаго и ученѣйшаго человѣка едва на оную достаточна цѣлая жизнь.

Нѣкоторые глупые, дерзновенные и невѣжды попускаются переводить на общій языкъ таковыя книги. Многіе ученые люди, читая переводы сіи, признаются, что ради великой несвойственности и худого употребленія словъ они непонятнѣе подлинниковъ. Что же скажемъ о сочиненіяхъ, до другихъ наукъ касающихся, въ которыя часто вмѣшиваютъ ложное, надписываютъ ложными названіями, и тѣмъ паче славнѣйшимъ писателямъ приписываютъ свои вымыслы, чѣмъ болѣе находится покупщиковъ.

Да вѣщаютъ таковые переводчики, если возлюбляютъ истину, съ какимъ бы намѣреніемъ то ни дѣлали, съ доб-

рымъ или худымъ, до того нѣтъ нужды, да вѣщаютъ: Нѣмецкій языкъ удобенъ ли къ преложенію на оный того, что греческіе и латинскіе изящные писатели о вышнихъ размышленіяхъ христіанскаго исповѣданія и о наукахъ писали точнѣйше и разумнѣйше? Признаться надлежитъ, скудости ради своей, языкъ нашъ на сказанное недостаточенъ весьма, и нужно для того, чтобы они неизвѣстныя имена вещамъ въ мозгу своемъ сооружали, или, если употребятъ древнія, то испортятъ истинный смыслъ, чего наипаче опасаемся въ писаніяхъ священныхъ въ разсужденіи ихъ важности. Ибо грубымъ и неученымъ людямъ и женскому полу, въ руки которыхъ попадутся книги священныя, кто покажетъ истинный смыслъ? Разсмотри святаго Евангелія строки или посланія Апостола Павла, всякъ разумный признается, что много въ нихъ прибавленій и исправленій писцовыхъ.

Сказанное нами довольно извѣстно. Что же помыслимъ о томъ, что въ писателяхъ Каѳолическія церкви находится зависящее отъ строжайшаго разсмотрѣнія? Многое въ примѣръ поставить можемъ, но для сего намѣренія довольно уже нами сказаннаго.

Понеже начало сего искусства въ славномъ нашемъ градѣ Маинцѣ, скажемъ истиннымъ словомъ, божественно явилося и нынѣ въ ономъ исправленно и обогащенно пребываетъ, то справедливо, чтобы мы въ защиту нашу приняли важность его искусства. Ибо должность наша есть сохранять святыя писанія въ нерастлѣнной непорочности. Сказавъ такимъ образомъ о заблужденіяхъ и о продерзостяхъ людей наглыхъ и злодѣевъ, желая елико намъ возможно пособіемъ Господнимъ, о которомъ дѣло

здѣсь, предупредить и наложить узду, всѣмъ и каждому, церковнымъ и свѣтскимъ нашей области подданнымъ и внѣ предѣловъ оныя торгующимъ, какого бы они званія и состоянія ни были, симъ каждому повелѣваемъ, чтобы никакое сочиненіе въ какой бы наукѣ, художествѣ или знаніи ни было, съ греческаго, латинскаго или другого языка переводимо не было на нѣмецкій языкъ, или уже переведенное, съ перемѣною токмо загланія, или чего другого, не было раздаваемо или продаваеме, явно или скрытно, прямо или постороннимъ образомъ, если до печатанія или послѣ печати до изданія въ свѣтъ не будетъ имѣть отверзтаго дозволенія на печатаніе или изданіе въ свѣтъ отъ любезныхъ намъ свѣтлѣйшихъ и благородныхъ докторовъ и магистровъ университетскихъ, а именно: во градѣ нашемъ Маинцѣ отъ Іоганна Бертрама де Наумбурха, въ касающемся до богословіи, отъ Александра Дидриха въ законоученіи, отъ Ѳеодорика де Мешедя во врачебной наукѣ, отъ Андрея Елера во словесности, избранныхъ для сего въ городѣ нашемъ Эфруртѣ докторовъ и магистровъ. Въ городѣ же Франкфуртѣ, если таковыя на продажу изданныя книги не будутъ смотрѣны и утверждены почтеннымъ и намъ любезнымъ однимъ богословіи магистромъ и одинъ или двумя докторами и лиценціатами [1]), которые отъ думы онаго города на годовомъ жалованьѣ содержимы быть имѣютъ.

Если кто сіе наше попечительное постановленіе презритъ или противъ таковаго нашего указа подастъ совѣтъ помощь или благопріятство, своимъ лицомъ или посторон-

[1]) Баккалавръ.

нимъ, тѣмъ самимъ подвергаетъ себя осужденію на проклятіе, да, сверхъ того, лишенъ быть имѣетъ тѣхъ книгъ и заплатитъ сто золотыхъ гульденовъ пени въ казну нашу. И сего рѣшенія никто безъ особаго повелѣнія да нарушить не дерзаетъ. Дано въ замкѣ С. Мартына, во градѣ нашемъ Майнцѣ, съ приложеніемъ печати нашей. Мѣсяца Януарія, въ четвертый день 1486 года".

Его же о предыдущемъ, какимъ образомъ отправлять цензуру. „Лѣта 1486 Бертольдъ и пр. почтеннѣйшимъ ученѣйшимъ и любезнѣйшимъ намъ во Христѣ И. Бертраму богословіи, А. Дидриху законоученія, Ѳ. де Мешеде врачеванія докторамъ и А. Елеру словесности магистру здравіе и къ нижеписанному прилежаніе.

Извѣстившись о соблазнахъ и подлогахъ, отъ нѣкоторыхъ въ наукахъ переводчиковъ и книгопечатниковъ происшедшихъ, и желая онымъ предварить и заградить путь по возможности, повелѣваемъ, да никто въ епархіи и области нашей не дерзаетъ переводить книги на нѣмецкій языкъ, печатать или печатныя раздавать, доколѣ таковыя сочиненія или книги въ городѣ нашемъ Майнцѣ не будутъ разсмотрѣны вами, касательно до самой вещи, доколѣ не будутъ въ переводѣ и для продажи вами утверждены, согласно съ выше объявленнымъ указомъ.

Надѣяся твердо на ваше благоразуміе и осторожность, мы вамъ поручаемъ: когда назначаемыя къ переводу, печатанію или продажѣ сочиненія или книги къ вамъ принесены будутъ, то вы разсмотрите ихъ содержаніе, и если нелегко можно дать имъ истинный смыслъ, или могутъ возродить заблужденія и соблазны, или оскорбить цѣломудріе, то оныя отвергните; тѣ, которыя вы отпустите

свободными, имѣете вы подписать своеручно, и именно на концѣ двое отъ васъ, дабы тѣмъ виднѣе было, что тѣ книги вами смотрѣны и утверждены. Богу нашему и государству любезную и полезную должность отправляйте. Данъ въ замкѣ С. Мартына. 10 Януарія 1486 года".

Разсматривая сіе новое по тогдашнему времени законоположеніе, находимъ, что оно клонилося болѣе на запрещеніе, чтобы мало было книгъ печатано на нѣмецкомъ языкѣ, или, другими словами, чтобы народъ пребывалъ всегда въ невѣжествѣ. На сочиненія, на латинскомъ языкѣ писанныя, цензура, кажется, не распространялася. Ибо тѣ, которые были свѣдущи въ языкѣ латинскомъ, казалось, были уже ограждены отъ заблужденія, ему неприступны и, что читали, понимали ясно и некриво *). И такъ священники хотѣли, чтобы одни причастники ихъ власти были просвѣщенны, чтобы народъ науку почиталъ божественнаго происхожденія, превыше его понятія, и не смѣлъ бы оныя коснуться. И такъ изобрѣтенное на заключеніе истины и просвѣщенія въ тѣснѣйшіе предѣлы, изобрѣтенное недовѣряющею властію ко своему могуществу, изобрѣтенное на продолженіе невѣжества и мрака, нынѣ во дни наукъ и любомудрія, когда разумъ отрясъ несродные ему путы суевѣрія, когда истина блистаетъ столично паче и паче, когда источникъ ученія протекаетъ до дальнѣйшихъ отраслей общества, когда старанія правительствъ стремятся на истребленіе заблужденій и на отверзтіе безпреткновенныхъ путей разсудку къ истинѣ,—

*) Сравнить съ нимъ можно дозволеніе имѣть книги иностранныя всякаго рода и запрещеніе таковыхъ же на языкѣ народномъ.

Прим. авт.

постыдное монашеское изобрѣтеніе трепещущей власти принято нынѣ повсемѣстно, укоренено и благою пріемлется преградою блужденію! Неистовые! осмотритесь, вы стяжаете превратностію дать истинѣ опору, вы заблужденіемъ хотите просвѣщать народы. Блюдитеся убо, да не возродится тьма. Какая вамъ польза, что властвовати будете надъ невѣждами, тѣмъ паче загрубѣлыми, что не отъ недостатка пособій къ просвѣщенію невѣжды пребыли въ невѣжествѣ природы или паче въ естественной простотѣ, но, сдѣлавъ уже шагъ къ просвѣщенію, остановлены въ шествіи и обращены вспять, во тьму гонимы? Какая въ томъ вамъ польза боротися самимъ съ собою и исторгать шуйцею, что десницею насадили? Воззрите на веселящееся о семъ священство. Вы заранѣе уже ему служите. Простите тьму и почувствуйте на себѣ оковы, если не всегда оковы священнаго суевѣрія, то суевѣрія политическаго, не столь хотя смѣшного, но столь же пагубнаго.

По счастію однако же общества, что не изгнали изъ областей вашихъ книгопечатаніе. Яко древо, во всегдашней веснѣ насажденное, не теряетъ своея зелености, тако орудія книгопечатанія остановлены могутъ быть въ дѣйствіи, но не разрушены.

Папы, уразумѣвъ опасность ихъ власти, отъ свободы печатанія родиться могущей, не укоснили законоположить о цензурѣ, и сіе положеніе пріяло силу общаго закона на бывшемъ вскорѣ потомъ соборѣ въ Римѣ. Священный Тиверій, папа Александръ VI, первый изъ папъ законоположилъ о цензурѣ въ 1507 году. Самъ согбенный подъ всѣми злодѣяніями, не устыдился пещися о непорочности исповѣданія Христіанскаго. Но власть когда краснѣла!

Буллу свою начинаетъ онъ жалобою на діавола, который куколь *) сѣетъ во пшеницѣ, и говоритъ: „Узнавъ, что посредствомъ сказаннаго искусства многія книги и сочиненія въ разныхъ частяхъ свѣта, наипаче въ Кельнѣ, Майнцѣ, Тріерѣ, Магдебургѣ напечатанныя, содержатъ въ себѣ разныя заблужденія, ученія пагубныя, Христіанскому закону враждебныя, и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ печатаются, желая безъ отлагательства предварить сей ненавистной язвѣ, всѣмъ и каждому сказаннаго искусства печатникамъ и къ нимъ принадлежащимъ, и всѣмъ, кто въ печатномъ дѣлѣ обращается въ помянутыхъ областяхъ, подъ наказаніемъ проклятія и денежныя пени, опредѣляемой и взыскиваемой почтенными братіями нашими, Кельнскимъ, Майнцкимъ, Тріерскимъ и Магдебугрскимъ архіепископами или ихъ намѣстниками въ областяхъ ихъ, въ пользу Апостольской камеры,—Апостольскою властію наистрожайше запрещаемъ, чтобы не дерзали книгъ, сочиненій или писаній печатать или отдавать въ печать безъ доклада вышесказаннымъ архіепископамъ или намѣстникамъ и безъ ихъ особливаго и точнаго безденежно испрошеннаго дозволенія; ихъ же совѣсть обременяемъ, да прежде, нежели дадутъ таковое дозволеніе, назначенное къ печатанію, прилежно разсмотритъ или чрезъ ученыхъ и православныхъ велятъ разсмотрѣть, и да прилежно пекутся, чтобы не было печатано противнаго вѣрѣ православной, безбожное и соблазнъ производящаго...“ А дабы прежнія книги не содѣлали болѣе несчастій, то велѣно было разсмотрѣть всѣ о книгахъ реестры и всѣ печатныя

*) Плевелы, сорная трава.

книги, а которыя что-либо содержали противное каѳолическому исповѣданію, тѣ сжечь.

О! вы, цензуру учреждающіе, вспомните, что можете сравниться съ папою Александромъ VI, и устыдитеся!

Въ 1515 году Латеранскій Соборъ о цензурѣ положилъ, чтобы никакая книга не была печатана безъ утвержденія священства.

Изъ предыдущаго видѣли мы, что цензура изобрѣтена священствомъ и ему была единственно присвоена. Сопровождаемая проклятіемъ и денежнымъ взысканіемъ, справедливо въ тогдашнее время казаться могла ужасною нарушителю изданныхъ о ней законоположеній. Но опроверженіе Лутеромъ власти папской, отдѣленіе разныхъ исповѣданій отъ Римскія церкви, пренія различныхъ властей впродолженіе тридесятилѣтней войны произвели много книгъ, которыя явилися въ свѣтъ безъ обыкновеннаго клейма цензуры. Вездѣ однако же духовенство присвояло себѣ право производить цензуру надъ изданіями; и когда въ 1650 году учреждена была во Франціи цензура гражданская, то богословскій факультетъ Парижскаго Университета новому установленію противорѣчилъ, ссылаяся, что двѣсти лѣтъ онъ пользовался симъ правомъ.

Скоро по введеніи *) книгопечатанія въ Англіи учреждена цензура. Звѣздная палата, не меньше ужасная въ

---

*) Вилліамъ Какстонъ, лондонскій купецъ, завелъ въ Англіи книгопечатницу при Эдуардѣ IV въ 1474 году. Первая книга, печатанная на англинскомъ языкѣ, была Разсужденіе о шашечной игрѣ, переведенное съ французскаго языка. Вторая, Собраніе реченій и словъ философовъ, переведенное лордомъ Риверсомъ.

Прим. авт.

свое время въ Англіи, какъ въ Испаніи инквизиція или въ Россіи Тайная Канцелярія, опредѣлила число печатниковъ и печатныхъ становъ; учредила освобождателя, безъ дозволенія котораго ничего печатать не смѣли. Жестокости ея противъ писавшихъ о правительствѣ несчетны, и исторія ея оными наполнена. Итакъ, если въ Англіи суевѣріе духовное не въ силахъ было наложить на разумъ тяжкую узду цензуры, возложена она суевѣріемъ политическимъ. Но то и другое пеклися, да власть будетъ всецѣла, да очи просвѣщенія покрыты всегда пребудутъ туманомъ обаянія, и да насиліе царствуетъ на счетъ разсудка.

Со смертію графа Страфорда рушилась звѣздная палата; но ни уничтоженіе сего, ни судебная казнь Карла I не могли утвердить въ Англіи вольности книгопечатанія. Долгій Парліаментъ возобновилъ прежнія положенія, противъ ея сдѣланныя. При Карлѣ II и при Яковѣ I они паки возобновлены. Даже по совершеніи перемѣны въ 1692 году узаконеніе сіе подтверждено, но на два только года. Скончавшись въ 1694 году, вольность печатанія утверждена въ Англіи совершенно, и цензура, зѣвнувъ въ послѣдній разъ, издохла [1]).

Американскія правительства приняли свободу печатанія между первѣйшими законоположеніями, вольность гражданскую утверждающими. Пенсильванская область въ основательномъ своемъ законоположеніи, въ главѣ I, въ предложительномъ объявленіи правъ жителей Пенсильван-

---

[1]) Въ Даніи вольное книгопечатаніе было мгновенно. Стихи Вольтеровы на сей случай къ Датскому Королю во свидѣтельство осталися, что похвалою даже мудрому законоположенію спѣшить не надлежитъ.

Прим. авт.

скихъ, въ 12 статьѣ говоритъ: „народъ имѣетъ право говорить, писать и обнародовать свои мнѣнія; слѣдовательно, свобода печатанія никогда не долженствуетъ быть затрудняема.“ Въ главѣ 2, о образѣ правленія, въ отдѣленіи 35: „печатаніе да будетъ свободно для всѣхъ, кто хощетъ изслѣдовать положенія законодательнаго собранія или другой отрасли правленія“. Въ проектѣ о образѣ правленія въ Пенсильванскомъ государствѣ, напечатанномъ, дабы жители онаго могли сообщать свои примѣчанія, въ 1776 году въ Іюлѣ. Отдѣленіе 35. „Свобода печатанія отверзта да будетъ всѣмъ желающимъ изслѣдовать законодательное правительство, и общее собраніе да не коснется оныя никакимъ положеніемъ. Никакой книгопечатникъ да не потребуется къ суду за то, что издалъ въ свѣтъ примѣчанія, цѣненія, наблюденія о поступкахъ общаго собранія, о разныхъ частяхъ правленія, о дѣлахъ общихъ или о поведеніи служащихъ, по колику оное касается до исполненія ихъ должностей“. Делаварское Государство, въ объявленіи изъяснительномъ правъ, въ 23 статьѣ говоритъ: „Свобода печатанія да сохраняема будетъ ненарушимо“. Мариландское Государство въ 38 статьѣ тѣми же словами объясняется. Виргинское въ 14 статьѣ говоритъ сими словами: „Свобода печатанія есть наивеличайшая защита свободы государственной“.

Книгопечатаніе, до перемѣны 1789 года, во Франціи послѣдовавшей, нигдѣ толико стѣсняемо не было, какъ въ семъ государствѣ. Стоглазный Аргъ [1]), сторучный Бріарей, Парижская полиція, свирѣпствовала противъ писаній

[1]) Аргусъ.

и писателей. Въ Бастильскихъ темницахъ томился несчастные, дерзнувшіе охуждать хищность министровъ и ихъ распутство. Еслибы языкъ французскій не былъ толико употребителенъ въ Европѣ, не былъ бы всеобщимъ, то Франція, стеня подъ бичомъ цензуры, не достигла бы до того величія въ мысляхъ, какое явили многіе ея писатели. Но общее употребленіе французскаго языка побудило завести въ Голландіи, Англіи, Швейцаріи и нѣмецкой землѣ книгопечатницы, и все, что явиться не дерзало во Франціи, свободно обнародовано было въ другихъ мѣстахъ. Тако сила, кичася своими мышцами, осмѣяна была и неужасна; тако свирѣпства пѣнящіяся челюсти праздны оставалися, и слово твердое ускользало отъ нихъ непоглощенно.

Но дивись несообразности разума человѣческаго! Нынѣ, когда во Франціи всѣ твердятъ о вольности, когда необузданность и безначаліе дошли до края возможнаго, цензура во Франціи не уничтожена. И хотя все тамъ печатается нынѣ невозбранно, но тайнымъ образомъ. Мы недавно читали—да восплачутъ французы о участи своей, и съ ними человѣчество!—мы читали недавно, что народное собраніе, толико же поступая самодержавно, какъ доселѣ ихъ государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали подъ судъ за то, что дерзнулъ писать противъ народнаго собранія. Лафаетъ [1]) былъ исполнителемъ сего приговора. О Франція! Ты еще хождаешь близъ бастильскихъ пропастей!

---

[1]) Лафайетъ (1757—1834)—знаменитый французскій политическій дѣятель.

Размноженіе книгопечатницъ въ нѣмецкой землѣ, сокрывая отъ власти орудія оныхъ, отъемлетъ у нея возможность свирѣпствовать противъ разсудка и просвѣщенія. Малыя нѣмецкія правленія хотя вольности книгопечатанія стараются положить преграду, но безуспѣшно. Векерлинъ [1]) хотя мстящею властію посаженъ былъ подъ стражу, но „Сѣдое Чудовище" осталося у всѣхъ въ рукахъ. Покойный Фридрихъ II, Король Прусскій, въ земляхъ своихъ печатаніе сдѣлалъ почти свободнымъ, не какимъ-либо законоположеніемъ, но дозволеніемъ токмо и образомъ своихъ мыслей. Чему дивиться, что онъ не уничтожилъ цензуры? Онъ былъ самодержецъ, коего любезнѣйшая страсть была всесиліе. Но воздержись отъ смѣха. -- Онъ узналъ, что указы, имъ изданные, нѣкто намѣренъ былъ, собравъ, напечатать. Онъ и къ онымъ приставилъ двухъ цензоровъ или, правильнѣе сказать, браковщиковъ. О властвованіе! О всесиліе! Ты мышцамъ своимъ не довѣряешь. Ты боишься собственнаго своего обвиненія, боишься, чтобы языкъ твой тебя не посрамилъ, чтобы рука твоя тебя не заушила! -- Но какое добро сіи насильственные цензоры произвести могли? Не добро, но вредъ. Скрыли они отъ глазъ потомства нелѣпое какое-либо законоположеніе, которое на судъ будущій власть оставить стыдилась; которое, оставшися явнымъ, было бы, можетъ быть, уздою власти, да не дерзаетъ на уродливое. Императоръ Іосифъ II рушилъ отчасти преграду просвѣщенія, которая въ австрійскихъ наслѣдныхъ владѣніяхъ въ царствованіе Маріи Терезіи

---

[1]) Нѣмецкій журналистъ и юмористъ (1739—1792). Его журналъ— „Das graue Ungeheur", „Сѣдое чудовище".

тяготила разсудокъ; но не могъ онъ стрясти съ себя бремени предразсужденій и предлинное издалъ о цензурѣ наставленіе. Если должно его хвалить за то, что не возбранялъ опорочивать свои рѣшенія, находить въ поведеніи его недостатки и таковыя порицанія издавать въ печати, но похулимъ его за то, что на свободѣ въ изъясненіи мыслей онъ оставилъ узду. Сколь легко употребить можно оную во зло!.... [1]). Чему дивиться, скажемъ и теперь, какъ прежде: онъ былъ царь. Скажи же, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей, если не въ царской?

Въ Россіи..... Что въ Россіи съ цензурою происходило, узнаете въ другое время. А теперь, не производя цензуры надъ почтовыми лошадьми, я поспѣшно отправился въ путь.

МѢДНОЕ.

„Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли“..... „Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ - - пляшутъ - - подойдемъ поближе“, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля. - - Но я читалъ слѣдующее. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія до сердца моего не проникъ. О мой другъ! Гдѣ бы ты ни былъ, внемли и суди!

Каждую недѣлю два раза вся россійская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хо-

---

[1]) Въ новѣйшихъ извѣстіяхъ читаемъ, что наслѣдникъ Іосифа II намѣренъ возобновить цензурную комиссію, предмѣстникомъ его уничтоженную. *Прим. авт.*

четъ платить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про.... или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется.-- Публикуется:--„Сего.... дня по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда, или городового магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга отставнаго капитана Г.... недвижимое имѣніе, домъ, состоящій въ... части, подъ Но... и при немъ шесть душъ мужскаго и женскаго полу; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно".

На дешевое охотниковъ всегда много. Наступилъ день и часъ продажи. Покупщики съѣзжаются. Въ залѣ, гдѣ оная производится, стоятъ неподвижны на продажу осужденные. Старикъ лѣтъ 75, опершись на вязовой дубинкѣ, жаждетъ угадать, кому судьба его отдастъ въ руки, кто закроетъ его глаза. Съ отцомъ господина своего онъ былъ въ Крымскомъ походѣ, при фельдмаршалѣ Минихѣ; въ Франкфуртскую баталію онъ раненаго своего господина унесъ на плечахъ изъ строю. Возвратясь домой, былъ дядькою своего молодого барина. Во младенчествѣ онъ спасъ его отъ утопленія, бросясь за нимъ въ рѣку, куда сей упалъ, переѣзжая на паромѣ, и, съ опасностью своей жизни, спасъ его. Въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы, куда посаженъ былъ за долги въ бытность свою въ гвардіи унтеръ-офицеромъ.--Старуха 80 лѣтъ; жена его была кормилицею матери своего молодого барина; его была нянькою и имѣла надзираніе за домомъ, до самаго того

часа, какъ выведена на сіе торжище. Во все время службы своея ничего у господъ своихъ не утратила, ничѣмъ не покорыстовалась, никогда не лгала, а если иногда имъ досадила, то развѣ своимъ праводушіемъ. - - Женщина лѣтъ въ 40, вдова, кормилица молодого своего барина. И до днесь чувствуетъ она еще къ нему нѣкоторую нѣжность. Въ жилахъ его льется ея кровь. Она ему вторая мать, и ей онъ болѣе животомъ своимъ обязанъ, нежели своей природной матери. Сія зачала его въ веселіи, о младенчествѣ его не радѣла. Кормилица и нянька его были его воспитанницы [1]). Онѣ съ нимъ разстаются, какъ съ сыномъ.—Молодица 18 лѣтъ, дочь ея и внучка стариковъ. Звѣрь лютый, чудовище, извергъ! Посмотри на нее, посмотри на румяныя ея ланиты, на слезы, ліющіяся изъ ея прелестныхъ очей! Не ты ли, не возмогши прельщеніемъ и обѣщаніями уловить ея невинности, ни устрашить ея непоколебимости угрозами и казнію, наконецъ, употребилъ обманъ, обвѣнчавъ ее за спутника твоихъ мерзостей, и въ видѣ его насладился веселіемъ, котораго она дѣлить съ тобой гнушалася? Она узнала обманъ твой. Вѣнчанный съ нею не коснулся болѣе ея ложа, и ты, лишенъ ставъ твоея утѣхи, употребилъ насиліе. Четыре злодѣя, исполнители твоея воли, держа руки ея и ноги.... но сего не окончаемъ. На челѣ ея скорбь, въ глазахъ отчаяніе. Она держитъ младенца, плачевный плодъ обмана или насилія, но живой слѣпокъ прелюбодѣйнаго его отца. Родивъ его, позабыла отцово звѣрство, и сердце начало чувствовать къ нему нѣжность. Она боится, чтобы не попасть въ руки ему подобнаго. - - Младенецъ.... Твой

---

[1]) Воспитательницы?

сынъ, варваръ, твоя кровь! Иль думаешь, что гдѣ не было обряда церковнаго, тутъ нѣтъ и обязанности? Иль думаешь, что данное по приказанію твоему благословеніе наемнымъ извѣщателемъ слова Божія сочетаніе ихъ утвердило? иль думаешь, что насильственное вѣнчаніе во храмѣ Божіемъ можетъ назваться союзомъ? Всесильный мерзитъ принужденіемъ, Онъ услаждается желаніями сердечными. Они одни непорочны. О колико между нами прелюбодѣйствъ и растлѣній совершается во имя Отца радостей и утѣшителя скорбей, при Его свидѣтеляхъ, недостойныхъ своего сана! -- Дѣтина лѣтъ въ 25, вѣнчанный ея мужъ, спутникъ и наперсникъ своего господина. Звѣрство и мщеніе въ его глазахъ. Раскаивается о своихъ къ господину своему угожденіяхъ. Въ карманѣ его ножъ; онъ его схватилъ крѣпко; мысль его отгадать нетрудно.... Безплодное рвеніе! Достанешься другому. Рука господина твоего носящаяся надъ главою раба непрестанно, согнетъ выю твою на всякое угожденіе. Гладъ, стужа, зной, казнь — все будетъ противъ тебя. Твой разумъ чуждъ благородныхъ мыслей. Ты умереть не умѣешь. Ты склонишься и будешь рабъ духомъ, какъ и состояніемъ. А еслибы восхотѣлъ противиться, умрешь въ оковахъ томною смертію. Судіи между вами нѣтъ. Не захочетъ мучитель твой самъ тебя наказывать. Онъ будетъ твой обвинитель. Отдастъ тебя градскому правосудію. -- Правосудіе! -- гдѣ обвиняемый не имѣетъ почти власти оправдаться! -- Пройдемъ мимо другихъ несчастныхъ, выведенныхъ на торжище.

Едва ужасоносный молотъ испустилъ тупой свой звукъ, и четверо несчастныхъ узнали свою участь, -- слезы, рыданіе, стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшіе

были тронуты. Окаменѣлыя сердца! почто безплодное соболѣзнованіе? О квакеры! [1]) еслибы мы имѣли вашу душу, мы бы сложилися и, купивъ сихъ несчастныхъ, даровали бы имъ свободу.--Живъ многія лѣта въ объятіяхъ одинъ другого, несчастные сіи къ поносной продажѣ восчувствуютъ тоску разлуки. Но если законъ иль, лучше сказать, обычай варварскій, ибо въ законѣ того не писано, дозволяетъ толикое человѣчеству посмѣяніе, какое право имѣете продавать сего младенца? Онъ незаконнорожденный. Законъ его освобождаетъ. Постойте, я буду доноситель, я избавлю его. Еслибы съ нимъ могъ спасти и другихъ! О счастіе! почто ты такъ обидѣло меня въ твоемъ раздѣлѣ? Днесь жажду вкусити прелестнаго твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть къ богатству.--Сердце мое столь было стѣснено, что, выскочивъ изъ среды собранія и отдавъ несчастнымъ послѣднюю гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ.--„Что тебѣ сдѣлалось? ты плачешь!“ „Возвратись“, сказалъ я ему; „не будь свидѣтелемъ срамного позорища. Ты проклиналъ нѣкогда обычай варварскій въ продажѣ черныхъ невольниковъ въ отдаленныхъ селеніяхъ твоего отечества. Возвратись“, повторилъ я, „не будь свидѣтелемъ нашего затменія, и да не возвѣстиши стыда нашего твоимъ согражданамъ, бесѣдуя съ ними о нашихъ нравахъ“.--„Не могу сему я вѣрить“, сказалъ мнѣ мой другъ: „невозможно, чтобы тамъ, гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ, столь постыдное существовало обыкновеніе“.--„Не дивись“, ска-

---

[1]) Англійская секта—„Христіанское общество друзей“.

залъ я ему, „установленіе свободы въ исповѣданіи обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ, да и тѣ скорѣе пожелаютъ пріобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свободу сельскихъ жителей обидитъ, какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія“.

ТВЕРЬ.

„Стихотворство у насъ“, говорилъ товарищъ мой трактирнаго обѣда, „въ разныхъ смыслахъ, какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, уразумѣвъ смѣшное въ польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По несчастію случилося, что Сумароковъ въ то же время былъ; и былъ отмѣнный стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ вслѣдъ за ними не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Еслибы Ломоносовъ преложилъ Іова или псалмопѣвца дактилями, или еслибы Сумароковъ „Семиру“ или

„Димитрія“ [1]) написалъ хореями, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами, опричъ ямбовъ, и болѣе бы славы въ осьмилѣтнемъ своемъ пріобрѣлъ трудѣ, описавъ взятіе Казани свойственнымъ эпопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ [2]) на Виргилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но желалъ бы я, чтобы Омиръ между нами не въ ямбахъ явился, но въ стихахъ, подобныхъ его эксаметрамъ, и Костровъ [3]) хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы эпоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе самой поэзіи цѣлымъ поколѣніемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ остановили россійское стихосложеніе. Неутомимый возовикъ Тредіяковскій не мало къ тому способствовалъ своею „Телемахидою“. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи глубокій пустили корень. Парнассъ окруженъ ямбами, и риѳмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать дактилями, тому тотъ часъ Тредіяковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекеспира или Вольтера. Тогда и Тредіяковскаго выроютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ „Телемахидѣ“ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо ко краесловію [4]). Слышавъ

---

[1]) Трагедіи Сумарокова.

[2]) Треухая шапка.

[3]) Переводчикъ „Иліады“ и поэмъ Оссіана.

[4]) Риѳмы.

...ное дерево, можно выраст
по произволенію. Сверхъ же того, въ ст
какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господ
если она хотя нѣсколько имѣетъ въ се
то принята будетъ безъ прекословія. Но
венно, а особливо въ стихотворствѣ. Е
можетъ заржавѣть, но истинная красот
никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Р
Шекеспиръ, Тассо и многіе другіе читаны
истребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю я бесѣдовать съ
стихахъ, россійскому языку свойственныхъ
хорей, дактиль или анапестъ, всякъ знае
кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но
излишнее, еслибы я могъ дать примѣры вт
достаточные. Но силы мои и разумѣніе ко
вѣтъ мой можетъ что-либо сдѣлать, то я
россійское стихотворство да и самъ росси
раздо обогатились бы, еслибы переводы
сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораз
поэмѣ свойственнѣе было, еслибы перевод
не былъ въ ямбахъ, а ямбы некраесловные

Все вышесказанное изрекъ пирный мой т
языка. ч

ничего ему сказать на возраженіе, хотя много кой-чего имѣлъ на защищеніе ямбовъ и всѣхъ тѣхъ, которые ими писали.

„Я и самъ", продолжалъ онъ, „заразительному послѣдовалъ примѣру и сосочинялъ[2]) стихи ямбами, но то были оды. Вотъ остатокъ одной изъ нихъ, всѣ прочія сгорѣли въ огнѣ, да и оставшуюся та же ожидаетъ участь, какъ и сосестръ ея постигшая. Въ Москвѣ не хотѣли ее напечатать, по двумъ причинамъ, первая, что смыслъ въ стихахъ неясенъ, и много стиховъ топорной работы, другая, что предметъ стиховъ несвойственъ нашей землѣ. Я ѣду теперь въ Петербургъ просить о изданіи ея въ свѣтъ, ласкаяся, яко нѣжный отецъ своего дитяти, что ради послѣдней причины, для коей ее въ Москвѣ печатать не хотѣли, снисходительно воззрятъ на первую. Если вамъ не въ тягость будетъ прочесть нѣкоторыя строфы..." сказалъ онъ мнѣ, подавая бумагу.--Я ее развернулъ и читалъ слѣдующее. „Вольность... Ода"... „За одно названіе отказали мнѣ изданіе сихъ стиховъ. Но я очень помню, что въ Наказѣ о сочиненіи новаго уложенія, говоря о вольности, сказано: „вольностію называть должно то, что всѣ одинаковымъ повинуются законамъ". Слѣдственно, о вольности у насъ говорить вмѣстно.

I.

О! даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ;
О! вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.

[2]) Сочинялъ?

и твоего цари.

Сію строфу обвинили для двухъ при „во свѣтъ рабства тьму претвори". „Онъ оч денъ на изреченіе, ради частаго повторен ради соитія частаго согласныхъ буквъ „бств на десять согласныхъ три гласныхъ, а на росс толико же можно писать сладостно, какъ скомъ"... Согласенъ... хотя иные почитали ст нымъ, находя въ негладкости стиха изобра раженіе трудности самаго дѣйствія... Но вот смятутся отъ гласа твоего цари". Желать см есть то же, что желать ему зла; слѣдователь хочу вамъ наскучить всѣми примѣчаніями, сдѣланными. Многія, признаюсь, изъ нихъ были Позвольте, чтобы я вашимъ былъ чтецомъ.

2.

Я въ свѣтъ изшелъ, и ты со мною....
пройдемъ мимо. Вотъ ея содержаніе:
Человѣкъ во всемъ отъ рожденія свобо.

3.

Но что жъ претитъ моей свободѣ?

ть:

Соборной всѣхъ властей удѣлъ.
Ей общество во всемъ послушно,
Повсюду съ ней единодушно.
Для пользы общей нѣтъ препонъ.
Во власти всѣхъ своей зрю долю,
Свою творю, творя всѣхъ волю:
Вотъ что есть въ обществѣ законъ.

4.

Въ срединѣ злачныя долины,
Среди тягченныхъ жатвой нивъ
Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины *),
Средь мирныхъ подъ сѣньми оливъ,
Пароска мрамора бѣлѣе,
Яснѣйша дня лучей свѣтлѣе,
Стоитъ прозрачный всюду храмъ.
Тамъ жертва лжива не курится,
Тамъ надпись пламенная зрится:
„Конецъ невинности бѣдамъ."

5.

Оливной вѣтвію вѣнчанно,
На твердомъ камени сѣдяй;
Безжалостно и хладнонравно,
Глухое божество . . . . . .

И пр. изображается законъ въ видѣ божества во храмѣ, коего стражи суть истина и правосудіе.

*) Цвѣты.

Онъ лести чуждъ, лицепріятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знаетъ, ни пріязни,
Равно дѣлитъ и мзду и казни;
Онъ образъ Божій на земли.

7.

И се чудовище ужасно,
Какъ гидра, сто имѣя главъ,
Умильно и въ слезахъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ.
Земныя власти попираетъ,
Главою неба досязаетъ,
Его отчизна тамъ гласитъ.
Призраки, тьму повсюду сѣетъ,
Обманывать и льстить умѣетъ,
И слѣпо вѣрить всѣмъ велитъ.

8.

Покрывши разумъ темнотою
И всюду вѣя ползкій ядъ;....

Изображеніе священнаго суевѣрія, отъем
дее его въ

Бояться истины велѣлъ . . . . .
Власть называетъ оное извѣтомъ божества; разсудокъ— обманомъ.

9.

Воззримъ мы въ области обширны,
Гдѣ тусклый тронъ стоитъ рабства;

Въ мирѣ и тишинѣ суевѣріе священное и политическое, подкрѣпляя другъ друга,

Союзно общество гнетутъ.
Одно сковать разсудокъ тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую рекутъ.

10.

Покоя рабскаго подъ сѣнью
Плодовъ златыхъ не возрастетъ;
Гдѣ все ума претитъ стремленью,
Великость тамъ не прозябетъ.

И всѣ злыя слѣдствія рабства, какъ-то: безпечность, лѣность, коварство, голодъ и пр.

11.

Чело надменное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ, царь,
На громномъ тронѣ, властно сѣвши,
Въ народѣ зритъ лишь подлу тварь.
Животъ и смерть въ рукѣ имѣя:
„По волѣ“, рекъ, „щажу злодѣя,
„Я властію могу дарить;

„Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется;
„Нахмурюсь грозно, все смятется.
„Живешь тогда, велю коль жить.“

12.

И мы внимаемъ хладнокровно. . . . . Какъ, алчный змій, ругаяся всѣмъ, отравляетъ дни веселія и утѣхъ. Но хотя вокругъ твоего престола всѣ стоятъ, преклонше колѣна; трепещи, се мститель грядетъ, прорицая вольность. . . . .

13.

Возникнетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружитъ;
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечъ остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ;
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ,
Надъ гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя,

14.

И нощи се завѣсу лживой
Со трескомъ мощно разодравъ,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истуканъ поправъ;
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его, какъ гражданина,

Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ:
„Преступникъ власти мною данной!
„Вѣщай, злодѣй, мною вѣнчанный,
„Противъ меня возстать какъ смѣлъ?“

15.

„Тебя облекъ я во порфиру
„Равенство въ обществѣ блюсти,
„Вдовицу призирать и сиру,
„Отъ бѣдъ невинность чтобъ спасти,
„Отцомъ ей быть, чадолюбивымъ;
„Но мстителемъ непримиримымъ
„Пороку, лжѣ и клеветѣ;
„Заслуги честью награждати,
Устройствомъ зло предупреждати,
„Хранити нравы въ чистотѣ.

16.

Покрылъ я море кораблями . . . . . Далъ способъ къ пріобрѣтенію богатствъ и благоденствія. Желалъ я, чтобы земледѣлецъ не былъ плѣнникъ на своей нивѣ, и тебя бы благословлялъ. . . . .

17.

„Своихъ кровей я безъ пощады
„Гремящую воздвигнулъ рать;
„Я мѣдны изваялъ громады,
„Злодѣевъ внѣшнихъ чтобъ карать.
„Тебѣ велѣлъ повиноваться,
„Съ тобою къ славѣ устремляться.
„Для пользы всѣхъ мнѣ можно все.

„Земныя нѣдра раздираю,
„Металлъ блестящій извлекаю
„На украшеніе твое.

18.

Но ты, забывъ мнѣ клятву данну,
Забывъ, что я избралъ тебя,
Себѣ въ утѣху быть вѣнчанну
Возмнилъ, что ты Господь, не я;
Мечомъ мои расторгъ уставы;
Безгласными повергъ всѣ правы,
Стыдиться истинѣ велѣлъ.
Расчистилъ мерзостямъ дорогу,
Взывать сталъ не ко мнѣ, но къ Богу,
А мной гнушаться восхотѣлъ.

19.

Кровавымъ потомъ доставая
Плодъ, кой я въ пищу насадилъ,
Съ тобою крохи раздѣляя,
Своей натуги не щадилъ;
Тебѣ сокровищей всѣхъ мало!
На что жъ, скажи, ихъ недостало,
Что рубище съ меня сорвалъ?
Дарить любимца, полна лести!
Жену, чуждающуся чести!
Иль злато богомъ ты призналъ?

20.

Въ отличность знакъ изобрѣтенный
Ты началъ наглости дарить;

Въ злодѣя мечъ мой изощренный
Ты сталъ невинности сулить;
Сгружденные полки въ защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человѣчество карать?
Въ кровавыхъ борешься долинахъ,
Дабы, упившися въ Аѳинахъ,
„Ирой", зѣвавъ, могли сказать.

21.

Злодѣй злодѣевъ всѣхъ лютѣйшій...
Ты всѣ совокупилъ злодѣянія, и жало свое въ меня устремилъ...
Умри, умри же ты сто кратъ".
Народъ вѣщалъ...

22.

Великій мужъ, коварства полный,
Ханжа, и льстецъ, и святотать!
Единъ ты въ свѣтъ столь благотворный
Примѣръ великій могъ подать.
Я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,
Что, власть въ рукѣ своей имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ.
Но научилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себя народы,
Ты Карла, на судѣ, казнилъ.

23.

И се гласъ вольности раздается во всѣ концы...
На вѣче весь течетъ народъ;

... великъ ты, духъ свободы,
Зиждителенъ, какъ самъ есть Богъ!

24.

Въ слѣдующихъ одиннадцати строфахъ зак
саніе царства свободы и дѣйствія ея, то-есть
спокойствіе, благоденствіе, величіе...

34.

Но страсти, изощряя злобу...
Превращаютъ спокойствіе гражданъ въ пагуб
Отца на сына воздвигаютъ,
Союзы брачны раздираютъ,
И всѣ слѣдствія безмѣрнаго желанія властвов

35. 36. 37.

Описаніе пагубныхъ слѣдствій роскоши. М
Гражданская брань. Марій, Сулла, Августъ...
Тревожну вольность усыпилъ.
Чугунный скипетръ обвилъ цвѣтами... слѣдств
рабощеніе...

40.

На что сему дивиться, и человѣкъ родится на то, чтобы умереть...

Слѣдующія 8 строфъ содержатъ прорицанія о будущемъ жребіи отечества, которое раздѣлится на части, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ будетъ пространнѣе. Но время еще не пришло. Когда же оно наступитъ, тогда

Встрещатъ заклепы тяжкой ночи.

Упругая власть при издыханіи приставитъ стражу къ слову, и соберетъ всѣ свои силы, дабы послѣднимъ махомъ раздавить возникающую вольность...

49.

Но человѣчество возреветъ въ оковахъ и, направляемое надеждою свободы и неистребимымъ природы правомъ, двинется... И власть приведена будетъ въ трепетъ. Тогда всѣхъ силъ сложеніе, тяжелая власть,

Развѣется въ одно мгновенье.

О день избраннѣйшій всѣхъ дней!

50.

Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,

Начальный гласъ, гласъ божества.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность возсіяла.

„Вотъ и конецъ", сказалъ мнѣ новомодный стихотворецъ.--Я очень тому порадовался, и хотѣлъ было ему сказать, можетъ быть, непріятное на стихи его возраженіе, но колокольчикъ возвѣстилъ мнѣ, что въ дорогѣ складнѣе поспѣшать на почтовыхъ клячахъ, нежели карабкаться на Пегаса, когда онъ съ норовомъ.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, наборъ былъ причиною рыданія и слезъ щихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ пятиде голову двадцатилѣтняго парня, вопила: дитятко, на кого ты меня покидаешь? Ком домъ родительскій? Поля наши порастутъ наша хижина. Я, бѣдная, престарѣлая мать должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхло кто укроетъ ее отъ зноя? Кто напоитъ ме Да все то не столь сердцу тягостно: кто за при издыханіи? Кто приметъ мое родител веніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матер Кто придетъ воспомянуть меня надъ могил на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ

Подлѣ старухи стояла дѣвка, уже взро же вопила.-- „Прости, мой другъ серде мое красное солнышко! Мнѣ, твоей невѣст не будетъ больше утѣхи, ни веселья. Не по подруги мои. Не взойдетъ надо мною солн Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, н ною. Хотя бы безчеловѣчные наши старо

бы намъ обвѣнчатися; хотя бы ты, мой милый другъ, хотя бы одну уснулъ ноченьку, уснулъ бы на бѣлой моей груди! Авось ли бы Богъ меня помиловалъ, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшеніе".

Парень имъ говорилъ: „Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце! Зоветъ насъ государь на службу. На меня палъ жеребій. Воля Божія. Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая! Береги для меня Прасковьюшку". -- Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другого рода слова внялъ слухъ мой въ близъ стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ тридцати, посредственнаго роста, стоящаго бодро и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго.

„Услышалъ Господь молитву мою", вѣщалъ онъ. „Достигли слезы нещастнаго до Утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худого моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ не буду!"

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господскій былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ: „Еслибы, государь мой, съ одной стороны, поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и, стоя между двухъ гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налѣво, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякій другой избралъ

[illegible], не умирать томною смертію, по
подъ кошками, въ канцелахъ, въ погребѣ,
чущу, жаждущу при всегдашнемъ поруганіи
хотя холопей считаете вы своимъ имѣніемъ
скотовъ, но, къ несчастію ихъ горчайшему
тельности не лишены. Вамъ удивительно, в
таковыя слова въ устахъ крестьянина, но,
для чего не удивляетесь жестокосердію
дворянъ?"

И по истинѣ не ожидалъ я сказаннаго
смурый кафтанъ со бритымъ лбомъ. Но, же
рить моему любопытству, я просилъ его, чт
домилъ меня, какъ, будучи толь низкаго
достигъ понятій, не достающихъ нерѣдко в
свойственно называемыхъ благородными.

„Если вы не поскучаете слышать моей
вамъ скажу, что я родился въ рабствѣ: сынъ
бывшаго господина. Сколь восхищаюсь я, чт
уже меня Ванькою, ни поносительнымъ име
позыва не сдѣлаютъ свистомъ. Старый мой
вѣкъ добросердечный, разумный и доброд
рѣдко рыдавшій надъ участію своихъ рабо
долговременныя заслуги отца моего отличит
мнѣ воспитаніе наравнѣ съ своимъ сыномъ. Р

носилъ сукно моего потонѣ. Чему учили молодого боярина, тому учили и меня; наставленія намъ во всемъ были одинаковы, и безъ хвастовства скажу, что во многомъ я лучше успѣлъ своего молодого господина.

„Ванюша", говорилъ мнѣ старый баринъ, „счастіе твое зависитъ совсѣмъ отъ тебя. Ты болѣе къ учености и нравственности имѣешь побужденій, нежели мой сынъ. Онъ по мнѣ будетъ богатъ и нужды не узнаетъ, а ты съ рожденія съ нею познакомился. И такъ старайся быть достоинъ моего о тебѣ попеченія".-- На семнадцатомъ году возраста молодого моего барина отправленъ былъ онъ и я въ чужіе краи съ надзирателемъ, коему предписано было меня почитать сопутникомъ, а не слугою. Отправляя меня, старый мой баринъ сказалъ мнѣ: „надѣются, что ты возвратишься къ утѣшенію моему и своихъ родителей. Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства, но внѣ оныхъ ты свободенъ. Возвратясь же въ оное, узъ, рожденіемъ твоимъ на тебя наложенныхъ, ты не обрящешь". Мы отсутственны были пять лѣтъ и возвращалися въ Россію: молодой мой баринъ—въ радости видѣть своего родителя, а я, признаюсь, ласкаяся пользоваться сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніемъ. Сердце трепетало, вступая опять въ предѣлы моего отечества. И по истинѣ предчувствіе его было неложно. Въ Ригѣ молодой мой господинъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца. Онъ былъ оною тронутъ, я приведенъ въ отчаяніе. Ибо всѣ мои старанія пріобрѣсти дружбу и довѣренность молодого моего барина всегда были тщетны. Онъ не только меня не любилъ, изъ зависти, можетъ быть, тѣснымъ душамъ свойственной, но ненавидѣлъ.

Примѣтивъ мое смятеніе, извѣстіемъ о смерти его отца произведенное, онъ мнѣ сказалъ, что сдѣланное мнѣ обѣ-

щаніе не позабудетъ, если я того буду достоинъ. Въ первый разъ онъ осмѣлился мнѣ сіе сказать, ибо, получивъ свободу смертію своего отца, онъ въ Ригѣ же отпустилъ своего надзирателя, заплативъ ему за труды его щедро. Справедливость надлежитъ отдать бывшему моему господину, что онъ много имѣетъ хорошихъ качествъ, но робость духа и легкомысліе оныя помрачаютъ.

Чрезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда бывшій мой господинъ влюбился въ изрядную лицомъ дѣвицу, но которая съ красотою тѣлесною соединяла скареднѣйшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надменности своего происхожденія, отличностію почитала только внѣшность, знатность, богатство. Чрезъ два мѣсяца она стала супруга моего барина, и моя повелительница. До того времени я не чувствовалъ перемѣны въ моемъ состояніи, жилъ въ домѣ господина моего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ, но я предупреждалъ его иногда желанія, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дому, въ которомъ она опредѣлялася начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первый вечеръ по свадьбѣ и слѣдующій день, въ который я ей представленъ былъ супругомъ ея, какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества; но въ вечеру, когда при довольно многолюдномъ собраніи пришли всѣ къ столу и сѣли за первый ужинъ у новобрачныхъ, и я, по обыкновенію моему, сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу: если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, то бы холопей за оный не сажалъ. Онъ

взглянувъ на меня и движимъ уже сю, прислалъ ко мнѣ сказать, чтобы я изъ-за стола вышелъ и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, колико чувствительно мнѣ было сіе уничиженіе! Я, скрывъ однако же изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день не смѣлъ я показаться. Не навѣдываяся обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. То же было и въ слѣдующіе дни. Чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа, осматривая домъ и распредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ моимъ бариномъ. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи въ оныхъ, мнѣ въ посмѣяніе, но, возвратясь домой, мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ этажѣ, съ холостыми офиціантами, гдѣ моя постеля, сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ уже поставлены; все прочее она оставила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ коихъ помѣстила своихъ дѣвокъ.

Что въ душѣ моей происходило, слыша сіе, удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но, дабы не занимать васъ излишнимъ, можетъ быть, повѣствованіемъ, госпожа моя, вступивъ въ управленіе дома и не находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи и надѣла на меня ливрею. Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О государь мой, лучше бы мнѣ не родиться! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрасти въ невѣжествѣ, не думавъ никогда, что есмь человѣкъ, всѣмъ другимъ равный. Давно бы, давно бы из-

[illegible] я своего со
у себя темные остатки прежняго житія и
новомъ лунномъ уязвленіи.

Племянникъ моей барыни, молодецъ ос
сержантъ гвардіи, воспитанный во вкусѣ
гольковъ, влюбился въ горничную дѣвку
и, скоро овладѣвъ опытною ея горячност
матерью. Сколь онъ ни рѣшителенъ былъ в
ныхъ дѣлахъ, но при семъ происшествіи
тился. Ибо тетушка его, узнавъ о семъ, запр
себѣ своей горничной, а племянника поб
По обыкновенію милосердыхъ господъ, она
казать ту, которую жаловала прежде, выдав
замужъ. Но какъ всѣ они были уже женаты,
для славы дома надобенъ былъ мужъ, то х
всѣхъ служителей не нашла. И о семъ госпож
сутствіи своего супруга, мнѣ возвѣстила,
мнѣ милость. Не могъ я болѣе терпѣть поруга
вѣчная женщина! во власти твоей состоитъ
и уязвлять мое тѣло; говорите вы, что зако
надъ нами сіе право. Я и сему мало вѣрю,
знаю, что вступать въ бракъ никто принуж
можетъ.“ -- Слова мои произвели въ ней звѣр
Обратясь потомъ къ супругу ея: „Неблаг

благороднѣйшей, страшись!“ -- Болѣе сказать я не могъ, ибо по повѣленію госпожи моей отведенъ былъ на конюшню и сѣченъ нещадно кошками. На другой день, едва я могъ встать отъ побоевъ съ постели и паки приведенъ былъ предъ госпожу мою. -- „Я тебѣ прощу“, говорила она, „твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушкѣ, она тебя проситъ, и я, любя ее въ самомъ ея преступленіи, хочу это для нея сдѣлать.“ „Мой отвѣтъ“, сказалъ я ей, „вы слышали вчера, другого не имѣю. Присовокуплю только то, что просить на васъ буду начальство въ принужденіи меня къ тому, къ чему не имѣете права.“ -- „Ну такъ пора въ солдаты,“ вскричала яростно моя госпожа. . . . . Потерявшій путешественникъ въ страшной пустынѣ свою стезю меньше обрадуется, сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова: „въ солдаты“, повторила она, и на другой день то было исполнено. -- „Несмысленная! она думала, что такъ, какъ и поселянамъ, поступленіе въ солдаты есть наказаніе. Мнѣ было то отрада, и какъ скоро мнѣ выбрили лобъ, то я почувствовалъ, что я переродился. Силы мои обновилися. Разумъ и духъ паки начали дѣйствовать. О! надежда, сладостное несчастному чувствіе, пребуди во мнѣ!“ -- Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаянія изступила изъ очей его. -- Я прижалъ его къ сердцу моему. Лицо его новымъ озарилось веселіемъ. Не все еще исчезло: „ты вооружаешь душу мою,“ вѣщалъ онъ мнѣ, „противъ скорби, давъ чувствовать мнѣ, что бѣдствіе мое небезконечно“. . . . .

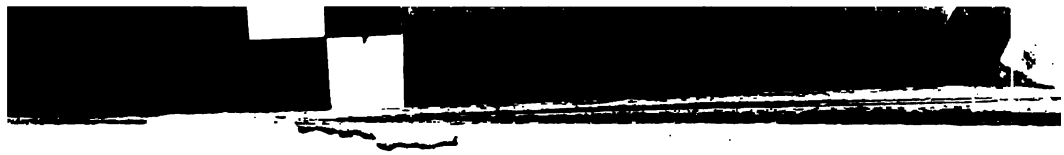
Отъ сего несчастнаго я подошелъ къ толпѣ, среди которой увидѣлъ трехъ скованныхъ человѣкъ крѣпчайшими желѣзами. „Удивленія достойно“, сказалъ я самъ себѣ, взи-

... Я спросилъ у одного близъ стоя
по одеждѣ своей приказнымъ служителе
зался.--„Конечно, боясь ихъ побѣгу заклю
толь тяжкія оковы?“--„Вы отгадали. Они прина
му помѣщику, которому занадобилися день
карету, и, для полученія оной, онъ продалъ
дачи въ рекруты казеннымъ крестьянамъ“.

Я. Мой другъ, ты ошибаешься, казенные
купать не могутъ своей братіи.

Онъ. Не продажею оно и дѣлается. Гос
несчастныхъ, взявъ по договору деньги, отп
на волю; они, будто по желанію, приписываю
дарственные крестьяне къ той волости, котор
платила деньги, а волость по общему пригово
ихъ въ солдаты. Ихъ везутъ теперь съ отпус
приписанія въ нашу волость.

Вольные люди, ничего не преступившіе,
продаются, какъ скоты! О законы! Премудрость
бываетъ только въ вашемъ слогѣ! Не явное
посмѣяніе? Но, поче еще того, посмѣяніе свящ
ни вольности! О, еслибы рабы, тяжкими узам
ные, яряся въ отчаяніи своемъ, разбили желѣ
ности ихъ препятствующим... наши, глав



среды ихъ исторгнулися великіе мужи для заступленія избитаго племени; но были бы они другихъ о себѣ мыслей и права угнетенія лишенны. -- Не мечта сіе, но взоръ проницаетъ густую завѣсу времени, отъ очей нашихъ будущее скрывающую; я зрю сквозь цѣлое столѣтіе. -- Съ негодованіемъ отошелъ я отъ толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Еслибы хотя немного имѣли твердости, утщетили бы удручительные помыслы своихъ тирановъ.. Возвратимся.... „Друзья мои", сказалъ я плѣнникамъ въ отечествѣ своемъ: „вѣдаете ли вы, что если вы сами не желаете вступить въ воинское званіе, никто къ тому васъ теперь принудить не можетъ?" -- „Перестань, баринъ, шутить надъ горькими людьми. И безъ твоей шутки больно было разставаться одному съ дряхлымъ отцомъ, другому съ малолѣтними сестрами, третьему съ молодою женою. Мы знаемъ, что господинъ насъ продалъ для отдачи въ рекруты за тысячу рублей". -- „Если вы до сего времени не вѣдали, то вѣдайте, что въ рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могутъ; что вамъ отъ барина дана отпускная, и что васъ покупщики ваши хотятъ приписать въ свою волость, будто по вашей волѣ". -- „О, если такъ баринъ, то спасибо тебѣ; когда насъ поставятъ въ мѣру, то всѣ скажемъ, что мы въ солдаты не хотимъ и что мы вольные люди". -- „Прибавьте къ тому, что васъ продалъ вашъ господинъ не въ указное время, и что отдаютъ васъ насильнымъ образомъ [1])". -- Легко себѣ вообразить можно радость, распро-

---

[1]) Во время рекрутскаго набора запрещается въ продажѣ крестьянъ совершать купчія. *Прим. авт.*

стершуюся на лицахъ сихъ несчастныхъ. Вспрянувъ отъ своего мѣста и бодро потрясая свои оковы, казалося, что испытываютъ свои силы, какъ бы ихъ свергнуть. Но разговоръ сей ввелъ было меня въ великія хлопоты: отдатчики рекрутскіе, вразумѣвъ моей рѣчи, воспаленные гнѣвомъ, прискочивъ ко мнѣ, говорили: „баринъ, не въ свое мѣшается дѣло, отойди, пока сухъ", и сопротивляющагося начали меня толкать столь сильно, что я съ поспѣшностію принужденъ былъ удалиться отъ сея толпы.

Подходя къ почтовому двору, нашелъ я еще собраніе поселянъ, окружающихъ человѣка въ разодранномъ сертукѣ, нѣсколько, казалося, пьянаго, кривляющагося на предстоящихъ, которые, глядя на него, хохотали до слезъ.-- „Что тутъ за чудо?" спросилъ я у одного мальчика: „чему вы смѣетеся?"--„А вотъ рекрутъ иноземецъ, по-русски не умѣетъ пикнуть".--Изъ рѣдкихъ словъ, имъ изреченныхъ, узналъ я, что онъ былъ французъ. Любопытство мое паче возбудилося, и желалъ узнать, какъ иностранецъ могъ отдаваемъ быть въ рекруты крестьянами. Я спросилъ его на сродномъ ему языкѣ.--„Мой другъ, какими судьбами ты здѣсь находишься?"

Французъ. Судьбѣ такъ захотѣлося: гдѣ хорошо, тутъ и жить должно.

Я. Да какъ ты попался въ рекруты?

Фран. Я люблю воинскую жизнь, мнѣ она уже извѣстна, я самъ захотѣлъ.

Я. Но какъ то случилося, что тебя отдаютъ изъ деревни въ рекруты? Изъ деревень берутъ въ солдаты обыкновенно однихъ крестьянъ и русскихъ; а ты, я вижу, не мужикъ и не русскій.

Франц. А вотъ какъ. Я въ Парижѣ съ ребячества учился перукмахерству *). Выѣхалъ въ Россію съ однимъ господиномъ. Чесалъ ему волосы въ Петербургѣ цѣлый годъ. Ему мнѣ заплатить было нечѣмъ. Я, оставивъ его, ненашедъ мѣста, чуть не умеръ съ голоду. По счастію могъ попасть въ матросы на корабль, идущій подъ россійскимъ флагомъ. Прежде отправленія въ море приведенъ я къ присягѣ, какъ россійскій подданный, и отправился въ Любекъ. На морѣ часто корабельщикъ билъ меня линькомъ за то, что былъ лѣнивъ. По неосторожности моей упалъ съ вантовъ **) на палубу и выломилъ себѣ три пальца, что меня навсегда сдѣлало неспособнымъ управлять гребнемъ. Пріѣхавъ въ Любекъ, попался прусскимъ наборщикамъ и служилъ въ разныхъ полкахъ. Нерѣдко за лѣность и пьянство былъ битъ палками. Заколовъ, будучи пьяный, своего товарища, ушелъ изъ Мемеля, гдѣ я находился въ гарнизонѣ. Вспомнилъ, что я обязанъ въ Россіи присягою и, яко вѣрный сынъ отечества, отправился въ Ригу съ двумя талерами въ карманѣ. Дорогою питался милостынею. Въ Ригѣ счастіе и искусство мое мнѣ послужили; выигралъ въ шинкѣ рублей съ двадцать и, купивъ себѣ за десять изрядный кафтанъ, отправился лакеемъ съ казанскимъ купцомъ въ Казань. Но, проѣзжая Москву, встрѣтился на улицѣ съ двумя моими земляками, которые совѣтовали мнѣ оставить хозяина и искать въ Москвѣ учительскаго мѣста. Я имъ сказалъ, что худо читать умѣю. Но они

---

*) Парикмахерству.

**) Снасти, поддерживающія мачты, съ ихъ приспособленіями съ боковъ и сзади.

[illegible] рублей, пудъ сахару, пу
фунтовъ чаю въ годъ, столъ, слуга и
принадлежало въ деревнѣ. Тѣмъ лучше. Та
не знали, что я писать не умѣю. Но как
господина, у котораго я жилъ, открылъ е
меня свезли въ Москву обратно. Не наш
добнаго сему дурака, не могши отправля
съ изломанными пальцами и боясь умерет
продалъ себя за двѣсти рублей. Меня за
стьяне и отдаютъ въ рекруты. Надѣюсь"
важнымъ видомъ, „что сколь скоро будет
служуся до генеральскаго чина; а не бу
набью карманъ (коли можно) и, увѣнчанъ
на покой въ мое отечество".

Пожалъ я плечами не одинъ разъ, слу
дягу, и съ уязвленнымъ сердцемъ легъ
правился въ путь.

ЗАВИДОВО.

Лошади были уже впряжены въ кибит
товлялся къ отъѣзду, какъ вдругъ сдѣлалс
ликій шумъ. Люди начали бѣгать изъ к
деревнѣ. На улицѣ видѣлъ я воина въ гра

тельство будетъ здѣсь черезъ минуту; подай мнѣ старосту...“ Снявъ шляпу за сто шаговъ, староста бѣжалъ во всю прыть, на сдѣланный ему позывъ. -- „Лошадей скорѣе!“ -- „Тотчасъ, батюшка! Пожалуйте подорожную.“ -- „На. Да скорѣе же, а то я тебя...“ говорилъ онъ, поднявъ плеть надъ головою дрожащаго старосты. Недоконченная сія рѣчь столь же была выраженія исполнена, какъ у Виргилія въ Энеидѣ рѣчь Эола къ вѣтрамъ: „Я васъ...“ и сокращенный видомъ плети властновелительнаго гранодера, староста столь же живо ощущалъ мощь десницы грозящаго воина, какъ бунтующіе вѣтры ощущали надъ собою власть сильной Эоловой остроги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорилъ: „его превосходительству съ честною его фамиліей потребно пятьдесятъ лошадей, а у насъ только тридцать на-лицо, другія въ разгонѣ.“ -- „Роди, старый чортъ! А не будетъ лошадей, то я тебя изуродую.“ -- „Да гдѣ же ихъ взять, коли взять негдѣ?“ -- „Разговорился еще... А вотъ лошади у меня будутъ...“ и, схватя старика за бороду, началъ его бить по плечамъ плетью, нещадно. -- „Полно ли съ тебя?! Да вотъ три свѣжія“, -- говорилъ строгій судья ямского стана, указывая на впряженныхъ въ мою повозку. -- „Выпряги ихъ для насъ...“ -- „Коли баринъ та ихъ отдастъ“ -- „Какъ бы онъ не отдалъ! У меня и ему то же достанется. Да кто онъ таковъ?“ -- „Невѣсть какой-то...“ какъ онъ меня величалъ, того не знаю.

Между тѣмъ я, вышедъ на улицу, воспретилъ храброму предтечѣ его превосходительства исполнить его намѣреніе и, выпрягая изъ повозки моей лошадей, меня заставить ночевать въ почтовой избѣ.

лощихъ его, аки громовой тучи, ямщиковъ
конечно, нѣчто чудесное бы тутъ увидѣли
нальное облако подъ знатною его превосх
бою вдругъ, остановясь, разверзлося, и они
отъ пыли сѣровиденъ, отродію черныхъ н

Отъ пріѣзду моего на почтовый станъ
ни, какъ лошади вновь впряжены были в
прошло по крайней мѣрѣ цѣлый часъ.
превосходительства запряжены были не
четверть часа... и поскакали онѣ на крыл
клячи, хотя лучше казалися тѣхъ, кои уд
превосходительную особу, но, не боясь гр
та, бѣжали посредственною рысью.

Блаженны въ единовластныхъ правле
Блаженны украшенные чинами и лента
имъ повинуется. Даже несмысленные с
ихъ желаніямъ, и, дабы имъ въ путешест
скучилось, скачутъ они, не жалѣя ни ног
нерѣдко отъ натуги околѣваютъ. Блаже
имѣющіе внѣшность, къ благоговѣнію в
Кто вѣдаетъ изъ трепещущихъ отъ плети,
что тотъ, во имя коего ему грозятъ, безга
дворной грамматикѣ называется; что ему и

всю жизнь свою сказать не удалося *); что онъ одолженъ, и сказать стыдно, кому, своимъ возвышеніемъ; что въ душѣ своей онъ скареднѣйшее есть существо; что обманъ, вѣроломство, предательство, блудъ, отравленіе, татьство, грабежъ, убивство не больше ему стоятъ, какъ выпить стаканъ воды; что ланиты его никогда отъ стыда не краснѣли, развѣ отъ гнѣва или пощечины; что онъ другъ всякаго придворнаго истопника и рабъ едва, едва при дворѣ нѣчто значащаго. Но властелинъ и презирающъ не вѣдающихъ его низкости и ползущества. Знатность безъ истиннаго достоинства, подобна колдунамъ въ нашихъ деревняхъ. Всѣ крестьяне ихъ почитаютъ и боятся, думая, что они чрезъестественные повелители. Надъ ними сіи обманщики властвуютъ по своей волѣ. А сколь скоро въ толпу, ихъ боготворящую, завернется мало кто грубѣйшаго невѣжества отчуждившійся, то обманъ ихъ обнаруживается, и таковыхъ дальновидцевъ они не терпятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они творятъ чудеса. Равно берегись и тотъ, кто посмѣетъ обнаружить колдовство вельможъ.

Но гдѣ мнѣ гнаться за его превосходительствомъ? Онъ поднялъ пыль столбомъ, которая по пролетѣ его исчезла, и я, пріѣхавъ въ Клинъ, нашелъ даже память его погибшую съ шумомъ.

КЛИНЪ.

„Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміамъ князь“.... Поющій сію народную пѣснь, назы-

*) См. рукописную придворную грамматику Фонъ-Визина.

Примѣч. авт.

Теперь она напечатана.

на его слушателей, лучше природѣ вне
взращенные во благогласіи уши жител
тербурга внемлютъ кударявому напѣву Габ
Тоди. Никто изъ предстоящихъ не ост
внутрь глубокаго, когда Клинскій пѣвец
луки своего ироя, едва прерывающимся
сомъ изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣст
его очи, исполнилися изступающихъ и
отъ бѣдъ души слезъ, и потоки оныхъ
нитамъ воспѣвающаго. О природа, колик
Взирая на плачущаго старца, жены возрь
сти отлетѣла сопутница ея, улыбка; на
явились робость, неложный знакъ бол
извѣстнаго чувствованія; даже мужествен
жестокости толико привыкшій, видъ во
О, природа! возопилъ я паки.....

Сколь сладко неязвительное чувство
лико сердце оно обновляетъ и онаго чу
рыдалъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ, и
столь же для меня сладостны, какъ истори
Вертеромъ [1]..... О мой другъ, мой другъ

---

[1]) „Страданія молодого Вертера“ Гёте.

зрѣлъ сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія была бы гораздо усладительнѣе.

По окончаніи пѣснословія всѣ предстоящіе давали старику какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денежки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба довольно равнодушно, но всегда сопровождая благодарность свою поклономъ, крестяся и говоря къ подающему: „Дай Богъ тебѣ здоровья". Я не хотѣлъ отъѣхать, не бывъ сопровождаемъ молитвою сего, конечно, пріятнаго небу старца. Желалъ его благословенія на совершеніе пути и желанія моего. Казалося мнѣ, да и всегда сіе мечтаю, какъ будто соблагословеніе чувствительныхъ душъ облегчаетъ стезю въ шествіи и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку, толико же дрожащею отъ боязни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, не успѣлъ онъ изрещи обыкновеннаго своего благословенія подающему, отвлеченъ отъ того необыкновенностію ощущенія лежащаго въ его горсти. И сіе уязвило мое сердце. „Колико пріятнѣе ему", вѣщалъ я самъ себѣ, „подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человѣчества, въ моемъ рублѣ ощущаетъ, можетъ быть, мою гордость. Онъ не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! колико малъ я самъ себѣ тогда казался, колико завидовалъ давшимъ полушку и краюшку хлѣба пѣвшему старцу!" -- „Не пятакъ ли?" сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно, какъ и всякое свое слово. -- „Нѣтъ, дѣдушка, рублевикъ", сказалъ близъ стоящій его мальчикъ. -- „Почто такая милостыня"? сказалъ слѣпой, опуская мѣста своихъ очей и ища, казалося, мысленно вообра-

цовъ моего сосѣда. Но на что онъ мнѣ
куда его и положить; подастъ онъ, мож
къ преступленію. Полушку немного пр
за рублемъ охотно многіе протянутъ рук
задъ, добрый господинъ, и ты и я съ тв
жемъ сдѣлать вора". -- О истина! колико
тельному сердцу, когда ты бываешь въ ук
его назадъ, мнѣ, право, онъ ненадобенъ
не стою, ибо не служилъ изображенному
Угодно было Создателю, чтобы еще въ б
тахъ лишенъ я былъ вождей моихъ. Терп
прещеніе. За грѣхи мои Онъ меня пос
воинъ; на многихъ бывалъ битвахъ съ
чества; сражался всегда неробко. Но вои
быть по нуждѣ. Ярость исполняла всегд
начатіи сраженія; я не щадилъ никогда
жащаго непріятеля и просящаго [1]) безору
ванія не дарилъ. Вознесенный побѣдою
когда устремлялся на караніе и добычу,
шенный зрѣнія и чувствъ пролетѣвшим
силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О! вы, п
будьте мужественны, но помните человѣч

тилъ онъ мнѣ мой рубль и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

„Прими свой праздничный пирогъ, дѣдушка“, говорила слѣпому подошедшая женщина, лѣтъ пятидесяти. -- Съ какимъ восторгомъ онъ принялъ его обѣими руками! -- „Вотъ истинное благодѣяніе, вотъ истинная милостыня! Тридцать лѣтъ сряду ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Не забыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала во младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, чтобы до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ нерѣдко побой крестьянамъ отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что-то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ; прибѣжалъ на крикъ мужика и избавилъ его отъ побой; можетъ быть, чего и больше, но впередъ отгадывать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи. Вотъ чего не позабываетъ она каждый день и каждый праздникъ Дѣло мое было не великое, но доброе. А доброе пріятно Господу; за Нимъ никогда ничто не пропадаетъ“.

„Неужели ты меня столько предъ всѣми обидишь, старичекъ“, сказалъ я ему, „и одно мое отвергнешь подаяніе? Неужели моя милостыня есть милостыня грѣшника? Да и та бываетъ ему на пользу, если служитъ къ умягченію его ожесточеннаго сердца“ -- „Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнію“, говорилъ старецъ: „не вѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ послужить могущаго подаянія; прости мнѣ мой

грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай, что можетъ мнѣ быть полезно..... Холодная у насъ была весна, у меня болѣло горло--платчишка не было, чѣмъ повязать шеи--Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась..... Нѣтъ ли старенькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, я его повяжу; онъ мою согрѣетъ шею; горло болѣть перестанетъ; я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно воспоминовеніе нищаго".--Я снялъ платокъ съ моей шеи, повязалъ на шею слѣпого..... И разстался съ нимъ.

Возвращаяся чрезъ Клинъ, я уже не нашелъ слѣпого пѣвца. Онъ за три дни моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая ему приносила пирогъ по праздникамъ, надѣлъ, заболѣвъ передъ смертію, на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило, слушавъ сіе.

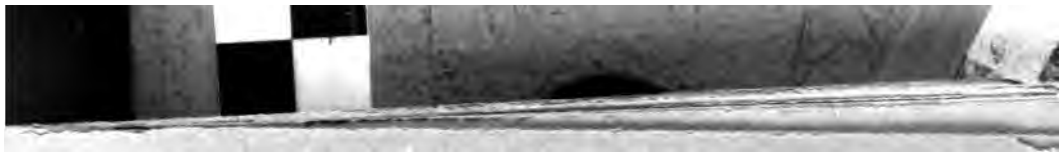
ПѢШКИ.

Сколь мнѣ ни хотѣлось поспѣшать въ окончаніи моего путешествія, но по пословицѣ: „голодъ не свой братъ" принудилъ меня зайти въ избу, и доколѣ не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетовъ и прочаго французскаго кушанья, на отраву изобрѣтеннаго, принудилъ меня пообѣдать старымъ кускомъ жареной говядины, которая со мною ѣхала въ запасѣ. Пообѣдавъ сей разъ гораздо хуже, нежели иногда обѣдаютъ многіе полковники (не говорю о генералахъ) въ дальныхъ походахъ, я по похвальному общему обыкновенію налилъ въ чашку приготовленнаго для меня кофію и услаждалъ прихотливость мою плодами пота несчастныхъ африканскихъ невольниковъ.

Увидѣвъ предо мною сахаръ, мѣсившая квашню хозяйка подослала ко мнѣ маленькаго мальчика попросить кусочекъ сего боярскаго кушанья. -- „Почему боярское“? сказалъ я ей, давая ребенку остатокъ моего сахара: „неужели и ты его употреблять не можешь“? -- „Потому и боярское, что намъ купить его не на что, а бояре его употребляютъ для того, что не сами достаютъ деньги. Правда, что и бурмистръ нашъ, когда ѣздитъ къ Москвѣ, то его покупаетъ, но также на наши слезы“. -- „Развѣ ты думаешь, что тотъ, кто употребляетъ сахаръ, заставляетъ васъ плакать“? -- „Не всѣ, но всѣ господа дворяне. Не слезы ли ты крестьянъ своихъ пьешь, когда они ѣдятъ такой же хлѣбъ, какъ и мы“? -- Говоря сіе, показывала она мнѣ составъ своего хлѣба. Онъ состоялъ изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки. -- „Да и то слава Богу при нынѣшнихъ неурожаяхъ. У многихъ сосѣдей нашихъ и того хуже. Что жъ вамъ, бояре, въ томъ прибыли, что вы ѣдите сахаръ, а мы голодны? Ребята мрутъ, мрутъ и взрослые. Но какъ быть, потужишь, потужишь, а дѣлай то, что господинъ велитъ!“ -- И начала сажать хлѣбы въ печь.

Сія укоризна, произнесенная не гнѣвомъ или негодованіемъ, но глубокимъ ощущеніемъ душевныя скорби, исполнила сердце мое грустію. Я обозрѣлъ въ первый разъ внимательно всю утварь крестьянскія избы. Первый разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ на немъ скользило. -- Четыре стѣны, до половины покрытыя такъ, какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ, всякое утро зимою и лѣтомъ

наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутый пузырь смеркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (счастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякій день есть пустыя щти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; столъ, топоромъ срубленный, который скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней или телятъ, буде есть; спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ счастію, кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки съ лаптями для выхода. -- Вотъ въ чемъ почитается, по справедливости, источникъ государственнаго избытка, силы, могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки и злоупотребленія законовъ и ихъ шероховатая, такъ сказать, сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе. -- Звѣри алчные, піявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляемъ? то, чего отнять не можемъ, воздухъ. Да одинъ воздухъ! Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. -- Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. -- Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны, почти всесиліе; съ другой—немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребій заклепаннаго во узы, се жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребій вола во ярмѣ...



Жестокосердый помѣщикъ, посмотри на дѣтей крестьянъ, тебѣ подвластныхъ! Они почти наги. Отчего? не ты ли родшихъ ихъ въ болѣзни и горести обложилъ сверхъ полевыхъ работъ оброкомъ? Не ты ли несотканное еще полотно опредѣляешь себѣ въ пользу? На что тебѣ смрадное рубище, которое къ нѣгѣ привыкшая твоя рука подъяти гнушается? едва послужитъ оно на отираніе служащаго тебѣ скота. Ты собираешь и то, что тебѣ ненадобно, несмотря на то, что неприкрытая нагота твоихъ крестьянъ тебѣ въ обвиненіе будетъ. Если здѣсь нѣтъ на тебя суда, но предъ Судіею,[1]) не вѣдающимъ лицепріятія, давшимъ нѣкогда и тебѣ путеводителя благого, совѣсть, но коего развратный твой разсудокъ давно изгналъ изъ своего жилища, изъ сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездіемъ. Неусыпный сей дѣяній твоихъ стражъ уловитъ тебя наединѣ, и ты почувствуешь его кары. О! еслибы они были тебѣ и подвластнымъ тебѣ на пользу... О! еслибы человѣкъ, входя почасту во внутренность свою, исповѣдалъ бы неукротимому судіи своему, совѣсти, свои дѣянія. Претворенный въ столпъ неподвижный громоподобнымъ ея гласомъ, не пускался бы онъ на тайныя злодѣянія; рѣдки бы тогда стали губительства, опустошенія... и пр., и пр., и пр.

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ.

Здѣсь я видѣлъ также изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты,

---

[1]) Пропущено сказуемое (отвѣтишь?).

скоро въ радость претвориться опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступать въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь, къ алтарю Отца всѣхъ благъ, Подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, Зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель Его пріиметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!.. Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный, дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ свою пользу. Первый ради полученія мзды; другой, дабы, истребляя поносительное человѣчеству насиліе, не лишиться самому лестнаго преимущества управлять себѣ подобнымъ самовластно.--О! горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ...

Я тебѣ, читатель, позабылъ сказать, что парнасскій судья, съ которымъ я въ Твери обѣдалъ въ трактирѣ, мнѣ сдѣлалъ подарокъ. Голова его надъ многимъ чѣмъ испытывала силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешь, суди самъ, а мнѣ скажи на ушко, каково тебѣ покажется. Если, читая, тебѣ захочется спать, то сложи книгу и усни. Береги ее для безсонницы.

СЛОВО О ЛОМОНОСОВѢ.

Пріятность вечера послѣ жаркаго лѣтняго дня выгнала меня изъ моей кельи. Стопы мои направилъ я за Невскій

монастырь и долго гулялъ въ рощѣ, позади его лежащей. [1]) Солнце лицо свое уже сокрыло, но легкая завѣса ночи едва ли на синемъ сводѣ была чувствительна. [2]) Возвращаяся домой, я шелъ мимо Невскаго кладбища. Ворота были отверзты. Я вошелъ... На семъ мѣстѣ вѣчнаго молчанія, гдѣ наитвердѣйшее чело поморщится несомнѣнно, помысливъ, что тутъ долженствуетъ быть конецъ всѣхъ блестящихъ подвиговъ, на мѣстѣ незыблемаго спокойствія и равнодушія непоколебимаго могло ли бы, казалося, совмѣстно быть киченіе, тщеславіе и надмѐнность? Но гробницы великолѣпныя? Суть знаки несомнѣнные человѣческія гордыни, но знаки желанія его жити вѣчно. Но се ли вѣчность, которыя человѣкъ толико жаждущъ?.. Не столпъ, воздвигнутый надъ тлѣніемъ твоимъ, сохранитъ память твою въ дальнѣйшее потомство. Не камень со изсѣченіемъ имени твоего пренесетъ славу твою въ будущія столѣтія. Слово твое, живущее присно и во вѣки въ твореніяхъ твоихъ, слово россійскаго племени, тобою въ языкѣ нашемъ обновленное, прелетитъ во устахъ народныхъ за необозримый горизонтъ столѣтій. Пускай стихіи, свирѣпствуя сложенно, разверзнутъ земную хлябь и поглотятъ великолѣпный сей градъ, откуда громкое твое пѣніе раздавалося во всѣ концы обширныя Россіи; пускай яростный нѣкій завоеватель истребитъ даже имя любезнаго твоего отечества, но доколѣ слово россійское ударять будетъ слухъ, ты живъ будешь и не умрешь. Если умолкнетъ оно, то и слава твоя угаснетъ. Лестно, лестно такъ умрети. Но если кто умѣетъ

---

[1]) Озерки. *Прим. автора.*

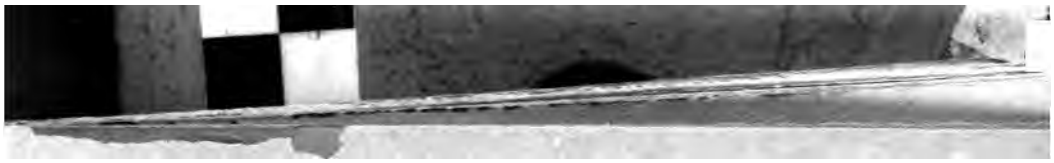
[2]) Іюнь. *Прим. автора.*

исчислить мѣру сего продолженія, если перстъ гаданія назначитъ предѣлъ твоему имени, то не се ли вѣчность?.. Сіе изрекъ я въ восторгѣ, остановясь предъ столпомъ, надъ тлѣніемъ Ломоносова воздвигнутымъ. -- Нѣтъ, не хладный камень сей повѣствуетъ, что ты жилъ на славу имени россійскаго, не можетъ онъ сказать, что ты былъ. Творенія твои да повѣствуютъ намъ о томъ, житіе твое да скажетъ, почто ты славенъ.

Гдѣ ты, о возлюбленный мой, гдѣ ты? Пріиди бесѣдовати со мною о великомъ мужѣ. Пріиди, да сплетемъ вѣнецъ насадителю россійскаго слова. Пускай другіе, раболѣпствуя власти, превозносятъ хвалою силу и могущество. Мы воспоемъ пѣснь заслугѣ къ обществу.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ родился въ Холмогорахъ.... Рожденный отъ человѣка, который не могъ дать ему воспитанія, дабы посредствомъ онаго понятіе его изострилося и украсилося полезными и пріятными знаніями; опредѣленный по состоянію своему препровождать дни свои между людей, коихъ окружность мысленныя области не далѣе ихъ ремесла простирается; сужденный дѣлить время свое между рыбнымъ промысломъ и стараніемъ получить мзду своего труда, разумъ молодого Ломоносова не могъ бы достигнуть той обширности, которую онъ пріобрѣлъ, трудясь въ испытаніи природы, ни гласъ его той сладости, которую онъ имѣлъ отъ обхожденія чистыхъ муссъ [1]). Отъ воспитанія въ родительскомъ домѣ онъ пріялъ маловажное, но ключъ ученія, знаніе читать и писать, а отъ природы любопытство. И се, природа, твое торжест-

[1]) Музъ.



во. Алчное любопытство, вселенное тобою въ души наши, стремится къ познанію вещей, а кипящее сердце славолюбіемъ не можетъ терпѣть путъ, его стѣсняющихъ. Реветъ оно, клокочетъ, стонетъ и, махомъ прерывая узы, летитъ стремглавъ (нѣтъ преткновенія) къ предлогу своему. Забыто все, одинъ предлогъ въ умѣ; имъ дышимъ, имъ живемъ.

Не выпуская изъ очей своихъ вожделѣннаго предмета, юноша собираетъ познаніе вещей въ слабѣйшихъ ручьяхъ протекшаго наукъ источника до нижайшихъ степеней общества. Чуждый руководства, столь нужнаго для ускоренія въ познаніяхъ, онъ первую силу разума своего, память, остритъ и украшаетъ тѣмъ, чтобы разсудокъ его острить долженствовало. Сія тѣсная округа свѣдѣній, кои онъ могъ пріобрѣсть на мѣстѣ рожденія своего, не могла усладить жаждущаго духа, но паче возжгла въ юношѣ непреодолимое къ ученію стремленіе. Блаженъ, что въ возрастѣ, когда волненіе страстей изводитъ насъ впервые изъ не чувствительности, когда приближаемся степени возмужалости, стремленіе его обратилося къ познанію вещей.

Подстрекаемъ науки алчбою, Ломоносовъ оставляетъ родительскій домъ, течетъ въ престольный градъ, приходитъ въ обитель иноческихъ муссъ и вмѣщается въ число юношей, посвятившихъ себя ученію свободныхъ наукъ и слову Божію.

Преддверіе учености есть познаніе языковъ, но представляется, яко поле, терніемъ насажденное, и яко гора, строгимъ каменемъ усѣянная. Глазъ не находитъ тутъ пріятности расположенія, стопы путешественника, покойныя гладости на отдохновеніе, ни зеленѣющагося убѣжища

утомленному тутъ нѣтъ. Тако учащійся, приступивъ къ неизвѣстному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновеннымъ журчаніемъ исходящаго изъ нея воздуха утомляется, и языкъ, новообразно извиваться принужденный, изнемогаетъ. Разумъ тутъ цѣпенѣетъ, разсудокъ безъ дѣйствія ослабѣваетъ, воображеніе теряетъ свое крыліе; единая память бдитъ и острится, и всѣ излучины и отверзтія свои наполняетъ образами неизвѣстныхъ доселѣ звуковъ. При ученіи языковъ все отвратительно и тягостно. Еслибы не подкрѣпляла надежда, что, пріучивъ слухъ къ необыкновенности звуковъ и усвоивъ чуждыя произношенія, не откроются потомъ пріятнѣйшіе предметы, то неуповательно, восхотѣлъ ли бы кто вступить въ столь строгій путь. Но, превзошедъ сіи трудности, коликократно награждается постоянство въ понесенныхъ трудахъ. Новые представляются тогда естества виды, новая цѣпь воображеній. Познаніемъ чуждаго языка становимся мы гражданами тоя области, гдѣ онъ употребляется, собесѣдуемъ съ жившими за многія тысячи вѣковъ, усвояемъ ихъ понятія и всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ изобрѣтенія и мысли, сочетаваемъ и приводимъ въ единую связь.

Упорное прилежаніе въ ученіи языковъ сдѣлало Ломоносова согражданиномъ Аоинъ и Рима. И се наградилося его постоянство. Яко слѣпецъ отъ чрева матерня свѣта не зрѣвшій, когда искусною глазоврачевателя рукою возсіяетъ для него величество дневного свѣтила, быстрымъ взоромъ протекаетъ онъ всѣ красоты природы, дивится ея разновидности и простотѣ. Все его плѣняетъ, все поражаетъ. Онъ живѣе обыкшихъ всегда во зрѣни очей чувствуетъ ея изящности, восхищается и приходитъ въ восторгъ. Тако

Ломоносовъ, получивши свѣдѣніе латинскаго и греческаго языковъ, пожиралъ красоты древнихъ витій и стихотворцевъ. Съ ними научался онъ чувствовать изящности природы; съ ними научался познавать всѣ уловки искусства, крыющагося всегда въ одушевленныхъ стихотворствомъ видахъ, съ ними научался изъявлять чувствія свои, давать тѣло мысли и душу бездыханному.

Еслибы силы мои достаточны были, представилъ бы я, какъ постепенно великій мужъ водворялъ въ понятіе свое понятія чуждыя, кои, преобразовавшись въ душѣ его и разумѣ, въ новомъ видѣ явилися въ его твореніяхъ или родили совсѣмъ другіе, уму человѣческому доселѣ недовѣдомые. Представилъ бы его ищущаго знанія въ древнихъ рукописяхъ своего училища и гоняющагося за видомъ ученія вездѣ, гдѣ казалося быть его хранилище. Часто обманутъ бывалъ въ ожиданіи своемъ, но частымъ чтеніемъ церковныхъ книгъ онъ основаніе положилъ къ изящности своего слога, какое чтеніе онъ предлагаетъ всѣмъ желающимъ пріобрѣсти искусство россійскаго слова.

Скоро любопытство его щедрое получило удовлетвореніе. Онъ ученикъ сталъ славнаго Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблужденія, преподанныя ему въ монашескихъ училищахъ, онъ твердыя и ясныя полагалъ степени къ восхожденію во храмъ любомудрія. Логика научила его разсуждать; математика вѣрныя дѣлать заключеніи и убѣждаться единою очевидностію; метафизика преподала ему гадательныя истины, ведущія часто къ заблужденію; физика и химія, къ коимъ, можетъ быть, ради изящности силы воображенія прилежалъ отлично, ввели его въ жертвенникъ природы и открыли ему ея

таинства; металлургія и минералогія, яко послѣдственницы предыдущихъ, привлекли на себя его вниманіе, и дѣятельно хотѣлъ Ломоносовъ познать правила, въ оныхъ наукахъ руководствующія.

Изобиліе плодовъ и произведеній понудило людей мѣнять ихъ на таковыя, въ коихъ былъ недостатокъ. Сіе произвело торговлю. Великія въ мѣновномъ торгу затрудненія побудили мыслить о знакахъ, всякое богатство и всякое имущество представляющихъ. Изобрѣтены деньги. Злато и сребро, яко драгоцѣннѣйшіе по совершенству своему металлы, и доселѣ украшеніемъ служившіе, преображены стали въ знаки, всякое стяжаніе представляющіе. И тогда только по истинѣ, тогда возгорѣлась въ сердцѣ человѣческомъ ненасытная сія и мерзительная страсть къ богатствамъ, которая, яко пламень, вся пожирающій, усиливается, получая пищу. Тогда, оставивъ первобытную свою простоту и природное свое упражненіе, земледѣліе, человѣкъ предалъ животъ свой свирѣпымъ волнамъ или, презривъ гладъ и зной пустынный, протекалъ черезъ оныя въ невѣдомыя страны для снисканія богатствъ и сокровищъ. Тогда, презрѣвъ свѣтъ солнечный, живый нисходилъ въ могилу и, расторгнувъ нѣдра земныя, прорывалъ себѣ нору, подобенъ земному гаду, ищущему въ нощи свою пищу. Тако человѣкъ, сокрываясь въ пропастяхъ земныхъ, искалъ блестящихъ металловъ и сокращалъ предѣлы своея жизни наполовину, питаяся ядовитымъ дыханіемъ паровъ, изъ земли исходящихъ. Но какъ и самая отрава, ставъ иногда привычкою, бываетъ необходимою человѣку въ употребленіи, такъ и добываніе металловъ, сокрашая дни ископателей, не отвергнуто ради своея

смертности; а паче изысканы способы добывать легчайшимъ образомъ большее число металловъ по возможности.

Сего-то хотѣлъ познать Ломоносовъ дѣятельно и для исполненія своего намѣренія отправился въ Фрейберхъ. Мнѣ мнится, зрю его, пришедшаго къ отверзтію, чрезъ которое истекаетъ исторгнутый изъ нѣдръ земныхъ металлъ. Пріемлетъ томное свѣтило, опредѣленное освѣщать его въ ущелинахъ, куда солнечные лучи досязать не могутъ николи. Исполнилъ первый шагъ: „Что дѣлаешь?“ вопіетъ ему разсудокъ. „Неужели отличила тебя природа своими дарованіями для того только, чтобы ты употреблялъ ихъ на пагубу своея собратіи? Что мыслишь, нисходя въ сію пропасть? Желаешь ли снискать вящшее искусство извлекати сребро и злато? Или не вѣдаешь, какое въ мірѣ сотворили они зло? Или забылъ завоеваніе Америки?... Но нѣтъ, нисходи, познай подземныя ухищренія человѣка и, возвратясь въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа подать совѣтъ зарыть и заровнять сіи могилы, гдѣ тысящи въ животѣ сущія погребаются“.

Трепещущъ нисходитъ въ отверзтіе и скоро теряетъ изъ виду живоносное свѣтило. Желалъ бы я послѣдовать ему въ подземномъ его путешествіи, собрать его размышленіи и представить ихъ въ той связи и тѣмъ порядкомъ, какими они въ разумѣ его возраждалися. Картина его мыслей была бы для насъ увеселительною и учебною. Проходя первый слой земли, источникъ всякаго прозябенія, подземный путешественникъ обрѣлъ его несходственнымъ съ послѣдующими, отличающимся отъ другихъ паче всего своего плодоносною силою. Заключалъ, можетъ быть, изъ того, что поверхность сія земная не изъ чего иного

составлена, какъ изъ тлѣнія животныхъ и прозябеній, что плодородіе ея, сила питательная и возобновительная, начало свое имѣетъ въ неразрушимыхъ и первенственныхъ частяхъ всяческаго бытія, которыя, не перемѣняя своего существа, перемѣняютъ видъ только свой, изъ сложенія случайнаго раждающійся. Проходя далѣе, подземный путешественникъ зрѣлъ землю, всегда расположенную слоями. Въ слояхъ находилъ иногда остатки животныхъ, въ моряхъ живущихъ, находилъ остатки растеній и заключать могъ, что слоистое расположеніе земли начало свое имѣетъ въ наплавномъ положеніи водъ, и что воды, переселяяся изъ одного края земного шара къ другому, давали землѣ тотъ видъ, какой она въ нѣдрахъ своихъ представляетъ. Сіе единовидное слоевъ расположеніе, теряяся изъ его зрака, представляло иногда ему смѣшеніе многихъ разнородныхъ слоевъ. Заключалъ изъ того, что свирѣпая стихія, огнь, проникнувъ въ нѣдра земныя и встрѣтивъ противоборствующую себѣ влагу, ярясь, мутила, трясла, валила и метала все, что ей упорствовать тщилося своимъ противодѣйствіемъ. Смутивъ и смѣшавъ разнородныя, знойнымъ своимъ дохновеніемъ возбудила въ первобытностяхъ металловъ силу притяжательную и ихъ соединила. Тамъ узрѣлъ Ломоносовъ сіи мертвыя по себѣ сокровища въ природномъ ихъ видѣ, воспомянулъ алчбу и бѣдствіе человѣковъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ сіе мрачное обиталище людской ненасытности.

Упражняяся въ познаніи природы, онъ не оставилъ возлюбленнаго своего ученія стихотворства. Еще въ отечествѣ своемъ случай показалъ ему, что природа назначила его къ величію, что въ обыкновенной стезѣ шествія человѣческаго

нъ скитаться не будетъ. Псалтырь, Симеономъ Полоцкимъ въ стихи преложенная, ему открыла о немъ таинство природы, показала, что и онъ стихотворецъ. Бесѣдуя съ Гораціемъ, Виргиліемъ и другими древними писателями, онъ давно уже удостовѣрился, что стихотвореніе россійское *) весьма было несродно благогласію и важности языка нашего. Читая нѣмецкихъ стихотворцевъ, онъ находилъ, что слогъ ихъ былъ плавнѣе россійскаго, что стопы въ стихахъ были расположены по свойству языка ихъ. Итакъ онъ вознамѣрился сдѣлать опытъ сочиненія новообразными стихами, поставивъ сперва россійскому стихотворенію правила, на благогласіи нашего языка основанныя. Сіе исполнилъ онъ, написавъ оду на побѣду, одержанную россійскими войсками надъ турками и татарами и на взятіе Хотина, которую изъ Марбурга онъ прислалъ въ Академію Наукъ. Необыкновенность слога, сила выраженія, изображенія, едва не дышащія, изумили читающихъ сіе новое произведеніе. И сіе первородное чадо стремящагося воображенія по непроложенному пути въ доказательство съ другими купно послужило, что когда народъ направленъ единожды къ усовершенствованію, онъ ко славѣ идетъ не одной тропинкою, но многими стезями вдругъ.

Сила воображенія и живое чувствованіе не отвергаютъ разысканія подробностей. Ломоносовъ, давая примѣры благогласія, зналъ, что изящность слога основана на правилахъ, языку свойственныхъ. Восхотѣлъ ихъ извлечь изъ самаго слова, не забывая однако же, что обычай первый всегда падаетъ въ сочетаніи словъ примѣръ, и реченія,

*) Силлабическое.

изъ правила исходящія, обычаемъ становятся правильными. Раздробляя всѣ части рѣчи и сообразуя ихъ съ употребленіемъ ихъ, Ломоносовъ составилъ свою грамматику. Но, не довольствуяся преподавать правила россійскаго слова, онъ даетъ понятіе о человѣческомъ словѣ вообще, яко благороднѣйшемъ по разумѣ дарованіи, данномъ человѣку для сообщенія своихъ мыслей. Се сокращеніе общей его грамматики: Слово представляетъ мысли; орудіе слова есть голосъ; голосъ измѣняется образованіемъ или выговоромъ; различное измѣненіе голоса изображаетъ различіе мыслей; итакъ, слово есть изображеніе нашихъ мыслей, посредствомъ образованія голоса чрезъ органы, на то устроенные. Поступая далѣе отъ сего основанія, Ломоносовъ опредѣляетъ нераздѣлимыя части слова, коихъ изображенія называютъ буквами. Сложеніе нераздѣльныхъ частей слова производитъ склады, кои опричь образовательнаго различія голоса различаются еще такъ называемыми удареніями, на чемъ основывается стихосложеніе. Сопряженіе складовъ производитъ рѣченія, или знаменательныя части слова. Сіи изображаютъ или вещь, или ея дѣяніе. Изображеніе словесное вещи называется и м я; изображеніе дѣянія—г л а г о л ъ. Для изображенія же сношенія вещей между собою и для сокращенія ихъ въ рѣчи служатъ другія части слова. Но первыя суть необходимы и называться могутъ главными частями слова, а прочія служебными. Говоря о разныхъ частяхъ слова, Ломоносовъ находитъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ въ себѣ отмѣны. Вещь можетъ находиться въ разныхъ въ разсужденіи другихъ вещей положеніяхъ. Изображеніе таковыхъ положеній и отношеній именуется падежами. Дѣяніе всякое располагается по времени; оттуда и глаголы

расположены по временамъ, для изображенія дѣянія, въ какое время оное происходитъ. Наконецъ, Ломоносовъ говоритъ о сложеніи знаменательныхъ частей слова, что производитъ рѣчи.

Предпославъ таковое философическое разсужденіе о словѣ вообще, на самомъ естествѣ тѣлеснаго нашего сложенія основанномъ, Ломоносовъ преподаетъ правила россійскаго слова. И могутъ ли быть они посредственны, когда начертавшій ихъ разумъ водимъ былъ въ грамматическихъ терніяхъ свѣтильникомъ остроумія? Не гнушайся, великій мужъ, сея хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебѣ славу. Заслуги твои о россійскомъ словѣ суть многообразны, и ты почитаешися въ малопритяжательномъ семъ своемъ трудѣ, яко первымъ основателемъ истинныхъ правилъ языка нашего, и яко разыскателемъ естественнаго расположенія всяческаго слова. Твоя грамматика есть преддверіе чтенія твоея риторики, а та и другая руководительницы для осязанія красотъ изреченія твореній твоихъ. Поступая въ преподаваніи правилъ, Ломоносовъ вознамѣрился руководствовать согражданамъ своимъ въ стезяхъ тернистыхъ Гелликона [1]), показавъ имъ путь къ краснорѣчію, начертывая правила риторики и поэзіи. Но краткость его жизни допустила его изъ подъятаго труда совершить одну только половину.

Человѣкъ, рожденный съ нѣжными чувствами, одаренный сильнымъ воображеніемъ, побуждаемый любочестіемъ, исторгается изъ среды народныя. Восходитъ на лобное мѣсто.

---

[1]) Геликонъ—лѣсистая гора въ Беотіи, посвященная Аполлону и музамъ.

Всѣ взоры на него стремятся, всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ его произреченія. Его же ожидаетъ плесканіе рукъ или посмѣяніе горшее самыя смерти. Какъ можно быть ему посредственнымъ? Таковъ былъ Демосѳенъ; таковъ былъ Цицеронъ; таковъ былъ Питтъ; таковы нынѣ Буркъ, Фоксъ, Мирабо, и другіе. Правила ихъ рѣчи почерпаемы въ обстоятельствахъ, сладость изреченія въ ихъ чувствахъ, сила доводовъ въ ихъ остроуміи. Удивляяся толико отмѣннымъ въ словѣ мужамъ и раздробляя ихъ рѣчи, хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумію и воображенію, думали, что путь къ прелестямъ проложить можно томными предписаніями. Сіе есть начало риторики. Ломоносовъ, слѣдуя, не замѣчая того, своему воображенію, исправившемуся бесѣдою съ древними писателями, думалъ также, что можетъ сообщить согражданамъ своимъ жаръ, душу его исполнявшій. И хотя онъ тщетный въ семъ предпріялъ трудъ, примѣры, приводимые имъ для подкрѣпленія и объясненія его правилъ, могутъ несомнѣнно руководствовать пускающемуся въ слѣдъ славы, словесными науками стяжаемой.

Но если тщетный его былъ трудъ въ преподаваніи правилъ тому, что болѣе чувствовать должно, нежели твердить, Ломоносовъ надежнѣйшіе любящимъ россійское слово оставилъ примѣры въ своихъ твореніяхъ. Въ нихъ сосавшія уста сладости Цицероновы и Демосѳеновы растворяются на велерѣчіе. Въ нихъ на каждой строкѣ, на каждомъ препинаніи, на каждомъ слогѣ (почто не могу сказать при каждой буквѣ?) слышенъ стройный и согласный звонъ столь рѣдкаго, столь мало подражаемаго, столь свойственнаго ему благогласія рѣчи.

Пріявъ отъ природы право неоцѣненное дѣйствовать на своихъ современниковъ, пріявъ отъ нея силу творенія, поверженный въ среду народныя толщи, великій мужъ дѣйствуетъ на оную, но и не въ одинакомъ всегда направленіи. Подобенъ силамъ естественнымъ, дѣйствующимъ отъ средоточія, которыя, простирая дѣйствіе свое во всѣ точки окружности, дѣятельность свою присну вездѣ содѣлываютъ. Тако и Ломоносовъ, дѣйствуя на согражданъ своихъ разнообразно, разнообразныя отверзалъ общему уму стези на познаніи. Повлекши его за собою вослѣдъ, расплетая запутанный языкъ на велерѣчіе и благогласіе, не оставилъ его при тощемъ безъ мыслей источникѣ словесности. Воображенію вѣщалъ: „лети въ безпредѣльность мечтаній и возможности, собери яркіе цвѣты одушевленнаго и, вождаяся вкусомъ, украшай оными самую несостоятельность. И се паки гремѣвшая на Олимпическихъ играхъ Пиндарова труба возгласила хвалу Всевышняго во слѣдъ Псалмопѣвца. На ней возвѣстилъ Ломоносовъ величіе Предвѣчнаго, возсѣдающаго на крылѣ вѣтренней, предшествуемаго громомъ и молніею, и въ солнцѣ являя смертнымъ свою существенность, жизнь. Умѣряя гласъ трубы Пиндаровой, на ней же онъ воспѣлъ бренность человѣка и близкій предѣлъ его понятій. Въ безднѣ міровъ безпредѣльной, какъ въ морскихъ волнахъ малѣйшая песчинка, какъ во льдѣ, не тающемъ николи, искра едва блестящая, въ свирѣпѣйшемъ вихрѣ, какъ прахъ тончайшій, что есть разумъ человѣческій? -- Се ты, о Ломоносовъ, одежда моя тебя не сокроетъ!

Не завидую тебѣ, что, слѣдуя общему обычаю ласкати царямъ, нерѣдко недостойнымъ не токмо похвалы стройнымъ гласомъ воспѣтой, но ниже гудочнаго бряцанія, ты

льстилъ похвалою въ стихахъ Елисаветѣ. И еслибы можно было безъ уязвленія истины и потомства, простилъ бы я то тебѣ ради признательныя твоея души ко благодѣяніямъ. Но позавидуетъ не могущій вослѣдъ тебѣ идти писатель оды, позавидуетъ прелестной картинѣ народнаго спокойствія и тишины, сей сильной ограды градовъ и селъ, царствъ и царей утѣшенія; позавидуетъ безчисленнымъ красотамъ твоего слова, и если удастся когда-либо достигнуть непрерывнаго твоего въ стихахъ благогласія, но доселѣ не удалося еще никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своимъ сладкопѣніемъ, пускай потомкамъ нашимъ покажешься ты нестроенъ въ мысляхъ, неизбыточенъ въ существенности твоихъ стиховъ!..... Но воззри: въ пространномъ ристалищѣ, коего конца око не досязаетъ, среди толпящейся многочисленности, на возглавіи, впереди всѣхъ, се врата отверзающъ къ ристалищу, се ты! Прославиться всякъ можетъ подвигами, но ты былъ первый. Самому Всесильному нельзя отъять у тебя того, что далъ. Родилъ онъ тебя прежде другихъ, родилъ тебя въ вожди, и слава твоя есть слава вождя. О, вы, доселѣ безплодно трудившіеся надъ познаніемъ существенности души, и какъ сія дѣйствуетъ на тѣлесность нашу, се трудная вамъ предлежитъ задача на испытаніе. Вѣщайте, какъ душа дѣйствуетъ на душу, какая есть связь между умами? Если знаемъ, какъ тѣло дѣйствуетъ на тѣло прикосновеніемъ, повѣдайте, какъ неосязаемое дѣйствуетъ на неосязаемое, производя вещественность, или какое между безвещественностей есть прикосновеніе. Что оно существуетъ, то знаете. Но если вѣдаете, какое дѣйствіе разумъ великаго мужа имѣетъ надъ общимъ разумомъ, то вѣдайте еще, что великій мужъ мо-

жетъ родить великаго мужа; и се вѣнецъ твой побѣдоносный. О! Ломоносовъ, ты произвелъ Сумарокова!

Но если дѣйствіе стиховъ Ломоносова могло размашистый сдѣлать шагъ въ образованіи стихотворческаго понятія его современникомъ, краснорѣчіе его чувствительнаго или явнаго ударенія не сдѣлало. Цвѣты, собранные имъ въ Аѳинахъ и въ Римѣ и столь удачно въ словахъ его пресажденные, сила выраженія Демосѳенова, сладкорѣчіе Цицероново, безплодно употребленныя, повержены еще во мракѣ будущаго. И кто? онъ же, пресытившися обильнымъ велерѣчіемъ похвальныхъ твоихъ словъ, возгремитъ не твоимъ хотя слогомъ, но будетъ твой воспитанникъ. Далеко ли время сіе, или близко, блудящій взоръ, скитаяся въ неизвѣстности грядущаго, не находитъ подножія остановиться. Но если мы непосредственнаго отъ витійства Ломоносова не находимъ отродія, дѣйствіе его благогласія и звонкаго препинанія безстопной рѣчи было однако же всеобщее. Если не было ему послѣдователя въ витійствѣ гражданскомъ, то на общій образъ письма оно распространилося. Сравни то, что писано до Ломоносова и то, что писано послѣ его: дѣйствіе его прозы будетъ всѣмъ внятно.

Но не заблуждаемъ ли мы въ въ нашемъ заключеніи? Задолго до Ломоносова находимъ въ Россіи краснорѣчивыхъ пастырей церкви, которые, возвѣщая слово Божіе пастбѣ своей, ее учили и сами словомъ своимъ славилися. Правда, они были, но слогъ ихъ не былъ слогъ россійскій. Они писали, какъ можно было писать до нашествіи татаръ, до сообщенія россіянъ съ народами европейскими. Они писали языкомъ славенскимъ, Но ты, зрѣвшій самаго Ломоносова, и въ твореніяхъ его поучаяся, можетъ быть, веле-

рѣчію, забвенъ мною не будешь. Когда россійское воинство, поражая гордыхъ оттомановъ, превысило чаяніе всѣхъ, на подвиги его взирающихъ окомъ равнодушнымъ или завистливымъ, ты, призванный на торжественное благодареніе Богу браней, Богу силъ, о, ты въ восторгѣ души твоей къ Петру взывавшій надъ гробницею его, да пріидетъ зрѣти плода своего насажденія: „Возстани, Петръ, возстани", когда очарованное тобою ухо очаровало по чредѣ око, когда казалося всѣмъ, что приспѣвый ко гробу Петрову воздвигнути его желаешь, силою высшею одаренный, тогда бы и я вѣщалъ къ Ломоносову: „зри, зри и здѣсь твое насажденіе". Но если онъ слову могъ тебя научить... Въ Платонѣ[1]) душа Платона, и да восхититъ и увидитъ насъ, тому учило его сердце.

Чуждый раболѣпствованія не токмо въ томъ, что благоговѣніе наше возбуждать можетъ, но даже и въ любленіи нашемъ, мы, отдавая справедливость великому мужу, не возмнимъ быти ему Богомъ всезиждущимъ, не посвятимъ его истуканомъ на поклоненіе обществу и не будемъ пособниками въ укорененіи какого-либо предразсужденія или ложнаго заключенія. Истина есть высшее для насъ божество, и еслибы Всесильный восхотѣлъ измѣнить ея образъ, являяся не въ ней, лицо наше будетъ отъ Него отвращенно.

Слѣдуя истинѣ, не будемъ въ Ломоносовѣ искать великаго дѣеписателя, не сравнимъ его съ Тацитомъ, Реналемъ[2]) или Робертсономъ[3]) не поставимъ его на степени

[1]) Митрополитъ Московскій, славившійся краснорѣчіемъ.

[2]) Рейналь, авторъ исторіи двухъ Индій.

[3]) Знаменитый англійскій историкъ.

Маркграфа или Ридигера[1]), зане упражнялся въ химіи. Если сія наука была ему любезна, если многіе дни житія своего провелъ онъ въ изслѣдованіи истинъ естественности, то шествіе его было шествіе послѣдователя. Онъ скитался путями проложенными, и въ нечисленномъ богатствѣ природы не нашелъ онъ нималѣйшія былинки, которой бы не зрѣли лучшія его очи, не соглядалъ онъ ниже грубѣйшія пружины въ вещественности, которую бы не обнаружили его предшественники.

Ужели поставимъ его близъ удостоившагося[2]) наилестнѣйшія надписи, которую человѣкъ низъ изображенія своего зрѣть можетъ? Надпись, начертанная не ласкательствомъ, но истиною, дерзающею на силу: „Се исторгнувшій громъ съ небеси и скиптръ изъ руки царей". За то ли Ломоносова близъ его поставимъ, что преслѣдовалъ электрической силѣ въ ея дѣйствіяхъ; что не отвращенъ былъ отъ изслѣдованія о ней, видя силою ея учителя своего пораженнаго смертно? Ломоносовъ умѣлъ производить электрическую силу, умѣлъ отвращать удары грома, но Франклинъ въ сей наукѣ есть зодчій, а Ломоносовъ рукодѣлъ.

Но если Ломоносовъ не достигъ великости въ испытаніяхъ природы, онъ дѣйствія ея великолѣпныя описалъ намъ слогомъ чистымъ и внятнымъ. И хотя мы не находимъ въ твореніяхъ его, до естественныя науки касающихся, изящнаго учителя естественности, найдемъ однакоже учителя въ словѣ и всегда достойный примѣръ на послѣдованіе.

---

1) Знаменитые химики.

2) Франклинъ.

Но въ отношеніи россійской словесности т
ко храму славы проложилъ, есть первый в
пріобрѣтѣніи славы, хотя бы онъ войти во х
Баконъ[1]) Веруламскій недостоинъ развѣ н
что могъ токмо сказать, какъ можно размн
Недостойны развѣ признательности мужествен
возстающіе на губительство и всесиліе, для
могли избавить человѣчества изъ оковъ и пл
не почтемъ Ломоносова для того, что неразу
позорищнаго стихотворенія и томился въ эпо
былъ въ стихахъ чувствительности, что не в
цателенъ въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ о
вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей
прежде начатія временъ, когда не было бы
все терялося въ вѣчности и неизмѣримости, в
силъ возможно было, вся красота вселенныя
въ его мысли, но дѣйствія не было, не был
се рука всемощная, толкнувъ вещественность
ство, дала ей движеніе. Солнце возсіяло, луна
и тѣлеса, крутящіяся горѣ, образовалися. Пер
твореніи всесиленъ былъ; вся чудесность мі
красота суть только слѣдствія. Вотъ какъ пон

---

1) Бэконъ, великій англійскій философъ.

ствіе великія души надъ душами современниковъ или потомковъ; вотъ какъ понимаю дѣйствіе разума надъ разумомъ. Въ стезѣ россійской словесности Ломоносовъ есть первый. Бѣги, толпа завистливая, се потомство о немъ судитъ: оно нелицемѣрно.

Но, любезный читатель, я съ тобою заболтался..... Вотъ уже Всесвятское..... Если я тебѣ не наскучилъ, то подожди меня у околицы, мы повидаемся на возвратномъ пути. Теперь прости! -- Ямщикъ, погоняй!

МОСКВА! МОСКВА!!!.....

Отдѣлъ II-й.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БОВА.

ПОВѢСТЬ БОГАТЫРСКАЯ

СТИХАМИ.

ПЛАНЪ

БОГАТЫРСКОЙ ПОВѢСТИ

БОВЫ. *)

При тихомъ плаваніи Бова поетъ пѣсню, соотвѣтственную своей горькой участи. Вдругъ возстаетъ буря; всѣ, струся, молятся Богу, всякій своимъ манеромъ. Бова сидитъ одинъ пригорюнясь, что раздражило матросовъ; они его бросаютъ въ море. Буря утихаетъ, какъ будто нужно было для утишенія ея, чтобъ онъ былъ брошенъ. Бова между тѣмъ выкинутъ на берегъ; лежалъ долго, всталъ, идетъ и видитъ (описаніе острова похотливости). Игры, смѣхи, забавы стараются его цѣлую недѣлю заводить въ любовныя сѣти, но онъ удер-

*) Одиннадцать пѣсней Бовы были уже написаны, двѣнадцатая и послѣдняя начата, но по смерти сочинителя нашлася только первая пѣснь, изготовленная къ тисненію. Можетъ быть, причтутъ намъ въ пристрастіе, но, кажется, потеря забавной сей поэмы достойна сожалѣнія. Въ первой пѣсни найдутся негладкости, но сколько замѣнены онѣ легкостію, пріятностію, веселостію, чувствительностію, сколько картинъ пріятныхъ, и какъ занимательно начало сей поэмы!—Мы читали всѣ одиннадцать пѣсней и скажемъ, что всѣ были не хуже первой, а нѣкоторыя далеко ее превосходили. Чтобъ дать читателямъ понятіе о всей поэмѣ, прилагаемъ планъ оной, хотя въ первой пѣсни и сдѣланы противъ него нѣкоторыя перемѣны (*Извѣстіе* изданія 1807 г.).

хранилъ мою лютую злодѣйку, и я тебѣ всег
угрозы: «не властна я въ твоемъ тѣлѣ, но въ с
тебя накажу». Между тѣмъ вылитъ онъ изъ- а г
будто зарю; мракъ исчезать начинаетъ, съ ним
жены строговзорой; свѣтъ множится. Онъ ви
ницу, везомую лебедями; опустилась; нисходит
ственнаго, пріятнаго; благодаритъ, что онъ ея и
новилъ ея юность. Повѣствуетъ о духахъ, какъ
человѣкомъ, а сами подвержены, чтобъ умножа
обращаться въ змій, и если ихъ кожу кто унесе
человѣки, подверженные всѣмъ немощамъ людск
менной и дряхлой жизни, можетъ быть, и сме
кожу и уже сто лѣтъ се держала, но онъ ее
ность она ему обѣщаетъ блаженство: «силой
тебя природа, но берегись моей совмѣстницы и
любовь истинную. А чтобъ то тебѣ познавати
Когда, въ страсти будучи, ты въ него взгляне
любимъ нелицемѣрно, ежели же тускло, то люб
перница моя близка. Когда же что захочешь о
и въ зеркалѣ увидишь, что тебѣ дѣлать». Сказ
и все изъ глазъ пропало, и Бова очутился н
берегу, гдѣ, мы позабыли сказать, что, утомл
бурѣ, онъ заснулъ. Дивится сновидѣнію своему
вится, видя близъ себя малое зеркальце. Не
или мечта. Идетъ, встрѣчаетъ старца, который
его отводитъ домой, гдѣ его всѣ принимаютъ
ему, его омываютъ, наряжаютъ въ бѣлое плат
что онъ невольникъ по законамъ. Онъ имъ раз

На другой день его выводятъ на торжище, гдѣ его продаютъ садовнику царскому. Сей отводитъ его въ садъ; онъ живетъ, работаетъ и поетъ свою пѣсню. Услышала царица, велѣла привести его къ себѣ и, увидя его столь юна и широкоплеча, влюбилась. Начала къ нему приступать. Идетъ въ баню, куда и его зовутъ; онъ не соглашается. Его въ комнатные наряжаютъ; онъ стоитъ за ея стуломъ. Тутъ его увидѣла царевна, влюбляется, не знаетъ, что чувствуетъ, но они сходятся въ саду и, знавши, что худо дѣлаютъ, исполняютъ волю любви. Недолго они тѣмъ наслаждалися; царица, гуляя въ саду, ихъ застаетъ: ея ревность, бѣшенство, отчаяніе; велитъ царевну запереть въ теремъ, а его сослала на конюшню. Тоска его, отчаяніе.

Между тѣмъ помышляетъ царь отдать дочь свою замужъ, боясь слѣдствій свиданія съ Бовою; кличъ кличутъ, чтобы всѣ цари, царевичи и сильны богатыри съѣзжались на турниръ, и кто всѣхъ побѣдитъ, то будетъ ему зять. Въ назначенный день собираются на ратное мѣсто многіе царевичи и богатыри; приходитъ царь съ царицей, и приводитъ царевну. Унылость ея дѣлала ее привлекательнѣе и черты ея опаснѣе. Сражаются.

Между тѣмъ Бова, горюя о своемъ жребіи, имѣя всегдашнее желаніе видѣть царевну, вспомнилъ о своемъ зеркалѣ, которое всегда носилъ на шеѣ, взглянулъ въ него и видитъ себя въ немъ въ богатырскомъ уборѣ на конѣ; внизу сіи слова: «ступай на поприще и тамъ увидишь». Пошелъ въ конюшню царскую, сѣдлаетъ одного изъ коней, подлѣ коего находитъ сбрую ратную, богатырскую; латы, шлемъ пернатый, мечъ и копіе. Наряжается и, опустивъ зрѣльницу [1]), ѣдетъ за городъ на мѣсто поприща. Уже всѣ рыцари побилися, и одинъ остался надъ всѣми побѣдителемъ; разъѣзжаетъ гордо; громко возглашаетъ, вызывая на бой. Бова въѣзжаетъ; пускаютъ его; пускаются, копья ихъ летятъ въ дребезги, вынимаютъ мечи и наскакавъ ударяютъ другъ друга; у Бовы мечъ переломился; соперникъ его хочетъ съ размаху въ зрѣльницу ударить, но онъ, уклоняся, спрыгиваетъ съ коня и, прискочивъ, сдергиваетъ всадника съ коня и мечъ его, вырвавъ, отбрасываетъ. Схватываются бороться, и Бова, одолѣвъ

---

[1]) Забрало.

но, хотя побѣдитель, вѣдаю, что не могу еще б
гомъ. Дай мнѣ слово не быть ничьею». «Клянусь»
Онъ снялъ шлемъ и подошелъ къ царю и цари
возгорѣлась паче любовью; но, дабы положить п
причла ему въ вину, что, не будучи рыцарь, онъ
и хотя онъ побѣдитель, но долженъ сперва зас
И такъ Бову велѣли судить, и судьи мудрые
Бову рыцаремъ и велѣть ему ѣхать искать живой
сказанію вѣрныхъ людей, нянь и мамокъ течетъ
вять земель въ тридесятомъ царствѣ. Его посв
онъ надѣлъ черные доспѣхи въ знакъ своей печ
ѣхалъ за городъ.—Иной спроситъ: для чего о
Нельзя: кто знаетъ, сколь строги законы чести
рыцарскихъ правилъ ослушаться было нельзя.
свинья тебя толкаетъ рыломъ, то тяни вонъ шп
честь повелѣваетъ. Но преслушался онъ въ томъ,
дѣть царевну и вынулъ зеркало, посмотрѣлъ, в
въ старушечье платье, цыганкою, и слова: «иди
вился, видитъ, у дороги лежитъ одежда, одѣва
«кто хочетъ знать свою судьбу, давай тотъ дене
чаетъ быть царемъ, ходи тотъ къ намъ, и дамъ
знать, что мило сердцу, будетъ ли то его иль н
совѣтъ, и грусть его пройдетъ! Старуху—хоть сер
любопытство!—зовутъ цыганку; онъ поетъ и велит
Открывается, живетъ у нея, спитъ съ нею и п
воду. Жилъ у нея четыре мѣсяца, видитъ въ
упалъ съ терема и зеркало разбилъ: онъ, было,
и позабылъ, пробудился, глядитъ, видитъ, зер

достоинъ обѣщаннаго блаженства. Спѣши обѣтъ исполнить, а въ наказанье, что послушалъ своей страсти, зеркало у тебя отъемлется, доколѣ не исправишься!» Едва онъ сіе прочесть успѣлъ, зеркало исчезло, а онъ себя нашелъ лежаща на земли, въ доспѣхахъ богатырскихъ, у ногъ своего коня и безъ зеркала. Дивится, но сѣлъ и поѣхалъ.

Уже проѣхалъ онъ многія земли и царства, путь продолжая на востокъ, презирая непогоды, зной, холодъ, жажду, гладъ, достигъ, наконецъ, подошвы Тавра. Утомленный долгимъ путемъ, онъ слѣзъ, коня разсѣдлалъ и пустилъ, а самъ снялъ шлемъ и легъ на муравѣ; и видитъ ѣдущаго съ горы; показался ему исполинъ, сѣдящъ на конѣ исполинномъ, но, ближе подъѣхавъ, увидѣлъ, что то былъ человѣкъ сверху, а внизу конь [1]); испугался, но, кликнувъ къ себѣ коня надѣлъ шлемъ и поѣхалъ. Издали кричалъ ему чудовище: «какъ смѣешь, молокососъ, сѣсть при мнѣ на коня! я—Полканъ, сынъ Бреда; сила моя извѣстна въ свѣтѣ; покорись или умрешь, даю тебѣ время на размышленіе, погляди на меня поближе». Бова видитъ вверху человѣческое, но звѣрообразное, мохнатое лицо, носъ красносиній, глаза, какъ угли раскаленные, по поясъ былъ весь мохнатъ, а ниже пояса конь сильный, у котораго недоставало только шеи и головы; на плечѣ держалъ палицу дубовую или, лучше сказать, дубовое бревно. Бова не устрашился и въ отвѣтъ ему сказалъ: «только разъѣзжайся, и поскачемъ». Ударились. У Бовы копье разлетѣлось, ниже оцарапало Полкана, но ударъ столь былъ силенъ, что Полканъ упалъ на колѣна, а онъ Бову столь ударилъ сильно, что Бова слетѣлъ съ лошади; но, вынувъ мечъ, пошелъ опять противъ чудовища. Сей ему говоритъ: «ты первый, кто могъ мнѣ дать такой ударъ и проч. Твой мечъ будетъ безуспѣшенъ, ибо я опредѣленъ умереть отъ когтей львиныхъ, я ихъ много поражалъ, но конца своего еще не знаю. Будемъ друзья, твое мужество мнѣ нравится. Поѣдемъ». Бова ему сказалъ, куда посланъ. «Ахъ! неистовая царица желаетъ твоей смерти, я былъ въ ихъ волѣ; отецъ ея за мое озорничество обманомъ зарылъ меня въ землю, и кормили меня только хлѣбомъ и водою, и меня съ тѣмъ выпустили, чтобы я тебя убилъ за то, что

[1]) Кентавръ.

а ночью, украдь царевну, [illegible]
Бовину и царевну тамъ посадить, чтобы ждала Бо
стигли до предѣловъ того государства, но стали о
уснула, а проснувшись увидѣла Полкана мертва и
издыхающа, у котораго разорваны были лапы. (
пошла въ городъ и нанялась въ работницы; родила

Между тѣмъ царица, пылая мщеніемъ, призвал
зала, что ей хочется погубить Бову. «Погубить е
тому противны, но можно его ввергнуть въ несчаст
збрую ратную и коня». «Ступай», сказала царич
догналъ Бову, который оставался близъ града К
коня. Но чародѣй прежде вошелъ въ городъ и со
тану, что Бова пріѣхалъ воевать его государство.
слалъ противъ него много рати, но Бова ихъ пр
мимо. А чародѣй одѣлся въ монашеское дервишск
распутьи. День очень былъ жарокъ. Бова ѣхавъ ув
деревомъ піющаго, попросилъ у него, тотъ ему по
тѣлъ спать. Легъ, а чернецъ снялъ съ него доспе
и копье, сѣлъ на коня его и ускакалъ, сказавъ
Бова обезоруженъ; пришли, взяли его и посади
Бова горюетъ, готовятъ ему казнь. Ибо тутъ былъ
Лукоперъ, котораго онъ побѣдилъ на поприщѣ.
ему было идти на казнь, онъ, ходя по темницѣ
мечъ; обрадовался; то мечъ былъ богатыря, кото
съ голоду, зарылъ въ темницѣ. Какъ пришли
сталъ убивать тѣхъ, которые къ нему приближал
билъ всѣхъ и, вышедъ, пошелъ вонъ изъ города;
[illegible] поскакалъ за ни
[illegible]лъ мечомъ изотм

Наконецъ, достигъ Бова той горы и, сражавшись съ привидѣніями и страстями, наконецъ, почерпнулъ воды, напился ея и въ новой силѣ поѣхалъ въ обратный путь. Пріѣзжая назадъ, увидѣлъ, что царевна увезена Полканомъ, а чародѣй, возвратяся въ его доспѣхахъ, убилъ царя съ царицей и сталъ царемъ. Тогда скоро въ цари попадали. Узнавъ также, что она поѣхала съ Полканомъ къ матери Бовы, онъ съ ратью ходилъ на то царство, короля убилъ измѣною, а жена его умерла прежде; но дань наложить на царство не могъ, ибо тамъ вельможа одинъ начальникомъ былъ, а царевны не нашелъ. Бова туда поѣхалъ, нашелъ охотника, принятъ былъ, ибо вельможа былъ его дядька Цымбалда. Бова услышалъ, что Полканъ былъ умерщвленъ львомъ, и думалъ, что и царевна также, то по совѣту дядьки хотѣлъ жениться. Онъ прежде воевалъ чародѣя и, убивъ его, покорилъ его царство. Все уже готово было, какъ онъ, объѣзжая свое царство, близъ маленькаго отдѣленнаго городка увидѣлъ двухъ мальчиковъ, изъ коихъ одинъ шедъ игралъ на арфѣ, а другой пѣлъ его любимую пѣсню, что онъ пѣвалъ въ несчастіи; спросилъ у нихъ, кто они и, пошедъ съ ними, нашелъ царевну.

БОВА.

О che

ВСТУПЛЕНІЕ.

Изъ среды тумановъ сѣрыхъ
Временъ бывшихъ и протекшихъ,
Изъ среды временъ волшебныхъ,
Гдѣ предметы всѣ и лица,
Чародѣйной мглой прикрыты,
Окруженны намъ казались
Блескомъ славы и сіяньемъ;
Гдѣ являются всѣ вещи
Исполинны и иройски,
Какъ то въ камерѣ обскурѣ,—
Я изъ сихъ временъ желалъ бы
Разсказать старину повѣсть,
И представить бы картину
Мнѣній, нравовъ, обычаевъ
Лѣтъ тѣхъ рыцарскихъ преславныхъ,
Гдѣ кулакъ тяжеловѣсный
Степень былъ ко громкой славѣ,
А [1]) нерѣдко — — ко престолу;
Гдѣ съ вѣнцомъ всегда лавровымъ
Вѣнецъ миртовый
Гдѣ сражалися в
И любили постоя
Хоть грѣшишки
Попадались, но
Невозможно был
Зане юности про
Неопытности пог
Есть удѣлъ дѣте
Есть лишь слѣдс
Неизбѣжное чув
Но грѣховъ расп
Грѣховъ хитраго
Тамъ не знали –
Я намѣренъ разс
Какъ то свойств
Чуть не вымолви
Для того, кто в
Во страны пусты
Во лѣса дремучи
ущелья—ко

И такъ только разскажу вамъ
То, что льстить лишь будетъ слуху,
Что гораздо слаще меда
Для тщеславья и гордыни;
А все то, что чуть не гладко,
То скорѣе мы поставимъ
Въ кладовую или въ погребъ.
И проклятіе положимъ,
Если дерзкой кто рукою
Снявъ покровъ прельщенья наша,
Обнажитъ протекше время.
Мы проклятье налагаемъ,
Хоть изъ моды оно вышло,
Но мы въ силахъ нашихъ скудны;
А когда бъ властитель міра
Я Тиверій былъ иль Клавдій,
Тогда бъ всякій дерзновенный
Кто подумать смѣлъ, что дважды
Два четыре, иль пять пальцевъ
Ему въ кажду далъ Богъ руку,
Тотъ бы палъ подъ гнѣвомъ нашимъ.
А какъ не далъ намъ Богъ власти,
Какъ коровѣ рогъ бодливой,
То мы къ дерзкому воскликнемъ:
«Отойди, пожалуй, далѣ,
Поди вонъ ты, оглашенный!
Мнѣ здѣсь нужно суевѣрье;
Обольщенъ я, но желаю
Обольщенъ быть... и отъ скуки
Я потѣшуся съ Бовою».
Я вамъ сказку тѣхъ лѣтъ древнихъ
Разскажу, котору слышалъ
Отъ стариннаго я дядьки
Моего, Сумы любезна.
Петръ Сума, приди на помощь
И струею рѣчи сладкой
Оживи мою ты повѣсть.
Безъ складовъ она, безъ риѳмы
Въ слѣдъ пойдетъ творцу Тавриды [1]),
Но съ нимъ можетъ ли сравниться!
О Вольтеръ, о мужъ преславный!
Еслибъ можно Бовѣ было
Быть похожу и кое-какъ
На Жанету, дѣвку храбру [2]),
Что воспѣлъ ты; хоть мизинца
Ея стоитъ,—еслибъ можно,
Чтобъ сказали, Бова только
Тоща тѣнь ея—довольно—
То бы тѣнь была Вольтера,
И мой образъ изваянный
Возгнѣздился бъ въ Пантеонѣ.
Но боюся, твоя участь
Будетъ равная съ Жанлисой [3])—
По переднямъ волочиться.
Вы Бову хотя видали,
Но въ старинномъ то кафтанѣ,
Во разсказахъ няни, мамы,
Иль печатнаго... но дядькинъ
Бова—новаго покроя,
Зане дядька мой любезный
Человѣкъ былъ просвѣщенный,
Чесалъ волосы гребенкой,
Въ головѣ онъ не искался,
Онъ ходилъ въ полукафтаньѣ,

---

[1]) Бобровъ, авторъ «Тавриды», первый началъ писать бѣлыми стихами.

[2]) «Орлеанская дѣвственница» Вольтера.

[3]) Жанлисъ (1746 — 1830), франц. романистка, отличавшаяся напускною чувствительностью.

Возбрянчи, моя ты арфа,—
Нынѣ лира ужъ не въ модѣ,—
Иль вы, гусли звончатые,
Загудите, заиграйте;
Я пою — — — А васъ послушать,
О вовлюбленны граждане,
Къ себѣ въ гости призываю.
На Пегаса я возсѣвши,
Полечу въ страны далеки,
Въ тѣ я области обширны,
Что Понтъ черный [1]) облегаютъ,
Протеку страны и веси,
Гдѣ стояло сильно царство
Славна древле Миоридата,
Гдѣ Тигранъ царилъ въ Арменьи;
Загляну я во Колхиду,
Землю страшну и волшебну,
Гдѣ Ясонъ, обнявъ Медею,
Укротилъ сурово сердце
Сей волшебницы ужасной.
О любовь, о лесть пресладка,
Можно ль въ свѣтѣ отыскать, гдѣ
Тебѣ сердце непокорно?
Посѣщу я и Тавриду,
Гдѣ столь много всегда было
Превращеній, оборотовъ,

А Боброва въ у
Изъ Тавриды
А съ Тамана чр
Горы съѣду я н
Во Болгарахъ с
Воздохну на то
Гдѣ Ермакъ съ
Садясь въ лодк
Въ ту страну уж
Въ ту страну, г
Но на лонѣ жар
Былъ блаженъ
Души нѣжной
Воздохну, что в
О Ермакъ, душ
Пѣть дѣла твои!
Перейду на До
(Такъ, какъ ны
Табуны паслися
Гдѣ отечество у
Молодцовъ, что

---

[2]) Тамань.

[3]) Въ Илимск
новская, съ кото
послѣ смерти ж

[4]) Впрочемъ,
рывокъ изъ поэ

Называли казаками.
Сошедъ съ Дона, къ Ворисѳену [1])
Мы стопы свои направимъ.
Тамъ Владимиръ, страны многи
Покоривъ своей державѣ,
Въ градѣ Кіевѣ престольномъ
Княжилъ въ блескѣ пышна сана
Надъ обширнымъ царствомъ русскимъ,
Окруженъ всегда толпою
Славныхъ рыцарей россійскихъ;
Онъ для памяти потомства
Живетъ въ Несторѣ и въ сказкахъ.
О блаженъ, блаженъ сугубо!
Со Днѣпра пойдемъ къ Дунаю,
На могилѣ древней мшистой
Мы несчастнаго Назона [2])
Слезу жаркую изронимъ.
Отъ Дуная Моремъ Чернымъ
Поплывемъ ко Геллеспонту
И покажемъ ту дорогу,
По которой плывши смѣло
Войны россіе возмогутъ,
Византіи стѣнъ достигши,
На нихъ твердо водрузити
Орломъ славно росско знамя.
Но то скоро ли свершится?—
Будто время ужъ настало,
Мнѣ то снилося недавно—
Хотя снилось, но не знаю
Когда будетъ; — — не пророкъ я,
Но то знаю — оно будетъ.
Я къ Бовѣ теперь отправлюсь.
А ты, милый другъ, читатель,
Если лучшее познанье
О странахъ сихъ имѣть хочешь,
Читай Бишинга [3]) — — отъ скуки.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Вѣтръ попутный вѣетъ тихо
Въ бѣлый парусъ корабельный,
Тамъ на палубѣ летяща
Корабля, что волны зыбки
Разсѣкалъ на влажномъ полѣ.
Бова сидя пѣснь унылу
Пѣлъ и въ гусли златострунны
Бряцалъ легкими перстами.
Пѣлъ, стеналъ, бряцалъ и плакалъ,
Лилъ потоки слезъ горючихъ.
«Что возможетъ, ахъ, сравниться
Съ лютой горестью моею,
Кто быть можетъ столько бѣдственъ,
Столько бѣдственъ, какъ Бова?

* * *

Лишь свѣтило дня блестяще
Мои очи озарило,
Грусти, горе и печали
Мнѣ досталися въ удѣлъ.

* * *

Желчь сосалъ я вмѣсто пищи
Изъ сосцовъ змѣиныхъ лютыхъ,
Колыбель мою качали
Скорбь угрюмая и злость.

---

[1]) Днѣпръ.
[2]) Овидій.
[3]) Бюшингъ (1724—1793), основатель научной географіи.

Я одинъ межъ всей природы,
Я во всей вселенной странникъ
И пустынникъ между тварей
Всѣхъ, родившихся въ любви.

* * *

Ахъ, уныло мое сердце,
Не знай лютой сея страсти:
Ей горять сердца преступны;
А ты будь всегда ей врагъ».

* * *

Пѣснь скончалъ, поставилъ гусли,
Пригорюнясь, взоръ ко брегу,
Что вдали едва синѣетъ,
Обратилъ и, воздохнувши
Тяжело, вѣщалъ онъ тако:
«Ты прости, страна родная,
Ты прости, прости навѣки.
Мать жестока, мать сурова,
О тебѣ я не жалѣю».
Слыша рѣчи столь унылы,
Слыша пѣсни столь плачевны,
Подошла къ Бовѣ старуха,
Что въ артели корабельной
Должность важну отправляла

Сохрани насъ
Чтобъ ихъ наз
Не арабы маро
Не алжирцы, и
Но тѣ люди б
Что безъ страх
Въ тѣ суровыя
Какъ яръ Позв
Пѣня волны, о
Ихъ верхи люд
Грабятъ всѣхъ-
Хотя выросла
Среди шума во
При возврѣніи
На жестокости
Средь стенаній,
Умирающихъ зл
Или злѣе самої
Во оковахъ сра
Иль желѣзныя
Иль рабства, н
Но была старух
Мягка сердцемъ
И съ сѣдымъ св

---

1) Въ подл. р
2) Мнимыя сл
ровъ и зла, выд

Равнодушно не взирала,
Какъ молоденькій дѣтинка
Проливалъ горючи слезы.
Была ль то одна въ ней жалость,
Иль въ старухѣ кровь играла,
Того повѣсть, хотя вѣрна,
Не оставила на память.
Наша повѣсть только пишетъ,
Что, подшедъ къ Бовѣ поближе,
Она руки распростерла
И къ изсохшей своей груди
Прижимала Бову крѣпко.
«Столь ты юнъ, но столь ты бѣдственъ!»
Возгласила стара вѣдьма
(Вѣдьма добра, мягкосерда,
Не какъ кіевскія вѣдьмы,
Что къ чертямъ съ визитомъ ѣздятъ
На ухватѣ безъ уздечки):
«Ты открой свое мнѣ сердце,
Забудь горе на минуту.
Моя власть хоть не велика,
Хоть у всѣхъ я здѣсь служанка,
Но мои старанья нѣжны
Облегчать твою судьбину».
Говоря сіе, отводитъ
Бову въ малую каюту,
Гдѣ старуха наша нѣжна
Обѣдъ братьямъ всѣмъ готовитъ.
Тутъ, согрѣвъ и накормивши,
Бову нѣжно обнимаетъ,
Очи мокры отъ слезъ горькихъ
Отираетъ поцѣлуемъ.
«Скажи мнѣ», она вѣщаетъ,
«Скажи мнѣ свою кручину,
Свою участь мнѣ сурову?»
Бова нѣжно имѣлъ сердце,
Въ первый разъ чрезъ многи годы
Ощущаетъ онъ отраду,
Сладость ласки, сладость дружбы.
Ахъ! какое въ грусти сердце,
Сердце сиро, одинако
Не внушитъ пріязни гласу
И не сдастся на ласканье
Хоть столѣтнія старухи?
Если витязь Робертъ славный
Могъ, ступивъ ногой на нѣжность,
Обнять старую хрычовку
И въ объятьяхъ ея мразныхъ
Совершить побѣду жарку,
Восхитивъ цвѣтокъ изсохшій
(Робертъ былъ въ любви ученый
И задачу брачна ложа
Могъ рѣшить онъ безъ повѣрки:
Носъ зажалъ, глаза зажмурилъ
И, какъ витязь Македонскій,
Узелъ Гордьевъ разсѣкъ махомъ)—
То Бовѣ равно прилично
Обнимать старуху дряхлу;
Бова, знаемъ, парень новый,
Онъ не видитъ преткновенья,
Ласкѣ лаской отвѣчаетъ
И лобзанію лобзаньемъ;
Ему жъ не было задачи,
Какъ Роберту, на рѣшенье,
Ложась съ вѣдьмой спать на ложе.
Старушонку Бова мило
И столь крѣпко обнимаетъ,
Что напомнилъ ей то время,
Какъ ей было лѣтъ лишь двадцать.
Не на ложе возлегаютъ,
Но на печку лѣзутъ грѣться,

Зане холодно ужъ было.
Тутъ Бова, собравъ всѣ силы,
Тутъ Бова, вздохнувъ глубоко,
Вынимаетъ изъ кармана
Платокъ бѣлый, для запаса,
Чѣмъ утретъ ея онъ слезы.
Зане зналъ Бова заранѣ,
Сколь его плачевна повѣсть,
И что тронетъ черезъ мѣру
Сердце доброе старухи.
Еще разъ вздохнувъ, рекъ тако:
«Я Бова, Бова царевичъ.
Ты дивишься тому, вижу.
Но вѣрь совѣсти нелживой.
Я бы могъ въ томъ побожиться,
Но божиться не умѣю
И божиться не охотникъ.
Городъ, въ коемъ я родился,
Есть столица сильна царства,
Гдѣ предъ симъ вѣнчанный властью
Держалъ скипетръ царь премудрый,
Царь Кирбитъ, сынъ Версауловъ,
Славенъ мужествомъ на брани,
Славенъ разумомъ въ совѣтахъ,
Милосердъ и щедръ и кротокъ
И любимъ своимъ народомъ.
Ему дочь была родная
Всѣхъ прекраснѣе изъ женщинъ,
Мелетриса ея имя.
Слухъ о царствіи Кирбита,
О его правленьи мудромъ
И о прелестяхъ царевны
Молва громкая повсюду,
До дальнѣйшихъ мѣстъ промчала.
Дворъ Кирбитовъ былъ собранье
Всѣхъ красавицъ въ государствѣ;
Но межъ всѣми, яко солнце
Среди звѣздъ эѳирна свода,
Красотой своей блистала
Мелетриса, дочь царева.
Въ красотѣ она совмѣстницъ
Не имѣла, и не можно
Было чувствовать къ ней зависть;
Зане столь была всѣхъ краше,
Столь добра, мила, пріятна,
Что вблизи ея не смѣла
Зависть ядъ пускать свой черный,
И ея ехидны люты,
Мелетрису зря, нѣмѣли.
Красота толико дивна
Привлекала всѣхъ вниманье,
И чувствительность сердечна
Ей платила долгъ природы,
Воспылавъ огнемъ любовнымъ
Въ груди рыцарей надменныхъ,
Въ груди рыцарей влюбленныхъ.
Всѣ ей нравиться старались,
Всѣмъ хотѣлось полюбиться
И во юномъ ея сердцѣ
Воспалить любовный пламень.
Но межъ многими другими
Отличались передъ всѣми
Своимъ мужествомъ, красою,
Своимъ нѣжнымъ угожденьемъ,
Своей силой и богатствомъ
Два царевича пріѣзжихъ.
Одинъ гордъ, спесивъ, надмененъ,
Взоры пылки, взоры страстны,
На лицѣ черты Алкида,
Но Алкида въ лѣтахъ юныхъ;
Ростъ и станъ его и взрачность
И осанка величава,

Лицо смугло, длинновато,
Черны кудри по раменамъ
И густой брады начало;
Длань широка, персты толсты
Всѣмъ довольно возвѣщали
Его мужество и силу.
Онъ наѣздникъ въ ратномъ полѣ,
Богатырь и вождь и воинъ,
Дадонъ сильный ему имя.
Но не только въ ратномъ полѣ
Подвизался онъ съ успѣхомъ;
Столь же славенъ онъ у женщинъ;
А хотя въ любви онъ страстенъ,
Но подвластенъ ей онъ не былъ,
И съ Алкидомъ чтобъ сравниться,
Лишь ему недоставало
Десяти женъ и дѣвъ красныхъ,
Пятьдесятъ дщерей Ѳиспія
И одной лишь только ночки,
Чтобъ ему отцомъ быть нѣжнымъ
Пятьдесятъ разъ вдругъ въ семействѣ.
Славну рыцарю толико,
Нѣтъ, нельзя не полюбиться
Мелетрисѣ, страстной, пылкой;
А тѣмъ больше, какъ лишь вспомнитъ,
Что объятья, повторенны
Въ пятьдесятъ разъ нераздѣльно,
Кажду ночь возобновятся.
Пусть безсонница всегдашня
(Столь ужасная больному)
Ее мучитъ на постелѣ,
Но самъ-другъ и жизнь преторгнетъ;
Такъ Рафаэль изъ Урбина,
Въ свѣтѣ славный живописецъ,
Душу выслалъ вонъ изъ тѣла [1]).

Другой рыцарь вѣжливъ, скроменъ;
Сердце, душу имѣлъ нѣжны.
Очи быстры, голубыя,
Лицо бѣло и румяно,
По плечамъ златыя кудри,
Видъ, осанка Адонида [2]).
Но онъ храбръ; счастливый рыцарь,
На бою проворенъ, мѣтокъ,
Всегда разумомъ вождаемъ,
Зрѣлъ опасность твердымъ окомъ
И въ бою смерть хладнокровно.
Онъ всегда вѣнцы лавровы
Пожиналъ на ратномъ полѣ,
Но не силою десницы,
Не удачей, не коварствомъ
И не крѣпостью доспѣховъ
Побѣждалъ Гвидонъ противныхъ.
Правды, истины поборникъ;
Мечъ его побѣдоносный
Никогда не обагрялся
Кровью слабыхъ иль невинныхъ.
Онъ защитникъ утѣсненныхъ,
Разрѣшитель узъ и плѣна,
Непорочности спаситель,
И его смиренно сердце,
Душа нѣжна, душа тиха
Воспалялась гнѣвомъ львинымъ,
Когда видѣлъ онъ коварство,
Ложь, строптивость и насилье
Угнетающихъ безсильныхъ,—

---

[1]) Благодаря любовнымъ излишествамъ.

[2]) Адонисъ, красавецъ греческой миѳологіи.

Тогда воинъ милый, тихій
Бывалъ врагъ непримиримый,
Бывалъ бичъ неукротимый
Злобѣ, буйству и прельщенью.
Въ таковыхъ душахъ царевна
Любовь сильну воспалила.
И хотя со перва взгляда
Мелетриса подарила
Свое сердце все Дадону,
Объявить того не смѣла,
И надежда въ ней исчезла
Быть его женой когда бы;
Зане многою услугой
Гвидонъ юный украшался,
Спасавъ царство и Кирбита
Отъ насильствъ вождей Хозарскихъ.
Царь Кирбитъ за то въ награду
Назначалъ его въ супруги
Своей дщери Мелетрисѣ,
Въ томъ признаніемъ вождаемъ,
Пользой царства и разсудкомъ.
Заключеніе неложно,
Что спасителю народа
Управлять его браздами
Другихъ паче всѣхъ довлѣетъ.
Гвидонъ былъ единородный
Сынъ на тронѣ старца мудра
И ближайша во сосѣдствѣ.
Во дни красны, безмятежны,
По скончаньи бѣдствъ военныхъ,
Царь Кирбитъ во утѣшенье
Своей дочери прекрасной
Игры рыцарски затѣялъ
И глашатаямъ повсюду
Повелѣлъ трубою бранной
Созывать на состязанье
Витязей изъ царствій разныхъ.
Онъ хотѣлъ при ихъ собраньи
Дать наслѣдника престолу,
Дать супруга Мелетрисѣ,
Храбра милаго Гвидона.
Зане тамъ, какъ прежде въ Францы
Скиптръ не могъ никакъ достаться
Въ руки, пряслицей что правятъ
Или швейною иголкой.
Ужъ изъ дальнихъ и изъ ближнихъ
Странъ слетаются стадами,
Какъ вороны на гумнище,
Славны рыцари въ доспѣхахъ,
Молодые, пожилые,
Среднихъ лѣтъ и съ сѣдинами.
Иной ѣдетъ повидаться
Со красавицей своею,
Распестривъ свое оружье
Поперекъ и вдоль, крестъ накрестъ
Тѣмъ любимымъ изъ всѣхъ цвѣтомъ,
Что понравился предъ всѣми
Обладательницѣ милой
Его чувствъ души и сердца.
Другой ѣдетъ, чтобъ прославить
Силы крѣпкой своей мышцы
И прибавить хоть листочекъ
Во вѣнецъ уже столь тяжкій
Отъ побѣдъ въ кровавыхъ битвахъ
Иль на славныхъ поединкахъ.
А иной, кружась по свѣту,
Ко Кирбиту въ гости ѣдетъ,
Какъ въ гостиницу обѣдать.
Воружась иной отъ темя
До пяты и даже зубы
Воруживъ булатомъ, сталью,
Смѣло, борзо выступаетъ,

Объявляя всѣмъ надменно,
Всѣмъ про то, кто вѣдать хочетъ
Иль не хочетъ, написавши
На своемъ щиту огромномъ
Золотыми все словами:
Не терплю ни съ кѣмъ сравненья.
А тамъ выйдетъ на повѣрку,
Что нашъ рыцарь пресловутый
Позѣвать пріѣхалъ только,
И къ несчастію случилось,
Что его десница страшна
Онѣмѣла, заболѣла,
Параличъ ее ударилъ, —
А то бъ онъ единымъ взглядомъ
Повалилъ всѣхъ, опрокинулъ,
Разогналъ, развѣялъ прахомъ.
Что же прибыли? Игры всѣ
Стали бъ вовсе въ пень.—Нѣтъ лучше,
Что болѣзнь ему случившись
Всѣхъ оставила въ порядкѣ.
Были рыцари не хуже
Славна въ свѣтѣ Донъ Кишота.
Въ рогъ охотничій, въ волторну
Всѣмъ трубили громко въ уши:
«Дульцинея Тобозійска
Всѣхъ прекраснѣе на свѣтѣ».
А какъ воззришься въ красотку,
То увидишь подъ личиной
Всѣхъ бѣлилъ, румянъ и мушекъ
Обезьяну, или кошку,
Иль московску щеголиху.
За такую предесть дивну
Онъ однакожъ снарядился
На помолъ отдать всѣ кости;
Но нѣтъ нужды знать причину,
Для чего они дерутся,
Мы лишь скажемъ однимъ словомъ,
Что ихъ съѣхалось отвсюду
Столько—столько—что нѣтъ смѣты.
Поле ратно, окруженно
Со всѣхъ странъ амфитеатромъ,
Возвышалось. Тутъ дубовы
Скамьи были всѣ покрыты
Рытымъ бархатомъ, парчами,
Алтабасомъ изошвеннымъ [1]).
Вездѣ видно сребро, злато
И каменья дорогіе;
Хитрость зодчества, ваянья
Превышала тутъ богатство;
И художество въ союзѣ
Съ драгоцѣнностьми земными
Видъ изящности давали
Несказанный всему зданью;
Но искусство свои силы
Истощило надъ престоломъ,
Уготованномъ царицѣ
Съ ея дочерью прекрасной.
На столпахъ кристальныхъ твердыхъ
На сафиръ во всемъ похожихъ,
Что огнемъ искусство хитро
Изъ сожжена въ пепелъ древа,
Изъ песка, иль камня бѣла,
Зной сугубя, сотворило,
Возвышался сводъ порфирный,
Испещренный весь цвѣтами,
Гдѣ, природѣ подражая,
Рука мастера искусна
Изваяла ихъ изъ злата.
Перлы свѣтлы и жемчужны
Внизу свода, межъ столпами

---

[1]) Персидская парча.

Вкругъ висѣли ожерельемъ.
Вверху свода образъ свѣтлый
Возвышался въ видѣ буйномъ
Той богини, въ слѣдъ которой
Праотцы славянъ издревле
Вихремъ бурь носились всюду. — —
«Лучезарная богиня,
Слава, дщерь мечты, призраковъ!
На престолѣ мглы блестящей,
Звѣздъ превыше и Олимпа,
Изъ-за облака златого
Кажешь ты вѣнцы лавровы.
Но лицо твое кто узритъ?
Кто существенность постигнетъ
Твою?—Легкой ты завѣсой
Паровъ утреннихъ, прозрачныхъ
Прикрываешь черты шатки;
И тебя сквозь ихъ лишь видитъ
Пылкій взоръ воображенья.
Лишь оно тебя рисуетъ
И такими лишь шарами,
Какъ ему угодно только». — —
Посреди широка поля
Жертвенникъ изъ твердой стали
Блещетъ зеркальнымъ сіяньемъ;
Ониміамъ тутъ не курится,
Брусъ сланцова черна камня
Тутъ лежитъ на изощренье
Копія, меча, булата,
Чѣмъ обильны всегда жертвы
Славѣ въ честь приноситъ воинъ.
Ибо нѣтъ *поповъ* съ причетомъ,
Ни *жрецовъ* у ней священныхъ.
Кто грудь смѣлую имѣетъ,
Твердый духъ въ бѣдахъ на брани,
Кто храбръ, мужественъ, отваженъ—
Тотъ есть жрецъ сея богини.
День насталъ уже тотъ грозный
Равно скучный и веселый,
Гдѣ богиня лучезарна
Удѣлитъ своего блеска
Гордымъ всѣмъ своимъ любимцамъ,
Иль покроетъ грязью срама
Всѣхъ тѣхъ, коимъ она кажетъ
Свой затылокъ безволосый.
Зане такъ же, какъ Фортуна—
Сестра Славы—легконога;
У ней волосы тупеемъ
Растутъ спереди косою,
А затылокъ весь плѣшивый.
Онѣ модѣ сей учились
(Мы здѣсь скажемъ мимоходомъ
Для того, кто не читаетъ
Путешествіевъ всемірныхъ)
У Мунгаловъ иль Китайцевъ,
Иль въ Тибетѣ иль Бутанѣ,
Въ той странѣ благословенной,
Гдѣ живетъ тотъ царь священный,
На востокѣ столько чтимый [1]).
Его бабка повивальна
Разсказала, и всѣ вѣрятъ,
Что онъ выше всѣхъ на свѣтѣ,
Никогда не умираетъ;
Его смерть не есть кончина,
Его смерть есть прерожденье,
Что въ мгновенье то ужасно,
Какъ духъ жизни непостижной
Обветшалое жилище,
Мертвый трупъ нашъ оставляетъ,
Божество сіе двуножно

[1]) Далай-Лама.

Преселяется въ младенца
Или въ юношу любезна,
Чтобъ счастливымъ правовѣрнымъ
Опять въ знакъ щедротъ небесныхъ
Разсылать (но на закуску
Для десерта въ день торжественъ)
Своихъ сладкихъ яствъ останки;
Что въ священныхъ его нѣдрахъ
Благодатная природа
Въ млеко жизни претворила,
Вещество сіе изящно [1]),
Въ чемъ алхимикъ остроумный
Парацельсъ иль Авиценна
Или Бехеръ иль Алберты
Злата чистаго искали [2]);
Въ чемъ счастливый Брантъ и Кункель,
Свѣтоносный лучъ [3]) открывши,
Предъ очами изумленныхъ
Возжигали (безъ огнива)
Огонь во трубкахъ и курили
Траву пьяну никоцьянску,
Табакомъ что называютъ.
Но гдѣ меньше ихъ счастливцы
Все отеческо наслѣдство,
Накопленно и стяжанно
Кровью, потомъ и трудами,
Иль грабительствомъ, мздоимствомъ,
Иль другимъ путемъ превратнымъ,
Пережгли, передвоили [4]).
О, сколь счастливъ былъ бы смертный,
Еслибъ всѣ богатства въ свѣтѣ,

[1]) Экскременты, отбросы.
[2]) Алхимики.
[3]) Свѣтильный газъ
[4]) На алхимическіе опыты.

Злостяжанныя неправдой,
Обращалися чудесно
Въ вещество сіе изящно,
Далаи-Лама которо
Всѣмъ въ подарокъ правовѣрнымъ
Для десерта разсылаетъ.
Еслибъ въ немъ фосфоръ блестящій
Разъ сверкнулъ и превратился бъ
Въ пары свѣтлы, исчезая,
И, исчезнувъ бы, оставилъ
Лишь уханье амвросійно,
Столь извѣстное въ природѣ,
Дабы знали, сколь есть смрадно
Злостяжанное богатство,
Хотя блещетъ лучезарно!
Еще въ Зничеву коляску
Перстоалая Зимцерла [1])
Коней свѣтлыхъ не впрягала,
И клячонки огнебурны
На конюшнѣ Аполлона
Овесъ кушали эѳирный,
Какъ прекрасна Мелетриса,
Не смыкая своихъ вѣждей,
Ложе скучно, ложе дѣвства,
Ложе томно одиночства [2]),
Свое ложе оставляетъ,
Прежде нежель пѣтелъ громкій
Запинательнымъ напѣвомъ
Не воспѣлъ намъ часъ полночный—
«О! несчастная всѣхъ больше!»
Мелетриса такъ вѣщаетъ:
«Почто въ свѣтѣ я родилась?

[1]) Мнимыя славянскія божества огня и зари.
[2]) Въ подл. «одиночство».

Почто зрѣть мнѣ свѣтло солнце,
Если жизнь влачить плачевну
Осужденна я не съ милымъ.
Или щедрая природа
Моему лицу румяну
Дала прелести опасны
Для того, чтобъ въ горькой долѣ
Я потокомъ слезъ горючихъ
Ихъ цвѣты весенни ярки
На разсвѣтѣ сорывала!»
Такъ завывъ царевна наша
Распускаетъ длинны косы
По раменамъ обнаженнымъ.
Она, вставши со постели
Въ одной тоненькой рубашкѣ,
Ни юбчонки, ни мантильи,
Ни капота, ниже шали
На себя не надѣвала
И по горницамъ безъ свѣчки,
Въ темнотѣ густыя ночи,
Всюду ходя выла волкомъ.
«Нѣтъ, не думай, чтобъ досталась
Я въ объятія Гвидону!
Пусть скорѣе ненавистна
Горька жизнь моя прервется,
А тебѣ, мучитель брачный,
Лишь достанется въ укору
Мое тѣло бездыханно!..»
Безъ ума почти, въ потемкахъ
Она ходитъ, вездѣ ищетъ
Вожделѣннаго орудья
Безнадежному въ зломъ горѣ,
На скончаніе скорой смертью
Жизни, ставшей ненавистной.
Со мгновенья на мгновенье
Въ ней отчаяніе, томно
Сперва, стало ужъ лютѣе,
Не нашла себѣ въ отраду
Ни ножа, ниже иголки,
Ни копья булатна, крѣпка,
Ни меча, ни сабли острой,
Ниже шпаги—хотя бъ бердышъ
Или ножикъ перочинный
Или вертелъ ей попался — — — —
Но злой рокъ былъ столь завистливъ
Что всѣ вещи смертоносны
Отъ нея какъ въ воду спряталъ.
Ей такъ подлинно казалось.
Но мы въ томъ не обвиняемъ
Ни судьбы, ни чародѣйства,
Чтобъ царевнѣ въ злу насмѣшку,
Чтобъ отъ горькой Мелетрисы
Они сталь, булатъ, желѣзо
Все попрятали въ колодезь.
Одно было тутъ волшебство,
То всегдашнее волшебство,
Что въ подлунной совершаетъ
Земли суточно теченье;
То волшебство несказанно,
Гдѣ, съ подмогой воображенья,
Видимъ мы весь адъ разверзтый,
Домового, чорта, вѣдьму,
Или рай, или — — что хочешь;
То волшебство, однимъ словомъ,
Было тутъ простерто всюду,
Была—ночь и было темно,
Глаза выколи хоть оба.
Говорятъ, сопротивленьемъ
Всяка страсть въ насъ коренѣетъ,
Всяка страсть ярится съ силой.
Какъ вихрь бурный дуетъ въ пламя,
Иль мѣховъ насосныхъ сотня

Въ горнъ (сложенные всѣ вмѣстѣ)
Верзятъ воздухъ, въ нихъ стѣсненный
Клубоомутной струею;
Вдругъ зажженный уголь рдѣетъ,
Зной палитъ въ немъ черно сердце,
Угль горитъ, со трескомъ искры,
Какъ пращемъ въ окрестность мещетъ,
Дымъ клубится, вихремъ вьется,
Жаръ и зной ужъ все объемлютъ
И одно, одно мгновенье
Въ горнѣ видитъ огнь геенны...
Такъ царевна, не нашедши
Ни меча, ни остра шила,
Злу отчаянью вдается,
Лбомъ стучитъ во всяку стѣну,
Бросясь на полъ, бьетъ затылкомъ.
Но предательны помосты,
Покровенные коврами
Шолку мягка шемаханска,
Ея гнѣву лишь смѣются.
На нихъ вмѣсто смерти лютой
Она волосы ерошитъ.
Но опомнясь воспрянула,
Какъ младая легконога
Серна, скачетъ съ холма на холмъ;
Воспрянула, лучъ надежды
Протекаетъ ея сердце.
«Нѣтъ, сложась стихіи вмѣстѣ
Не возмогутъ тряхнуть душу
На погибель устремленну.
Тотъ умретъ, кто жить не хочетъ».
Такъ воскликнула царевна;
Она бросилась поспѣшно
Къ тому мѣсту, гдѣ спитъ мама,
Ея мама дорогая,
Карга имя ей въ исторьи;
Надъ постелей Карги мамы
Былъ вколоченъ гвоздь претолстый,
Большой гвоздь и деревянный;
Онъ длиной въ аршинъ иль больше,
На который Карга мама
По ночамъ треухъ соболій
Свой обыкла всегда вѣшать.
На гвоздѣ семъ умышляетъ
Скончать жизнь свою царевна...
«Какъ!» вскричала тутъ старуха,
Прервавъ рѣчь Бовы поспѣшно,
«Скончать жизнь такимъ же средствомъ,
Какимъ дѣвы Вавилонски
Жизнь давать учились древле!!
Или въ честь священна Фалла
У васъ жертва не курится? [1])
Или образъ его дивный
Вы не носите на выяхъ?
О, народъ, народъ продерзкій!
Презрѣть Фалла, Фалла сильна,
Что жизнь красну даетъ въ мірѣ!
Кѣмъ живетъ все, веселится,
Безъ чего бы и вселенна,
Забывъ стройное теченье,
Стала бъ дномъ вверхъ, кувырнулась.
Зане Фаллъ есть ось та дивна,
На которой міръ вертится.
Фаллъ — утѣха Афродиты,
Фаллъ то яблоко златое,
За которо три богини
Пощипались на Олимпѣ,

---

[1]) Фаллическій культъ.

Вцѣпясь бодро въ божьи кудри».
Бова слушалъ въ изумленьѣ
Свою дряхлую подругу.
Видитъ, жаромъ необычнымъ
Засверкали ея очи,
Вздохи вздохами тѣснятся,
Воздымаютъ грудь изсохшу.
Потягота во всѣхъ членахъ,
Жаръ гортанью ея пышетъ,
Во рту скрипъ зубныхъ остатковъ.
Но вдругъ взоры ея меркнутъ,
Млѣютъ члены и слабѣютъ,
Стары ноги протянула,
Сомкнувъ вѣжди испустила
Тяжкій вздохъ, и покатилась,
Чуть — чуть съ печки не упала.
Бова старую подругу
Подхватилъ въ объятья нѣжны.
Онъ ужъ думалъ, черна немочь
Ея дряхлу жизнь скончала
И послѣднія отрады
Навсегда его лишила;
Но съ веселіемъ онъ видитъ,
Что въ старухѣ сердце бьется,
Что въ ней кровь не охладѣла.
Очи томны отверзаетъ,
И, вздохнувъ она легонько:
«Ахъ, любезный мой!» вѣщаетъ,
«Зри, сколь Фалла почитаю,
Зри его священный образъ,
Что скудельничей рукою
Изваянъ изъ глины хитро:
Се утѣха моей жизни,
Се надежда мнѣ по смерти,
Голодъ, жажду утоляетъ,
Нектаръ онъ и амвросія!..»
Бова видитъ, ужаснулся,
Образъ Фалла у старухи;
Онъ дивится... Кто не знаетъ,
Не читалъ кто во исторьи
Древней повѣсти народовъ,
Тому слогъ нашъ непонятенъ.
А Бова хотя и видитъ,
Но что видитъ—онъ не знаетъ.
Такъ во глазѣ сѣтка чувствій,
Ослабѣвъ иль уязвленна,
Жизнь, чувствительность теряетъ.
И то чудно велелѣпно,
То божественное чувство,
Чувство зрѣнія изящно,
Чѣмъ всѣ вещи для насъ въ свѣтѣ
Оживляются шарами
Преломленныхъ лучей солнца,
Вдругъ померкнетъ, тьмится, гаснетъ,
И предметы ярка свѣта
Погружаются въ тьму мрака.
День прошелъ и сочетался
Съ ночью, или ночь настала,
Во очахъ ночь непрестанна.
Словомъ, слѣпъ тотъ кто не видитъ.
Такъ, исторіи не знавши,
Не узналъ Бова нашъ Фалла,
И былъ слѣпъ въ своихъ познаньяхъ.
А старуха, то примѣтя:
«Продолжай», она вѣщаетъ,
«Свою повѣсть ты плачевну».
Бова, вынувъ платокъ бѣлый,
Отираетъ чело старо
Своей нѣжныя подруги,
У которой потъ горохомъ
Въ наступленьи показался.
Потъ пройметъ и не старуху,

Когда корча нервы тянетъ,
Когда мышцы всѣ трепещутъ,
Грудь вздымается отъ вздоховъ,
И упруго сердце бьется,—
Такъ, какъ древняя Пиѳія
На треножникѣ священномъ
Дрожитъ, рдѣетъ, стонетъ, воетъ...
Ахъ! всегда въ сіе мгновенье,
Когда жизнь въ избыткѣ льется
Богъ насъ нѣкій оживляетъ!

ПЕСНЬ ИСТОРИЧЕ

Не
Но

Громы, гряньте, потрясися,
Ось земная, въ основаньи,
Время быстро, ты исчезни;
Книга вѣчности развервлась,
Я не въ будущемъ читаю,
Не пророкъ я, не волшебникъ,
Не Дельфійская Пиѳія,
Но я время зрю протекше.—
Се явился предо мною
Мужъ ума и духа сильна,
Что, народъ спасая Божій,
Море Чермное протекши,
Во пустыни среди глада,
Среди смерти могъ устроить
Народъ шаткій, легковѣрный.
Моисей во имя Бога
Чудеса творилъ; законы
Далъ Израильску народу.
И по истинѣ, возмогшій
Управлять толпой народной,

Не бывъ при
Не имѣя пре
Предразсудк
Можетъ, мож
Что посланн
Моисей во и
Жезломъ пра
Среди молні
Онъ со неба
Умы шаткіе
Вождь былъ
(Магометъ ко
Быть хотѣлъ
Умы пламенн
Рая лестною
Онъ смерть с
Во объятьяхъ
Ученикъ его,
Воинъ былъ
Онъ пошелъ

На побѣды, предъ собою
Онъ народомъ удивленнымъ
Возвѣстилъ: се избирайте
Алкоранъ иль смертоносный
Мечъ,—и свѣта половина
Пала предъ его закономъ).
Се идетъ Семирамида,
Она кудри свои черны
Прикрываетъ златымъ шлемомъ;
Своимъ мужествомъ на брани,
Своимъ разумомъ въ совѣтахъ,
Твердостью во время смутно
Всѣхъ сердца, умы плѣнивши,
Она память истребила,
Что убійственной рукою
Она скиптръ правленья держитъ.
Зри Навуходоносора,
Несяй бурно пламя браней
Въ стѣны новаго Салема [1]),
Сокрушилъ ихъ, въ прахъ развѣялъ,
Разорилъ храмъ Іеговы,
И повлекъ онъ Іудеевъ
Въ плѣнъ, неволю, въ преселенье.
Сѣдяй гордо на престолѣ,
Златомъ хитро изваянномъ,
Онъ зритъ образъ свой во храмахъ
Ко богамъ причтенъ; курятся
Ароматы драгоцѣнны
Въ честь ему и днемъ и ночью.
Но се мгла густая звѣрства
На верхъ гордый налетаетъ;
Царь царей теряетъ разумъ;
Онъ сталъ скотъ; въ лѣсахъ дремучихъ,
Въ блатахъ, дебряхъ ищетъ пищи...
Такъ надменности на тронѣ
Писалъ судъ Предвѣчный въ небѣ.
Троя, Тиръ, Сидонъ, Кароага,
Древни хины и индѣйцы
И невѣдомы народы
Шествуютъ, покрыты мглою
Неизвѣстности; но блещетъ
Во средѣ столѣтій мрака
Слава мудрыхъ, яко въ тучѣ
Молнія въ сверканьи свѣтломъ.
Зри воспѣтые Омиромъ:
Ахиллесъ, Паридъ иль Гекторъ...
Зри во пурпурныхъ хламидахъ
Жители Сидона, Тира,
Алчбой злата устремленны,
На крылахъ несутся вѣтра
Во страны дальнѣйши міра.
Зри, потомки ихъ въ Кароагѣ
Накопляютъ преизбытки
Остроумною торговлей.
Ганнибалъ, о вождь предивный — — —
Но зубъ времени желѣзный
Сокрушилъ ихъ градъ и славу — — —
Се потомки мудрыхъ Брамовъ,
Узники злодѣевъ наглыхъ,
По чредѣ, хранятъ священный
Свой законъ въ Езурвѣдамѣ
Буквой древняго Самскрита —
Древней славы ихъ останка
И свидѣтеля ихъ срама!! — — —
О Конфуцій, о мужъ дивный,
Твое слово лучезарно
Въ средѣ страшной бури, браней,
На развалинахъ отчизны
Возсѣдало всегда въ блескѣ,

[1]) Іерусалимъ.

И чрезъ цѣлыя столѣтья
Во пареніи высокомъ
Возносилось и летало...
Се идетъ твой современникъ
Зороастръ; онъ во Персидѣ
Учреждаетъ поклоненье
Духа жизни во вселенной,
И на жертвенникѣ свѣтломъ
Огнь возжегъ, что пламенѣетъ
Еще нынѣ въ жертву Богу.
Тако сила духа мудра,
Сохраняясь во потомствѣ,
Пребываетъ лучезарна
И живетъ, живетъ на вѣчность.
Се Киръ старшій, учредитель
Царства древнія Персиды.
Но чему о немъ мнѣ вѣрить —
Или повѣсти правдивой,
Иль Рамзею въ слогѣ красномъ?
Царь царей и царь великій,
Погибающій рукою
Томириды; отсѣченна
Глава Кира восплываетъ
Въ крови; слышу гласъ вѣщаетъ:
Пей, тиранъ, досыта крови,
Коей въ жизни столь былъ жаждущъ!
Се Эллада въ блескѣ солнца;
Тамъ ирои въ лучезарныхъ
Подвигахъ, будто свѣтила,
На крылахъ стремятся вѣтровъ
Похитить руно златое.
Зри, Язонъ въ странѣ волшебной
Превозмогъ въ Колхидѣ страхи
Чарованій и отравы,
И съ руномъ онъ у Медеи
Сердце нѣжное похитилъ.
Зри, Алкидъ [1]) какъ сокрушаетъ
Выи дерзкихъ и строптивыхъ;
Развѣ богу то возможно,
Что онъ силою десницы
Могъ исполнить въ жизни краткой.
Странственныхъ онъ избавитель
Предалъ смерти Бузирида.
Онъ далъ въ снѣдь конямъ, обыкшимъ
Поѣдать дымящи мяса
Потребленныхъ чужестранцовъ,—
Во Ѳракіи Діомида;
Вепря злого въ Эримантѣ
Обуздать могъ вервью лютость;
Стрѣлой легкою пернатой
Онъ чудовищъ тѣхъ пернатыхъ,
Что въ Стимфаліи гнѣздились,
Сокрушилъ и предалъ смерти.
Не возмогъ никто противенъ
Быть ему на брани сильной.
Въ Лернѣ гидру онъ стоглаву
Поразилъ; въ лѣсу Немейскомъ
Льва ужаснаго исторгнулъ
Жизнь съ дыханіемъ мгновенно,
И вотъ знакъ своей побѣды
Его кожу онъ косматy
Возложилъ на тверды плечи.
Мѣдяногу, златорогу,
Легкую въ бѣгу онъ серну
Могъ настичь; и даже бога
Въ струяхъ живша Архелоя
Онъ, во образѣ свирѣпа
Тельца сильна, онъ поправши
Рогъ исторгъ во знакъ побѣды.
Побѣдитель онъ чудовищъ,

---

[1]) Геркулесъ.

Побѣдитель онъ гигантовъ;
Сильна въ мышцахъ онъ Анѳія
Удушилъ въ объятьяхъ крѣпкихъ.
Передъ нимъ кентавры дерзки,
Какъ листъ легкій, возметались.
И тѣ храбры жены древле,
Ненавистницы супруговъ,
Амазонки побѣжденны
И примѣромъ Ипполиты,
Своей красныя царицы,
Что Алкидъ Ѳисею отдалъ,
Научились жить съ мужьями.
Онъ, предерзка Промиѳея,
Что съ небесъ похитилъ пламя,
Отъ злой казни избавляя,
Убилъ врана, что терзаетъ
На Кавказѣ его перси;
И, пришедъ къ предѣламъ міра,
Океанъ гдѣ облегаетъ
Шаръ земной, онъ столпъ высокій
Силой крѣпкія десницы
Подавилъ и вдругъ раздвинулъ.
Двѣ горы тутъ вознеслися,
Калпе, Абила, подножьемъ
Двухъ столповъ, гдѣ начертанно
Сіе дѣло баснословно;
Се предѣлъ, и море съ шумомъ
Покатилося волнами
Во среду земель и весей — —
Онъ, наполнивъ весь міръ славой,
Нисшелъ въ царствіе Плутона
И привратника тризѣвна
Обуздалъ онъ пса Кервера [1]).
Но, платя онъ долгъ природѣ,
Полубогъ, ирой, былъ слабый—
Во объятіяхъ Омфалы
Смертный; палицу иройску
Гнусной пряслицей содѣлалъ.
Но и въ слабостяхъ божественъ
Сынъ царя міровъ предвѣчна.
Десять онъ супругъ имѣвши,
Былъ отецъ потомства славна,
Многочисленна; исполнилъ,
Наконецъ, чудесный подвигъ,
Бывъ единою онъ ночью
Дѣвъ пятидесяти юныхъ
Супругъ нѣжный и въ срокъ точно
Пятьдесятъ сыновъ родивши.
Подвиговъ двѣнадцать дивныхъ
Совершилъ, себя прославивъ;
Бывъ ироемъ въ жизни краткой,
Полубогъ онъ сталъ по смерти.
Но, склонясь отъ баснословныхъ
Подвиговъ иройскихъ въ Грецьи,
Зри животъ какъ презираетъ
Кодръ въ спасеніи Аѳинамъ.
Онъ не злато, не гремушку
Мздой поставилъ дѣлъ иройскихъ,
Но мечту, мечту любезну,
Образъ отчества драгого,
Въ немъ жить рай, но съ нимъ разлука
Есть геенна, адъ ужасный.
Кодръ, сей мыслію исполненъ
И предвѣстію повѣря,
Что потеря драгоцѣнной
Вещи для Аѳинъ спасенье,
Счелъ, что драгоцѣннѣй въ мірѣ
Вещи нѣтъ, какъ царь правдивый,
И, себя такимъ считая,
Смерть вкусилъ къ спасенью царства.

---

[1]) Церберъ.

Аѳиняне въ знакъ почтенья
Къ подвигу толику славну
И, считая невозможнымъ
Замѣнить его на тронѣ,
Имя царско истребили.
Признавая невозможность
Безъ законовъ быть правленью,
Аѳиняне восхотѣли,
Да Драконъ, мужъ твердый, строгій,
Начерталъ бы имъ законы.
Но онъ каждо преступленье,
Маловажно иль велико,
Омывалъ Аѳинянъ кровью.
Мало время поступали
По словамъ его кровавымъ;
И Солонъ законы новы
Предписалъ тогда Аѳинамъ.
Страсти бурны обуздавши,
Онъ законы далъ безсильны
Аттикѣ замысловатой.
Зря законовъ власть попрану
Властолюбнымъ Пизистратомъ,
Презрилъ градъ онъ и тирана,
Градъ оставилъ, удалился.
Но чему дивиться должно,
Иль законамъ его слабымъ,
Иль тому, что онъ направилъ
Народъ шаткій, остроумный
На стезю побѣдъ и славы,
На рожденье мужей дивныхъ?
Се исходитъ предо мною
И очамъ моимъ явился
Мужъ божественный, мужъ дивный,
Что, умомъ своимъ объявши
Всю народнаго связь тѣла,
Умѣлъ души всѣхъ устроить
Къ пользѣ общей и единой,
Подчиняя умъ и сердце
Всѣхъ отечеству любезну.
О Ликургъ, твоимъ закономъ
Ты нагнувши выи горды,
Воспитаніемъ Спартанцовъ
Имъ отечество содѣлалъ
Всего выше и милѣе.
Времена настали страшны
Для свободы всей Эллады.
Какъ стада несмѣтны врановъ,
Такъ полки Персидски строемъ
На Элладу налетѣли;
Но Аѳиняне, Спартане
Противъ ихъ несчетныхъ воевъ
Ставили мужей лишь славныхъ.
Мильтіадъ, спаситель Греціи,
Побѣдитель Мараѳонскій,
Жизнь скончалъ въ темницѣ срамно
Леонидъ, царь Спарты смѣлый,
Изсосавъ любовь къ отчизнѣ
Съ млекомъ матери любезной,
Жизнь ему принесъ на жертву,
И съ нимъ триста юношъ храбрыхъ
Дни скончали въ Ѳермопилахъ.
Аристидъ се правосудный,
Что себѣ начертаваетъ
Судъ изгнанья остракизмомъ;
Но онъ зависти зналъ жало,
Бывъ соперникъ Ѳемистокла.
Побѣдитель славный персовъ,
Въ Саламинѣ зритъ всѣхъ грековъ,
Стекшихся къ играмъ въ Олимпѣ,
Передъ нимъ вдругъ возстающихъ.
О, награда паче злата,
Паче всѣхъ вѣнцовъ лавровыхъ!

Но достоинъ былъ неложно
Сея чести тотъ, кто Грецью
Спасъ побѣдой въ Саламинѣ:
Для спасенія отчизны
Презрилъ онъ вождя надменна,
И вознесшему жезлъ буйно
Да ударитъ, отвѣчаетъ:
Поражай, но токмо слушай.
Се Периклъ, кой умѣлъ хитро
Взять кормило во Аѳинахъ,
И народомъ, возлюбившимъ
Своевольность до безумья,
Онъ по волѣ своей правилъ.
Другъ Фидія, изваявша
Образъ дивной Аѳинеи,
Другъ Аспазіи любезной,
Что Сократъ (иль добродѣтель
Воплощенна) въ честь вмѣняетъ
За учителя имѣти
Себѣ славну Аспазію,
Онъ другъ былъ Анаксагора,
Кой, сотрясши предразсудокъ,
Тяжко бремя мглы священной
И свѣтильникомъ разсудка
Сонмы всѣхъ боговъ развѣявъ,
Первый сталъ среди вселенной,
Онъ дерзнулъ ея началу
Дать вину несуевѣрну.
Алкивіадъ, мужъ любезный,
Богатъ, статенъ, уменъ, знатенъ,
Дарованій онъ великихъ
И пороковъ преисполненъ.
Добродѣтеленъ, но рѣдко,
Развѣ слѣдуя совѣтамъ
Друга своего любезна
И учителя, Сократа;
Въ страстяхъ пылокъ, рдянъ и буйственъ.
Облекаясь онъ однакожъ
Въ виды, нравы, обычаи,
Кои нужны на то время,
Чтобъ достичь желанной цѣли;
Онъ злой духъ и бичъ Эллады
Былъ, и палъ сраженный жертвой
Любочестья и разврата.—
Но пройдемъ мы быстрымъ окомъ
Ту страну, страну предивну,
Гдѣ Ликурговы законы
Царствуютъ сильнѣй природы.
Тамъ жена не знала страсти
Ко супругу нѣжну, развѣ
Онъ достоинъ былъ награды
За свою любовь ко Спартѣ.
Тамъ мать въ радости ликуетъ,
Когда сынъ ея, сражаясь,
Жертвой палъ при Ѳермопилахъ.
Ты позналъ то, о Павсаній,
Что любовь ко Спартѣ выше
Въ сердцѣ родшей тебя въ Спартѣ,
Нежели къ тебѣ. Развратность
Твоихъ нравовъ она прежде
Всѣхъ другихъ въ тебѣ накажетъ.
Ты есть врагъ Лакедемона;
И се, зри, несетъ ужъ камень,
Чѣмъ во храмъ входъ заградится,
Гдѣ предательна свершится
Твоя жизнь во мщенье Спарты.
Агесилай-воинъ мудрый,
Ты достоинъ еще древней
Славы отчества, погасшей
Въ роскоши, въ развратныхъ нравахъ.
О, сколь милъ ты простотою,

Когда чадъ своихъ забава,
Ты, конемъ жезлъ сотворивши,
Рыскалъ съ ними на ихъ пользу!
О, Ливандеръ, о мужъ славный!
Воинъ мудрый, ты бъ достоинъ
Былъ отечества любезна,
Еслибъ ты родился прежде.
Ты въ дѣлахъ твоихъ иройскихъ
Не коварствомъ бы[1]) вождаемъ;
Не предатель былъ бы хитрый,
Почитавшій мечъ свой средствомъ
Быть всегда со всѣми правымъ.
Но развратъ, пустя свой корень
Сердца вглубь лакедемонянъ,
Испровергъ святы уставы,
Что Ликургъ поставить тщился
На подножіи незыбкомъ
Простоты и безкорыстья,
Воспитаніемъ суровымъ;
И когда рукою смѣлой
Юный Агій, взревновавшій,
Восхотѣлъ къ началу древню
Обратить спартански нравы,
То плачевною палъ жертвой
Сребролюбія, разврата.

Духъ величья, разливаясь
Въ концы дальніе Эллады,
Возблисталъ вдругъ между Оивянъ.
Хоть Пиндаръ своей трубою
Во отечественномъ градѣ
Колебалъ тупые слухи,
Но, взгнѣздившися во Оивахъ,
Грубость ихъ во всей Элладѣ
Отличалась предъ другими.
И се два велики мужа,
Лаврами главы вѣнчая,
Возмогли на высшу степень
Возвести свою отчизну.
Пелопидъ —мудрецъ и воинъ,
Мужъ великій, избавитель
Оивъ отъ ига, наложенна
Гордой Спартою во счастьѣ.
Но его блестяща слава
Уступала его другу
Эпаминонду, что первымъ
Циперонъ назвалъ изъ грековъ.
Онъ, про коего вѣщаетъ:
Зналъ всѣхъ больше, а глаголалъ
Меньше всѣхъ. Онъ высшій въ Оивахъ
Нищъ былъ, злато презирая.
Горду Спарту низлагая,
Побѣдитель палъ сраженный,
И, чадъ вмѣсто, онъ оставилъ
Только Левктры, Мантинею.
Се Филиппъ сплетаетъ узы
Или сѣти хитротканны,
Гдѣ онъ вольность всей Эллады
Уловилъ и сдѣлалъ прахомъ.
Учредитель стройна войска,
Устроеніемъ фаланги
Онъ кровавы приготовилъ
Узы тяжки полусвѣту.
О Филиппъ, тебѣ возможно
Во яремъ нагнуть всѣ выи,
Но кто можетъ Демосоена
Наклонить велику душу?
Тебѣ дѣло и трупъ срамный

---

[1]) Былъ?

Демосѳеновъ въ корысть будетъ,
Но не духъ его свободный.
Александръ, употребляя
Себѣ въ пользу то, что сдѣлалъ
Филиппъ хитрый, Филиппъ мудрый,
Вихрь порывистый понесся,
Въ бурномъ духѣ урагана,
Сокрушая всѣ преграды,
Отъ смиренной Пеллы, даже
До бреговъ счастливыхъ Ганга.
Друга своего убійца,
Палъ сраженъ болѣзнью въ пьянствѣ.
Необъятныя корысти
По его досталисъ смерти
Вождямъ войскъ его надменнымъ;
И солдаты Александра
Цари стали его смертью.
Хоть по смерти Александра
Возсіялъ духъ древній паки,
И союзъ Ахеянъ видѣлъ
Возраждающуся вольность;
Но то искра была слаба.
Ни Аратъ не могъ возставить
Падшую Эллады вольность,
Ни ты смертный, столь достойный
Нарещись послѣднимъ грекомъ,
Филопеменъ палъ, и вольность,
Въ древней Греціи сіявша,
Въ вѣкъ потухла невозвратно.

Се сонмъ свѣтлый мужей славныхъ,
Се сенатъ, се народъ римскій,
Полкъ царей и ихъ превыше,
Се властители народовъ!
Изыдите и предстаньте
Моимъ взорамъ обаяннымъ!
Вы—краса и удивленье
Человѣческаго рода,
Вы изящну добродѣтель
Вознесли на верхъ возможный;
Но вдругъ впали въ гнусность, мерзость,
И затмили злобой, звѣрствомъ
Всѣ народы намъ извѣстны.
Ромулъ Риму основанье
Далъ, устроя свое царство.
Нума нимфу Егерію
Призывалъ давать законы,
И единый противъ войска
Сталъ враговъ своихъ строптивыхъ.
До Тарквинія старались
Всѣ цари предѣлы Рима
Расширять елико можно.
Но Тарквиній скиптръ желѣзный
Простеръ къ буйному народу;
Смерть Люкреціи воздвигла
На него бѣды ужасны—
Онъ былъ изгнанъ, и навѣки.
Се Брутъ первый, обагренный
Кровью сына и тирановъ,
Положилъ угольный камень
Зданью римскія свободы.
Се Коклесъ, съ мечомъ единый
Спасшій Римъ и его славу;
Жертва Децій общей пользы,
Ищетъ смерти онъ ужасной.
Суевѣрною любовью
Ко отечеству пылая,
Курцій въ хлябь земну разверзту
Летитъ, жизни не жалѣя
Для спасенія народа.

Зри, се Сцевола, на жертву
Принося свою десницу
Въ безопасность юна Рима,
Не содрогшись возлагаетъ
На горящи ее угли.
Боль несносна не тревожитъ
Души твердой и незыбкой.
О Мененій безкорыстный!
Предъ тобой богатство, злато,
Какъ листъ въ осень, увядаютъ
Постыженны твоимъ взоромъ.
Нищъ ты былъ, сѣдяй въ сенатѣ,
И по смерти не оставилъ
Чѣмъ бы заступъ могъ наемный
Ископать тебѣ могилу.
Но граждане веледушны,
Чувствіемъ сердецъ водимы,
Несутъ въ мѣсто свое злато,
Въ честь твою взникъ столпъ надгробный.
Борозду тяжку прорывля
Силою воловъ яремныхъ,
Цинцинатъ отъ шумна свѣта
Въ селѣ маломъ обитаетъ.
Но блестяща добродѣтель
Утаиться не возможетъ;
Возведенъ на высшу степень
Онъ въ дни смутные средь Рима,
Своей твердостью и лаской
Рушшійся порядокъ строитъ;
Уже взводится въ четверты
На первѣйшее онъ мѣсто;
Враговъ Рима побѣдивши,
Онъ нисходитъ въ чинъ простого
Гражданина; и пріемлетъ
Паки онъ свое орудье,
Чѣмъ взорется его нива.
Столь же ты великъ, мужъ дивны
Идя вслѣдъ сохѣ на нивѣ
И бичомъ скота яремна
Понуждая ко работѣ,
Великъ столь же, какъ предъ войск
Въ прахъ попралъ ты враговъ Рим
О Камилій, о мужъ славный,
Столь же дивенъ и единственъ
Ты во счастьи благоспѣшномъ,
Какъ въ превратностяхъ и въ бѣдст
Изгнанный коварствомъ хитрымъ—
(Ахъ! бывало ль, или будетъ,
Чтобъ изящна добродѣтель
Не раждала зависть блѣдну,
И была бъ не ненавистна
Злобну гнусному пороку)—
Ты, къ отечеству любовью
Рдѣя, строишь во изгнаньи
Помощь Риму во злосчастьи.
И се Бренъ, вождь храбрый, смѣл
Галловъ дикихъ и свирѣпыхъ,
Побѣдитель римскихъ воевъ,
Всюду ужасъ простираетъ,
Онъ въ безтрепетное сердце
Римлянъ страхи поселяетъ;
Но Римъ въ бѣдствахъ паче счастья
Былъ великъ и твердъ и дивенъ.
Его стѣны опустѣли;
Жены, старцы и младенцы
Лишь одни остались въ градѣ
Зрѣть побѣду галловъ лютыхъ.
Но Камиллъ живъ, и спасенны.
Лишь отсутственъ онъ отъ Рима,
Паки бѣдства возродились,
И, наскучивши въ осадѣ,

Римляне купить хотѣли
Миръ у галловъ вѣсомъ злата.
Но Камиллъ внезапно входитъ
Въ градъ, поникшій отъ печали;
Зритъ поносное онъ злато
На вѣсахъ и коромысло
(Вѣсъ не полнъ) горѣ восходитъ.
Мечъ извлекъ—и въ легку чашу
Возложивши: се, вѣщаетъ,
Чѣмъ намъ галламъ платить должно,
А не златомъ симъ поноснымъ!
Одно слово, и духъ прежній
Возродился въ сердцѣ римлянъ,
Римъ свободенъ, побѣжденны
Галлы! зри, что можетъ слово;
Но се слово мужа тверда,
Какъ то древле слово жизни
Во твореніи явилось,
Было слово се Камилла.
Мужи славны, украшенье
Вы отечества во Римѣ;
Вы, къ нему любовью рдѣя,
Все на жертву приносили,
Самую забывъ природу.
Манлій сына осуждаетъ
Вкусить смерть, да подчиненность
Въ войскѣ будетъ сохраненна;
Деций, видя робость въ войскѣ,
Давъ себя въ обѣтъ подвемнымъ
Богамъ, ринулся съ размаху
Во враговъ; погибъ, но славно,
Бодрость въ души вліялъ римлянъ
И доставилъ имъ побѣду.
Се твой сынъ, тебя достойный,
Уподобясь тебѣ въ славѣ,
То жъ творитъ и погибаетъ.
Се и вы предстали взорамъ,
О презрители богатства!
О ты, Курій! что вѣщавшій
Ко самнитамъ, приносящимъ
Злато: лучше я желаю
Повелитель быть надъ тѣми,
Кто имѣетъ много злата,
Нежели имѣть самъ злато!
Ахъ! возможно ль его блескомъ
Льстить того, кого, пришедши
На прошеніе, посланцы
Цѣлаго народа видятъ
На древянномъ блюдѣ яствы
Поядающа.—Явился
Мужъ, презритель сребра, злата,
Добродѣтельный Фабрицій:
Удивленье враговъ Рима,
Ты достойный былъ возсѣсти
И въ томъ градѣ и въ томъ сонмѣ,
Гдѣ Киней дивяся мудрый:
Римъ, вѣщаетъ, есть храмъ Божій;
А сенатъ царей собранье!
Пирръ, со златомъ посрамленный,
Не возмогши добродѣтель
Повредить твою, рекъ тако:
Нѣтъ, удобнѣе возможно
Совратить съ теченья солнце,
Нежели со стези правды,
Добродѣтели и чести
Совратить тебя, Фабрицій!
Кто сей зрится, весь покрытый
Ранами, мужъ строга вида?..
Регулъ, зная пытки, муки,
Что его ждутъ во Карѳагѣ:
Вамъ война, не миръ довлѣетъ,

О сенатъ, о народъ Римскій,—
И кровавая палъ жертва
Онъ совѣта сего мудра.
Но возникъ, тебѣ на гибель,
Ганнибалъ, сей мужъ предивный,
Коимъ Римъ едва не сверженъ
Во полетѣ своей славы,
Еслибъ зависть не претила
Во пареніи ирою.
Фабій медленностью мудрой
Еслибъ бѣгъ твой не умѣрилъ,
То, поверженный во прахѣ,
Во развалинахъ дымился бъ
Римъ, глава земного круга;
Тамъ бы зрѣлися потомки
Тѣхъ мужей, достойныхъ неба,
Въ поруганіи злосрамномъ,
На томъ мѣстѣ, гдѣ вѣнчались
Славою ихъ предки дивны,
Не возсѣли бъ въ славѣ, въ блескѣ
На престолѣ всего міра.
Ганнибалъ, ирой премудрый,
Что тебѣ противостанетъ?
Коль природа не возможетъ
Во походѣ твоемъ дивномъ
Положить тебѣ преграды,
Воздвигая верхи льдяны
Выше облакъ, грома, молній;
Коль струя шумящей Роны,
Ериданъ, или потоки,
Звонкошумно ницъ звеняши
Съ верхнихъ Альпъ на камни строги,
Заградить твой путь не могутъ,
То Требія, Тразимена
Суть лишь слѣдствія неложны
Твоихъ мудрыхъ начертаній.
Но се Фабій, скала тверда,
Гдѣ твое стремленье буйно
Заградилось и препято.
Ахъ! тобою Римъ спасенный
Чуть не зрѣлъ свою погибель
Въ Канахъ, какъ Варронъ надмен
Сей клевретъ безумный Павла,
Падшаго въ спасенье Рима
Съ воинами, что умѣли
Жизнь скончати за отчизну;
Безразсудный вождь, возмнившій
Состязаться съ Ганнибаломъ.
Ужъ молва трубою громкой
Возвѣщаетъ гибель Рима;
Но напасть — его спасенье
Устрояетъ средь развалинъ.
Онъ воздвигъ свой верхъ ужасны
Бѣдства край, всѣхъ восторгало
Мужество, вновь возродилось:
Римъ спасенъ и что возможетъ
Ганнибалъ единъ предъ Римомъ?
Его счастье отлетѣло
Передъ юнымъ Сципіономъ.
Побѣдитель Ганнибала
Видѣлъ зависть, видѣлъ злобу,
Устремленную на славу
Его подвиговъ великихъ;
Обвиненъ передъ народомъ,
Добродѣтельный мужъ, твердый,
Надъ врагами Рима скажетъ
Свои славныя побѣды
И клеветъ всѣхъ въ посрамленье:
«Народъ Римскій! (онъ воскликне
«Въ сей, въ сей день блаженны
ва
«Побѣдилъ я Ганнибала;

«Отдадимъ хвалу всевышнимъ».
И се паки торжествующъ,
Всѣмъ народомъ провождаемъ,
Въ Капитолью онъ восходитъ,
Оставляя площадь римску
Съ клеветой, въ стыдѣ шипящей.
Славы, имени преемникъ
Сципіоновъ, разрушитель
Состязательницы Рима..
Ахъ! се ль слава, се ль иройство?— —
Разрушать единымъ мигомъ,
Что столѣтія создали!
Вопль и крикъ и скрежетанье
Умирающихъ булатомъ
Побѣдителя во гнѣвѣ.—
Пламя, всюду разліянно,
Какъ рѣка, сломивъ оплоты — — —
Плодъ изящности—въ обломкахъ —
Разума творенья—въ щепкахъ — — —
И грабежъ, насильство, наглость,
Всѣ неистовства, всѣ звѣрства — —
Со безчувственностью стали
Слышать визгъ и корчи смерти —
Се иройство, слава!—можно ль
Сердцу, чувствовать обыкшу,
И уму, судить умѣвшу,
Поступить на таковая?
Нѣтъ, разсудокъ претитъ мыслить,
Что Эмилія сынъ славный
Лелья другъ и другъ Полибья
И любитель музъ Эллады,
Могъ рѣшить погибель звѣрску
Пышной, гордыя Карѳаги!
Нѣтъ, велѣнье се неисто
Властолюбія сурова,
Ненасытна духа власти,
Духа сильна, Римъ воздвигша,
Изъ устенъ что излетѣло
Древня строгаго Катона:
Да разрушится Карѳага!
Но ты паки разрушитель,
Ты Нуманціи несчастной.
Иль припѣвъ, или прозванье
Надъ тобой толико сильны,
Что ты сладость ощущаешь
Разрушителемъ быть только?
Но, алкая сильной власти
Ты диктатора, сталъ жертвой
Властолюбья непомѣрна. — —
И се въ Римѣ удивленномъ
Своей властью и богатствомъ
Возникаютъ страсти бурны
И грозятъ уже паденьемъ.
Асія, Коринѳъ и греки
Повергаютъ свои выи
Во яремъ народа римска.
Но во мзду рабства симъ міра
Повелителямъ надменнымъ,
Съ златомъ, съ серебромъ, съ богатствомъ,
Изрыгаютъ въ Римъ всѣ страсти,
Что затмятъ въ немъ добродѣтель
И сокиждутъ ему гибель.
Гракхи, Гракхи, украшенье
Матери своея мудрой,
Вы напрасно восхотѣли
Возродить въ превратномъ Римѣ
Нравы древни и равенство.
Добродѣтель не защита
Для коварства, буйства, силы.
Пали жертвы вы, достойны
Упадающей свободы.

Се возникъ тотъ мужъ суровый,
Ненавистникъ рода знатна.
Ненавистникъ наукъ, знаній,
Храбръ и мужественнъ и дерзокъ,
Вождь великій, воинъ смѣлый
И спаситель Рима, Марій;
Гордъ, суровъ, алкая власти,
Всѣ пути къ ея снисканью
Были благи; но изгнанный
И въ побѣгѣ, утопая
Близъ Минтурны въ блатѣ жидкомъ,
Онъ вѣщаетъ ко несущу
Къ нему смерть наемну войну:
Се, я Марій, коль дерзаешь!
Но сей взоръ велика духа,
И велика среди бѣдствій,
Заградилъ внесенно жало.
И въ убійцѣ своемъ Марій
Обрѣтаетъ себѣ друга —
Странникъ бѣдственъ, укрываясь,
Конецъ жизни нося тяжкой,
Зри картину счастья шатка;
Зри величественный образъ
Марія побѣдоносна,
Марья перваго во Римѣ,
Здѣсь сѣдящаго (вѣщаетъ)
На развалинахъ Карѳаги!
О, стяжатель власти, чести,
Зри тамъ Марья — содрогнися!
Колесо, всегда вертящесь,
Превратилося фортуны,
Марій паки въ Капитольи;
Сердце, бѣдствомъ изъязвленно,
Стало жестче стали крѣпкой,
И суровый сей велитель
Римъ исполнилъ смерти, казни.
День румяный возсіявшій
Освѣщалъ потоки дымны
Возструившейся по стогнамъ
Крови римской; и свершался,
Зря въ мерцаньи кровь и гибель.
Но сей варваръ ненасытный
Трепеталъ, воспомня Суллу.
Чтобъ забыть тотъ страхъ, опасно
Онъ предался гнусну пьянству
И въ хмелю скончалъ жизнь срам
Се совмѣстникъ Марьевъ, Сулла
Се мучитель съ сердцемъ нѣжны
Се счастливымъ нареченный,
Рода знатна и украшенъ
Дарованьями различны;
Умъ словесностью устроенъ,
Въ обхожденьи милъ и гибокъ,
Но снѣдаемъ алчбой славы
И снѣдаемъ властолюбьемъ;
Храбръ, дѣятеленъ, вождь мудрый
Побѣдитель Миѳридата.
Миѳридатъ, ирой, царь славный,
О, примѣръ ты зыбка счастья!
Врагъ онъ римлянъ, ненавистникъ
Сихъ тягчателей народовъ;
Съ юныхъ лѣтъ онъ чуетъ славу
Противстать струѣ сей, рвущей
Всѣ оплоты; бодрый разумъ,
Возвышенны чувствъ и сердца,
Крѣпость духа, храбрость, смѣлост
Мужество, въ трудахъ возросше,
Закаленное во славѣ,
Онъ далъ бѣгъ душѣ отважной,
Властолюбія алкавшей,
На великая возмогшей.
Побѣдитель онъ Асіи,

Побѣдитель онъ Эллады,
Уступить былъ принужденный
Счастью Рима, счастью Суллы.
Но изсунулъ мечъ кровавый
Паки на погибель Рима,
Тридцать лѣтъ сопротивлялся
Онъ грабителямъ вселенной
Римлянамъ: но въ тяжки лѣта,
Зри возставшаго Фарнаса,
Сына, наущенна Римомъ,
Онъ мечомъ свою жизнь славну
Ненадежную исторгнулъ,
Не возмогши ее кончить
Жаломъ острымъ яда сильна;
Зане жизнь его, въ смятеньи
Провождаема, успѣла
Притупить всю ѣдкость яда.
Миѳридата побѣдивши,
Испровергнувши Аѳины,
Побѣдивши всѣхъ ахивянъ,
Всѣхъ союзниковъ и римлянъ,
Сулла мечъ свой, обагренный
Кровію доселѣ—чуждой,
Онъ простеръ во сердце Рима.
Заградивъ на жалость сердце,
Хладнокровный былъ убійца
Всѣхъ, ему врагами бывшихъ,
И трепещущіе члены
Погубленныхъ гражданъ Рима
Его были услажденье.
Нѣтъ, ничто не уравнится
Ему въ лютости толикой,
Робеспьеръ дней нашихъ развѣ.
Ахъ, во дни сіи ужасны,
Гдѣ отецъ сыновней крови,
Гдѣ сыны отцовой жаждутъ,
Господу гдѣ рабъ предатель,
Средь разврата нагла нравовъ
Можетъ развѣ самодержецъ,
Властію вѣнчанъ всесильной,
Дать устройство, миръ... неволи —
Пусть неволи, но отдохнетъ
Человѣчество отъ тяжкихъ
Ранъ!—Сталъ Сулла всевелитель,
Учредилъ благоустройство
Во мятежномъ сердцѣ Рима.
И се мужъ, кровей столь жаждущъ,
Погубитель гражданъ, войновъ,
Грады, села испровергшій,
Наносившій смертны раны
Во сердца семействъ толикихъ,
Возгнушался своей властью
И дерзнулъ сойти съ престола.
Онъ конецъ своея жизни
Провелъ мирно и въ утѣхахъ
Сладострастья, нѣги, хмеля.
О властители народовъ!..
Или паче, сердца смертныхъ,
О загадка нерѣшима,
Ниже Сфинксу; будто только
Всевластителю угодно
Было кровію упиться
И возлечь на ложе мирно,
Среди Вакха, Муссъ и Лелы.
Истина непостижима!
Но то истина, что можетъ
Во душѣ, къ любленью нѣжной,
При вожденіи разсудка,
Привитать и люто звѣрство.
Гдѣ ты, Римъ, гдѣ ты, отчизна
Простоты, смиренья, чести!
Добродѣтели опоры,

Потрясенныя страстями,
Утопилися въ ассійской
Роскоши; но се явленье,
Удивленія достойно
Всѣхъ вѣковъ, всея вселенной:
Мужъ богатства неисчетна,
Пышностію превзошедшій,
Роскошью и велелѣпьемъ
Всѣхъ царей роскошна Востока,
И среди распутства, буйства,
Наглостей, презрѣнья явна
Добродѣтели, законовъ,
Возмужался, явилъ свѣту
Сердце чистое и разумъ,
Всей изящностью украшенъ.
Воинъ храбрый и вождь мудрый,
Гражданинъ среди разврата,
Ненавистникъ ухищреній,
Скоповъ, казней, заговоровъ;
Не алкая властолюбьемъ,
Побѣдитель Миѳридата
Торжествомъ шелъ въ Капитольи.
Сердце, руки непорочны,
Судія всегда правдивый,
Истина изъ устъ нельстивыхъ
Лукулла роскошна, пышна
Исходила непорочна.
Сынъ, отецъ и братъ онъ нѣжный,
Господь щедрый, другъ несчастныхъ,
Онъ бы могъ стать всѣхъ превыше
Кесаря или Помпея,
Но иль мало онъ отваженъ,
Иль не дерзокъ; иль почтилъ онъ
Миръ, покой, средь Муссъ и нѣги.—
Марій, проложивъ кровавый
Путь ко власти высшей въ Римѣ,
Сулла, воиновъ купивши,
Показали, что возможно
Силой царствовати въ Римѣ;
Римъ, владыко всѣхъ народовъ,
Ужъ настала та минута,
Что ты выю свою горду
Подъ яремъ насильства склонишь.
Если мужъ продерзкій, буйный,
Вихрь неистовый страстями,
Смѣлый умъ, отважно сердце,
Сластолюбецъ, злодѣй гнусный...
(Зри, ступилъ, ушелъ и, въ бѣгствѣ
Вырвавшись, мечомъ дерзаетъ...
Но сраженъ—онъ, озираясь,
Грозитъ взоромъ и скрежещетъ
Во отмщеніе зубами)—
Если вольность Катилина
Не возможетъ испровергнуть,
То, спасенный Цицерономъ,
Въ мрежи ты падешь Помпея.
Властолюбецъ, не терпѣвшій
Себѣ равнаго во Римѣ,
Жажду царствія прикрывши
Добродѣтельной личиной,
Онъ умѣренности видомъ
Привлекалъ сердца и души;
Торжества исторгши почесть,
Еще юнъ, не хотѣлъ больше,
Чтобъ его затмилъ кто въ Римѣ.
Побѣдитель и во власти
Въ Римъ вступаетъ гражданиномъ,
Но онъ хитростью то будетъ, [1])
Чего силой не желаетъ.
Его честь и добродѣтель

---

[1]) Добудетъ?

На лицѣ токмо сіяли,
Но душа была безстыдна.
Расширитель онъ предѣловъ
Рима—Ассіи до сердца,
Онъ неистово гордился,
Презрилъ Юлія, вѣщая:
Я воздвигну легіоны,
Ударяя ногой въ землю!
Во Фарсальскихъ онъ долинахъ
Испыталъ превратность счастья,
И предательной десницы
Сталъ онъ жертвою плачевной.
Тако зданье, сооруженно
Хитростью и расточеньемъ,—
Властію, умомъ стрясется
И падетъ единымъ махомъ,
Коль найдетъ во преткновенье
Буйнѣе себя и дерзче.
Се возникъ тотъ мужъ предивный,
Удивленье вѣковъ позднихъ,
Въ юности распутенъ, жаждущъ
Лишь веселья и утѣхи,
Дорогими ароматы
Нося кудри умащенны
И рача лишь о нарядѣ,—
Сей вознесся, да преломитъ
Твердый щитъ свободы Рима,
Но въ которомъ еще Сулла
Марьевъ многихъ прорицаетъ.
Юлій всталъ, и все поникло.
Ахъ! что можетъ стать противу,
Когда Юлій въ селѣ маломъ
Первымъ быть желаетъ лучше,
Нежели вторымъ во Римѣ.
Алчба власти необъятна,
Сопровождаема разсудкомъ
Твердымъ, быстрымъ, и глубокій
Умъ блестящій, и украшенъ
Всей учености цвѣтами.
Слово нѣжно и пріятно,
Но и сильно, пылко, стройно,
Убѣждать равно удобно
Душу, сердце—жены, воїна;
Предпріимчивъ, смѣлъ, отваженъ,
Живъ, дѣятеленъ; чудесны
Онъ намѣренья родивши,
Исполнялъ ихъ устремленно;
Храбръ и мужественъ въ сраженьи,
Мудръ, разуменъ онъ въ совѣтахъ;
Милосердъ, прощать обиды
Онъ готовъ всегда злодѣямъ.
Какъ возможно, чтобы вольность
Устоять могла, шатнувшись,
Противъ Юлья; мужъ чудесный
Онъ всѣ качества изящны
Сосредоточилъ, недостатка
Ни едина не имѣвши,
Но пороковъ тьму; рожденный
Къ управленью, гдѣ бы ни былъ;
Побѣдитель былъ бы тамо,
Гдѣ бъ случилось вождать войско.
Вольности умысливъ гибель,
Въ достиженьи сея цѣли
Бдѣтеленъ былъ, трезвъ, незыбленъ,
Всегда къ брани онъ готовый,
Рукой дерзкой и обильной
Разсыпалъ несчетно злато,
Покупалъ наемны души
И клевретовъ своихъ бранныхъ
Дѣлалъ Крезами, коль нужно.
Путь направя ко престолу,
Преткновеній ставъ превыше,

или гордостью своею
Оскорбивъ любящихъ вольность,
Сей вождь славный, мужъ великій
Палъ, сраженъ друзей рукою,
Палъ—ненужная ты жертва
Сокрушенныя свободы.
И неслыханное чудо —
Тиранъ мертвъ, но гдѣ свобода?
Во служеніе поникшій
Рима духъ парить не можетъ,
А ты, мужъ краснорѣчивый,
Цицеронъ, пріявъ кормило,
Не возмогъ ты Римомъ править.
Ахъ, Катонъ, почто исторгнулъ
Жизнь свою ты столь некстати?
Ты бы участь зыбку Рима
Укрѣпить могъ духомъ твердымъ.
Стань, сравнись со Цицерономъ...
Монтескьё о васъ да судитъ.
Цицеронъ—мужъ качествъ дивныхъ,
Но вторымъ быть, а не первымъ
Былъ удобенъ; умъ прекрасный,
Но душа нерѣдко низка.
Въ Цицеронѣ добродѣтель
Есть побочность, а въ Катонѣ—
Она верхъ, подпора жъ славы.
На себя всегда взоръ первый
Витій славный обращаетъ;
А Катонъ себя не видитъ;
Римъ спасти Катонъ желаетъ,

Юлія въ Окт
Но, обманутъ
Почти, палъ
Кровожадных
Тутъ воскр
Ненасытецъ г
Сулла; мечъ
Пожиная всѣ
Иль опасенъ
Такъ, валясь
Римска вольно
Брутъ и Кассі
Въ Греціи, сво
Въ грудь свою
Только слава
Римляне посл
Потомъ, Марка
Октавьянъ въ
Царь онъ стал
И такъ сей зло
Безъ законовъ
Хитръ, безстыд
Благодарности
Сластолюбецъ
Кровожаждущъ
Воевода трусъ
Но возлюбленн
Римъ исполнив
Грабежа, безсть
И, насытившись

Сладострастіемъ позорнымъ,
Сталъ превыше онъ всѣхъ въ Римѣ.
Онъ въ любовь къ народу вкравшись,
Льстя его свободы видомъ
(Ахъ, достоинъ ли свободы
Ты, который лишь желаешь
Хлѣба, хлѣба, игръ на Циркѣ?...)
Основалъ престолъ желѣзный,
Гдѣ возсядетъ злодѣянье,
И съ нимъ гнусные пороки.
Тако хитрый сей мучитель,
Безмятежнымъ правя царствомъ
Долго, былъ и щедръ и кротокъ
И, кончину видя близку,
Съ твердостью вѣщалъ стоящимъ:
Се конецъ игры, плещите!—
Но потомство не обманешь—
О неистовый счастливецъ!
Блескомъ своея державы
Одолженъ ты Меценату,
Или Ливьи, иль Агриппѣ,
Иль льстецамъ твоимъ наемнымъ,
Иль Горацью, иль Марону... [1])
О умы, умы изящны,
Та ли участь Муссъ, чтобъ славить—
Кто вамъ жизнь лишь не отъемлетъ
Иль, оставя вамъ жизнь гнусну,
Дастъ еще кусокъ, омытый
Въ крови теплой гражданъ, братьевъ!..
Какъ струя, въ своемъ стремленьи
Препинаема оплотомъ,
Роетъ тихо въ основаньи
Связь подножья его крѣпка,
Но, подрывъ и отнявъ силу
У претящія плотины,
Ломитъ махомъ всѣ преграды
И, разлившись съ буйнымъ ливомъ
По лугамъ, долинамъ, нивамъ,
Жатвы гдѣ блюлись и злаки,
Все покрыло волной мутной:
Такъ при Августѣ власть высша
Подрывала столбъ свободы,
Что Тиверій сринулъ махомъ.
Тиранъ мрачный, онъ подернулъ
Покрываломъ тяжкимъ скорби
Римъ. Тогда не злодѣянье
Въ злодѣяніе вмѣнялось;
Но злодѣй, кого Тиверій
Ненавидѣлъ или думалъ,
Что опасенъ онъ быть можетъ.
Дѣйствіе, невинна шутка,
Одно слово, знакъ, иль мысли—
Все могло быть преступленьемъ.
Тамъ доносъ, ночное жало,
Въ бритву ядомъ изощренно,
Носятъ нагло днемъ во Римѣ.
Сынъ отцу и отецъ сыну,
Брату братъ, супругъ супругѣ,
Господину рабъ, другъ—другу
Чужды стали и опасны.
Окомъ рыси соглядая,
Лютость рыскала по стогнамъ
И съ улыбкою змѣиной
То чело знаменовала,
Что падетъ при всходѣ солнца,
Иль увянетъ при закатѣ.
Ахъ, исчезли тѣ сердечны
Изліянья межъ друзьями,
Что всю сладость составляли
Бесѣдъ тихихъ, но свободныхъ;

[1]) Вергилій.

Искаженны превратились
Въ недовѣрчивость, подобну
Стражу люту, что отъемлетъ
У несчастныхъ услажденье
Въ бѣдствѣ томномъ — сонъ и
слово.
Дружба тамъ почлась не лучше
Скалы скрытой и подводной,
Гдѣ корабль, при дуновеньи
Тихаго Зефира, будетъ
Въ корысть Сциллѣ иль Харибдѣ.
Откровенность и видъ правды
Поставлялися безумьемъ.
И сама, ахъ! добродѣтель
Почиталася личиной,
Но опасной для тирана,
Зане видъ ея любезный
Могъ исторгнуть бы изъ груди
Воздыханье о блаженствѣ
Временъ прежнихъ, и родилась
Мысль, что Римъ могъ быть иначе.
Такъ вѣщаетъ мужъ безсмертный
Монтескье: что нѣтъ тиранства
Злѣй, лютѣй, когда хождаетъ
Подъ благой сѣнью законовъ,
И прикрытое шарами
Правосудія; подобно,
Какъ бы, жалость всю презрѣвши,
Отымать спасавшу доску
Претерпѣвшихъ сокрушенье

Въ немъ отча
На караніе п
Всѣхъ его му
Отдалился в
Гдѣ, когорта
Сластямъ гну
Коихъ образ
Иль одно нап
Омерзѣнье вс
Тамо, отроко
Наслаждался
Новы сласти
И названія и
Тамъ,—откуда
Слуги, рыская
Новыхъ жерт
Его мерзку л
Отрокъ нѣжн
Въ цѣломудрі
Исторгался из
Отца, матери
Ахъ, почто, п
Сихъ всѣхъ г
Ѣдко время п
Время—въ цар
Истощая въ с
Исполненье с
Злой тиранъ о
Сей, орудье е
Шелъ во влас

Наравнѣ съ Капрійскимъ богомъ.
Погубивъ его семейство,
Онъ ужъ смѣлую десницу
На трепещуща тирана
Къ пораженію возноситъ;
Но самъ палъ—и тиранъ лютый
Злѣй, лютѣе сталъ, дотолѣ,
Что, несчастный, избѣгая
Не кончины неизбѣжной,
Но терзаній, муки, пытки,
Жизнь заранѣе преторгши,
Извлекалъ изъ устъ тирана
Слово звѣрское: *онъ спасся!*
Самъ Тиверій смертью лютой
Жизнь скончалъ свою поносну,
Ахъ, сія ли участь смертныхъ,
Что и казнь тирана люта
Не спасаетъ ихъ отъ бѣдствій!
Коль мучительство нагнуло
Во яремъ высоку выю,
То что нужды, кто имъ правитъ:
Вождь падетъ, лицо смѣнится,
Но яремъ, яремъ пребудетъ!
И, какъ будто бы въ насмѣшку
Роду смертныхъ, тиранъ новый
Будетъ благъ и будетъ кротокъ;
Но надолго ль,—на мгновенье
А потомъ онъ, усугубя
Ярость лютости и злобы,
Онъ изрыгнетъ адъ всѣмъ въ души.
Кай Калигула таковъ былъ—
Милосердъ, но лишь въ началѣ;
Онъ былъ щедръ — — — — развѣ въ тиранствѣ.
Юношъ тихій и покорный
Былъ, доколѣ высшей власти
Не имѣлъ въ своей десницѣ;
Потомъ тигръ всѣхъ паче лютый.
И достойно назывался
Рабомъ лучшимъ во всемъ Римѣ,
Господиномъ злѣй всѣхъ паче.
Онъ, лаская толпѣ черной,
На безумныя издержки
Истощалъ несчетно злато.
И се свѣтлое начало
Премѣнилось скоро, скоро.
Свержено все и попранно
Съ наглостью; досель невинный—
Нравы, разумъ и законы,
Человѣчество и честность
Подавивъ пятою тяжкой,
Кай омылся въ кровяхъ Рима;
Онъ мучитель до безумства,
Сожалѣлъ о томъ лишь только,
Что народъ, народъ весь Римскій
Не одну главу имѣетъ,
Да сраженна однимъ махомъ
Ниспадетъ ему въ утѣху.
Пьянъ, величіемъ надмененъ,
Онъ царей всѣхъ чтилъ рабами,
Храмъ создалъ себѣ, какъ богу,
И велѣлъ обильны жертвы
Приносить себѣ, какъ Зевсу.
Блестѣлъ молньей, металъ громы.
Удивиться тому должно,
Какъ могъ Римъ повиноваться
Дурака сего неиста
Бѣшенству толико яру.
Любодѣйца со сестрами,
Наглъ, насиленъ и безсыдно
Осрамлялъ супружне ложе.
Лишь стыдился, что Агриппа

Его дѣдъ былъ, и вѣщаетъ:
Мать мою родивша Юлья
Зачала въ объятьяхъ отчихъ,
Бога Августа.—Безумный!—
Нѣтъ, лишь смѣхъ ты возбуждаешь!
Но чему дивимся болѣ:
Иль надменности безумной,
Или звѣрству его яру?
Гладъ, иль моръ, или пожары,
Или бѣдствія народны
Ему были услажденьемъ?
Но дотоль онъ презрилъ римлянъ
Или былъ безуменъ столько,
Что коня въ своихъ чертогахъ
Угощалъ, какъ мужа славна.
Онъ нарекъ его первѣйшимъ
Во священникахъ, и мыслилъ
Нарещи его въ сенатѣ
Консуломъ.—Но полно, полно,
Замолчимъ... Онъ жизнь столь гнусну
Остріемъ скончалъ Херея.
Ахъ, пребудетъ удивленьемъ
Во всѣ вѣки, во всѣ роды...
Какъ Римъ гордый, возмужавшій,
Живъ столѣтія во браняхъ
Непрестанныхъ; источая
Кровь гражданъ и кровь противныхъ;
Истребляя иль присвоя
Царствія, народы, веси;
Явивъ свѣту мужей дивныхъ
Въ добродѣтеляхъ, въ геройствѣ;
Совершивши дѣлъ толико
И великихъ и блестящихъ;
Бывъ толико мудръ въ правленьи,
Мудръ во браняхъ и въ побѣдахъ
Мужественъ, твердъ, постояненъ;
Во опасностяхъ невыблемъ;
И, поставивъ отъ начала
Присвоеніе вселенной —
И намѣренье бластяще
Столь умысливъ остроумно,
Столь исполнивъ постоянно
И окончивъ столь счастливо...
Но на что жъ?.. Дабы злодѣевъ,
Изверговъ, чудовищъ пять-шесть
Наслаждалися всѣмъ буйно...
Иль се жребій есть всеобщій,
Чтобъ возвышенная сила
Власть, могущество, блескъ славы
Упадали, были гнусны?
И рачащія о власти
Для того ее лишь множатъ,
Чтобъ тому она досталась,
Кто счастливѣе ихъ будетъ?
Во всѣхъ повѣстяхъ народовъ
Зримъ премѣны непонятны.
Сенатъ римскій гордый, смѣлый,
Сонмъ князей, владыкъ державныхъ
Пресмыкается и гнусенъ...
О, властители вселенной,
О, цари, цари правдивы!
Власть, вамъ данная отъ Неба,
Есть отрада милліоновъ,
Коль вы правите народомъ,
Какъ отцы своимъ семействомъ.
Но Калигулы, Нероны,
Люты варвары и гнусны,
Суть бичи Небесъ во гнѣвѣ;
И ихъ память пренесется
Въ дальни вѣки для проклятій
И для ужаса народамъ!
Кай сраженъ, сраженъ Хереемъ,

Что возмнилъ возставить паки
Истуканъ свободы въ Римѣ,
И се, крояся во страхѣ
Въ углу дальномъ царска дома,
Клавдій обрѣтенъ трепещущъ.
Буди Царь! вѣщаютъ войны.
О Римъ, Римъ! Кто царь твой нынѣ?
Старецъ дряхлый, но младенецъ
Онъ умомъ: умъ слабый, глупый;
Человѣкъ едва ль, «зародышъ»,
По названью его родшей.
Мягкосердъ, но что въ томъ пользы?
Рабъ жены поносной, срамной,
Стрясшей стыдъ, рабъ Мессалины,
Коей имя въ вѣкъ позорно
Нарицаніемъ осталось
Женъ презрительныхъ, безстудныхъ.
Онъ игралищемъ ставъ гнуснымъ
Отпущенниковъ, злодѣевъ—
Иль Нарциса, иль Палладья,
Омывался въ крови римлянъ.
Въ Римѣ тотъ былъ живъ, здравъ, знатенъ,
Кто ихъ другъ былъ иль наемникъ.
Кто съ глупѣйшимъ изъ тирановъ,
Съ Клавдіемъ сравниться можетъ?
Недовольная упившись
Мессалина сласти гнусной,
Предъ очами она Клавдья
Во супружество вступаетъ
Со возлюбленнымъ ей Сильвьемъ.
Но что пользы въ томъ, что смерти
Предастъ Нарциссъ Мессалину?
Клавдій слышалъ и трепещетъ:
«Я ль еще владыка Рима?»
Се вопросъ тирана слаба.
Се жена, распутна паки,
Воцарилась Агриппина;
Но, боясь конца насильна,
Ко Локустѣ прибѣгаетъ—
И отрава отомщаетъ
Падшій Римъ—кончиной Клавдья.
Ахъ, погибли пораженны
Всѣ останки умовъ твердыхъ.
Зри, жена иройска духа
Осужденному къ злой смерти
Милому рекла супругу,
Да рукою своей твердой
Предваритъ онъ казнь поносну,
Но Петъ медлитъ и робѣетъ.
И се Арія сталь остру
Въ грудь свою вонзаетъ смѣло:
«Пріими, мой Петъ любезный,
Нѣтъ, не больно!..» Петъ, мужаясь,
Грудь пронзилъ и палъ съ супругой.
Но се тотъ ужъ воцарился,
Коего счастливу юность
Управлялъ Сенека, Буррій;
Но который, снявъ личину,
Каждый день своея жизни
Или каждый шагъ свой звѣрскій
Начерталъ убивстомъ лютымъ;
Тотъ, чье имя въ вѣкъ осталось
Всѣхъ поноснѣй и гнуснѣе
Въ нарицаніе тиранамъ,
Имя Неронъ, звѣрь вѣнчанный.
Во неистовыхъ утѣхахъ
Провождая дни и нощи,
Онъ въ поворищахъ являлся
Иль возницей, или гистрій [1])

---

[1]) Скоморохъ.

...го тирана.
Столь мертвить людей умѣвша;
Насышался ежедневно
Или сластію прегнусной,
Или кровью умовенный;
Его Римъ зрѣлъ посягавша
Во жены Пиѳагораса.
И среди затѣй безумныхъ,
Въ кровяхъ плавая граждан-
скихъ
И въ хмелю утѣхъ неистыхъ,
Онъ возмнилъ себѣ представить
Пожаръ, гибель древней Трои,
И для сей утѣхи злобной,
Велѣлъ Римъ возжечь отвсюду....
Се довольно, мы скончаемъ
Сію повѣсть, гдѣ лишь видно
Иль неистовство, иль звѣрство.
Убоясь попасти въ руки
Своей стражѣ вѣроломной
Иль сената, погибаетъ
Смертью красной для тирана:
Онъ мечомъ самъ грудь пронзаетъ,
И погибъ—послѣдня отрасль
Дому Юлія велика.
Гальба, Отонъ и Вителлій,
Появившись на престолѣ,
Смертію своей поносной
Уступили Веспасьяну

Далеко
И груд
Возлеж
Гдѣ чре
Злы тир
Равно з
Или бѣ
Расточи
Услаж
Титъ, по
Или для
Что счит
Изліянны
Нарицая
Когда сча
Никому? I
Жизнью I
Заключенн
Огнь въ Е
Всклокота
Разорвавъ
Огнь, каме
Все летит
Затмевая
Тамъ рѣко
И все гиб
Погребенн
Въ пеплѣ

Бѣдство, смерть, опустошенье
Распростерлися далеко.
Тутъ, вождаемый алчбою
Свѣдѣнія и науки,
Погибаетъ старшій Плиній.
Но ты царствуешь, о сладость
Римскаго народа!—Титъ, зри,
Какъ течетъ ко всѣмъ на помощь:
Если жизнь кто спасъ лишь въ бѣдствѣ,
Тотъ блаженствуетъ ужъ Титомъ.
Но, скончавъ свою жизнь кратку,
Титъ престолъ оставилъ Рима
Иль чудовищу, иль брату.
Домитьянъ, тиранъ сей новый,
Онъ тирановъ всѣхъ предшедшихъ
Злѣе былъ и не смягчался
Николи въ своей онъ злобѣ,
Зане робокъ былъ, застѣнчивъ.
И столь гнусно было время,
Тацитъ тако возвѣщаетъ,
Ниже молвить, ниже слышать;
Римъ сталъ нѣмъ, пропало слово;
И погибла бъ даже память,
Еслибъ можно было смертнымъ
Терять память во молчаньи.
Но мучитель робкій слова,
Всѣхъ въ стенанье приводившій,
Палъ супруги наущеньемъ.
Но и дни сіи столь гнусны
Красились, имѣя мужа,
Жить родившагось достойнымъ
Въ лучшихъ дняхъ Аѳинъ и Спарты.
Се Агрикола; съ тобою,
Домитіанъ, жилъ на то лишь,
Чтобъ ты паче посрамленный
Предъ потомками явился,
Зане истинно и вѣрно,
Если сонмы людей славныхъ
Могутъ красить дни счастливы
Царя мудра или щедра,
То одинъ лишь мужъ великій,
Въ дни родившійся тирана,
Его паче лишь унизитъ
Ярымъ блескомъ своей славы.
Тогда паки возсіяло
Солнце теплое для Рима;
По чредѣ тамъ зрѣли мудрость,
Славу, мужество во власти
И вѣнчанну добродѣтель.
Нерва, избранный на царство,
Былъ правитель мудръ, но слабый
И согбенъ лѣтъ тяготою;
Но онъ далъ себѣ опору
И устроилъ счастье Рима,
Въ сыны взявъ себѣ Траяна.
Его смерть была бы въ Римѣ
Бѣдствіе, когда бъ не знали,
Что Траянъ его преемникъ.
Ожилъ Римъ съ царемъ толикимъ;
Судія и воинъ мудрый,
Онъ имѣлъ, что было нужно
Быть царемъ. Алкая славы,
Онъ свой мечъ побѣдоносный
Въ Дакію простеръ; воздвигнулъ
На Дунаѣ мостъ тотъ славный,
Удивлявшій столько древнихъ,
И оружья славой, блескомъ
Ослѣпленъ, понесся въ дально
Покореніе народовъ.
Но хотя излишня слава
Побѣдительные лавры

Затмеваетъ, хотя жертвы
Сладострастія неиста,
И возлитія обильны
Хмельну Ваклу прикрываютъ
Черной тѣнію картину
Подвиговъ, равно блестящихъ,
Царя въ бранѣ или мирѣ:
Вопреки злорѣчья колка
Навсегда Траянъ пребудетъ
Примѣръ свѣтлый всѣмъ владыкамъ.
И тому дивися больше,
Что онъ, разума не красивъ
Благолѣпными цвѣтами
Иль познаній иль науки,
Могъ паремъ онъ быть столь мудрымъ.
Въ томъ такъ можно усомниться,
Когда дни его златые
Зрѣли Тацита и Плинья,
Ювенала и Плутарха.
Когда Тацитъ, сей достойный
Мужъ дней Рима непорочныхъ,
Со восторгомъ могъ воскликнуть:
Вѣкъ счастливый нашъ, гдѣ можно
Мыслить то, что мыслить хочешь,
И вѣщать, что ты помыслить!—
Ахъ, сколь трудно, возсѣдая
Выше всѣхъ, и не имѣя
Никакихъ препанъ въ желаньяхъ,
Усидѣть на пышномъ тронѣ
Безъ похмелья и безъ чаду!
И тотъ царь почтенъ достойно,
Ускользнуть когда возможетъ
Обуянія неиста
Страстей буйныхъ души смертныхъ.
Адріанъ, на тронъ вступившій,
Строилъ счастье въ римскомъ царствѣ,
И хотя сравниться можетъ
Въ добродѣтеляхъ Траяну,
Но надменность и жестокость
Были въ немъ души пороки.
Гнусной страстью къ Антиною
Тлѣя, въ честь ему онъ строилъ
Храмы, грады; но всю гнусность
Страсти срамной и пороковъ
Онъ прикрылъ раченьемъ къ царств
Путешествіемъ всегдашнимъ
Въ областяхъ пространныхъ Рима.
Не пустое любопытство
Въ страны дальны направляло
Его путь, но цѣль всегдашня
Путешествій столько дальныхъ
Была польза и блаженство
Градовъ, областей, народа.
Устремляя взоры быстры
Въ управленіе подвластныхъ,
Мститель былъ законовъ строгій
Въ лицѣ всѣхъ, дерзнувшихъ данну
Власть свою во зло направить.
Велелѣпные и пышны
Грады, зданья онъ воздвигнулъ,
Но не съ тягостью народа;
Зане многіе налоги
Облегчалъ и уничтожилъ.
Хоть достойный сей царь Рима,
Злой болѣзнью одержимый,
Жизнь свою прервать не могши,
Обратилъ свою всю лютость
На казнь, можетъ быть, ненужну,
Многихъ; но ему простили
Все за то, что себѣ избралъ
Онъ въ преемники на царство
Антонина. Хотя помнимъ

Слово мудра Фаворина,
Состязавшась съ Адріаномъ:
«Нѣтъ, кто тридцать легіоновъ»,
Такъ мудрецъ друзьямъ вѣщаетъ,
«Можетъ двигнуть однимъ словомъ,
Ошибаться тотъ не можетъ».
Но его дни безмятежны
Возрастили Аріана
И учителя во нравахъ
Строга, мудра Эпиктита.
Испытавъ превратность счастья,
Онъ всю мудрость заключаетъ
Въ двухъ словахъ: сноси съ терпѣньемъ,
Будь умѣренъ въ наслажденьи—
Словеса много блаженны,
Отъ источника изшедши,
Кажется, излишне—строга,
Но содѣлавшія счастье
Рима, давъ ему на царство
Всѣхъ владыкъ его изящныхъ.
Кажется, напрягши мышцы
Во изящность, вся природа
Возникала въ человѣкѣ,
Когда мысль образовала
Столь достойну удивленья
Вѣковъ дальныхъ и потомства,
Мысль изящную Зенона.
И хотя бъ другой заслуги
Мудрованіе столь чудно
Не имѣло,—не оно ли
Риму въ счастье даровало
Антонина, Маркъ Аврелья?—
Дни блаженные для Рима
Уже паки возсіяли.
Се восходитъ на тронъ свѣта,
Коего любезно имя
Цѣлый вѣкъ за честь вмѣняли
Носить римскіе владыки,
Мудрецъ истинный, украшенъ
Добродѣтели чертами
И порока ни едина—
Антонинъ теченье жизни
Посвящалъ народну благу;
Гражданинъ—не царь во градѣ,
Се отецъ благій—не титломъ,
Коимъ красились вѣнчанны
И злодѣи и юроды,
Но отецъ онъ истымъ дѣломъ.
Ахъ, тотъ могъ ли быть превратенъ,
Кто несчастіемъ ужаснымъ
Почиталъ, когда бы быть могъ
Ненавидимымъ во Римѣ;
Собственность кто презирая,
Расточалъ свое богатство,
Что наслѣдилъ, соблюдая
Онъ сокровища народны?
Нѣтъ, Фавстина, онъ вѣщаетъ,
Я, владыкою ставъ Римъ,
Собственности всей лишился!—
Онъ уснулъ, и Римъ восплакалъ,
И Антонинъ могъ забвенъ быть
Тѣмъ лишь, избралъ что на царство
По себѣ въ Римъ Маркъ Аврелья.
Имя сладостно и славно!
Се премудрость возсѣдаетъ
На престолѣ цѣла свѣта.
Но онъ смертный былъ. Блаженство
Рима вянетъ съ Маркъ Аврельемъ...
И столѣтія съ стремленьемъ
Протекли за нимъ ужъ многи;
Но на поприщѣ обширномъ,

На ристалищѣ вселенной
Всяка слава и блистанье
Всѣхъ царей, владыкъ прешедшихъ—
Передъ нимъ суть развѣ слабый
Блескъ свѣтильника, горяща
Въ полдень ясный въ свѣтѣ солнца:
Передъ нимъ вся лучезарность
Подвиговъ въ сверканьи славы
Суть лишь мракъ, и тьма, и тѣни.
Когда взоръ нашъ изумленный
Обращиемъ на владыку
На всесильнаго, который
Столь смиренъ былъ во порфирѣ,
То во внутренности духа
Мы таинственно веселье
Ощущаемъ, и не можно
Безъ сердечна умиленья
Вспомнить жизнь его премудру.
Слеза радости изступитъ,
Сердце въ радости омывшись
Вострепещетъ утѣшаясь,
Но... смолчимъ, въ душѣ сокроемъ,
Ахъ, всю скорбь и тяжко чувство,
Что по слабости во сердцѣ,
Вспоминая Маркъ Аврелья,
Возстаетъ и жметъ въ насъ душу.
Нѣтъ, не жди, чтобъ мы дерзнули
Начертать его теченье.
Все, что скажемъ, будетъ слабо
И сравниться не возможетъ
Съ той чертой предвѣчна свѣта,
Чѣмъ его живописала
Всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ
Образъ дивный благодарность.
Его жизни описанье
Дѣйство то вливаетъ въ душу,
Что изящнѣе возникнутъ
О себѣ самихъ въ насъ мысли
И равно изящны мысли
О превратномъ смертныхъ родѣ.
Но надолго ли?—О участь,
Участь горька рода смертныхъ:
Маркъ Аврелій ужъ скончался,
Счастье Рима съ нимъ исчезло,
И благія помышленья
О блаженствѣ рода смертныхъ.
Се торжественно и тихо,
Спровождаемо всѣхъ воплемъ,
Шествіе его кончины
Отправлялося во Римѣ;
Но шагъ каждый препинаемъ
Былъ слезами иль восторгомъ
Всего римскаго народа.
Се нашъ другъ—ахъ, паче друга,
Се родитель, се кормилецъ,—
Се отецъ,—се богъ всещедрый...
Скорбно въ слухи ударяли
Словеса сіи нельстивы
Того, кто вмѣнитъ за тягость
Всѣ благія помышленья.
И се во бронѣ одѣянъ,
Коммодъ грозно потрясаетъ
Копіемъ—и все умолкло...
Шествіе идетъ въ молчаньи...
Ахъ, тогда уже познали,
Что сокрылося во гробѣ
Счастье Рима съ Маркъ Аврельемъ

ПѢСНИ ДРЕВНІЯ,

ПѢТЫЯ НА СОСТЯЗАНІЯХЪ ВЪ ЧЕСТЬ ДРЕВНИМЪ СЛАВЯНСКИМЪ БОЖЕСТВАМЪ.

Тогда пущаетъ 10 соколовъ
на стадо лебедей, которой дотечаше, та преди пѣснь пояше...

Пѣснь на походъ Игоря на Половцевъ. Стр. 3.

ПѢСНИ ДРЕВНІЯ.

Пѣвецъ лѣтъ древнихъ славныхъ, пѣвецъ времени Владимира, коего во громѣ парящая слава быстро пронеслась до Геллеспонта, *Боянъ*, пѣвецъ сладчайшій, коего гласъ, соловьиному подобный, столь нѣжно щекоталъ слухи твоихъ современниковъ, возложи, Боянъ, благозвонкіе твои персты на одушевленныя, на живыя твои струны; ниспошли ко мнѣ пѣснь твою изъ горнихъ чертоговъ свѣта, гдѣ ты въ бесѣдѣ Омира и Оссіана торжество поешь ироевъ древнихъ или славу боговъ; ниспошли—и да звукъ ея раздастся во всѣхъ краяхъ, населяемыхъ потомками колѣнъ славянскихъ.

Великъ былъ день у славянскаго народа, день, посвященный первѣйшимъ ихъ божествамъ, сильному Перуну, благодѣтельнымъ Святовиду и Велесу, буйнымъ Стрію и Позвизду, Нію и Чернобогу грознымъ, благой Ладѣ, Лелю и Полелю и всещедрому Даждьбогу [1]). Отъ

[1]) Большинство этихъ именъ вымышлено М. Поповымъ.

всѣхъ колѣнъ славянскихъ, отъ Ильменя и Новаграда, съ холмистыхъ береговъ Клязьмы, отъ Галича и Дуная, съ Поморія и Моравы, съ вершинъ Альпійскихъ и съ моря Адріатическаго сбиралися для общаго торжества къ великому Кіеву старѣйшины, князи, бояре и гости, и тьмы народа безчисленнаго.—Вели они съ собой сладкогласныхъ пѣснопѣвцевъ, да въ оный день великій прославятъ въ пѣсняхъ своихъ боговъ и витязей, и слава языка славянскаго да промчится во всѣ концы извѣстнаго тогда міра.

Утромъ рано въ день торжества, едва первая стрѣла лучезарная излетѣла отъ молніеннаго убруса жаркаго Знича, какъ сильные гласы трубъ, цѣвницъ, бубновъ и тимпановъ возбуждали всѣхъ стекшихся на злачныя долины, пестроцвѣтною муравою покрытыя, гдѣ Днѣпръ, пробивъ пороги съ шумомъ и пѣною, тихою въ Лиманъ течетъ струею. Князи, пѣснопѣвцы, витязи и всѣ начальники вступаютъ во златыя стремена, шествуютъ стройно на коняхъ своихъ бодрыхъ; идутъ стязи предъ ними, хоругви возвѣваются по воздуху; священники въ одеждахъ бѣлыхъ льняныхъ, багряными поясами одержимыхъ, ведутъ жертвы, украшенныя цвѣтами юныхъ дней нѣжнодышащаго мая. За ними вслѣдъ рѣзвою толпою идутъ лики юношей и дѣвъ, сонмъ женъ въ соборѣ радостномъ и народъ созади, въ одеждахъ мирныхъ, шествуютъ медленно.

И се ліется уже кровь тельцовъ, юницъ и агнцевъ. Лики общую возгласили пѣснь. Вѣтръ прекнулъ свое дыханіе, дымъ куренія ароматнаго и всесожженія восходилъ сѣрымъ столбомъ за облаки. Десять избранныхъ пѣснопѣвцевъ отъ различныхъ племенъ славянскихъ стали строемъ на брегу древняго Ворисѳена; каждый изъ нихъ несетъ на правой рукѣ своей сокола быстроокаго, въ лѣвой держитъ звонкія гусли. Издалеча возникли шумные гласы трубъ, цѣвницъ и тимпановъ, возбудили вздремавшихъ по утренней пищѣ лебедей на струяхъ днѣпровскихъ, зане обычай былъ таковъ, что соколъ, поражающій лебедя, назначалъ чреду въ пѣснопѣніи, и чей былъ первый, тотъ первую воспѣвалъ пѣснь, и всѣ другіе по чредѣ своихъ соколовъ.

Возлетаютъ лебеди, высоко віются подъ легкими утренними облаками. И се, яко стрѣлы отъ звенящія тетивы, твердымъ лукомъ напряженныя, летятъ стремительно десять соколовъ, пущенныхъ съ рукъ десяти пѣснопѣвцевъ, пришедшихъ на состязаніе издалека; состязаніе,

достойное игръ Олимпійскихъ въ счастливыя времена Эллады [1]).—Летятъ соколы—и чей первый настигъ лебедя? Се твой соколъ, о Всегласъ, житель юный бреговъ Ильменя, онъ ударилъ лебедя въ бѣлую грудь; возлетаютъ пухъ и перья по воздуху; кровь капала дождемъ изъ-за облака; священники тщатся воспріять ее въ чаши златыя—зане тайнственно, вѣщаютъ. Лебедь упалъ мертвымъ къ стопамъ коней княжихъ, а соколъ побѣдитель летитъ на десницу Всегласа. Гласъ трубъ и пѣвницъ возвѣстилъ чреду первую.

Соколъ второй. Онъ твой, о Крутосвистъ, житель ближайшихъ горъ Тмутараканя! Поразилъ лебедя полумертвымъ, и самъ, возвившися подъ облако высоко, упалъ внизъ стремглавъ и возсѣлъ на десницу вождя своего торжествующъ.

Соколъ третій слетѣлъ съ руки Хохта отъ устья Дуная; ударилъ лебедя, но тщетно, и въ третій разъ могъ только его повергнуть на землю бездыханна.

Соколъ четвертый рожденъ на вершинахъ горъ, близкихъ моря Адріатическаго, Черными Горами именуемыхъ. Принесъ его Звенъ, потомокъ славныхъ сопутниковъ Пирра, мечтавшаго завоевать вселенную.

Пятый соколъ Тиховоя, коего предки, оставивъ Кипръ, преселилися сперва въ Гесперію, потомъ прешли жительствовать на Поморіе и принесли съ собою обряды служенія благотворныя Лады. Онъ, лебедя тихо поражая, но часто, пригналъ его утомленна и жива къ стопамъ своего господина.

Пять послѣдніе соколовъ, хотя не столь знаменитые побѣдители, но не отпустили своея добычи и утомленны пали съ нею на землю.

И се возсѣли десять пѣснопѣвцевъ, по чредѣ побѣдъ своихъ соколовъ, на уготованныхъ для нихъ зеленыхъ одрахъ; за ними стали лики юношъ и дѣвъ раздѣленно. Священники воскурили фиміамъ...

Настроя звонкія свои гусли, тако воспѣлъ—

---

[1]) Вся эта фантастическая картина навѣяна наивнымъ комментаріемъ къ первому изданію «Слово о полку Игоревѣ» (1800 г.)—*буквальное* пониманіе соколовъ и лебедей Бояна. Стихотвореніе Радищева написано въ 1800 или 1801 г.

Всегласъ.

Перунъ, о богъ всесильный,
Зиждитель міра, царь
Всего того, что видимъ!
Не слово ли твое всесильно,
Что слышно намъ во звукахъ грома;
Что горъ сердца кремнисты,
Творенію событныхъ, современныхъ,
Упругой зыбію колеблетъ;
Не слово ли твое
Воззвало въ бытіе
Все то, что око наше зритъ,
Или все то, что мыслію постигнуть
можемъ?
Се ты, о боже силъ!
Се шествуетъ, хламидой звѣздною
одѣянъ,
Носимый духомъ бурь и вѣтровъ.
Востокъ, югъ, сѣверъ и Стрій буйный
самъ
Твои суть слуги,
Земля подножіе твое,
А дальній эѳиръ, дальній,
Превышренній твой одръ.
Вѣнчанъ стихійнымъ свѣтомъ,
Рождающей одѣянъ теплотою
И творчей силой препоясанъ,
Возсѣлъ, о ты, непостижимый!
Въ пространствѣ, въ пустотѣ,
Среди смѣшенія, среди хаоса,
Средь нощи древнія, и всюда мракъ.
Возсѣлъ, да зиждешь и творишь,
И образы да даръ твой будутъ.
Се тамъ, престолу твоему,
Гдѣ молнія не знала крылъ своихъ
Крылъ огненныхъ, въ полетѣ быс
рыхъ,
Гдѣ громъ молчалъ еще нѣмѣя,
Гдѣ свѣтъ, гдѣ сушь, гдѣ влага,
Вскормленны вѣчности сосцами,
Росты бездѣйственны хранили,
И гдѣ движенье, жизнь въ тебѣ е
номъ,
О богъ, лелѣясь, были;
Се тамъ предстали и явились,
Престолу твоему,
Твои всѣ слуги, твои силы:
Зничъ свѣтлый—жаркій, жизнодате
Велесъ—отецъ сей будущихъ жив
ныхъ,
И Позвиздъ и Купало—
Скрывавшіе въ своихъ огромных
нѣдрахъ
Всемірный океанъ,
И рѣки, и озера;
И Ній—отецъ земли, и крушпъ,
камней,
И мать рожденья—Лада,
Всесочетающей любови богъ.
Возсѣлъ—и тихое
Благоговѣйное молчанье

ожественный предтеча
дительнаго слова)
сюду было,
бытію готовя вся...
творчее изыде слово...
начало воспріяли
женье, жизнь и бытіе.
ы, невѣдомый,
ыслимый никѣмъ,
огъ, отецъ, зиждитель,
ъ чувствуемъ, сталъ ощуща-
емъ...
удо юное твое,
твоей творенье,
ъяло край завѣсы древней,
сы вѣчности—и ты сталъ богъ:
, что ты, когда тебя
го не могъ постигнуть,
чувствовать, иль видѣть?
Зничъ и Лада съ сыномъ,
зніямъ твоимъ послушны,
ятъ и грѣютъ, сочетаютъ...
движется, пріявши жизнь.
удесности исполнилась вселенна:
все творенья суть
ъ слова твоего;— — —
ь! мысли лишь одной,
й лишь мысли необъятной.—
тамъ въ пространствѣ неба и
эѳира,
а вращаются велики, свѣтлы,
огласьи стройномъ, дивномъ,
армоніи чудесной.
тамъ? Или кто тамъ живетъ?
ы одинъ лишь знаешь,
твои лишь слуги сильны.

Здѣсь, виждь, велѣлъ ты Нію сушу
вздвигнуть,
На ней горамъ взнести
Свои верхи крутые, льдяны,
Иль пропастямъ, разинувъ хляби,
Вмѣщать въ широки нѣдра земны
Или блестящіе крушцы,
Или свѣркающи кристаллы.
Ужъ Позвиздъ махомъ своего трезубца
Возбрызнулъ океанъ на сушу,
И влага, напоивъ всю землю
Потопа общаго разлитьемъ,
Раздвинуто лицо свое превыше горъ—
Въ моря, въ озера, въ рѣки собрала.
Позналъ свои предѣлы понтъ,
И рѣки буйно восшумѣли
Чрезъ каменны скалы,
Черезъ бугры кремнисты,
Крутясь, стремясь иль извиваясь
Межъ нивъ, полей, луговъ;
Текутъ онѣ прозрачны, тихи
Во чрево обще водъ,
Въ понтъ синій, въ понтъ глубокій.
Ужъ Зничъ со Ладою въ союзѣ
Взлегли на одръ супружній, одръ ту-
манный—
И тепла мгла въ парахъ прозрачныхъ
Взлетѣла и взвилась высоко.
Се, зри, туманы сѣры тамъ,
Собравшися, сгустившись выше,
Вступили облака горами,
И Стрій налегъ на ихъ рамена;
Югъ, Сѣверъ внизъ и вверхъ бун-
туютъ:
Оставши, буйны чада
Истлѣвшаго хаоса, — — —

И перва буря роетъ волны.
Летитъ дождь теплый внизъ на нивы,
Гдѣ вслѣдъ всезиждущимъ твоимъ ве-
лѣньямъ
Велесъ на свѣтъ извелъ вола
И всѣхъ звѣрей дубравныхъ,
Гдѣ Дождь благой и щедрый
Родилъ древа и злаки.
Но ты, отецъ, съ улыбкою рожденья
Возвелъ свои зѣницы свѣтлы
На юный міръ, на юну землю;
Ты, видя счастіе, блаженство,
Повсюду въ блескѣ расширенно,
Добро ты видя всюду,
Еще помыслилъ ты.
Се паки сильно твое слово,
Беременно еще твореньемъ,
Явилось въ міръ,
Явилось облеченно въ персти.
Се образъ твой, о сильный!
Се образъ дивный, возниченный;
Се духъ твой, или слово,
Живущее въ женѣ и въ мужѣ...
О человѣкъ, твореніе чудесно!
Творенье бренное, о царь земли!
Ты слабъ, ты червь, ты малъ,
Пылинка ты въ сравненіи всего;
Но силенъ, но великъ умомъ!
Ты мыслію божественъ,
Зиждитель и творецъ!
Великъ, великъ ты, о Перунъ!
Когда разверзешь длань свою широку,
Изъ коей льются изобильно
Благодѣянія щедроты,
И миръ, и тишина, и счастье,
Когда ущедрить насъ
Посланникъ благъ твоихъ велики
Посланникъ твой Даждьбогъ.
Великъ ты также и ужасенъ,
Въ ночи несясь тучъ синихъ, черны
Когда преступны человѣки,
Твой образъ исказивъ порокомъ гн
нымъ,
Сзываютъ громъ твой съ небеси,
Твой громъ губительный, карающ
И стрѣлы молніи твоей крылатой
Тогда твоя десница сильна, рдян
Вращая огнь, ударъ вознесши вве
Превыше всѣхъ верховъ холмист
Олимпа,
Низвержетъ молнію и громъ,
И звукъ и трескъ, и смерть и ужас
Бѣгутъ животныя, трепещутъ
Предъ взоромъ твоего лица паля
И кроются въ вертепахъ темныхъ
Сердца сотрясши всѣхъ строптивы
Не смерть ты шлешь, но знакъ бла
воленья;
Ты паки стрѣлу сизу молньи свѣт
Вергъ махомъ въ долъ,
И громъ твой глухо-утлозвонный
Ударилъ съ трескомъ въ верхъ сос
вѣтвистой
И раздробилъ ее въ обломки мал
Но ты тутъ не ужасенъ, о Перу
Тебѣ сосна была та посвященна;
Подъ ней покоился любимецъ т
Сѣдглавъ.
Сѣдглавъ — твой жрецъ верховн
прорицатель,
Принесшій жертвы, о Перунъ, те
обильны,

И сто тельцовъ и сто воловъ, овновъ толико-жъ—
Любезна первенца лобзаетъ,
И юношу сего любезна
И сына сердца и души
Онъ въ дальный путь готовитъ, устрояетъ,
И предъ лицомъ твоимъ
Онъ отчее ему далъ наставленье:
«Ты юнъ еще, о сынъ мой милый!
О Велеславъ, ты юнъ;
Но былъ уже свидѣтелемъ злосчастій
И бѣдствій пагубныхъ войны.— — —
Уже прошло тому и годъ и больше,
Какъ многолюдныя колѣна кельтски,
Сложивъ свои всѣ силы
Во ополченіе едино,
Отъ мыса, въ дальномъ морѣ вонъ торчаща,
Иль отъ конца земли,
Чрезъ Сѣверный Улинъ, и Тулъ, и Морвенъ,
И острова Гебридски,
И всѣ брега обширной Скандинавьи
До самыхъ тѣхъ бреговъ
И низкихъ и болотныхъ,
Гдѣ тихая Нева
Свои глубоки волны
Изъ Ладоги влечетъ
И томною своей струей, почти прямою,
Весь сонмъ своихъ валовъ безшумныхъ
Изхлынула въ Варяжско море; тамъ,
Гдѣ мглой всегда Котлинъ покрытый
Косой изсунулся далеко въ море.—
Сердца, глубоко уязвленны,
Что племена славянски сильны,
Ступая во слѣды ширски, звучны
Своихъ усопшихъ предковъ,
Оставившихъ свои
Пылающія веси
На берегахъ бушуйной Адрьи,
Эпиръ, Иллирикъ и Панонью
Губителямъ вселенной въ Римѣ,
Простерли мечъ побѣдоносный,
За многоводную струю Дуная,
За Днѣстръ, за Бугъ, за Вислу,
За славный Ворисоенъ
И даже до бреговъ камышиста Ильменя,
Откуда Волховъ извлекаетъ
Обильное соборище водъ желтыхъ
И чрезъ пороги между скалъ гранитныхъ
Мчитъ ихъ въ сожитье
Водъ Ладоги пространной;
Возстали,
Покрыли
Варяжски
Пучины
Несмѣтной тьмой ладей
Прошли они
И Рюгенъ
И Даго
И Езель,
Прошли они Котлинъ
И устье тройственна Невы.
Тутъ, снявъ съ судовъ высоки щеглы,
Подобны лѣсу темну,
Безъ листвія опустошенну
И молніей и бурей,
Веслами воды разсѣкая,
Шли вверхъ Невы, шли Ладогой,

Вошли во устье Волхова
И плыли до его пороговъ.
Оставивъ тутъ суда,
Пошли во строѣ ратномъ,
Простерли ужасъ и бѣды,
Смерть, пламя и оковы мыча,
По нивамъ, по холмамъ.
Восплакали славянски дѣвы,
Рабыни ставъ врага;
Взрыдали жены, дѣти,
Лишась супруговъ и отцовъ.
Уже кельтско ополченье
До того достигло мѣста,
Гдѣ твой славный дѣдъ, отецъ мой,
Гдѣ великій Ратомиръ
Новагорода начатки
Близъ Ильменя положилъ.
Ужъ дымятся пламенѣя
Верхи новы и высоки,
Кровь ручьями льется всюду.
Мала стража городская
Скоро смерть мечомъ вкусила,
И сто юныхъ, храбрыхъ войновъ,
Врата града защищавшихъ,
Копіемъ сражаясь пали,
Жертва силы превосходной,
Предпочтивъ поносну плѣну
Смерть. Вломившись въ наши стѣны
Простеръ врагъ насильство всюду.
Ты тому свидѣтель самъ былъ,
О мой юный другъ, другъ милый!
Какъ ихъ мечъ, носясь по стогнамъ,
Не щадилъ славянской крови,
Какъ младенцы, жены, старцы
Погибали беззащитны.
Вихремъ буйнымъ рыщутъ всюду;
Огнь, и гибель, и крушенье
Вездѣ сѣютъ, простираютъ,
И смерть блѣдна воспарила
Надъ главами всѣхъ, готова
Къ изверженію кончины
Общей всѣмъ, что живо было.
Ахъ! почто, почто, несчастный,
Не погибъ, плачевна жертва
Я ихъ лютости и звѣрства!
Въ средѣ зеленой кущи,
Рукой моею насажденной,
Сидѣла мать твоя, и та,
Которую рука моя вскормила,
Душа моя дала которой душу,
И сердце мое—сердце;
Которую Перунъ, и я, и мать твоя
И самъ ты, другъ мой юный, нарица
Возлюбленной уже подругой,
Твоей подругою на вѣкъ.
Тогда подъ сѣнь смиренну нашу
Бѣгутъ, кака алчны львы, рыкая,
Съ мечомъ, съ огнемъ въ рукахъ,
Враги побѣдоносны.
«Кто ты?—Кто ты?»—
Вѣщаетъ имъ Ингваръ суровый.
Онъ вождь полковъ былъ кельтски
Высокъ, дебелъ и смуглъ, а очи ма
Какъ уголь сверкали раскаленный
Изъ-подъ бровей навислыхъ и п
рокихъ;
Власы его кудрявы, желты, густы,
Покрытые огромнѣйшимъ шеломо
Всклокоченно лежали, длинны,
Врозь по его атлантовымъ раменам
Рука его была какъ вѣтвь претол
И суковата вѣтвь огромна дуба;

Увѣсиста, широка длань.
Былъ гласъ его подобенъ
Рычанію вола свирѣпа,
Когда, смертельно уязвленный,
Несется онъ по дебрямъ, по долинамъ,
«Кто вы?»—вѣщаетъ паки къ изумленнымъ
Онъ дикимъ и суровымъ гласомъ.
«Первосвященника Перунова супруга
У ногъ твоихъ.»—«Возстань, иди со мной».—
А мы?... А я съ тобой,—вѣщалъ
Сѣдглавъ, тутъ проливая
Обильные потоки слезъ,—
Отсутственны мы были и ходили
Въ сосѣдственный Холмградъ.
Тамъ мы съ тобою
На сдѣланномъ брегу высокомъ,
Гдѣ столпъ Перуновъ возвышался,
Курили ѳиміамъ.
И се вопль нашъ слухъ пронзаетъ;
Мы по стогнамъ зримъ Холмграда
Бѣгутъ, мычутся въ боязни
Жены, дѣвы и младенцы,
Кои, жизнь спасая бѣгствомъ,
Утекли изъ Новаграда.
«Мы погибли»,—восклицаютъ,—
«Погибъ Новый-градъ и, въ пепелъ
Превращенъ, не существуетъ.«—
Ужъ воинственныя трубы
Вострубили, ужъ стекались
Всѣ полки славянски; строемъ
Всѣ идутъ ко Новуграду.
Сердце наше предвѣщало
Бѣдство намъ и скорбь и слезы;
Мы, полки всѣ предваряя,
На коней вовсѣли легкихъ,
Скачемъ быстро и несемся.
Но, о зрѣлище ужасно!
Рабынь нашихъ мы срѣтаемъ—
И несутъ ужъ хладно тѣло
Твоей матери Препѣты—
«Поспѣшай,»—тебѣ вѣщала
Мать твоя чуть слышнымъ гласомъ,—
«Поспѣшай, коли возможно!
Чаромила унесенна
Вождемъ кельтскимъ въ ладію...»
Хладъ и смерть вдругъ распростерлись,
Очи меркнутъ — — прервалося
Ея томное дыханье,
И—душа вонъ излетѣла...»
Старецъ умолкъ—и, очи поникши, стоялъ неподвиженъ,
Будто на казнь осужденный. Протекшія скорби предстали
Живы уму его, силою воображенья Хладѣетъ
Кровь въ его жилахъ; колѣна трепещутъ; дыханье стѣсненно
Грудь воздымало его.—Возсѣдаетъ.
—Юноша, къ старцу
Очи исполненны слезъ обративши, тако вѣщаетъ:
«Мы шли съ воинствомъ поспѣшно...
Я съ друзьями тутъ моими,
Отдѣлясь отъ всѣхъ далеко,
Внизъ по Волхову неслися.
Но, увы, ужъ поздно было!
Погрузивъ корысти многи,
Сребро, злато и каменья,
Рухлядь мягкую богату,

Хлална Сѣвера избытки,
Женъ и дѣвъ восхитивъ многихъ,
Враги наши плыли скоро,
Плыли внизъ, едва лишь видны.
Не вдаваяся напрасну
Мы отчаянью, обратно
Мы помчались къ Новуграду.
Тутъ, встрѣчаясь съ ополченьемъ
Сихъ враговъ неистозлобныхъ,
Мы карали ихъ измѣну;
Гнали, били и мертвили,
И во Новгородъ вступили
По тѣламъ сихъ лютыхъ воевъ.
Но возможно ли воспомнить
Тѣ минуты равнодушно,
Тѣ минуты преужасны,
Какъ мы въ Новгородъ вступили?
По стогнамъ летала
Смерть люта и блѣдна,
Широко простерши
Чугунныя крылья.
Ужь воинство кельтско,
Досель разліянно
Въ домахъ и по стогнамъ
Велика Новграда,
Стекалось въ едино.
Внущая велѣнью
Вождей своихъ лютыхъ.
Мы, ударивъ
На нихъ строемъ,
Опровергли
Ихъ, попрали
И достигли
Скоро, скоро
Того мѣста,
Гдѣ на вѣче
Собирался
Народъ мирный,
Тутъ Ингваръ, сей
Вождь суровый
И вождь лютый,
Связавъ руки
Вервью тяжкой
Ста дѣвъ, велъ ихъ
Въ плѣнъ, въ неволю.
Увидѣвъ ужасно
Сіе посрамленье,
Какъ львы, возревѣли
Мы ярости гнѣвомъ;
И буйны стремились
На воинство кельтско,
Старались отнять весь
Ихъ плѣнъ и добычу.
Сталь сверкнула,
Смерть взлетѣла.
Мы разили
Враговъ сильно;
И удары
Отъ нихъ страшны
Мы терпѣли,
Но вломились
Всѣ мы строемъ
Въ полки кельтски.
Наконецъ ихъ
Опрокинувъ,
Смерть имъ въ сердце
Наносили,
И, стараясь
Дать свободу
Дѣвамъ плѣннымъ,
Тьмы враговъ мы
Истребили,

И ихъ души
Вѣроломны
Въ крови черной
Источенны,
Отослали
Въ царство Нія.
Но, ахъ, пагубна побѣда!
Враги наши, стервененны
Пораженіемъ толикимъ,
Въ грудь пронзали всѣхъ дѣвъ плѣнныхъ!
А хотя мы извлекали
Въ грудь вонзенну харолугу,
Но душа, душа томленна
Излетала вслѣдъ за сталью
И лилася въ крови дымной!
Ингварь, зря тутъ
Неудачу,
Отступаетъ,
Въ строй поставя
Всѣ останки
Своихъ воевъ;
Отступаетъ
Во порядкѣ,
Въ строю дивномъ
Къ струямъ желтымъ
Онъ въ ладьи тутъ
Возсѣдаетъ;
Онъ увезъ трехъ
Дѣвъ съ собою,
Дѣвъ прекраснѣй
Всѣхъ во градѣ;
И, ахъ, съ ними
Чаромилу!»
«О, другъ мой юный!» (гласъ возвыся,
Сѣдглавъ тутъ рекъ):
Насталъ ужъ день и часъ отмщенья;
Зри, многіе полки славянски
Уже стекаются отвсюду;
Услыши радостны ихъ клики:
Се смерть гласятъ, се пагуба врагамъ.
Безчисленны ладьи готовы
Нести сихъ славныхъ ратоборцевъ
Поверхъ валовъ Варяжска моря.
Народъ славянскій, помня всѣ заслуги
Отцовъ твоихъ, отцовъ моихъ
И вѣдая, сколь мнѣ
Перунъ всесильный благотворенъ,
Сколь милъ ему первѣйшій его жрецъ,—
Тебя единымъ гласомъ всѣ колѣна
Вождемъ своимъ ужъ нарекли.
Гряди, гряди на брань;
И смѣло подвизайся,
Карай, рази врага, имъ отомщая
Всѣ раны, кои онъ нанесъ
Тебѣ и мнѣ и нашему языку;
Неси ты бурный огнь въ селенья кельтски;
Лей кровь... ахъ! для чего
Безсильныя мои рамена
Подъять не могутъ брони тяжкой?
Я былъ бы вождь полковъ славянскихъ
И мщеньемъ ярости
Непримиримыя пылая,
Вращалъ бы мечъ мой обоюдный
Въ груди и нѣдрахъ супостатовъ,
Отмщая смерть моей супруги;
Изъ труповъ бы враговъ, попранныхъ долу,
Престолъ воздвигнувши высокій,
Тебѣ Перунъ, тебѣ, я сердце,

Изъ груди вражьей извлеченно,
Тебѣ бы въ жертву я принесъ.
«О богъ! всесильный богъ!»—
Вѣщалъ Сѣдглавъ тутъ въ изступленьи,—
Отверзи очи ты души моей,
И книга будущихъ судебъ
Да предо мною разогнется!»
Тутъ юноша простерся долу
Въ благоговѣніи сердечномъ;
Воздѣлъ на небо руки жрецъ.
Вихри сильны вдругъ взвилися,
Буйны вѣтры тутъ завыли,
Съ тучей буря налетѣла,
Сиза молнія сверкнула,
Громъ ударилъ съ трескомъ сильнымъ,
Поразилъ сосну священну,
И сосны верхъ возгорѣлся.
Въ изступленьи необъятномъ
Жрецъ, стрясаемъ богомъ сильнымъ,
Громкимъ гласомъ восклицаетъ:
«О! родъ ненавистный
Славянску языку!
Се смерть, сто разинувъ,
Сто челюстей черныхъ
Простретъ свою лютость
Въ твою грудь и сердце!
Восплачешь, взрыдаешь.
Не будетъ спасенья
Тебѣ ни откуда...
Но... увы! мы только мщенье,
Мщенье сладостное вкусимъ!...
А врагъ нашъ не истребится...
Долго, долго, родъ строптивый,
Ты противенъ намъ пребудешь...
Но се мгла мнѣ взоръ объемлетъ,
Скрылось будущее время...
Зрю еще—о сынъ любезный,
Наконецъ обрящешь живу,
Ты любезну Чаромилу...
Но я того уже не узрю» — — —
И се ударъ громовый повторился,
Земля трясется; жрецъ воскликнулъ:
«Иди, мой сынъ, иди,
Иди, о другъ мой юный!
Се слава въ облакѣ златомъ
Плететъ тебѣ вѣнецъ лавровый.
Зри, тамъ чертогъ божественный отверзъ,
Онъ ждетъ тебя и воспріиметъ,
Когда увянешь, не доживъ
Блаженныхъ позднихъ дней;
Но если смерть въ полетѣ своемъ быстромъ
Тебя на ратномъ полѣ дальномъ
Щадить не перестанетъ,
И лютая ея коса
Тебя минуетъ и допуститъ
Главу твою покрыться
Сребристыми космами,—
Тогда блаженны дни твои пребудутъ
Въ объятіяхъ супруги милой,
Въ средѣ любезнаго семейства,
Семейства многолюдна.
Спѣши; се, зрю, полки славянски идутъ,
Несутъ булатны свои копья,
Несутъ, какъ лѣсъ густой — —
О радость мщенія, играй,
Играй ты въ томномъ моемъ сердцѣ!
Сіе послѣднее да будетъ
Мнѣ старцу утѣшенье,

Вознесшему ужъ ногу въ гробъ.
Иди, спѣши, о сынъ любезный!
Побѣды лавръ пожни блестящій;
Тебя еще да узрятъ мои очи,
Симъ лавромъ увѣнчанна».
Жрецъ умолкъ и лобызаетъ
Своего любезна сына;
Строй идетъ, и звонки трубы
Въ путь зовутъ всѣхъ ратоборцевъ.
Вспламененный отчимъ словомъ
Буйный юноша въ восторгѣ
Тяжку броню воздѣваетъ,
Шлемъ взложилъ на верхъ свой гордый,
Мечъ виситъ у бедръ, тяжелый
Щитъ, копье въ его рукахъ.—
«Прости, отче!»— — — онъ отходитъ.
Вои—радостны воспѣли
Пѣсни яру Чернобогу.
Жрецъ—возвысилъ гласъ свой громкій,
Рекъ пророческое слово:
«О Перунъ, о богъ всесильный!
Буди имъ поборникъ въ браняхъ,
Буди въ бѣдствіяхъ защита!
О народъ, народъ преславный!
Твои поздніе потомки
Превзойдутъ тебя во славѣ
Своимъ мужествомъ изящнымъ,
Мужествомъ богоподобнымъ,
Удивленье всей вселенной;
Всѣ преграды, всѣ оплоты
Сокрушатъ рукою сильной,
Побѣдятъ — — природу даже —
И предъ ихъ могущимъ взоромъ,
Предъ лицомъ ихъ, озареннымъ
Славою побѣдъ огромныхъ,
Ницъ падутъ цари и царства — — —
О потомки!» — — Но громъ грянулъ,
Жрецъ умолкъ — — — — онъ ощущаетъ,
Что шествуетъ въ величьи тихомъ
Богъ.

Вольность [1]).

[illegible] А.

1.

О дар небесь благословенный,
Источник всѣхъ великихъ дѣлъ.
О вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Пусть [illegible], чтобы рабъ тебя воспѣлъ.
Исполни сердце тѣмъ жаромъ
И сильнымъ мышцъ твоихъ ударомъ:
Не свѣтъ рабство тяжу претворя.
Да Брутъ и Тель еще проснутся.
Сѣдяй во власти да смятутся
Отъ гласа твоего пари.

2.

Я въ свѣтъ вошелъ, и ты со мною:
На [illegible] нѣтъ понуждъ закона:
Свободной мысли рукою
Прозрѣ данный въ пищу хлѣбъ,
Сладкой [illegible] мнѣ пріятно;
Тому вмѣ[illegible] что мнѣ понятно:
Вѣ[illegible] то, что мыслю я:
Любить [illegible] и быть любимымъ:
Творя добро, могу быть отмщымъ:
Законъ мой — воля есть моя.

3.

Но что въ претитъ моей свобо[illegible]
дѣ?
Нелицемѣрно, зри, вездѣ въ предѣлѣ
Всегда одна власть въ народѣ.
Соборный всѣхъ властей удѣлъ!
Ей общество во всемъ послушно,
Повсюду съ ней единодушно:
Для пользы общей нѣтъ препонъ:
Во власти всѣхъ свои зри долю,
Свою творя, творя всѣхъ волю:
Вотъ что есть въ обществѣ законъ!

4.

Въ срединѣ злачныя долины,
Среди отличенныхъ жатвой нивъ,
Гдѣ нѣчны прозябаютъ крины,
Подъ мирной сѣнію оливъ,
Паросска храмора бѣлѣе.
Яснѣйша дня, лучей свѣтлѣе,
Стоитъ прозрачный всюду храмъ;
Тамъ жертва лжива не курится:
Тамъ надпись пламенная зрится:
«Конецъ невинности бѣдамъ!»

[1]) Помѣщена въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» съ большими сокращеніями. Воспроизведена С. А. Венгеровымъ въ V вып. «Русской поэзіи по рукописи г. Ефремова (съ дополненіями), откуда и перепечатывается нами. Полный текстъ до сихъ поръ неизвѣстенъ. См. еще примѣчанія къ «Путешествію» въ концѣ этого тома.

5.

Олмвной вѣтвію вѣнчанно,
На твердомъ камени сѣдяй,
Безжалостно и хладнонравно
Глухое божество судяй.
Бѣлѣе снѣга во хламидѣ,
И въ неизмѣнномъ всегда видѣ;
Зерцало, мечъ, вѣсы предъ нимъ;
Тутъ истина стрежетъ десную,
Тутъ правосудіе ошую:
Се храмъ закона ясно зримъ.

6.

Возводитъ строгія зѣницы,
Льетъ радость, трепетъ вкругъ себя;
Равно на всѣ взираетъ лицы,
Ни ненавидя, ни любя.
Онъ лести чуждъ лицепріятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знаетъ, ни пріязни;
Ровно дѣлитъ и мзду и казни;
Онъ образъ Божій на земли!

7.

. . . . . .

8.

. . . . . .

9.

. . . . . .

10.

. . . . . .

11.

Покоя рабскаго подъ сѣнью
Плодовъ златыхъ не возрастетъ;
Гдѣ все претитъ ума стремленью,
Великость тамъ не прозябнетъ.
Тамъ нивы запустѣютъ тучны,
Коса и серпъ тамъ несподручны,
Въ сохѣ уснетъ лѣнивый волъ,
Блестящій мечъ померкнетъ славы,
Минервинъ храмъ сталъ обветшалый,
Коварства сѣть простерлась въ долъ!

12.

. . . . . .

13.

. . . . . .

14.

. . . . . .

15.

. . . . . .

16.

«Тебя облекъ я во порфиру
«Равенство въ обществѣ блюсти,
«Вдовицу призирать и сиру,
«Отъ бѣдъ невинность чтобъ спасти;
«Отцомъ ей быть чадолюдивымъ,
«Но мстителемъ непримиримымъ
«Пороку, лжѣ и клеветѣ;
«Заслуги чести награждати,
«Устройствомъ зло предупреждати,
«Хранити нравы въ чистотѣ.

17.

«Покрылъ я море кораблями,
«Устроилъ пристани въ брегахъ,

«Отрады своей я не наемникъ,
«На нажитяхъ своихъ не плѣнникъ.
«Я благоленную тобой.

18.

«Своихъ кровей я безъ пощады—
«Гремящую воздвигнулъ рать;
«Я мѣдны изваялъ громады,
«Злодѣевъ . . . . . чтобъ карать;
«Тебѣ велѣлъ повиноваться,
«Съ тобою къ славѣ устремляться;
«Для пользы всѣхъ мнѣ можно все;
«Земныя нѣдра раздираю,
«Металлъ блестящій извлекаю
«На украшеніе твое.

19.

. . . . . .

20.

«Кровавымъ потомъ доставая
«Плодъ, кой я въ пищу насадилъ,
«Съ тобою крохи раздѣляя,
«Своей натуги не щадилъ.
«Тебѣ сокровищей всѣхъ мало!
«Скажи, на что жъ ихъ недостало,
«Что рубище съ меня сорвалъ?
«Дарить любимца полна лести,
«Жену, чуждающуся чести?

«Сгр
«На
«За
«Въ
«Даб
«Геро

« .
«Прев
« . . .
«Предс
«Злодѣ
«Да ни
«Тебя
«Въ мен
«Единої
«Умри,

. . . .

Нисно
Свѣтил
Личину,
Разсудо
Ужъ Бо
Не мсти
Но въ д
Не спас

25.

Внезапу вихри восшумѣли,
Прервавъ спокойство тихихъ водъ,
Свободы гласы такъ взгремѣли,
На вѣче весь течетъ народъ,
. . . . чугунный разрушаетъ,
Самсонъ какъ древле сокрушаетъ
Исполненный коварствъ чертогъ;
Закономъ строитъ твердь природы:
Великъ, великъ ты, духъ свободы!
Зиждителенъ, какъ самъ есть Богъ.

26.

Сломивъ опоръ . . . . власти,
И твердой мщенія рукой
Владычество расторгъ на части,
Что лжей воздвигнуто . . . ;
Вѣнецъ трезубый затмевая
И жезлъ священный преломляя,
Проклятій молньи утушилъ;
Смѣяся мнимаго прещенья,
Подъялъ лучъ Лютеръ просвѣщенья,
Съ землею небо помирилъ.

27.

Какъ сый всегда, въ началѣ вѣка
На вся простерту мочь явивъ,
Себѣ подобна человѣка
Совдати съ міромъ положивъ,
Пространства изъ пустыней мрачныхъ
Исторгъ—и твердыхъ и прозрачныхъ
Первѣйши сѣмена всѣхъ тѣлъ;
Разруша древню смѣсь, спокоилъ;
Стихіями онъ все устроилъ,
И солнцу жизнь давать велѣлъ,

28.

И далъ превыспренно стремленье
Скривленному разсудку лжей;
Внезапу мощно потрясеніе
Поверхъ земли ужъ зрится всей;
Въ невѣдомы страны отважно
Летитъ Колумбъ чрезъ поле влажно;
Но чудо Галилей творить
Возмогъ, протекши пустотою:
Зиждительной своей рукою
Свѣтило дневно утвердить.

29.

Такъ духъ свободы, разоряя
Вознесшійся неволи гнетъ,
Въ градахъ и селахъ пролетая,
Къ величію онъ всѣхъ зоветъ,
Живитъ, родитъ и созидаетъ,
Препоны на пути не знаетъ,
Вождаемъ мужествомъ въ стезяхъ;
Нетрепетно въ немъ разумъ мыслитъ,
И слово собственностью числитъ,
Невѣжства чтобъ развѣять прахъ.

30.

Подъ древомъ, зноемъ упоенный,
Господне стадо пастырь пасъ;
Вдругъ новымъ свѣтомъ овареннный,
Вспрянувъ, свободы слышитъ гласъ;
На стадо звѣрь, онъ видитъ, мчится,
На бой съ нимъ ревностно стремится.
Но чуждый вождь брежетъ свое:
О стадѣ сердце не радѣло,
Какъ чуждо было, не жалѣло;
Но нынѣ, нынѣ ты мое!

исходитъ съ видомъ всегда злобнымъ,
Рабамъ такъ нива меду даетъ.
Но духъ свободы ниву грѣетъ,
Безслезно поле вдругъ тучнѣетъ:
Себѣ всякъ сѣетъ, себѣ жнетъ.

Вождем
Кончин
О воин
Ты есть
Твой во

32.

Исполнивъ кругъ дневной работы
Свободный мужъ домой спѣшитъ;
Невинно сердце; безъ заботы
Въ объятіяхъ супружнихъ спитъ,
Не господа рукой надменной
Ему для казни подаренной,
Невинныхъ жертвъ чтобъ размножалъ,
Любовію вождаемъ нѣжной,
На сердцѣ бракъ воздвигъ надежный,
Помощницу себѣ избралъ.

Двули
Свирѣпо
Се богъ
И въ ро
Стекают
Не видя
Законъ
Свободы
Награда
Во храм

33.

Онъ любитъ и любимъ онъ ею;
Груды—веселье, потъ—роса,
Что живненностію своею
Плодитъ луга, поля, лѣса;
Вершинъ блаженства достигаютъ,
Горячность ихъ плодомъ стягчаютъ
Всещедра Бога; въ простотѣ
Безбѣдны дойдутъ до кончины,

Сплетя
Различія
Се паки
Естествен
Погрязла
Едина ли
Вѣнецъ в
Но не пр

37.

Вѣнецъ Пиндару возложенный
Художества сотканъ рукой;
Вѣнецъ наукой сплетенный
Носимъ Невтоновой главой;
Таковъ, себя когда мечтая,
На крыльяхъ разума взлетая,
Духъ бодръ и твердъ возможетъ вся;
По всей вселенной пронесется;
Міровъ до края вознесется:
Предметъ его суть—мы, не—я.

38.

Но страсти, изощряя злобу,
Враждебный пламенникъ стрясутъ;
Кинжалъ вонзить себѣ въ утробу
Народы пагубно влекутъ:
Отца на сына воздвигаютъ,
Союзы брачны разрываютъ,
Въ сердца гражданъ лѣютъ боязнь:
Рождается несытна власти
Алчба, зиждущая напасти,
Чтобъ обществу устроить казнь.

39.

Крутится вихремъ громоноснымъ,
Одѣвшись облакомъ густымъ,
Свѣтиломъ озарясь пожоснымъ,
Сіяньемъ ядъ прикрытъ святымъ.
Зовя, прельщая, угрожая,
Иль жизнь или мзду ниспосылая—
Се мечъ, се злато: избирай!
И сѣвъ на камени эхидны,
Лестей облекъ въ взоръ миловидный,
Шлетъ молнію изъ края въ край.

40.

Такъ Марій, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое римлянъ,
Въ сердцахъ пороки возродивши,
Въ идемну рать вмѣстилъ гражданъ,
Ругаяся всѣмъ, что есть свято,
И то, что не было отъято,
У римлянъ откупить возмогъ:
Вѣсы златые мзды позорной,
Предательству, убійству сродной,
Воздвигъ нечестья средь чертогъ.

41.

И се, скончавъ гражданскіи брани
И свѣтъ коварствомъ обольстивъ,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усмирилъ,
Чугунный скиптръ обвилъ цвѣтами,
Народы, мнили, правятъ сами,
Но Августъ было ихъ ловилъ;
Прикрылъ хоть звѣрство добротою,
Вождаемъ мягкою душою:
Но царь когда безстрастенъ былъ?

42.

Сей былъ и есть законъ природы,
Неизмѣнимый никогда,
Ему подвластны всѣ народы,
Невримо правитъ онъ всегда:
Мучительство, стряся предѣлы,
Отравы полны свои стрѣлы
Въ себя, не вѣдая, вонзитъ:
Равенство казнію возставитъ;
. . . . . вселясь, раздавитъ:
Обидой право обновитъ.

43.

Дойдетъ до лести совершенства,
Въ стезяхъ препоны прескочивъ,
Въ сожитіи найдетъ блаженство,
Несчастнымъ жребій облегчивъ.
И паче солнца возблистаешь,
О вольность, вольность! да скончаешь
Со вѣчностью ты свой полетъ:
Но корень благъ твой истощится,
Свобода въ наглость превратится,
И власти подъ ярмомъ падетъ.

44.

Да не дивимся превращенью,
Которое мы въ свѣтѣ зримъ;
Всеобщему во слѣдъ стремленью
Не косвенно стремглавъ бѣжимъ.
Огонь въ связи со влагой споритъ,
Стихія въ насъ стихію боретъ,
Начало тлѣньемъ тщится дать;
Прекраснѣйше въ міру творенье
Въ веселіи начнетъ рожденье
На то, чтобъ только умирать.

45.

О вы! счастливые народы,
Гдѣ случай вольность даровалъ!
Блюдите даръ благой природы,
Въ сердцахъ что вѣчный начерталъ.
Се хлябь разверзтая, цвѣтами
Усыпанная, подъ ногами
У васъ, готова васъ сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крѣпость силъ въ немощность люту,
Что свѣтъ во тьму льзя претворить.

46.

Къ тебѣ душа моя воспаленна,
Къ тебѣ, словутая страна!
Стремится, гнетомъ гдѣ согбенна
Лежала вольность попрана:
. . . . . .

47.

Но нѣтъ! гдѣ рокъ судилъ родиться,
Да будетъ тамъ и днямъ предѣлъ;
Да хладный прахъ мой осѣнится
Величествомъ, что днесь я пѣлъ;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришедъ на гробъ мой обветшалый,
. . . . . .

48.

И будетъ, вслѣдъ гремящей славы
Направя бодрственно полетъ,
На западъ, югъ, востокъ державы
Своей, ширить предѣлъ; но нѣтъ
Тебѣ предѣла ни отколѣ,
Въ счастливой ты ликуя долѣ,
Гдѣ ты явишься, тамъ твой тронъ.
Отечество мое драгое,
На чреслахъ поясъ силъ, въ покоѣ
Въ окрестность ты даешь законъ.

49.

Но далѣ чѣмъ источникъ власти
Слабѣе членовъ тѣмъ союзъ,
Между собой всѣ чужды части,
Всѣхъ тяжесть ощущаетъ узъ.
Лучу истекшу отъ свѣтила
Сопутствуетъ и блескъ и сила;
Въ пространствѣ—онъ теряетъ мощь;

Въ ключѣ—хотя не угасаетъ,
Но бѣгъ его ослабѣваетъ;
Ползущаго глотаетъ нощь.

50.

Въ тебѣ, когда союзъ прервется,
Стончаетъ мнѣній крѣпка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всякъ будетъ свою часть;
Тогда, растервано мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,
Содрогшись внутренно, падетъ.
Но праха вихри не коснутся,
Животны сѣмена проснутся,
Затускло солнце вновь дастъ свѣтъ.

51.

. . . . . .

52.

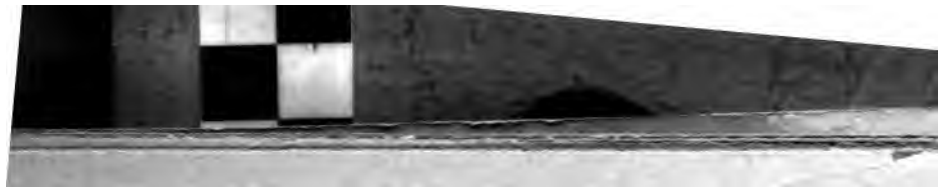
. . . . . .

53.

Влача оковъ несносно бремя,
Въ вертепѣ плача возреветъ,
Пріидетъ вожделѣнно время,
На небо смертность воззоветъ;
Направлена къ стези свободой,
Десную ополча природой,
Качнется въ долъ—и страхъ предъ ней;
Тогда всѣхъ силъ властей сложенье
Пріидетъ во изнеможенье —
О день! избраннѣйшій всѣхъ дней.

54.

Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ божества,
Трясутся вѣчна мрака своды,
Се мигъ рожденья вещества.
Се медленно и въ стройномъ чинѣ
Грядетъ зиждитель во единѣ;
Рекъ—яркій свѣтъ пустилъ свой лучъ,
И ложный плѣна . . . поправши,
Сгущенную тьму разогнавши,
Блестящій день родилъ изъ тучъ.



Мелкія стихотворенія.

Эпитафія.

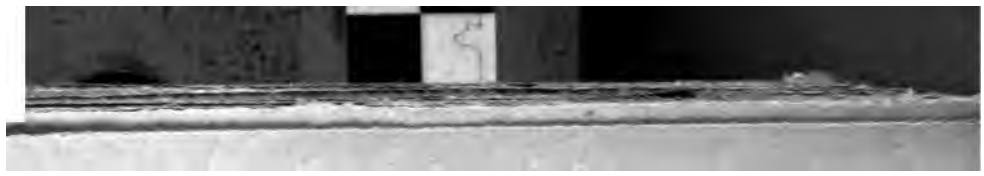
(Аннѣ Васильевнѣ Радищевой).

О, если только то не ложно,
Что мы по смерти будемъ жить:
Коль будемъ жить, то чувствовать намъ должно;
Коль будемъ чувствовать, нельзя и не любить..
Надеждой сей себя питая
И дни въ тоскѣ препровождая,
Я смерти жду, какъ брачна дня:
Умру и горести забуду;
Въ объятіяхъ твоихъ я паки счастливъ буду.
Но если-жъ то мечта, что сердцу льститъ, маня,
И ненавистный рокъ отъялъ тебя на вѣки,
Тогда отрады нѣтъ, да льются слезны рѣки.
Тронись, любезная, стенаніями друга!
Се предстоитъ тебѣ въ объятьяхъ твоихъ чадъ!
Не можешь коль прейти свирѣпыхъ смерти вратъ,
Явись хотя въ мечтѣ, утѣши тѣмъ супруга...

Отвѣтъ

Радищева при проѣздѣ черезъ Тобольскъ.

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я ѣду? —
Я тотъ же, что и былъ и буду весь мой вѣкъ:
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ!
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ и въ стихахъ,
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ,
Въ острогъ Илимскій ѣду.



Экспромптъ

при извѣстіи о помилованіи.

Часъ преблаженный,
Часъ вожделѣнный!
Мы оставляемъ,
Мы покидаемъ,
Илимски горы,
Берлоги, норы!

Посланіе.

Почто мой другъ, почто слеза изъ глазъ катится,
Почто безвременно печалью духъ крушится,
Ты бѣдственъ не одинъ! Иной среди утѣхъ
Всесчастливъ кажется, но знаетъ ли, что смѣхъ?
Улыбка на устахъ его возсѣсть не можетъ;
Змія раскаянья преступно сердце гложетъ,
Властитель міра, царь, онъ носитъ въ сердцѣ адъ.

*

Мнѣ пользуетъ ли то? лишенъ друзей и чадъ,
Скитаться по лѣсамъ, въ пустыняхъ осужденный,
Претящей властію отвсюду окруженный,
На что мнѣ жить, когда мой вѣкъ сталъ безполезенъ?

*

Воспомни прежни дни, когда ты былъ любезенъ
Всѣмъ знающимъ тебя, соотчичамъ, друзьямъ,
Когда во льстящей мглѣ являлось все очамъ,
Когда во власти былъ веселій на престолѣ;
Когда рокъ слѣдовалъ твоей, казалось, волѣ,
Когда одинъ твой взоръ счастливыхъ сдѣлать могъ.

*

Блаженствомъ все сіе я почитать не могъ.
Богатство, власть моя лишь зависть умножали;
Въ одеждѣ дружества злодѣи предстояли;
Вслѣдъ честолюбію заботъ собранье шло;
Злодѣйство — правый судъ и судію кляло;
Злорѣчіе, нося безстрастія личину,
И непорочнѣйшимъ дѣламъ моимъ причину
Коварну, смрадную старалось приписать,
И добродѣтели порочный видъ придать.
Благодѣянію возмездьемъ огорченье!

*

Среди превратности что жъ было въ утѣшенье?

*

Душа незлобная и сердце непорочно!

*

Скончай же жалобы, подъятыя безсрочно!
Или въ пороки впалъ и гнусность возлюбилъ,
Или чувствительность изъ сердца истребилъ?

*

Душа моя во мнѣ, я тотъ же, что и былъ.

*

Дѣла твои съ тобой, душа твоя съ тобою!
Престань стенать! кто могъ всесильною рукою
И сердце любящее, и душу нѣжну дать,
Къ утѣхамъ можетъ тотъ тебя опять воззвать.
А если твоего сна совѣсть не тревожитъ,
И память прежнихъ дѣлъ печаль твою не множитъ,
То вѣрь, что всѣмъ бѣдамъ ужъ близокъ сталъ конецъ.
Законъ незыблемый поставилъ Всеотецъ,
Чтобъ обновленіе изъ нѣдръ премѣнъ рождалось,
Чтобъ все круженіемъ въ природѣ обновлялось,

Чтобъ смерть давала жизнь и жизнь давала смерть;
То шествіе судьбы возможно ли претерть?
На восходящую воззри теперь денницу,
На лучезарную ея зри колесницу;
Изъ нѣдръ густѣйшей мглы, смертообразна сна,
Возобновленну жизнь землѣ несетъ она.

*

Се живоносное свѣтило возблистало
И утренни мечты отъ глазъ моихъ прогнало,
Пріятный тихій сонъ тѣлесность обновилъ,
И въ сердцѣ паки я надежду ощутилъ.

*

Подобно ей печаль въ веселье претворится,
Оружьемъ радости вся горесть низложится,
На крыльяхъ радости умчится скорбь твоя,
Мужайся и будь твердъ, съ тобой пребуду я.....

Журавли.

(басня)

Осень листы ощипала съ деревъ.
Иней сѣдой на траву упадалъ,
Стало тогда журавлей собралося,
Чтобъ прелетѣть въ теплу, дальну страну.
За море жить. Одинъ бѣдный журавль,
Нѣмъ и унылъ, пригорюнясь сидѣлъ:
Ногу стрѣлой перещибъ ему ловчій.
Радостный крикъ журавлей онъ не множитъ;
Бодрые братья смѣялись надъ нимъ.
«Я не виновенъ, что я охромѣлъ,

Нашему царству, какъ вы, помогалъ.
Вамъ надо мной хохотать бы не должно,
Ни презирать, видя бѣдство мое.
Какъ мнѣ летѣть? Отымаетъ возможность,
Мужество, силу претяжка болѣзнь.
Волны несчастному будутъ мнѣ гробомъ!
Ахъ, для чего не пресѣкъ моей жизни
Ярый ловецъ!» Между тѣмъ вѣетъ вѣтръ,
Стадо взвилося и скорымъ полетомъ
За море вмигъ прелетѣть поспѣшаетъ.
Бѣдный больной назади остается;
Часто на листьяхъ пловущихъ въ водахъ
Онъ отдыхаетъ, горюетъ и стонетъ;
Грусть и болѣзнь въ немъ все сердце снѣдаютъ.
Мѣшкавъ онъ много, летя помаленьку,
Землю узрѣлъ, вожделѣнну душою,
Ясное небо и тихую пристань.
Тутъ Всемогущій болѣзнь излѣчилъ;
Далъ жить въ блаженствѣ въ награду трудовъ;
Многи жъ насмѣшники въ воду упали.

*

О вы, стенящіе подъ тяжкою рукою
Злосчастія и бѣдъ!
Исполненны тоскою,
Клянете жизнь и свѣтъ;
Любители добра, ужель надежды нѣтъ?
Мужайтесь, бодрствуйте и смѣло протекайте
Сей краткой жизни путь. На онъ-полъ[1]) поспѣшайте:
Тамъ лучшая страна, тамъ миръ во вѣкъ живетъ,
Тамъ юность вѣчная, блаженство тамъ васъ ждетъ.

---

[1]). Въ ту сторону, въ другой міръ.

Смѣло счастливой рукою завѣсу творенья возвѣявъ,
Скрыту природу сглядѣвъ въ дальномъ таилищѣ дѣлъ,
Изъ океана возникли новы народы и земли,
Нощи глубокой изъ нѣдръ новы металлы тобой.
Ты исчисляешь свѣтила, какъ пастырь играющихъ агнцовъ;
Нитью вожденія—вспять ты призываешь комѣтъ;
Лучъ разсѣченъ тобой свѣта: ты новыя солнца воззвало;
Новы луны изо тьмы дальной воззвало предъ насъ;
Ты побудило упряму природу къ рожденью чадъ новыхъ;
Даже летучи пары ты заключило въ яремъ;
Молнью небесну сманило во узы желѣзны на землю
И на воздушныхъ крылахъ смертныхъ на небо взнесло.
Мужественно сокрушило желѣзны ты двери призраковъ,
Идоловъ свергло къ землѣ, что міръ на землѣ почиталъ.
Узы прервало, что духъ нашъ тягчили, да къ истинамъ новымъ
Молньей крилатой парить, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было, столѣтье! духъ вѣковъ прежнихъ
Палъ предъ твоимъ олтаремъ нинъ и безмолвенъ, дивясь.
Но твоихъ силъ недостало къ изгнанію всѣхъ духовъ ада,
Брыжжущихъ пламенный адъ чрезъ многотысящный вѣкъ,
Ихъ недостало на бѣшенство, ярость, желѣзной ногою
Что подавляютъ цвѣты счастья и мудрости въ насъ.
Кровью на жертвенникѣ еще мщенье смертны багрятся,
И человѣкъ превращенъ въ люта тигра еще.
Пламенникъ бранней, зри, мычется тамъ на горахъ и на нивахъ,
Въ мирныхъ долинахъ, въ лугахъ, мычется въ бурной волнѣ.
Зри ихъ сопутниковъ черныхъ!—ужасны!... идутъ—ахъ! идутъ, зри:
(Яко ночныя мечты) лютости, буйства, гладъ, моръ!—
Иль невозвратенъ навѣкъ миръ, дающій блаженство народамъ
Или погрязнетъ еще, ахъ, человѣчество глубже?—
Изъ нѣдръ гроба столѣтія—гласъ утѣшенья изыде:
Срини отчаянье! смертный, надѣйся! Богъ живъ!
Кто духу бурь повелѣлъ истязати бунтующи волны,
Времени держитъ еще цѣпь отъ всесильной рукой;

Ахъ, почто быть клятвопреступной! Лучше
Будь всегда жестока, то легче будетъ
Сердцу. Ты, маня лишь взаимно страстью,
Ввергла въ погибель.

* * *

Жизнь прерви, о рокъ, рокъ суровый, лютый!
Иль вдохни ей вѣрной быть въ клятвѣ данной.
Будь блаженна, если ты можешь только
Быть безъ любви.

Идиллія.

Краснопѣвая овсянка,
На смородинномъ кусточкѣ
Сидя, громко распѣвала,
И не видитъ пропасть адску
Поглотить ее разверзту.
Она скачетъ и порхаетъ:
Прыгъ на вѣтку — и попала
Не въ бездонну она пропасть,
Но въ силокъ. А для овсянки
Силокъ, петля - зла неволя.
Силокъ дѣло не велико,
Но лишеніе свободы!...
Все равно — силокъ, оковы,
Тьма кромѣшна, плѣнъ иль стра-
жа!
Коль не можешь того дѣлать,
Чего хочешь, то выходитъ,
Что желѣзныя оковы
И силокъ изъ конской гривы
Все равно — равно и тяжки:
Одно намъ, другое птичкѣ.
Но ея свободы хищникъ
Не наѣздникъ былъ алжирскій,
Но Милонъ—красивый парень,
Душа нѣжна, любовь въ сердцѣ.
«Не тужи, моя овсянка!»
Говоритъ ей младой пастырь,
«Не злодѣю ты досталась,
И хоть будешь ты въ неволѣ,
Но я съ участью твоею
Съ радостью готовъ мѣняться!»
Говоря, онъ птичку вынулъ
Изъ силка и, сдѣлавъ клѣтку
Изъ своихъ онъ двухъ ладоней,
Бѣжитъ въ радости великой
Къ тому мѣсту, гдѣ отъ зноя,
Въ рощѣ темной и тѣнистой
Лежа, стадо отдыхало.
Тутъ своей широкой шляпой,
Посаживъ въ траву, легонько
Накрываетъ краснопѣву
Плѣнницу; бѣжитъ поспѣшно,
Къ кустамъ гибкимъ онъ таловымъ.
«Не тужи, мила овсянка,
Я изъ прутиковъ таловыхъ
Сплету красивый домикъ

И тебя, моя пѣвица,
Отнесу въ подарокъ Хлоѣ.
За тебя, любезна птичка,
За твои кудрявы пѣсни
Себѣ мзду у милой Хлои—
Поцѣлуй просить я буду:
Поцѣлуи ея сладки!
Хлоя въ томъ мнѣ не отпажетъ,
Она мѣну тебѣ знаетъ:
Въ нихъ есть умъ, и сердце нѣжно.
Только лишь бы мнѣ добраться...
То за первымъ поцѣлуемъ
Я у ней другой украду,
Тамъ и третій и четвертый;
А, быть можетъ, и захочетъ
Мнѣ въ прибавокъ дать и пятый.

Ахъ, когда бы твоя клѣтка
Ужъ теперь была готова!...»
Такъ вѣщая, пукъ лозъ гибкихъ
Наломавъ, бѣжитъ поспѣшно,
Къ своему бѣжитъ онъ стаду,
Или лучше къ своей шляпѣ,
Гдѣ сидитъ въ неволѣ птичка,
Но... злой рокъ, о рокъ ты лютый..
Остра грусть пронзаетъ сердце:
Вѣтръ предательный, вѣтръ бурный
Своротилъ широку шляпу,
Птичка порхъ, и улетѣла,
И всѣ съ нею поцѣлуи!
На пескѣ кто домъ построитъ,
Такъ пословица вѣщаетъ,
Съ ногъ свалитъ того вѣтръ скоро.

Пѣсня.

Ужасный въ сердцѣ адъ,
Любовь меня терзаетъ:
Твой взглядъ
Для сердца лютый ядъ,
Веселье исчезаетъ.
Надежда погасаетъ,
Твой взглядъ,
Ахъ, лютый ядъ!

* * *

Несчастный, позабудь...
Ахъ, если только можно
Забудь,
Что ты когда-нибудь
Любилъ ее неложно—
И сердцу коль возможно,
Забудь,
Когда-нибудь,

* * *

Нѣтъ, я ее люблю,
Любить во-вѣки буду:
Люблю,
Терзанья всѣ стерплю,
(Ее не позабуду) [1]).
И вѣрен ей пребуду;
Терплю,
А все люблю.

[1]) Взятая въ «Пѣснѣ» въ скобки строчка, нужная для размѣра, въ «Русской Поэзіи» г. Венгерова изъ неизвѣстнаго намъ источника изданіи 1807 г. ея нѣтъ.

Ахъ, можетъ быть, пройдетъ
Терзанье и мученье;
Пройдетъ,
Когда любви предметъ,
Узнавъ мое терпѣнье,
Скончавъ мое мученье,
Придетъ,
Любви предметъ.

* * *

Любви моей вѣнецъ
Холь будетъ лишь презрѣнье,
Вѣнецъ,
Сей жизни будь конецъ,
Скончаю я терпѣнье,
Прерву мое мученье,
Конецъ
Мой будь вѣнецъ.

* * *

Ахъ, какъ я счастливъ былъ,
Какъ счастливъ я казался;
Я мнилъ,
Въ твоей душѣ я жилъ,
Любовью наслаждался,
Я ею величался,
И мнилъ
Что счастливъ былъ.

* * *

Все было какъ во снѣ,
Мечта ужъ миновалась,
Ты мнѣ,
То вижу не во снѣ,
Жестокая смѣялась,
Въ любови притворялась.
Ко мнѣ,
Какъ бы во снѣ.

* * *

Моей кончиной злой
Не будешь веселиться,
Рукой
Моей, передъ тобой,
Мечъ остръ во грудь вонзится.
Моей кровь претворится
Рукой
Тебѣ въ ядъ злой.

Къ другу моему.

ОДА [1]).

I.

Летитъ, мой другъ, крылатый вѣкъ,
Въ бездонну вѣчность все валится,
Ужъ день сей, часъ и мигъ протекъ,
И вспять ничто не возвратится
Никогда.

Краса и молодость увяли,
Покрылись бѣлизной власы:
Гдѣ нынѣ сладостны часы,
Что духъ и тѣло чаровали
Завсегда?

[1]) Вольное подражаніе Горацію.

2.

Твой поступь былъ непреткновенъ.
Гордящася глава вздымалась;
Въ желаньяхъ ты не пречерченъ,
Твоимъ скорбь взоромъ развѣвалась,
Яко прахъ.

Согбенный лѣть днесь тяготою,
Потупилъ въ землю тусклый взоръ:
Скопленный дряхлостей соборъ
Едва пренесъ съ своей клюкою
Одинъ шагъ.

3.

Таковъ всему на свѣтѣ рокъ:
Не вѣчно на кусту прельщаетъ
Мастистый розовый цвѣтокъ,
И солнце днемъ лишь просіяетъ,
Но не въ ночь.

Мольбу напрасно мы возводимъ,
Да прелесть юныхъ добрыхъ лѣтъ
Калѣчна старость не женетъ;
Нигдѣ отъ Ѣдкой не уходимъ
Смерти прочь.

4.

Разверзтой мѣдной хляби зѣвъ,
Что смерть вокругъ себя рыгаетъ,
Ту съ вихромъ сунувъ махомъ въ бѣгъ,
Щадя, въ тебя не попадаетъ
На сей разъ.

Когда на влажистой долинѣ
Верхи сѣдые вѣтръ взмутитъ,
Какъ валъ ярясь въ корабль стучитъ —
Преплылъ не поглощенъ въ пучинѣ
Ты въ сей часъ.

5.

Не мни, чтобъ смерть своей косой
Тебя въ полетѣ миновала;
Нѣтъ въ мірѣ тверди никакой,
Противъ ея чтобъ устояла,
Какъ придетъ.

Оставишь домъ, друзей, супругу,
Богатства, чести, что стяжалъ:
Увы! послѣдній часъ насталъ,
Тебя который въ ночь упругу
Повлечетъ.

6.

Кончины узримъ всѣ чертогъ,
Объятъ кровавыми струями;
Предъ вѣкомъ смерть судилъ намъ
Богъ;
Ея вершится все устами
Въ мірѣ семъ.

Ты мертвъ; но домъ не опустѣетъ,
Взоветъ преемникъ смѣхи твой,
Веселой попирать ногой,
Не думая, твой прахъ умѣетъ,
Ни о чемъ.

7.

Почто стенати подъ пятой
Суетъ, желаній и заботы?
Повѣрь, вперять намъ умъ весь свой
Въ безмѣрны жизни обороты
Нужды нѣтъ.

Спокойнымъ окомъ я взираю
На бурны замыслы царей;
Для пользы краткихъ, тихихъ дней,
Крушась всечасно, не сбираю
Златыхъ бѣдъ —

8.

Костисту лапу сокрушимъ,
Печаль котору въ насъ вонзила;
Мы жало скуки преломимъ,
Прошедъ что въ насъ съ чела до тыла,
Душу ѣстъ.

Бедру весельемъ препоятемъ,
Исполнимъ радости сосудъ,
Да вслѣдъ идетъ любовь намъ тутъ;
Богинѣ бодрственно воспляшемъ
Нѣжныхъ мѣстъ.

Молитва.

Тебя, о Боже мой, тебя не признаваютъ!
Тебя, что твари всѣ повсюду возвѣщаютъ.
Внемли послѣдній гласъ: я если прегрѣшилъ —
Законъ я Твой искалъ, въ душѣ Тебя любилъ!

Не колебаяся, на вѣчность я взираю,
Но Ты меня родилъ—и я не понимаю,
Что Богъ, Кѣмъ въ дни мои блаженства лучъ сіялъ,
Когда прервется жизнь, на вѣкъ меня терзалъ!...

Ангелъ тьмы.

Ангелъ тьмы.

(Отрывокъ изъ поэмы Ермакъ).

И се древній возмутитель небесныхъ силъ подъемлетъ изъ мрачнаго своего обитанія огромное свое чело, излучистыми морщинами препоясанное, но, яко волны обширнаго океана, то досязающія зыбями своими до дна моря при напряженіи бури и вихря, то изглаждающіяся при отишіи и зерцаловидныя. Развѣсистыя брови закрываютъ сверкающія очи, на коихъ обитаетъ лесть, неистовство, обманъ, изступленіе, лжесмѣхи, коварство и ярость; изрыгающія, егда вѣщаетъ ложь, смерть и проклятіе. Еже зажаты житель всегдашнія нощи и отецъ призраковъ, терзаемый безсонницею вѣчною, едва возмогаетъ отвыкшія отъ свѣта разверзти вѣжды. Но яко стрѣла, мощною древняго лароянина рукою на лукѣ задержанная, мгновенно излетаетъ, паритъ по воздушной долинѣ, едва окомъ въ полетѣ преслѣдуемая, или паче яко заключенный въ мѣдное жерло шаровидный чугунъ, внезапу громораждающимъ смѣшеніемъ изъ заклепъ своихъ исторгается, громовымъ трескомъ и блистаніемъ молніи сопутствуемый, свиститъ, несется, визжитъ, разсѣкаетъ вихрящійся воздухъ окрестъ его, ускользая отъ преслѣдующаго ему ока, и едва вообра-

[illegible] [illegible] уже достигъ. Тако отецъ [illegible] [illegible] и [illegible], отрясая съ главы своей [illegible] [illegible] сильныя на [illegible] мышцы, уже [illegible] [illegible] [illegible] на вершину Уральскаго [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] приближе- [illegible] [illegible] [illegible]

возносятъ, разметаютъ и, не находя ни укротительныя прохладности, ни мѣста на растяженіе, колеблютъ всю внутренность, свергаютъ горы, изглаждаютъ долины, отверзаютъ хляби и пропасти и въ бѣшенствѣ своемъ грозятъ природѣ, являя ей разрушеніе. Радость на единое мгновеніе возродила въ немъ древній образъ Ангела свѣта. Но радость сія была радость бѣснованія, не могла не позыбнуться; уже паки сердце его колеблется завистію и алчбою зла, подобно сердцу властолюбиваго завоевателя, стремящагося на покореніе вселенныя; уже взоры его новою блистаютъ яростію, яко до бѣлизны раскаленное желѣзо, стрѣляя въ окрестъ кипящія искры: уста дрожатъ и пѣнятся, трясутся всѣ члены и, яко при нашествіи незапныя тучи облако, разсѣченное молніею, низвергаетъ мгновенно смерть съ ужаснымъ трескомъ; тако врагъ природы, возвыся грозящій гласъ, вѣщалъ...

I.

Примѣчаніе къ переводу «Размышленій» Мабли.

См. «Размышленія о греческой исторіи, или о причинахъ благоденствія и несчастія Грековъ; сочиненіе Г. Аббата де Мабли. Переведено съ французскаго. Иждивеніемъ Общества, старающагося о напечатаніи книгъ». Въ СПБ. 1773. Стр. 126.

Общество это находилось подъ особымъ покровительствомъ Екатерины II. Радищевъ былъ привлеченъ къ нему, какъ человѣкъ образованный, хорошо знавшій иностранные языки. Переводъ свой онъ снабдилъ пояснительными примѣчаніями и возраженіями Мабли. Наиболѣе интересное изъ нихъ взято нами выше. См. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи, I, СПБ., 1889, стр. 564—565. Объ увлеченіи Радищева и его товарищей Мабли см. ib. стр. 549—550.

II.

Дневникъ одной недѣли.

Напеч. въ «Собр. оставшихся соч. покойнаго А. Н. Радищева», IV, М., 1811, стр. 11—26. См. примѣч. въ текстѣ. Во всемъ сочиненіи яркіе слѣды сантиментализма. Срв. «Письма русскаго путешественника» Карамзина и сочиненія Стерна, Верна и др. европейскихъ сантименталистовъ.

III.

Письмо къ другу.

Напеч. безъ имени автора «съ дозволенія Управы Благочинія» въ СПБ. въ 1790 г.

[illegible] Ушакова, съ про-
сочиненій . Во второй части помѣщены не-
рыхъ сочиненій Ушакова. Но мы не перепе-
перевод въ. Радищева. о декабря 1790 г.
Е. И. Голенищевой-Кутузовой («Рус. Стар
330): «на всякаго человѣка бываютъ дни из
которыхъ выступаетъ онъ изъ обыкновенн
можно точно назвать кризисами нашей жи
они съ пользою, но нерѣдко уничтожаются
шедшихъ нашихъ дней. Мой другъ, несчаст
истину. Провождая 40 лѣтъ въ тишинѣ и
дѣтей, которыхъ чрезвычайно любилъ и ко
заниматься съ пріятностію и пользою, изд
авторомъ—несчастное желаніе! Начало къ
подъ названіемъ «Житіе Ѳедора Васильевича
ніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій, но, по нес
необыкновенныхъ свойствъ, не могъ писать, и
политическихъ и сему подобныхъ примѣча
вамъ, не многимъ нравятся. Онъ изъяснялся
смѣлостью, на которую во многихъ земляхъ
странную метеору. Книжку сію приписалъ он
бо́льшую часть его положеній касательно рел
правленія нашелъ я совершенно противопол
Наипаче не нравилось мнѣ, что коснулся онъ
которые, по моему мнѣнію, не подлежатъ лите
я ему въ весьма пространномъ письмѣ. Вт
письмѣ говорилъ я ему гораздо яснѣе. Я н
Халкида, который, приготовляясь говорить пр
лесова покровительства, присовокупилъ: «Я
то, что благоразуміе желало бъ умолчать, и
великимъ людямъ [illegible]

просвѣтившіеся подданые научатъ государя познавать его заблужденіе. И хотя мы думаемъ, что мгновенный гнѣвъ прошелъ, но, безъ сомнѣнія, сильный за то современемъ отомститъ». (Перев. съ англійскаго А. М. Кутузова). Несчастный мой другъ не имѣлъ Ахиллеса, который бы могъ принять его подъ свое покровительство, и такъ сбылось надъ нимъ Халкидово мнѣніе во всемъ пространствѣ онаго. Книга надѣлала много шуму. Начали кричать: «какая дерзость, позволительно ли говорить такъ!» и проч. и проч. Но какъ свыше молчали, то и внизу все умолкло. Нашлись и безпристрастные люди, отдававшіе справедливость сочинителю. И сихъ то послѣднихъ похвала была, можетъ быть, неумышленною причиною послѣдовавшаго съ нимъ. Не успѣлъ еще перестать упомянутый шумъ, какъ является уже онъ вновь предъ публику съ новымъ сочиненіемъ,—котораго, однакожъ, я не имѣю: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».

«Житіе Ушакова» вошло въ пятую часть «Собранія оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева» съ значительными сокращеніями и перемѣнами. Въ Чертковской библіотекѣ при Московскомъ Историческомъ Музеѣ хранится любопытный экземпляръ отдѣльнаго изданія «Житія» съ цензурными помарками Мерзлякова. Несомнѣнно, по этому экземпляру печатали текстъ «Собранія оставшихся сочиненій». Мы беремъ полный текстъ 1789 года.

V.

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».

Напечатано Радищевымъ въ СПБ. въ 1790 г. безъ имени въ собственной типографіи. Сравнительно съ рукописью, разрѣшенною Рылѣевымъ, имъ внесенъ въ изданіе рядъ перемѣнъ. Рукопись эта теперь найдена и обслѣдована П. Е. Щеголевымъ (см. изданіе «Путешествія» «Общественной Пользы» СПБ. 1905). По его словамъ (стр. LXXXIX), «Послѣ цензуры Управы Благочинія Радищевымъ прибавлены или вставлены слѣдующіе отрывки: Посвященіе А. М. Кутузову, разсказъ присяжнаго о намѣстникѣ, любившемъ устрицы, разсказъ о встрѣчѣ съ семинаристомъ и извлеченія изъ тетради

получи по особое разрѣшеніе Управы Благочинні

Изъ указаній г. Шаголевыхъ варіа отмѣтимъ слѣдующіе. Въ главѣ «Вторая вѣка живъ» первоначально было: «слѣдователя своего — возрыдавъ скажу — судиться не може конечно, чтобы и помѣщики крестьяне судим и выбираемы были въ засѣдатели нижних «Торжокъ» послѣ словъ «великіе государи сто было: «мудрый правитель» (боюсь назвать вел таковыя именованія государю живу, почтенъ с льстепомъ, или ханжей, или корыстолюбцем скаредный подленъ, а хвалимый въ опасности хвалѣ мерзав....» (конецъ фразы утраченъ). Рук дополненій къ тексту оды «Вольность». Напр.,

Тамъ нивы запустѣютъ тучны,
Коса и серпъ намъ не споручны,
Въ сохѣ уснетъ лѣнивый волъ.
Блестящій мечъ померкнетъ славы,
Минервинъ храмъ сталь обветшалы
Коварства сѣть простерлась въ дол

Строфа 16-я:

Покрылъ я море кораблями,
Устроилъ пристани въ брегах
Дабы сокровища торгами
Текли съ избыткомъ въ горо
Златая жатва чтобъ земле

Была оратаю полезна,
Онъ могъ вѣщать бы за сохой:
Бразды своей я не наемникъ,
На тяжестяхъ своихъ не плѣнникъ,
Я благоденствую тобой.

Въ главѣ «Городня» послѣ словъ «бѣдствіе мое не безконечно» было: «преподавать ученіе рабамъ, кажется, надлежитъ по человѣчеству. Но слѣдствія того горьки». Тамъ же послѣ словъ: «своего состоянія», было: «изъ сего можно познавать духъ россіянина, и чѣмъ онъ движимъ быть можетъ. О правители, коликократно вы его не исполняли»!

Глава «Завидово» начиналась первоначально такъ: «Лошади мои почти уже были впряжены, и, за сто верстъ хотя отъ Москвы, я помышлялъ, гдѣ мнѣ, пріѣхавъ, пристать можно будетъ; разсматривая, что полезнѣе и почтительнѣе для меня быть можетъ—взъѣхать на почтовый дворъ, въ ямской или во французскій трактиръ; съ котораго конца начать въ Москвѣ мое пребываніе: начать ли скакать по улицамъ, сломя голову, и заѣзжая на каждый знакомый дворъ, оставлять изображенное на картѣ знаменіе моего имени, или объѣздить всѣ соборы, церкви, часовни, гдѣ есть мощи и чудотворные образа, поставить по свѣчкѣ и отпѣть по молебну, или явиться прежде всего въ Управу Благочинія, дабы поскорѣе узнали въ городѣ черезъ газеты, что я прибылъ въ столичный городъ; въ семъ послѣднемъ я ошибался, ибо по имени означену быть въ газетахъ надлежитъ принадлежать къ первымъ пяти классамъ, а я, будучи не пятиклассный, былъ бы означенъ просто цыфирью, а какъ изображеніе ихъ есть арабское, то арабскій языкъ, будучи мало въ Москвѣ извѣстенъ, никто бы подъ цыфирью не узналъ, что газетчикъ арабскою іероглифою меня разумѣетъ. Но изъ размышленій моихъ»....

Въ главѣ «Пѣшки» вмѣсто: «съ одной стороны... въ ярмѣ» первоначально было: «врачъ его—его господинъ, не лѣкарство болѣзни предписующій, но умѣренность въ пищѣ, оставляя ему на прокормленіе столько, чтобы онъ не въ одинъ день умеръ».

Въ концѣ этой же главы послѣ «стали» было: «на земли гибели и опустошенія, коихъ причины сокрываются въ нощи невѣдѣнія».

Главою «Черная грязь» первоначально рукопись заканчивалась. Вмѣсто словъ: «я тебѣ... для беззонницы» было: «погруженный въ сихъ мысляхъ, я, выѣхавъ съ почтоваго стана, приближался уже къ Москвѣ. Проѣхалъ уже Всесвятское и сравнялся съ краемъ прекрасной рощи, по конецъ его стоящей. Вдругъ услышалъ выстрѣлъ, и послѣ того стенанія болящаго человѣка. На мысль пришло мнѣ, что, нѣкто, можетъ быть, неосторожностію какого-нибудь стрѣлка раненъ. Трепещущъ отъ сія мысли, я выскочилъ изъ кибитки и поспѣшалъ на помощь страждущаго. Не совсѣмъ я ошибся въ моемъ заключеніи. При входѣ въ рощу я обрѣлъ человѣка, изрядно одѣтаго, сидящаго на землѣ; подлѣ него къ соснѣ привязана была осѣдланная лошадь. Въ правой рукѣ держалъ онъ пистолетъ, коимъ произведенъ былъ выстрѣлъ, и сквозь его кафтанъ на разорванномъ рукавѣ видны были капли крови.—«Какой несчастный случай допустилъ тебя уязвить самого себя»? говорилъ я сидящему въ задумчивости: «Конечно, неосторожно пущенный курокъ былъ тому причиною. Позволь, я скину съ тебя кафтанъ, я потщусь, если могу, подать тебѣ облегченіе».—«Благодарю тебя за предлагаемую услугу, но пользоваться ею не желаю. Правда твоя, что несчастный случай причиною, что рука моя уязвлена, но зарядъ не ей былъ опредѣленъ, а сюда (указывая лобъ). Признаюсь, робость и недовольное, можетъ, размышленіе о мужественности виною, что выстрѣлъ былъ неудаченъ. Въ пользу мнѣ онъ послужилъ, ибо я не робѣю».— Я хотѣлъ было воспользоваться болѣзнію его и спасти его отъ отчаянія, выхватилъ у него изъ руки пистолетъ.—«Сей отдамъ тебѣ непрекословно. Но не трудись тщетно о мнѣ. Вотъ другой, да и самъ отойди подалѣе, (устремляя на меня), если желаешь мѣшать... На что жизнь тому, кому она стала въ тягость? На что она, коли нѣтъ въ ней болѣе пріятностей? Я родился въ изобиліи, возрощенъ въ нѣгѣ, не вѣдалъ нужды николи, былъ почитаемъ, отличенъ и въ уваженіи; касался, казалося, воскраія сосуда сладостей, любилъ и былъ любимъ. Но все сіе исчезло, яко прахъ и сонъ. Нищъ, презрѣнъ въ горячности моей, уготованъ на поруганіе, что остается дѣлать тому, кто лишенъ и надежды? Не повелишь», потрясъ онъ съ угрозою своимъ смертоноснымъ оруліемъ: «Ежели не хочешь быть моимъ предтечею къ смерти». От-

чаянному сему движеніе мое при послѣднемъ его изреченіи казалося, что я хочу его лишить послѣдняго его убѣжища.—«Конечно, злой духъ тебя напра... (пропускъ въ рукописи)... и отъ того, что сердце его терзается мздою, а не добрымъ именемъ. Къ нареканію общему ухо его привыкло; къ общему къ нему мерзенію присовокупится только мерзеніе судіи его. Но похититель казны нерѣдко бываетъ любимъ въ обществѣ всѣми, имѣя самъ къ себѣ нелестное почтеніе, казнится единою мыслію потерять общее уваженіе. Для сохраненія сего ты меня здѣсь вилишь. Вѣдаю, что Кесарь, похитивъ казну общественную, преступникомъ не почитается ни отъ кого; вѣдаю, что Филиппъ Орлеанскій, вводя бумагу на пособіе деньгамъ, ограбилъ Францію, но не былъ наказанъ; вѣдаю, что султанъ турецкій удавлялъ богачей, когда имѣлъ нужду въ деньгахъ, и преступникомъ не почитается. Но что мнѣ въ примѣрахъ? Добро на семъ свѣтѣ не есть добро само по себѣ, но добро въ отношеніи. Мое блаженство теперь еще въ моихъ рукахъ и, дабы и ты не былъ жестокъ, сохраняя мнѣ жизнь»... Съ проворствомъ несказаннымъ, вложивъ пистолетъ въ ротъ, спустилъ взведенный курокъ и приникъ къ землѣ, не произнося ни малѣйшаго стона. Я съ поспѣшностью удалился отъ сего полоумнаго, и въѣздъ мой въ Москву былъ скорбенъ. Москва! Москва»!...

Въ «Похвальномъ словѣ Ломоносову» послѣ слова «погребаются» было: «безчеловѣчно заставлять людей работать на рудокопныхъ заводахъ добровольно, но нѣтъ варварства, подобнаго тому, чтобъ заставлять ихъ работать поневолѣ». Передъ словами: «сила воображенія» было: «родныхъ, хитростію и лукавствомъ исполненныхъ. Оставивъ чиновника, воззримъ на обновителя россійскаго стихотворства и краснорѣчія». Послѣ словъ «тебѣ славу» было: «не чтутъ тебя они, яко нахмурившагося учителя, преподающаго сухія и тощія правила своей рѣчи, издряхлѣвшаго надъ безплоднымъ разысканіемъ различія падежей». Вмѣсто словъ: «недостойны развѣ... изъ оковъ и плѣненія» было: «забудемъ ли Декарта за то, что могъ токмо усомниться? Онъ усомнился, и се рушился оплотъ предрасужденій схоластики, и разумъ устремился по истинѣ быстротечно».

[illegible] и «Эпитафія» взяты изъ оставшихся сочиненій. «Экспромтъ» привед въ его статьѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 18 «Отвѣтъ» найденъ г. Ефремовымъ въ старин никѣ 1792 г. (см. «Живописецъ Н. И. Но стр. 347). Онъ относится, повидимому, къ 1797 г., когда Радищевъ получилъ разрѣшені Такъ какъ жена Радищева умерла въ 1783 го году и нужно отнести «Эпитафію». Хронолог ній пока не можетъ быть болѣе или менѣе то и многихъ сочиненій прозаическихъ. Показані гутъ заслуживать полнаго довѣрія, потому чт безусловныя ошибки. Имъ приходилось писать раго они помнить не могли, и руководствовать бытыми семейными традиціями. Н. А. Радище 1872 г., т. VI, стр. 580—581) пріурочиваетъ к «Равсужденіе о безсмертіи», «Письмо о китайс покоренія Сибири» и «Ермака». «Бова», «О Тр гія произведенія, вошедшія въ шесть томиковъ ній», будто бы всѣ были написаны «во время п и въ деревнѣ». Между тѣмъ «Житіе Ушакова» къ 1789 году, «Дневникъ одной недѣли», судя сомнѣнно написанъ до ссылки, какъ и «Эпитафі

П. А. Радищевъ (см. выше) пріурочиваетъ трактатъ о безсмертіи души и «Письмо о 1792 г., «Сокращенное повѣствованіе о пріоб жизни въ Илимскѣ.

Ода «Вольность» приписывалась Н. П. Н она очень похо[illegible]

шевъ признавалъ её своею, но это могло вызываться и стремленіемъ не замѣшивать въ дѣло пріятеля. Вслѣдствіе пропуска цѣлаго ряда строфъ смыслъ этой оды до сихъ поръ еще очень темнъ. Прекрасный разборъ ея дастъ В. И. Семевскій въ «Быломъ» (I, стр. 23—26).

VII.

Ангелъ тьмы.

См. предыдущее примѣчаніе. Н. А. Радищевъ пріурочиваетъ повѣсть «Ермакъ» къ жизни отца въ Сибири. Текстъ взятъ изъ IV части «Собранія оставшихся сочиненій».

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:		Слѣдуетъ:
Стр.	5	стр.	14	св. Путешествіи	—	Путешествіи
„	37	„	8	св. во	—	со
„	51	„	11	св. срамъ отца	—	срамоту
„	200	„	1	св. палежъ	—	палежъ.

Книгоиздательство В. М. Саблина.

Москва, Петровка, домъ Обидиной (съ Крапивенскаго переулка).
Телефонъ № 131—34.

Политическая библіотека.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій. М. 1905 г. Ц. 3 р. 75 к.

Ольстонъ. Краткій очеркъ современ. конституцій съ прил. очерка конституціи Англіи. М. 1905 г. Ц. 15 к.

Георгъ Мейеръ. Избирательное право. Въ 2-хъ част. Съ пред. Іеллинека. М. 1905 г. Ц. 3 р.

Собраніе конституцій. 19 конституціонныхъ актовъ. М. 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.

Собраніе конституцій. Вып. I. Франція, Германія, Пруссія, Швейцарія. Декларація правъ. М. 1905 г. Ц. 30 к.

Собраніе конституцій. Вып. II. Австро-Венгерская имперія, Австрія, Венгрія и Соединенные Штаты. М. 1905 г. Ц. 30 к.

Собраніе конституцій. Вып. III. Швеція, Норвегія. Актъ Уніи. М. 1905 г. Ц. 30 к.

Собраніе конституцій. Вып. IV. Болгарія, Греція, Румынія и Сербія. М. 1905 г. Ц. 30 к.

Собраніе конституцій. Вып. V. Австралія, Японія и Бельгія. М. 1906 г. Ц. 30 к.

Г. Брандесъ. Великій человѣкъ. (Начало и цѣль цивилизаціи). М. 1905 г. Ц. 40 к.

Тардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго. Пер. Н. Н Полянскаго. М. 1906 г. Ц. 40 к. Распродано.

Г. Іеллинекъ. Право меньшинства. М. 1906 г. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

Декабристы и тайныя общества въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. М. 1906 г. Ц. 1 р.

М. Ковалевскій. Ученіе о личныхъ правахъ. М. 1906 г. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Н. Полянскій. Свобода стачекъ. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Бебель. Женщина и соціализмъ. Пер. съ полн. нѣм. изданія. М. 1906 г. Ц. 1 р.

Ольшевскій. Бюрократія. М. 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣчь Робеспьера о свободѣ печати. Ц. 10 к.

Процессъ 193-хъ. М. 1906 г. Ц. 1 р. Распродано.

Процессъ 50-ти. М. 1906 г. Ц. 1 р.

Симагинъ. Отвѣтственность министровъ. М. 1906 г. Ц. 10 к.

Хроника соціалистическаго движенія. М. 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. М. 1906 г. Ц. 35 к.

Диль. Соціализмъ, анархизмъ и коммунизмъ. Ц. 75 к.

Дамашке. Земельная реформа. Ц. 75 к.

Рѣчи и біографіи Алексѣева, Бардиной, Здановича, Агапова и Мышкина. Ц. 1 р.

Науманъ. Демократія и императорская власть. Ц. 1 р. 50 к.

Поль Луи. Рабочій и Государство. М. 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

А. И. Герценъ. Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. М. 1906 г. Ц. 50 к.

И. Титовъ. Изъ воспоминаній о студенческ. движеніи М. 1901 г. Ц. 30 к.

Кильо. Тактика соціализма. М. 1906 г. Ц. 75 к.

ANFORD LIBRARIES
ne, this book should be returned on
re the date last stamped below

10M-8-48

65

PG 3317
R3A1
V. 1

7 303